ВКП ЦК
истпарт
ПАМЯТНИК
БОРЦАМ
ПРОЛЕТАРСК
РЕВОЛЮЦИИ
2
К-Р

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН10
П185

ЕН 10
П 185

★ С С С Р ★

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И Р.К.П. БОЛЬШЕВИКОВ

ПАМЯТНИК БОРЦАМ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОГИБШИМ В 1917-1921 Г.Г.

ИЗДАНИЕ 2-ое

Том II
(К—Р)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1924

ИСТПАРТ

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

и Р. К. П. (большевиков)

Наименование изданий.	ЦЕНЫ в зол руб. Р.	К.
Хроника революции.		
Авдеев, Н. Революция 1917 года, т. I. (янв.—апр.)	—	60
Владимирова, В. Революция 1917 года, т. IV (печ.)	—	—
Рябинский, К. Революция 1917 года, т. V (печ.)	—	—
„ Революция 1917 года, т. VI (печ.)	—	—
Максаков, В. и Нелидов, М. Хроника революции. Вып I	—	70
Революция и Р. К. П. в материалах и документах.		
Революция и Р. К. П. в материал. и документ., т. III (печ.)	—	—
То же. Т. V	—	—
„ Т. VI	—	—
Сборники, статьи и исторические исследования.		
Аркомед, С. Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе	—	40
Большевистские тайные типографии	—	50
Из эпохи „Звезды" и „Правды" (1911—1914 г.г.). Сб. I	—	30
„ „ „ „ „ „ „ Сб. II	—	40
„ „ „ „ „ „ „ Сб. III (печ.)	—	—
Невский, В. Николаевский Южно-Русский Рабочий Союз	—	13
Ольминский М. Из прошлого. Сборник статей,	—	25
Шляпников, А. Канун 17 года. Ч. I. (2 изд.)	1.	20
„ Канун 17 года. Ч. II. (3 изд.)	—	85
„ Семнадцатый год. Кн. I. (1 изд.)	1.	—
Лелевич, Л. В дни Самарской Учредилки.	—	6
Павлович, М. (Вельтман). Россия и капиталистическая Англия	—	12
„ „ Россия и капиталистическая Франция	—	12
Бубнов, А. Основные моменты в развитии коммунистической партии в России	—	6
К 25-летию I Съезда партии (сб.)	1.	10
25 лет Р. К. П. Иллюстрированный юбилейный сборник	4.	—
Периодические издания.		
Пролетарская Революция. Журнал №№ 1—21, 22, 23, 24, 25 и 26 (печ.).		
Биографии, автобиографии и мемуары.		
Сборник воспоминаний о Федосеева	—	70
Старый товарищ А. П. Скляренко. 1870—1916 г.г.	—	30
Революционная деятельность Конкордии Николаевны Самойловой. Сборник воспоминаний	—	20
Рябинин, А. Семенчиков, Р. М. (из истории рабочего движения в Иваново-Вознесенске).	—	20
Александрова. Артем	—	50
Фурманов, Д. Чапаев	1.	—
„ Чапаев (2 изд.) (Печ.)		
От группы Благоева к Союзу Борьбы (1885—1894 г.г.). Сборник. Ч. I	—	13
Шаповалов, А. И. По дороге к марксизму. (Воспоминания рабочего-революционера. Ч. I, до лета 1896 года.)	—	30
Фишер. В Англии и России. (Воспоминания.)	(Распр.)	
Лепешинский, П. Н. На повороте. Воспоминания (1890—1905 г.г.)	—	45

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и Р. К. П. (б-ов)

ПАМЯТНИК БОРЦАМ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Е110
П185

погибшим в 1917 — 1921 г.г.

составители: Л. Лежава и Г. Русаков

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Том второй

К — Р

Библиотека Института В. И. Ленина

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1-й экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

К. П.

ЕН10
П185
2.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
9219
27 242041
242041

Гиз. № 5758. Главлит. № 18558. Москва. Напеч. 2.500 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая тип., Москва, Пятницкая, 71.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К I ТОМУ 2-го ИЗДАНИЯ

„ПАМЯТНИКА БОРЦАМ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ“.

...Для более наглядного указания внесенных дополнений и изменений во втором издании сделаны следующие условные обозначения: имена погибших товарищей, не вошедшие в первое издание, отмечены двумя звездочками. Если внесены только изменения или дополнения, тогда после фамилии поставлена одна звездочка. Если же после фамилии не стоит совсем звездочки, то это означает, что биографический материал перепечатан из первого издания без всяких изменений...

К.

КАБАКОВ Иван — См. **Подтелков.**

КАБАНОВ Петр — См. **Подтелков.**

КАБАНОВ Сергей Александрович—врач, 23 января 1920 г. скончался от сыпного тифа на 50 году. Всю жизнь он работал с неослабевающей энергией, главным образом, среди рабочих. Большую часть своей деятельности провел на заводах Сумского уезда. Затем участвовал в японской кампании в Манчжурии и в последней мировой войне состоял главным врачом 87 госпиталя в Харькове. С основания рабкассы он посвятил всю свою деятельность, главным образом, рабочей бедноте. Окраины города, Москалевка и Занковка, долго будут помнить всегда ласкового и бодрого, бегущего по первому зову, врача-друга («Изв. Укр. Ревкома и Харьк. Рев. Сов.» № 32 от 27 января 1920 г.).

КАГАН * **Евгения Соломоновна** — учительница, славный товарищ и преданная деятельница еврейского рабочего движения. Все время, все силы она отдала еврейскому рабочему и связала свою судьбу с еврейскими рабочим клубом имени Бронислава Гроссера, которому отдала всю свою энергию и свои молодые годы. Являясь незаменимым членом правления и членом всех комиссий, существующих при клубе, она не пропускала ни одного дня, за исключением того дня, когда ночная работа на фабрике отрывала ее от клуба. Умерла она на славном посту, исполняя тяжелый долг. Ухаживая в казармах за пленными сыпно-тифозными красноармейцами, она заразилась и слегла в больницу.

Это была честная и правдивая натура, не знавшая личной жизни, жившая только интересами рабочего движения.

Правление еврейского рабочего клуба имени Бронислава Гроссера.

(«Изв. Укр. Рев. Ком. и Харьк. Рев. Сов.» № 18 от 6 января 1920 г.).

КАГАН Меер — коммунист Мстиславской организации, взят в плен на Лужском участке под Петроградом в 1919 г. и расстрелян белогвардейцами. («Боевая Правда» № 14 от 23 сентября 1919 г.).

КАГАНСКАЯ ** **П.** — См. **Билецкий.**

КАЗАНДЖАН ** **Герасим** — происходил из бедной трудовой семьи (отец его был кузнецом-ремесленником), образование получил в Артвинском городском 4-классном училище, служил сельским письмоводителем. В 1917 году вступил в члены Р. К. П. и был первым организатором в том же году Артвинской организации Р. К. П. (г. Артвин—в Батумской области). Это был энергичный ревностный борец пролетарской революции и погиб от рук грузинских меньшевиков: в июле 1920 года он был арестован в гор. Артвине и по дороге в Тифлис, между местечками Арданучи и Ардаган, убит якобы за попытку к бегству. Опасаясь волнения среди батумского пролетариата, его повезли не по железной дороге через Батум, а повели окружным путем по шоссе через горные перевалы и там расправились с ним.

П. Читинаховян.

КАЗАЧКОВ ** — член Революционного Комитета, основанного в октябрьские дни при Серпуховском Совете; после захвата власти—комиссар казначейства в г. Серпухове. Погиб в январе 1920 г. от тифа во время командировки в г. Ярославль. (Из воспоминаний Кокушкина.)

КАЗБЕРЮК ** — приехал в Ростов незадолго до ноябрьских событий. Поступил в ортопедическую мастерскую (5-й патронат В. З. С.), где работал по слесарной части. Как хороший товарищ, оратор и организатор, пользовался уважением товарищей. В организации красной гвардии он принял деятельное участие, работал в штабе красной гвардии, как член его. Ночью 25 ноября 1917 г. после торжественного заседания Совета, на котором встречали черноморских моряков, Казберюк остался в штабе. Когда в совет ворвалась банда Потоцкого, Казберюк, спасаясь, бежал во двор «Марса». Здесь он был ранен и упал в канавку. Истекая кровью, он стонал и пытался на четвереньках поползти. Его стоны услыхали белые, разыскали его в темноте и штыками закололи, распоров ему внутренности.

Алексей Мошкин.

(«Пролетар. револ. на Дону», сборник второй). См. **Кунда Лев.**

КАЗИ Михаил — красноармеец 2-го Коммунистического Интернациональн. пехотн. полка, убит в бою в 1919 г.

КАКУРИН Абрам.—См. **Подтелков.**

КАЛИНИН—1 апреля 1919 г. зверски убит левыми эс-эрами, коммунист, рабочий фабрики «Скороход» в Петрограде. Возвращаясь с работы, по Заставской улице, тов. Калинин встретился с толпой левой эс-эровской банды, которая разбрасывала свои черносотенные листки. Тов. Калинин, как активный коммунист, врезался в эту банду, выхватил пачку прокламаций у одного из них и хотел его арестовать; в ответ на это эс-эр из револьвера в упор выстрелил в грудь нашему товарищу и скрылся в толпе. Тов. Калинин пал мертвым на месте. Он пал на своем посту, защищая интересы того класса, за который он боролся всю свою жизнь. Крестьянин Тверской губернии, Новоторжского уезда, села Медное, он рано начал свою тяжелую трудовую пролетарскую жизнь. В детстве работал в качестве мальчика в одной из лавочек на Петербургской Стороне. Последние 10 лет работал на фабрике «Скороход», принимая активное участие в борьбе за страхование рабочих, был членом правления больничной кассы при фабрике «Скороход». В 1915 г. он принимал участие в стачке скороходцев, активно поддерживая интересы, выставленные рабочими требованиями. В февральскую революцию он принимал участие в организации комитета большевиков Московского района и все революционное время занимал ответственные посты. Он был членом заводского комитета, ответственным организатором заводского коллектива. Во время набега Керенского и Корнилова на Красный Питер тов. Калинин занимал ответственный пост в Военно-Революционном Комитете Московского района («Красная Газета» № 77 от 6 апреля 1919 г.).

КАЛИНИН.—См. **Подтелков.**

КАЛИНИН—член партии 2 городск. района г. Петрограда. До отправки на фронт работал в адресном столе, где состоял организатором коллектива. Погиб на Гатчинск. фронте в д. Выре 29 мая 1919 г. во время предательства командного состава бывш. Семеновского полка.—См. **Раков.**

КАЛИНИН * Василий — родился в 1899 г., сын малоземельного крестьянина Ярославской губернии. Одиннадцати лет отправился в Питер, где поступил в качестве трактирного служащего, начиная с «судомойства» и затем официанта. Продавать «за пятак на чай» любезные услуги охотно он не мог, бросая одну за другой корчмы. В январе 1915 г. он едет в провинцию, но суровая необходимость заработка куска хлеба заставляет вернуться снова. По прибытии весной 1915 г. в Петроград, по его выражению, он «два месяца ходил без дела, обивая пороги чайных на выбор хозяев». Несколько дней снова служит в одном из трактиров, но потом бросает так торопливо, что, несмотря на острый недостаток средств к существованию, оставляет у хозяина свой месячный оклад и уходит из этой зараженной гнетом атмосферы; поступает на трубопрокатный завод за Невской заставой. Потом на ту же должность (чернорабочего) переходит в заводское отделение кооператива Николаевской жел. дор. Несмотря на сильное мускульное напряжение (в беседах он рассказывал, что приходилось носить 8—10-пудовые кули и др. тяжести), он старается развить себя умственно. С этой

целью посещает вечерние курсы—технический класс. После февральской революции, несмотря на его юный возраст (17 лет), рабочие и служащие кооператива выбирают его председателем своего комитета. В ходе работы примыкает к Р. С.-Д. Р. П. (б-ков). Партия его выдвигает членом районной думы и совета. Одновременно рабочие—в правление союза торгово-промышленных служащих. В начале 1919 г., во время наступления белых на Ямбург, т. Калинин направляется на фронт и по ликвидации наступления отзывается снова в Питер. Работает ответственным организатором Смольнинского района, а в январе 1920 г. направляется снова на фронт. Здесь вливается во 2-ю дивизию в качестве политрука 16-го стр. полка. Позднее переводится иноргом, а потом назначается начальником подива. Всегда чуткий и отзывчивый к работникам на местах, он создал прочную и постоянную связь и спайку как с политработниками, так и кр-цами. 4 марта 1921 г. Калинин, будучи избран на X съезд Р. К. П., направляется в Москву. Утром 11 марта делегаты съезда направлялись из третьего дома советов (Каретно-Садовая ул.) в Кремль для продолжения начатых работ съезда и скромными прощальными кивками голов провожали переполненный грузовик с уезжавшими на Кронштадт товарищами. В числе последних был т. Калинин. 16 апреля 1921 г. в дивизию от Ц. К. Р. К. П. (б.) поступила телеграмма за № 161529: «По сведениям Ц. К., начподив т. Василий Калинин убит в бою под Кронштадтом».

При чтении дневника В. Калинина невольно останавливаешь внимание на следующих словах, занесенных им 30 июня 1920 г.: «Хочется окунуться в живую красноармейскую массу и жить с ней, помогая, чем можно; хочется не только кричать об опасности Советской Республики, находясь за 30 верст от фронта, но хочется броситься и самому испытать эту опасность борьбы». *С. Пономарев.*

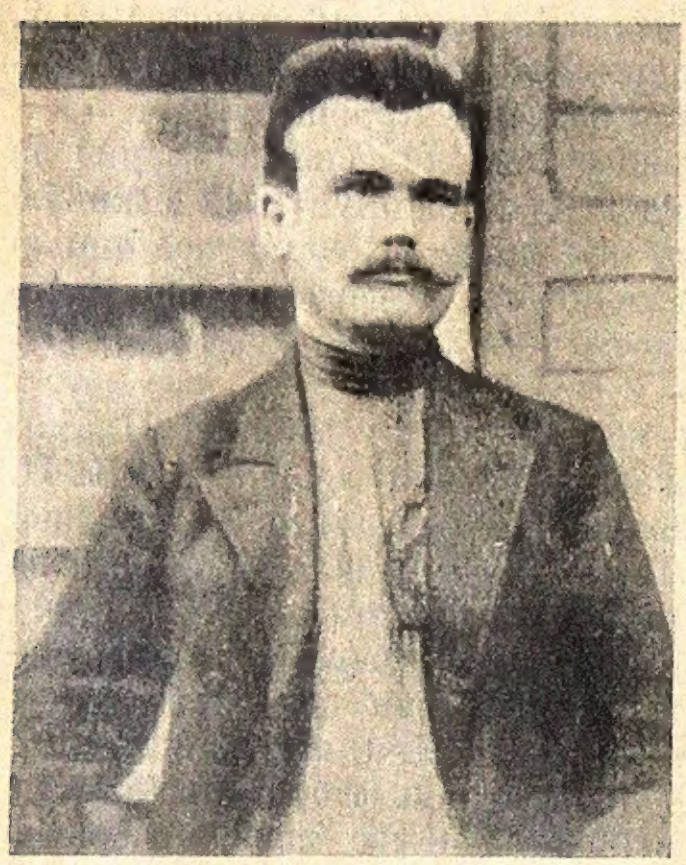
КАЛИНИН ** **Василий Павлович** — с юных лет работал на фабрике «Пламя» в Тюмени. В 1917 г. после свержения самодержавия вступил в члены Р. К. П. и служил в Красной Гвардии, где занимал должности заведующего оружием и оружейным складом, вместе с тем на фабрике «Пламя» был начальником резерва Красной Гвардии. Когда в 1918 году чехо-словаки заняли Тюмень, т. Калинин каким-то судьбами остался в городе. Месяца полтора он скрывался в окрестностях на озерах и полях, а затем пришел домой, был арестован чехо-словаками и заключен в тюрьму. При отступлении колчаковцев от Тюмени, т. Калинин был ими расстрелян 18 апреля 1919 года. (Сообщено ком'ячейкой фабрики «Пламя».)

КАЛИНИН Федор Иванович— родился в рабочей семье ткача в деревне Шилкове, Махринской волости, Александровского у., Владимирской губ. 2 февраля 1882 года. Отец его был мечтателем, любил природу, увлекался рыболовством и случайно утонул во время рыбной ловли. Мать была женщина сильная духом и телом, скромная и умная. Ф. И. часто вспоминал ее. Глубокую вдумчивость, ясность ума, скромность, а также любовь к природе покойный, несомненно, унаследовал от своих родителей. Свои детские годы Ф. И. провел в фабричных казармах, в которых каждой рабочей семье отводилась комната. Это была ужасная жизнь. До самых последних дней своей жизни покойный с горечью и скорбью вспоминал пьяные скандалы, ничем не прикрытый разврат, семейные драки, ругань и воровство, царившие в рабочей казарме. Светлым пятном детских лет осталась природа. Как и отец, Ф. И. восторженно любил ее. Много времени он проводил в лесу и на реке; воспоминания о сборе грибов, ягод, о ловле рыбы всегда вызывали приятные переживания прошлого.

В начальной фабричной школе Калинин выдающихся способностей не обнаружил; упорно ленился, грубил, отказывался молиться, заявляя: «хочу молюсь, хочу нет». Больше всего любил арифметику, так как она требовала соображения, а не учебы. 15-ти лет он кончил школу, пробыв в последнем классе два года. К тому времени он начинает задумываться над окружающим ужасом, меньше участвует в безобразиях учеников, а больше держится в стороне, сосредоточенно думая и увлекаясь чтением лубочных книг. Он сам покупает «Как львица воспитывала царского сына», «Черный монах», «Битва русских с кабардинцами» и т. п. Осенью 1897 года он поступает в качестве ученика в столярную мастерскую при

станции Карабаново, Александровского уезда; вскоре переезжает в Москву, где около полугода работает в типографии наборщиком; затем попадает в город Киржач в качестве ткача на одну из тамошних фабрик. Здесь он знакомится с лучшими воспитанниками учительской семинарии. Они и направляют его мысль, знакомя с русской художественной литературой и передовой критикой. Через год он возвращается в родные места и опять в качестве ткача работает на фабрике Струнина близ города Александрова. В 1900 году фабричная администрация увольняет его как вредный элемент, и Ф. И. уезжает в Ярославль, где поступает на ткацкую фабрику Корзинкина.

В Ярославле он сближается со студентом бывшего Демидовского лицея и с передовыми культурными рабочими и становится членом их кружка. Политических целей кружок не преследовал: это был один из распространенных в те годы кружков самообразования. Ф. И. увлекается Белинским и Писаревым. Скопленные матерью 200 рублей и деньги, вырученные от продажи доставшегося дома, Ф. И. тратит на покупку изданий Павленкова.



Ф. Калинин.

Под влиянием этого кружка Ф. И. уясняет себе значение и роль образования, а затем и роль культуры вообще. Все свободное время он отдает самообразованию, создавая себе библиотеку. В это время он сближается с социал-демократами. Но это увлечение прерывается новыми событиями. Он знакомится с группой лиц, студентов и рабочих, которые организуют покушение на ярославского губернатора. Ф. И. примыкает к этой группе, но заговор быстро раскрывают, и его вместе с другими членами кружка, около 35 человек, арестовывают и препровождают в губернскую тюрьму. В 1902 году, за недостатком улик, после 15-месячного одиночного заключения его освобождают и отсылают в административном порядке этапом в Архангельскую губернию в Сумской посад. В Архангельской ссылке Калинин стал твердым и убежденным социал-демократом с большевистским пониманием революционной борьбы. Там же он вел многочисленные беседы на партийные и общекультурные темы с покойным тов. Шулятниковым. В 1904 году, вследствие амнистии, он возвращается на родину под надзор полиции. В конце года надзор был снят. Получив свободу передвижения, Ф. И. переезжает в г. Александров и в качестве сновальщика поступает на ткацкую фабрику Баранова. Полный энергии, энтузиазма и инициативы, а также под влиянием нарастающей революционной бури, Ф. И. принимается за социал-демократическую пропаганду среди рабочих. В своей пропаганде он сталкивается с революционно настроенным сыном фабриканта Баранова, который оказывает ему материальную поддержку.

Пропаганда не только захватывает рабочие массы, но и большинство солдат, которые стояли в г. Александрове. Результатами было «Александровское восстание». В 1905 году, в так называемой «Александровской республике», Ф. И. сыграл громадную роль, выявив свой организаторский талант и уменье подчинять своему влиянию не только массы, но даже и противников. 6 октября он был арестован и препровожден сначала в Александровскую тюрьму, а потом в Москву в Бутырки. Ф. И. получил 3 года арестантских рот, которые и отбыл в г. Владимире. Как и везде, в тюрьме он пользовался уважением и со стороны тюремного начальства, и со стороны заключенных политических и уголовных. Первым его стремлением было организовать тюремную библиотеку, и много ему удалось сделать. Сам же он усиленно занимался философией. По отбытии арестантских

рот, в 1908 году, Калинина административным порядком отправляют в г. Муром, откуда он с нелегальным паспортом перебирается в Москву и принимает деятельное участие в работах Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (большевиков).

В 1909 году за границей группа товарищей во главе с М. Горьким, А. Богдановым, А. Луначарским и другими организует в Италии, на острове Капри, партийную школу. В эту школу по приглашению тов. Вилонова поступает Ф. И.

После Болонской школы тов. Аркадий (так звали Ф. И.) возвращается в Россию спасать остатки конспиративной организации большевиков. Но это было ужасное время разгара реакции и столыпинщины. Преследования были так сильны, что покойный, скрываясь от преследователей, нередко спасался за городом, отъезжая одну-две станции, а иногда уезжал к себе в деревню, скрываясь у своей тетки Анны, которая сильно любила его и за эту любовь много перетерпела от жандармов; с 1912 года он был уже за границей, в Париже.

Ведя за границей трудовую пролетарскую жизнь, зарабатывая физическим трудом свой кусок хлеба на столярных и аэропланных фабриках, он много работает над своим развитием, много читает, много пишет, находя серьезную поддержку в тов. А. Луначарском. В Париже, собственно, тов. Аркадий и оформился как один из серьезных работников в области пролетарской культуры; по вопросу о пролетарских писателях он помещает статью в «Журнале для всех». Общие вопросы пролетарской культуры он отчасти затрагивает в журнале «Борьба», издававшемся перед империалистической войной в Петрограде. Главным же образом он сотрудничает в заграничном журнале «Вперед», подписываясь «Столяр». В это же время он проявляет интерес и к педагогике, следя за русскими педагогическими журналами. Во время войны он переезжает в Марсель, потом устраивается на траншейный работах под Парижем.

После февральской революции, в середине мая 1917 года, через Англию покойный приезжает в Петроград и работает в профессиональном союзе металлистов. Затем принимает участие в Первой Петроградской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций, и его выбирают в члены центрального комитета, а после октябрьского переворота он становится во главе Отдела Пролеткульта при Народном Комиссариате Просвещения, каковой пост занимает почти до самой смерти.

Ф. И. принимает горячее участие во всех делах Ц. К. Всероссийского Пролеткульта и в журнале «Пролетарская культура»: в первом—как член Цека Пролеткульта, во втором—как один из редакторов. И когда жизнь ставила препятствия в работе, он глубоко скорбел и волновался. Особенно мучился он, когда ему пришлось занять место заведующего организационным сектором в Н. К. Просвещения, что, естественно, мешало его непосредственной и близкой ему работе в Пролеткульте.

На вид тов. Ф. И. был довольно крепкий, но суровая, тяжелая жизнь надломила его организм. Он легко заболевал и всегда переносил болезнь тяжело. В начале февраля 1920 года он заболел сыпным тифом, который осложнился воспалением легких, 5 февраля его не стало. Похоронен Ф. И. в. Новодевичьем монастыре, в Москве. (Из статьи Валерьяна Полянского, напечатанн. в сборн. «Памяти Ф. И. Калинина», изд. Пролеткульта.)

КАЛИНИН Харлампий—пал в боях с белыми в конце сентября 1919 г. («Б. Правда» № 35 от 17 октября 1919 г.)

КАЛИНОВЦЕВ Мирон.—См. **Подтелков.**

КАЛМЫКОВ**—начальник Ростовской н/Д. милиции, убит бандитами в феврале 1918 г. в день вступления в Ростов советских войск («Октябрь 1917» изд. Донкома).

КАЛМЫКОВ Илья.—См. **Подтелков.**

КАЛНИН * Оскар Юрьевич (Угис)—старый партийный работник, коммунист с 1905 г. Он был слушателем московской академии генерального штаба, откуда был командирован сначала на должность комиссара армии, а затем комбригом. Тов. Калнин проявил колоссальную энергию в деле формирования регу-

лярной Красной армии. Убит в бою с балаховцами в ночь на 22 ноября 1920 г. в деревне Малые Автюцевичи, близ Мозыря. («Комм. Труд» 1920 г. № 206.)

Тов. Угис родился в Огере в семье изготовителя фруктовых вод. В 1911 году, 16 лет, он вступил в партию социал-демократов Латвии. Занятия у отца, где он работает по изготовлению фруктовых вод, и жизнь в Огере его не удовлетворяют. В 1912 году он уезжает в Ригу, где поступает на фабрику, чтобы сделаться электромонтером. Недолго спустя уезжает в Двинск и там работает в Латышском комитете социал-демократической организации «Gaisma». С 1914 года по 1915 его мобилизуют. Несмотря на это, он скоро уезжает в Баку, где состоит в комитете Бакинской организации соц.-дем. (большевиков) с ноября 1916 года по июль 1917 г. В августе 1917 года он уже член бюро Рогожского райкома Московской организации; в октябре—член ревкома того же района; в январе 1918 года—председатель Московского Трибунала и член Рогожского районного Совета Р., К. и К. Д.; в марте—член президиума Рогожского Совдепа и член коллегии Административного Отдела; в апреле—военный комиссар района. Во время наступления чешских банд и Дутова, в июне 1918 года, как член Р. В. С. 1-й армии, принимал участие во всех серьезных боях, увлекая красноармейцев своим мужеством, смелостью, хладнокровием, победами. Принимая близкое участие в ликвидации банд Дутова, в конце концов, он лично берет Дутова в плен и разоружает его.—В мае 1919 года уже переводится в Р. В. С. армии Латвии. После падения Советской Латвии он работает в качестве инструктора Р. В. С. 15-й армии. Но работа инструктора ему не по душе. Он мечтает быть командиром дивизии или, по крайней мере, бригады. Отсутствие военного образования не дает возможности осуществить мечту, и он переходит в 11-ю дивизию в качестве комиссара дивизии. Как раз в это время начинается наступление Красной армии на Псков и здесь он уже находит удовлетворение в работе; он принимает горячее участие в битвах, всегда воодушевляя, увлекая красноармейцев, употребляя самые строгие меры против трусов и противников Советской власти. С успокоением горячки на фронте Угис переходит в Академию Генерального Штаба, остается там недолго, уезжает в Белую Латвию, где ведет деятельную партийную работу. Вскоре его арестовывают и предают полевому суду. И здесь, в тюрьме, под особенно строгим наблюдением, зная, что смертная казнь неизбежна, он все еще весел, все еще мечтает об осуществлении своих планов. Впоследствии его высылают в Россию в обмен на заложника; в первое время он работает в качестве зав. Латотделом Наркоминдела. Недолго спустя уже отправляется на польский фронт и работает в качестве командира 143-й бригады, отдаваясь всей душей долго лелеянной работе. Будучи в 25-летнем возрасте простым рабочим, он с успехом выполняет должность красного генерала.

После отступления от Варшавы его повышают и переводят в дивизию, он все еще задерживается в штабе бригады, отдавая боевые приказы для ликвидации остатков банд Балаховича. 22 ноября, отдав приказ о взятии усадьбы N., желая проверить исполнение его, он решается итти в указанную усадьбу с тем, чтобы лично удостовериться. Товарищи уговаривают его послать на проверку кого-нибудь другого, но Угис остается при своем решении, отвечая, что тот не хозяин, который не знает всего того, что происходит у него дома. Оставив часы, документы и деньги, он берет с собой адъютанта, комиссара, 10 стрелков и едет в усадьбу N. Усадьба находится за болотом. Подъехав к усадьбе, они видят красноармейцев. Оставив лошадь у болота, они отправляются к усадьбе. Вдруг из одного дома выбегает группа красноармейцев. Угис идет вперед. Из другого дома выбегает вторая группа, и среди них офицер в золотых погонах. Угис отдает команду «назад» и, отстреливаясь, отступает. Банды Балаховича, переодетые в красноармейцев, открывают стрельбу и, не попав, умолкают. Но тут выбегает офицер, останавливается и два раза стреляет... Угис падает... и нет красного генерала революции («Братская Могила» стр. 82—83).

Тов. Калнин награжден орденом Красного знамени за отличия в боях под Псковом, где он во время всей операции проявлял чрезвычайную энергию и мужество. В решающий момент наступления на самый гор. Псков тов. Калнин шел с передовыми частями, ободряя наступавших («Красные герои», вып. II).

КАЛНИН Отто Янович — коммунист Хамовнического района Московской организации, погиб в бою под Новохоперском в декабре 1918 года.—См. **Моисеев**.

КАМЕНКО. ** —См. **Билецкий.**

КАМЕНСКИЙ * **Владимир Михайлович** — родился в 1889 г. Сын артиста, он рано столкнулся с нуждой. Будучи еще студентом, он работал в артели грузчиков по выгрузке барок, был десятником на Амурской жел. дор. и на золотых приисках. На войну попал охотником в Балтийский флот и вскоре был зачислен в морскую авиационную школу. В 1917 г. кончил Бакинскую школу, прибыл в отряд на фронт, но война была уже почти окончена. Потом кончил школу высшего пилотажа в Красном Селе, поступил в Сибирский истребительный отряд, который должен был итти в Сибирь для борьбы с бандами Семенова. Но обстоятельства не дали ему возможности увидеть Сибирь. Он попадает на Уральский фронт. Здесь он вступает в ряды Р. К. П.; энергично и самоотверженно работает. Ему первому принадлежит идея создания воздушного сообщения и воздушной почты; эта идея им была детально разработана, но ему не пришлось осуществить ее: в начале ноября 1918 г. он погиб («Правда» № 253 за 1918 г.).

КАМИНСКИЙ ** **Николай**,—кр. Пермской губ. Оханского у., Табурисской вол., д. Ершина, убит в с. Бурятском («Боец» — фронтовая газета — № 34 от 23 июня 1920 г.).

КАНГЕЙЗЕР Густав Андреевич — пал 20 октября 1919 года на южном фронте, отражая напор офицерских банд Деникина. Он был членом Рос. Комм. Партии. На фронте он был взводным командиром пулеметной команды одного из латышских полков. Несмотря на бешеный натиск золотопогонников, тов. Кангейзер до последней минуты находился на своем боевом посту у пулемета и был разорван неприятельским снарядом вместе с пулеметом.

КАНГУН **—начальник и организатор Одесской Красной Гвардии. Он всецело отдал себя организации этой гвардии и погиб от пули гайдамаков на Пушкинской улице во время перестрелки в начале декабря 1917 года. Похоронен на Одесском еврейском кладбище.

Ф. Земит.

КАПЕЛЬНИЦКИЙ — старый член коммунистической партии, все время работал в рядах Красной армии как политработник. Умер 12 января 1921 г. от случайного выстрела.

КАПЛУН — пал смертью храбрых в бою с казаками под Бахмачем в июне 1919 года. Тов. Каплун был членом Р. К. П. Алексеевско-Ростокинского района. Во время мобилизации он отправился на фронт, где и погиб.

КАПРАЛОВ **—член Р. К. П., прапорщик, один из лучших агитаторов Одесской организации; враги рабочего класса до того ненавидели его, что в феврале 1918 года на Молдаванке, куда т. Капралов отправился на какое-то собрание, он был убит из-за угла вражеской пулей в затылок. Так как семья его находилась в Казани, то найденный труп был похоронен милицией. Разыскивая его, квартирная хозяйка зашла случайно в морг и там увидела часть его одежды. После розысков нашли его могилу на новом кладбище, выкопали, нашли на груди неизвестной рукой написанную записку, что это труп неизвестного рядового солдата. Труп товарища Капралова был перенесен на Куликово поле и похоронен в братской могиле павших героев.

Ф. Земит.

КАПУСТАС Иосиф — умер 16 июля 1920 г. в лазарете в г. Александровске от полученных ран. Тов. Капустас был старым партийным работником. В 1917 году он был членом Центрального Литовского комитета Р. К. П. С начала гражданской войны тов. Капустас уходит на фронт, где в качестве красного командира сражается до тех пор, пока полученные им смертельные раны не вырывают его из рядов пролетарской армии («Правда» № 186 за 1920 г.).

КАР **—большевик из г. Ачинска, расстрелян белогвардейцами в числе 9-ти вблизи ст. Черная Речка Томской ж. д.—См. **Слободчиков В. Н.**

КАРАЕВ — член комитета Р. К. П. и член Ревкома в г. Евпатории. При Краевом Крымском правительстве был схвачен эскадронцами при посещении бере-

говой артиллерии и после жестокого избиения зарыт живым в песке на берегу моря в г. Евпатории. Когда, при содействии Черноморского флота, удалось свергнуть власть крымских националистов (курултайцев), труп Караева был вырыт из песка в ужасном состоянии: руки были перевязаны вместе с ногами, весь он был перевязан толстым канатом и голова так свернута, что, когда труп развязали, он представлял бесформенную массу.

КАРАНСКИЙ ** — комиссар зрелищ и театров в Красноярске, артист городского театра, умер от тифа в красноярской тюрьме в начале 1919 года (Сб. «Красная Голгофа», стр. 111).

КАРАСЕВ ** **Михаил Васильевич**—22 лет, красногвардеец, убит при охране Московского Совета 4 ноября 1917 г. Служил на фабрике Косунка (св. вз. из сборн. «Братская Могила»).

КАРАСЕВ Т.—В первых числах мая 1921 г. мы были мобилизованы, как ответственные партийные работники, Кубано-Черноморским Обл. Ком-том, Реввоенсоветом и Политотделом 9-й Кубармии для агитации о бело-зеленых бандах по станицам и аулам. Нам, трем комиссарам броневых частей армии, был дан район—ст. Смоленская, Калужская, Ново-Дмитровская, Георгиевская и др. В нашей тройке был товарищ Т. Карасев, комиссар бронечастей 9-й Кубармии. Этот стойкий, идейный товарищ выполнил максимум заданий, которые на него были возложены. Все броневики 9-й Кубармии знали тов. Карасева, как отца семейства; везде, где он служил, его любили т.т. красноармейцы за его заботу о них. Тов. Карасев умер от холеры в г. Краснодаре. *В. Иванов.*

КАРАВАШКИН Василий — рабочий, питерец, петербургский старшина завода «Лангензипен». В качестве красногвардейца отправился в Финляндию, где погиб в бою с белыми 27 февраля 1918 года.

КАРДАШЕВ Николай Николаевич — старый партийный работник. Бессменный член Воронежского губ. комитета партии (б-ков). Руководитель партийной и советской жизни Воронежской губернии, председатель Воронежского Совета. Умер от тифа в г. Омске в 1920 году.

Странички воспоминаний.

Николая Николаевича Кардашева я встретил впервые в 1901 году в Воронеже, где он жил под надзором полиции, высланный из Москвы после тюремного заключения по делу Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» еще в конце 90-х годов.

Из поднадзорных Н. Н. Кардашев был в Воронеже старожилом, имел троих детей и потому, вынужденный зарабатывать деньги, сидел в провинции. Это была хорошая семья, и квартира Николая Николаевича на Мясницкой улице, в доме знаменитых Махновец, постоянно была местом, куда, особенно в первое время, стекались все живые люди в Воронеже. Николай Николаевич в те времена обладал прекрасным здоровьем и, полный сил и энергии, не желал сидеть сложа руки.

Как только с начала девятисотых годов рабочее движение стало шириться и расти, Кардашев тоже встрепенулся и вместе со своими ближайшими друзьями Л. Я. Карповым, А. И. Любимовым, В. А. Носковым и Д. В. Кастеркиным примкнул к «Северно-русскому рабочему Союзу», организованному в 1901 и 1902 годах и по мысли своих организаторов долженствовавшему объединить рабочее движение Северной области.

«Северно-русский рабочий союз» должен был объединить рабочих Иваново-Вознесенска, Костромы, Владимира и Шуи, а Воронеж должен был служить только удобной явкой и передаточным пунктом. Здесь же происходил съезд этого союза и делались кое-какие технические работы для союза.

Во всяком случае работы было довольно, и Николай Николаевич, великий мастер по всякого рода хозяйственным делам (он и дома занимался этим), и для

Союза возился по делам, главным образом, хозяйственно-технического характера. В местной воронежской работе Кардашев почти никакого участия, как и все его товарищи, так называемые «американцы», не принимал.

В марте 1902 г. в Воронеже по явке, провалившейся на границе, явился агент охранного отделения, впоследствии «знаменитый» Меньщиков и, узнавши все у ничего не подозревавших американцев, отправился по всем явкам Владимира, Костромы и Иванова. Произошел большой провал, были арестованы и воронежские американцы (часть их уцелела).

Арестовали и Николая Николаевича. Увезли в Москву. Там, в Таганке, пришлось выдержать не одну пытку жандармов и принять участие в голодовке и обструкции. Из тюрьмы Кардашев вышел в конце года вместе с другими товарищами. Снова возвратился в Воронеж. В то время, как В. А. Носков уехал за границу и принял непосредственное участие в той борьбе, какая шла между большевиками и меньшевиками по поводу III съезда, Л. Я. Карпов работал уже в качестве агента Ц. К., А. И. Любимов заведывал транспортом Ц. К., а Д. В. Кастеркин собирался в Москву,—Николаю Николаевичу волей-неволей все из-за тех же материальных обстоятельств приходилось сидеть в Воронеже.

Но сложа руки он сидеть не хотел и принял участие в работе основанного Ф. И. Кривобоковым Воронежского Комитета. Комитет этот был искровским и образовался из «Кассы борьбы», которую образовал в противовес акимовской организации махновцев, тоже американец, Ф. И. Кривобоков и его товарищи И. Э. Россоловский и ныне здравствующий рабочий Д. Р. Большаков.

Воронежский Комитет скоро расширил поле своей деятельности, связался с Борисоглебском и поставил даже свою большую технику.

Историю этой техники, поставленной упомянутым Кривобоковым и одним рабочим с женой, приехавшими из Ростова-на-Дону, следовало бы рассказать отдельно, а пока необходимо упомянуть, что как только техника эта (большая и громоздкая) перешла в ведение Воронежа, все заботы о ее содержании легли на Н. Н. Кардашева. Бюджет Воронежского Комитета не отличался твердостью и обилием: собирались средства грошами, а одна техника стоила 100 р. в месяц. И приходилось Н. Н. изворачиваться и устраивать то концерты, то лотереи, то вечеринки с рефератами. Связи Н. Н. в обществе, правда, были огромные, и ему, хотя и с трудом, удавалось сводить концы с концами и содержать не только технику, но и нелегальных, которые появились и в Воронеже. Само собой понятно, что жандармы прекрасно знали Кардашева, и малейший повод вел к обыску на его квартире.

К концу 1904 года Николай Николаевич остался один из всех старых поднадзорных и один руководил всей партийной работой в Комитете.

Первая русская революция здесь и застала Н. Н. за работой. Поднялся и Воронеж вместе со всей Россией в 1905 году. Николай Николаевич в этот период своей жизни горел и кипел. Не оратор по натуре, несколько медлительный в движениях, не претендовавший на большие теоретические познания, он, тем не менее, был хороший марксист, честный и преданный делу товарищ, организатор по призванию, партийный «хозяин», как определил бы его всякий. Точный, не увлекающийся, трезво смотрящий на мир, упорный и практичный, он понимал, что ни одно дело в мире не пойдет, если не будет к тому материальных предпосылок. И вот, зная хорошо, что в революционной среде мало охотников заниматься тяжелыми и скучными вопросами партийного хозяйства, он сам был в полном смысле слова «хозяином»: добывал деньги, устраивал явки, доставал адреса, находил квартиру, вел знакомства в обществе, находил работу товарищам, заведывал транспортом, библиотекой, складом,—словом, руководил сотнями мелких и крупных дел, без чего никакое подполье жить не могло.

И вот этот практик, хозяин, в бурный 1905 г. должен был сделаться еще и агитатором. Этого ему уже не могли простить жандармы, и он должен был бежать из Воронежа после ареста и небольшой отсидки в тюрьме (в Воронеже и Орле).

Началась скитальческая нелегальная жизнь, пока, наконец, ему не удалось устроиться в Баку, где он и поступил в статистический отдел «Совета съездов нефтепромышленников» к т. т. Стопани и Фролову.

Здесь он, хотя и не принимал близкого участия в революционной организации (он всегда занимал нейтральное положение между крайними течениями нашей партии), тем не менее, он все же не порывал связей с соц.-демократией.

Незадолго перед войной, после забастовки в Баку, жандармы арестовали и Н. Н. Кардашева, и он пошел в ссылку в Нарымский край.

Ссылка дала ему возможность пополнить свой теоретический багаж, и когда, в конце 1916 года, окончив срок надзора, возвратился в Воронеж, он снова готов был к борьбе.

Вспыхнула февральская революция, и Н. Н. опять на работе в рядах воронежской большевистской организации. Здесь он становится одним из руководителей Воронежского Комитета нашей партии и затем после октября—Воронежского Совета, переживает июльские дни 1917 года, участвует в подготовке переворота, берет власть в октябре, переживает тяжелые фронтовые дни Воронежа, организует оборону, отступает и наступает,—словом, делит все радости и невзгоды героической борьбы пролетариата во время гражданской войны.

Вызванный в 1920 году в Москву, он командируется в Сибирь, и в Омске, на квартире Ивана Никитича Смирнова, погибает от тифа.

Товарищи, близко знавшие Николая Николаевича Кардашева, часто считали его жестким и даже жестоким: да, в годы гражданской войны, в двух шагах от неприятельской линии он был иногда суров и даже жесток. Но разве мягкостью и уступчивостью можно было добиться успеха в борьбе с белыми? А ведь почти все три года нечеловеческой работы на фронте (Воронеж почти все время был фронтом) Николаю Николаевичу приходилось не только быть партийным «хозяином», но и боевым вождем, с револьвером или винтовкой в руках, организатором и вождем борьбы с контр-революцией.

Своею стойкостью, примером, преданностью, необыкновенной работоспособностью, точностью, твердостью, спокойствием, пониманием окружающей обстановки он вселял бодрость в других и сумел воспитывать хороших революционеров не только из своих детей (его дети уже не менее доблестно, чем и отец, работают на революционном поприще), но и из окружающей молодежи. Многие часто не сходились во взглядах с Николаем Николаевичем, поражались его холодным расчетом и практицизмом, но никто не может отказать Николаю Николаевичу в преданности делу пролетариата. Более тридцати лет этот солдат старой гвардии служил революции. Кто из старых подпольщиков не знал тов. Кардашева? Кто из них не вспомнит доброго безвременно погибшего партийного хозяина?

Ник. Ник. принадлежал к числу перворазрядных организаторов. Он был весь воплощенным долгом и обязанностью, он нес самую тяжелую работу организатора и под суровой внешностью скрывал горячее сердце. *В. Невский.*

КАРПИНСКИЙ—расстрелян в 1919 г. деникинцами.

КАРПОВ—рабочий электрического цеха Прохоровских мастерских в Петрограде. Ему было всего 19 лет. Хотя в партию он вступил недавно, но, будучи сознательным пролетарием, он всегда был примером для других и умел их вести за собой за великое рабочее дело. Товарищи не ошибались в нем, вверив ему командование собой. Т. Карпов командовал взводом в сводном батальоне коммунистических отрядов особого назначения. Убит на фронте в бою под деревней Большие Тайцы в конце ноября 1919 г. («Петр. Правда» № 251, 1919 г.)

КАРПОВ — рабочий-железнодорожник, организатор железно-дорожного района, боевик-подрывник, руководитель снабжения оружием отрядов зеленой армии, член Р. К. П., арестован по провокации Акима и казнен в августе 1920 года в Симферополе.

КАРПОВ * Лев Яковлевич — старый партийный товарищ, умер 6 января 1921 г.

Он был одним из лучших борцов нашей старой гвардии. Свое революционное поприще он начал еще в девяностые годы, когда только что обозначились попытки к объединению отдельных разрозненных социал-демократических организаций в единую социал-демократическую раб. гвардию, и с тех пор до самой смерти продолжал высоко нести знамя нашей славной партии.

Вокруг товарища Карпова создавались теплые товарищеские отношения. Левушка, как его звали товарищи, был бесспорно самым любимым баловнем, которому все сходило с рук. Жизнерадостный, веселый, остроумный, беспечный, он поражал всех своими способностями, памятью, той легкостью, с какой он усваивал самые труднейшие теоретические построения не только в области общественных наук, но и в физике, математике, химии. Беспечность и рассеянность Льва Яковлевича были источниками неиссякаемых шуток и происшествий, героем которых был прекрасный товарищ, никогда не думавший о себе.

В конце 1900 г. тов. Карпов жил в Воронеже, в среде так называемых «американцев». Как и остальные товарищи, Лев Яковлевич скоро уехал из Воронежа и принял очень деятельное участие в работе партии, был агентом и членом Ц. К., неоднократно сидел в тюрьме, жил нелегально, имел счастье быть освобожденным из тюрьмы восставшими рабочими в Москве, снова попал в тюрьму и только на небольшой промежуток времени получил возможность отдаться науке в Московском техническом училище. Здесь Карпов проявил свои недюжинные способности: он начал работу по химии под руководством профессора Остромысленского по вопросу о строении бензольного ядра. Эти работы группы химиков, как известно, касались важнейших практических вопросов, между прочим, вопроса о производстве искусственного каучука.

Л. Карпов.

Лев Яковлевич был прекрасный товарищ, удивительно чуткий, с критическим умом, с огромным запасом жизнерадостности и действительно широко образованный материалист, спокойный и трезвый во время опасности. Никакие идеалистические новшества не могли сбить Льва Яковлевича с его материалистических позиций, он всегда оставался верен основам нашего учения. Это был ценный, нужный для нашей революции человек. В нем, несомненно, таился крупный исследователь,—русская жизнь и партийная деятельность не давали возможности развернуться этим талантам Л. Я. Карпова.

Переутомление, усталость, плохое питание, бешеная работа оказали свое действие,—тов. Карпов умер из-за какого-то пустяка, фурункула, от которого пошло заражение крови по всему организму. («Правда» № 5 от 11 января 1921 г.)

Тов. Карпов являлся одним из самых талантливых наших инженеров и организаторов в области химической промышленности: он вынес на своих плечах всю трудность работы первого периода организации химич. промышленности после революции, сумел сплотить вокруг себя все наиболее видные научно-технические силы в этой области промышленности Республики. Самые крупные технические работники охотно шли к нему даже в эпоху, когда большинство интеллигенции и специалистов или сторонились работы с нами или саботировали. Обаяние его личности и глубокое уважение к его способностям и знаниям ломали всякое недоверие, и работа около него кипела. Не будучи митинговым оратором и чуждаясь всяких публичных выступлений, тов. Карпов был, однако, хорошо известен рабочим химической промышленности; его постоянная тесная связь с профсоюзами создавала нормальную здоровую атмосферу в области организационной

работы, и его авторитет часто помогал изживать все трения и ликвидировать недоверие профсоюзов и наоборот; там же, где тов. Карпов работал в рабочих массах, — на Бондюжском заводе, — эти массы помнят и чтят его память.

Именем Льва Яковлевича назван завод, на котором он работал в течение 3-х лет до революции; его же именем назван Химический Институт в Москве, к постройке которого было приступлено по его инициативе и его усилиями. (Из ст. «Памяти т. Карпова» П. Богданова. «Правда» № 5 от 6/I—1922 г.)

КАРПОВИЧ Иван—красноармеец 2-го Коммунист. Интернац. пехотн. полка, убит в бою в 1919 г.

КАРПУШИН Георгий—См. **Подтелков.**

КАРТАШЕВ **—уполномоченный Дончека, убит бандитами во время боя. («Трудов. Дон» № 420 от 17/XII—1922 г.)

КАРТАШЕВА ** —член Ц. К. профсоюза бумажников, мобилизованная на фронт, по прибытии в 14 дивизию для политработы, умерла от тифа. («Краткий очерк 14-й стр. имени Степина дивизии 1918—1921 г.г.»)

КАРЧЕВСКАЯ-НЕМЧИНОВА Софья Францевна (Зося).—Будучи еще совсем молодой, находясь в последних классах Смоленской гимназии, тов. Зося уже участвовала в различных кружках революционно-настроенной молодежи. В 1913 году она входит в подпольную с.-д. организацию. Бесконечно скромная, всей душой преданная партийному делу, она готова была в любое время взять на себя любую работу, как самую черную, так и самую опасную. Революция 1917 г. застала ее в Киеве, где она служила в Земском союзе и вела в то же время подпольную работу. Слабая, утомленная приехала она в Москву в августе 1917 г. Тут она заболела тифом. Слабый организм не выдержал, и 15 августа она умерла.

КАСАТКИН.** —См. **Уткин.**

КАТАЙЦЕВ.** —См. **Уткин.**

КАТОВЕЦ Василий — погиб 1 мая 1919 г. на разведке. Был красноармейцем 58-го Советского полка. («Красная Армия», 1919 г., № 33.)

КАТУНИН Сергей — член Р. К. П., Саратовский курсант. Во время наступления уральских казаков ушел на фронт. В 190-м стрелковом Пензенском полку назначается на должность начальника команды связи и ведет упорную, настойчивую агитационную работу среди своих красноармейцев. Добродушный «хохол», он яростно, до самозабвения спорил с противниками своих убеждений, ничего никогда не замалчивая и обезоруживая их совершенно своей прямотой и искренностью.

В декабре 1919 года, при занятии 190-м стр. полком окружной станицы Донской области—Вешинской, тов. Катунин, увидав, как дрогнули красноармейские ряды под напором казацкой конницы, с обнаженной шашкой (которой никогда не умел владеть) вместе с командиром 22-го кавалерийского полка бросились в гущу неприятеля и погибли под казацкими саблями. Их безумная храбрость пробудила мужество кр-цев, они рипулись вперед за своими товарищами, отбили неприятельскую кавалерию и окончательно заняли переправу. Тов. Катунин похоронен в братской могиле на главной площади станицы. *В. Булатов.*

КАЦ **—В начале 1918 г., когда в Киеве большевики начали борьбу с Петлюровской Центральной Радой, в глухом Звенигородском уезде появился член Петербургского Совета Р. и С. Д., местный уроженец, тов. Кац. Впервые в Звенигородке раздалась смелая речь большевика. Тов. Кац вел дискуссии на митингах и собраниях, к нему присоединились несколько товарищей. В начале февраля по инициативе этой группы большевиков был созван уездный крестьянский съезд, руководство которым находилось в день его открытия в руках той же группы. Петлюровцы, не имея большинства на съезде и желая овладеть им, собрали человек 50 своих казаков, окружили съезд, подняли сначала стрельбу, а затем приступили к аресту большевиков. Арестовать им удалось только т. Каца, который продолжал свой доклад, невзирая на предупреждения о грозящей ему опасности со стороны петлюровцев. Арестованный т. Кац был отведен в тюрьму, а утром най-

ден расстрелянным у реки, вблизи тюрьмы. Таким образом т. Кац был первою жертвою за Советскую власть в Звенигородке. (Из статьи И. Коваля в сборнике «Октябрьская Революция».)

КАЦЕЛАП ** **Ф. Н.**—принимал горячее участие в борьбе с белогвардейцами на Северном фронте, а по ликвидации этого фронта отправился на Южный и в 1920 г. был в г. Николаеве. Он состоял членом Революционного Военного Трибунала побережья Черного и Азовского морей. Тяжелая работа на юге Украины, павшая на долю Революционного Военного Трибунала, в корне подорвала его силы и здоровье. Тов. Кацелап происходил из рабочей семьи; по окончании церковно-приходской школы, он с малолетства должен был приняться за тяжелый физический труд. До призыва на военную службу работал грузчиком в Одессе и был физически сильно развит—десятипудовые мешки в его руках казались игрушкой. Беспрерывная десятилетняя служба в царском флоте, а в особенности годы гражданской войны окончательно поглотили здоровье тов. Кацелапа, и вместо бывшего силача-грузчика осталась одна тень. Весной 1921 г. т. Кацелап начал серьезно хворать, но продолжал стойко стоять на своем посту коммуниста-революционера. Однако сопротивляться болезни ему удалось недолго; в июне 1921 г. он слег окончательно. Полная и внезапная оторванность от революционной работы в то время, когда так многое еще не сделано, бедственное и беспомощное положение жившей с ним семьи не могли не отозваться на его нервном и психическом состоянии,—он стал в значительной степени ненормальным. Из Севастополя т. Кацелапа отправили для лечения в Москву. 22 сентября того же года он отправился в больницу к доктору, жалуясь на сильную боль в боку; уходя из дому, он сказал жене, что, может быть, останется в больнице на лечении и не так скоро вернется домой. Через несколько дней жена его получила известие, что муж уже покоится в Лефортовском морге. Оказалось, что, направляясь в больницу и проходя через реку Москву, т. Кацелап бросился с Крымского моста и покончил со всеми страданиями.

А. Ф. Вимба.

Ц.Х.Р.К.П. при Центр. Музее Революции СССР 24204

КАЧУРИНЕР ** — во время Осиповского восстания в Ташкенте расстрелян в тюрьме 20 января 1919 г., по рассказу очевидца, при след. обстоятельствах:

«В понедельник 20 января, часов в 5 утра, слышу подходят к нашей камере и кричат: «Качуринер, иди в канцелярию». Мы, сидевшие в камере, поняли, что это за канцелярия. Это просто выводили из камеры и расстреливали. Когда Качуринера вывели, мы все, сидевшие в камере, следили с затаенным дыханием,—считали минуты. Знали, что вот-вот услышим залп, и нашего дорогого товарища не станет. Так и случилось. Мы услышали залп. Как потом оказалось, одновременно с т. Качуринером был расстрелян т. Дубицкий (комиссар путей сообщения). Их расстреляли и изрубили. На другой день утром к нам в камеру зашел комендант Курков и заявил, что Качуринер и Дубицкий им изрублены на куски и брошены к колодец. Как впоследствии оказалось, о последнем он врал.

Во время пребывания в камере Качуринер не думал о своей судьбе. Все время он повторял одни и те же фразы: «Неужели рабочие не выступят? Стоек ли Белов? Удержит ли он крепость? Хорошо, если ж.-д. рабочие выступят с нами, но беда в том, что сидят провокаторы: Новоселовы, Агаповы, Поповы, которые мутят рабочих. Как фронты? Что предпримет Зиновьев на Актюбинском фронте?». Все эти вопросы волновали тов. Качуринера.

Коммунист.

Ц.Х.Р.К.П. при Центр. Музее Революции СССР 13903

(«19 января», изд. ред. «Костров».)

КВАШ * — прибыл в Москву с Украины приблизительно в августе 1919 г. Он быстро зарекомендовал себя трудоспособным, методичным работником и всей душой отдался делу организации субботников, был первым секретарем Бюро субботников при М. К. Р. К. П. Это был скромный и одинокий человек. Он знал только свое дело. Погиб при взрыве М. К. Р. К. П. в Леонтьевском переулке. (Свед. вз. из сборн. «Братская Могила»).—См. **Загорский.**

КВАШНЕВ А. Я. — сын поволжского крестьянина, увлекающийся, с вечной жаждой знания и более кипучей деятельности, вступил в семью пролетарского

университета имени Свердлова. Но он слишком чутко относился к тому, что творится за стенами университета. Он несколько раз порывался ехать на фронт, но не был отпущен. И вот в мае 1920 года, по первому призыву Ц. К. партии, он одним из первых становится в ряды ста человек, отправляющихся из университета, и едет на Западный фронт. Сознательно, с глубокой верой в неизбежность победы трудящихся, отдал он свою жизнь за освобождение и лучшее будущее пролетариата всего мира. Убит в июле 1920 г. («Комм. Труд» № 207, 1920 г.)

КВЕСИС * **Юлиус Карлович**—из деятельнейших партийных работников Бутырского района гор. Москвы. Принимал деятельное участие в февральской и октябрьской революциях. После октябрьского переворота был членом Исполкома и Райкома Бутырск. р. После одного из бурных заседаний ночью, возвращаясь домой, по дороге умер от разрыва сердца в мае 1918 г.

КЕБАБЧЬЯНЦ **—анархист, после февр. переворота—член партии эс-эров в Евпатории. Октябрьский переворот сближает его с коммунистами. Он избирается членом Евпаторийск. исполкома и комиссаром продовольствия. Немцы захватывают его в плен в апреле 1918 г. вместе с председателем Евпаторийск. исполкома **Демышевым, Антониной, Семеном, Варварой и Татьяной Немичами, Матвеевым, Грубе, Франтом** и др. Все они пробыли год в белогвардейской тюрьме и в канун прихода красных войск в Евпаторию в апреле 1919 г. расстреляны.

Ю. Квесис.

КЕНИГ.—Откуда прибыл в г. Троицк тов. Кениг и кто он был по убеждениям—неизвестно. Некоторые утверждали, что он причислял себя к анархистам. По его состоянию и по его наружности видно было, что раньше тов. Кениг был торговцем. Явился он в комитет партии с предложением оказывать материальную помощь борцам за свободу не в момент наших побед, а тогда, когда над Советской властью начали собираться темные тучи. Помощь его выражалась в денежных пожертвованиях, в подвозке продуктов, приобретаемых на его собственные средства, на Еманжелинский фронт.

Рассвирепевшая белогвардейщина после занятия города за это долго водила его по улицам, избивала, истязала и в конце убила. («Набат» № 28 от 18/VI—1922 г.).—См. **Аппельбаум.**

КЕСАЕВ (**«Колька»**)—расстрелян.—См. **Цаголев.**

КЕТТУНЕН * **Фердинанд**—родился в январе 1891 г., принимал участие в партийной работе с 1906 г., действуя, главным образом, в мастерских, на заводах, где он работал в качестве металлиста. Во время своей подпольной работы в Петрограде т. Кеттунен был известен под именем «Федьки». Он часто подвергался преследованиям работодателей и жандармов,—сидел в тюрьме. В борьбе из т. Кеттунена выработался твердый, убежденный революционер, надежный партийный товарищ. Это был бесстрашный, непоколебимый коммунист, энергичный революционный деятель, спокойно и твердо исполнявший свои партийные обязанности. Финская Коммунистическая Партия потеряла в нем сознательного активного работника. Он погиб 31 августа 1920 г. во время нападения на клуб Кусинена. («Коммунист. Интернац.» № 14 за 1920 г.)—См. **Рахья Иван.**

КИКВИДЗЕ*—пачдив. Родился в 1894 г., учился в гимназии в Кутаисе и с 14 лет стал революционером, разбрасывая в городе прокламации. Примкнул к максималистам. Февральская революция освободила его из тюрьмы. Он тотчас отправляется на фронт, где начинает кипучую революционную работу в широких солдатских массах. Его избирают председателем дивизионного комитета 6-й конной дивизии. В октябрьском перевороте на Юго-Западном фронте тов. Киквидзе сыграл

видную роль и был деятельным членом военно-революционного комитета югзапфронта. Когда началось формирование Красной армии, т. Киквидзе сорганизовал отряд из добровольцев. Красный отряд его выдержал много боев с петлюровцами и немцами. После Брестского мира т. Киквидзе развернул свой отряд в дивизию, входившую в состав 5-й армии. С ней он отправился против Краснова. Здесь и выявился военный талант т. Киквидзе, и его неисчерпаемая энергия получила свое применение. Имя его наводило страх на красновцев. Тов. Киквидзе был вездесущ: то на коне, то на броневике, то на мотоциклетке, и всегда впереди. Красноармейцы его любили и готовы были за ним следовать в огонь и в воду. Тринадцать раз он был ранен. Убит пулей в бою под хут. Зубриловым Донск области 11 января 1919 г. в 25-летнем возрасте. В память тов. Киквидзе его дивизия была названа «16-й стрелковой имени Киквидзе дивизией». («Правда» № 6 от 12/I 1921 г. и № 107 от 16/V 1922 г.).

КИМ ** — см. **Цой.**

КИН. ** **Э.**—старый член Р. К. П., попал в руки белых при взятии Мордвиновского дворца в Крыму и был предательски ими зарублен 9 января 1918 года. (Д. Зиньковский. «Тени минувшего» в «Пролетарской Революции» № 2.)

КИППАР ** — братья, члены Коммунистической партии Эстляндии.—См. **Линдер Леопольд.**

КИРДИАЧИНСКИЙ ** **Станислав Станиславович** — из Варшавы, сослан в Сибирь, работал там как почтальон в с. Уяре, Канского уезда. Погиб в бою с чехами 16 июня 1918 года в с. Уяре. *А. Абов.*

КИРЕЕВ ** **Александр Андреевич** — 18 лет, слесарь завода Михельсон в Москве. Погиб 29 октября 1917 г. у Каменного моста на набережной: во время боя вражеская пуля сразила его, попав в голову. (Сведения взяты из сборника «Братская могила».)

КИРОВ ** **Павел Андреевич** — родился в 1886 г., сын безземельного крестьянина Рязанской губернии; родители работали на фабрике. Рабочий К. О. З., член Р. К. П. с 2 сентября 1919 г. По партийной мобилизации 20 октября того же года пошел на фронт. На Южном фронте (на Кубани) служил по снабжению армии. В одну из поездок за продовольствием зарублен бандитами. (Сведения взяты из сборника «Братская могила».)

КИРСАНОВ ** —член Р. К. П. Рогожско-Симоновского района, погиб в Москве в октябрьские дни 1917 г. (Сведения взяты из сборника «Братская могила».)

КИРСТА Константин Андрианович — погиб с экспедицией Подтелкова. По окончании в Новочеркасске кадетского корпуса, где отец его был воспитателем, он отправился в Петербург продолжать образование в политехникуме. Здесь он сразу попал в большевистские кружки и стал заниматься партийной работой. Во время империалистической войны, поступив радиотелеграфистом на пароход, он отправился путешествовать в Англию и Америку.

Он рассказывал мне, как долго и много расхаживал по большим городам, разглядывая и изучая их высокие технические совершенства—лучший предвестник коммунистического народного хозяйства. Во время революции он сначала нес партийную работу на Урале, где поступил рабочим на металлургический завод. С конца 1917 года он появляется в Ростове, где несет революционную работу до последних дней своих.

Вместе с Костей мы повстречались с Подтелковым в злополучном поселке, где захватили нашу экспедицию, и, услышав предложение последнего удрать, оба решили скрыться. Кирста решил укрыться в какой-то более надежный двор и ушел в противоположную мне сторону. Но на пути он был задержан гарцовавшими по поселку казаками и отведен в арестованную нашу экспедицию. Так, в силу глупой случайности, погибла молодая, полная сил и революционной свежести жизнь.—См. **Подтелков.**

А. Френкель.

КИСЕЛЕВ — см. **Бронштейн.**

КИСЕЛЕВ — см. **Ремтер.**

КИСЛОВСКИЙ. ** — Осенью 1921 г. по распоряжению румынского генерала Поповича из тюрьмы были взяты четверо заключенных товарищей—**Кисловский, Шехтман, Двозский и Тамара**; закованными их отправили в уездный город Бендеры и там расстреляли.

Вокруг фигуры т. Кисловского агентами охранки была создана целая легенда. Неуязвимый, он работает по организации связи целых 2—$2^1/_2$ года в то время, когда большая часть его сотоварищей по работе давно уже начала свои долгосрочные заключения на румынских окнах (каторга). Несколько раз его едва не схватывали, но он удачно отбивался; во время одного из столкновений был ранен и на время отошел от работы. Но не оправившись еще достаточно от ран, он вступил вновь в кадр работников и снова занялся организацией связи—этой кровеносной системы всех подпольных организаций. В 1921 г. он случайно попадает в руки охранки, и в ноябре его уже не стало...

Сам рабочий, плохо разбиравшийся в теориях всякого рода, он своим классовым инстинктом толкал сотни товарищей к борьбе за пролетарскую революцию, за которую и погиб.

КЛААМАН ** — см. **Линдер, Леопольд.**

КЛАРК ** **Борис Павлович (Боря)** — родился в бурятском улусе Молька в 30 верстах от гор. Балаганска, Иркутской губ. (где отец его Павел Иванович Кларк жил как политический ссыльный). Ранние годы жизни Бори протекли в этом улусе среди политич. ссыльных,—он был общим любимцем всей колонии. В 1894 г. семья Кларка перебралась в Иркутск, где П. Ив. устроился на работу в Городской Управе. Боря был отдан в иркутское промышленное училище. Учиться Боре не пришлось долго: он тяжко заболел, и ученье было заброшено года на 2—3: уж очень тяжки оказались последствия болезни. В Иркутске квартира Кларка, как и везде, была вечным сборным пунктом всей политической ссылки и всей обучающейся политике молодежи. Не оставляли своим благосклонным вниманием семью Кларка и иркутские жандармы. Их дежурства «вокруг да около» квартиры мы, сибиряки, в шутку называли «почетный караул». Обыски в семье были чуть не ежемесячно.

В 1903 году семья Кларка жила в Чите, и Боря готовился в Читинскую учительскую семинарию. Семинарию Боря не окончил: началась революция 1905 г., и вся семья Кларка приняла в ней самое деятельное участие. 17 летним юношей Борис был приговорен к смертной казни, которая была заменена 10-ю годами каторги.

При отступлении из Читы во время чехо-словацкого выступления в августе 1918 г. Борис был убит в схватке с белогвардейцами. (Сведен. взяты из сборника «Красная Голгофа», стр. 130—132.)

КЛЕЙНЕРШЕХЕТ * **Исай** — товарищ председателя Исполнительного Комитета Псковского Совета. Убит в Пскове 24/II 1918 г. мародером. В этот день он, вместе с другими товарищами, отправился в Городскую Управу. По дороге он заметил несколько подвод с интендантским имуществом, увозимым мародерами, спешившими использовать суматоху, сопровождавшую приближение немцев. Он их остановил, стал уговаривать, а потом и пригрозил арестом. Тогда один из них подбежал к Клейнершехету, сорвал с него винтовку и убил его наповал. Покойный был хорошо известен революционному Пскову, как неутомимый работник в культурно-просветительной области и в деле политической подготовки масс. Во время октябрьских событий он, рискуя жизнью, отправился к казакам для агитации против контр-революции, а казаки его задержали, и только случай спас его тогда от гибели, хотя и не надолго. Он вел беспощадную борьбу со спекуляцией и мародерством; озлобленные мародеры и раньше покушались на его жизнь. («Правда» 1918 г., № 46).

КЛЕППЕР ** **Адольф.** — 22 сентября 1918 г. в 9 час. вечера из камеры Новониколаевской тюрьмы белогвардейцами были выведены 5 товарищей: Клеппер Адольф, Шамшин Василий, Шамшин Григорий, Коробкин Митро-

фан и Спекторский. Минут через 10 во дворе тюрьмы раздался залп. Т.т. **Клеппер** и **Шамшин Василий** оказались расстрелянными; вследствие дождя и темноты остальным удалось бежать. Тов. Коробкин явился прямо в Городской Дом на заседание Городской Думы и объяснил, в чем дело. Его тотчас арестовали и посадили в тюрьму. **Спекторского** тоже арестовали, и он умер от тифа в тюрьме. Шамшин Григорий убежал. («Сборник Истпарта» № 1, изд. Сиббюро из статьи Шварца, стр. 71—72.)

КЛИМАНОВ (АФАНАСЬЕВ [1]), Бубнов) Егор Афанасьевич.—Есть люди, которые на первый взгляд кажутся совершенно обыкновенными, даже, пожалуй, маленькими людьми, и только прожив с ними некоторое время, вглядевшись в их поступки и даже пустячные жесты, осмыслив все виденное и определив место каждого поступка и жеста, приходишь к выводу, что обыкновенному человеку эти поступки и жесты несвойственны. И тогда, только тогда, заключаешь, что человек, так поступающий, не обыкновенный человек. Именно таким на первый взгляд обыкновенным человеком был Егор Афанасьевич Климанов. Я с ним познакомился впервые в конце 1886 года на юбилейном празднике «Первой Нарвской вечерней школы для фабричных рабочих и их детей», находившейся на углу Фонтанки и Дерптского пер. в Петербурге. Праздник этот был обыкновенным школьным праздником. Протестантских речей не было, даже не было и казенной характеристики деятельности школы. Просто были собраны ученики, которые отличались только тем от школьников, что здесь были люди всех возрастов, начиная от 10 и до 40 лет. Но так как все они были именно школьники, то и во всем их поведении, а в особенности на выражениях лиц можно было видеть чистый детский восторг.

Климанов (Афанасьев).

Вот в этой-то толпе, при объяснении каким-то учителем значения какой-то выставленной ученической работы, я обратил внимание на человека невысокого роста, с небольшими темно-русыми, почти черными усиками, с некрасивым, но привлекательным лицом, с глазами, смотрящими как-то исподлобья и как бы пытающимися пронзить не только то, на что он смотрит, но также проникнуть и вглубь и вширь. Вот таким был Егор Афанасьевич. Он задавал какие-то пустячные вопросы, но задавал их так, что учитель, сам не желая того делать, в ответах выяснял, что данная работа вышла таковой только потому, что она выполнена рабочим, что она проникнута его психологией и что на ней не может быть не виден классовый характер ее происхождения. Я подошел к нему, правильнее, меня что-то притянуло, обменялся с ним какими-то незначительными словами. Расставшись, пожали друг другу руки и с этих пор стали здороваться, а затем и беседовать о нашем житье-бытье.

Один раз, дабы разъяснить интересующий меня какой-то вопрос, он дал мне прочитать какую-то книжку. Потом пригласил меня к себе на квартиру, где были и другие ученики этой школы, собравшиеся для совместного чтения. Читали статью Энгельгардта «О русской деревне». Как впоследствии выяснилось, это был обыкновенный прием Егора Афанасьевича для прощупывания новых знакомых. Задавая вопросы и получая на них те или иные ответы, он определял, стоит ли вести с данным человеком знакомство, и когда оказывалось, что стоит, то начинал указывать на необходимость интересоваться окружающей обстановкой и делать из наблюдений соответствующие выводы. В первых разговорах

---

[1]) Как *Климанов*, так и *Афанасьев*—настоящие легальные фамилии Е. А. Учился в школе и работал первое время (до ареста) под фам. Климанова, после ареста при затребовании паспорта из деревни ему прислали паспорт без фамилии Климанов, а просто на имя Егора Афанасьева.

в нем нельзя было видеть не только революционера, но даже протестанта, но он так умел ставить беседу, что ты начинал протестовать сам. Этот метод подхода делал то, что раз человек сошелся с Ег. Аф., то разойтись с ним было трудно. В том первом кружке, в который я был введен, не только уважали Ег. Аф., не только считались с ним как с авторитетом, но его любили, иначе к нему относиться было нельзя—он был каким-то источником общей любви. Во время первого моего знакомства ему было только 20 лет, но он был уже женат, имел ребенка, а следовательно, и все заботы и хлопоты, которые окружают рабочего-семьянина. Несмотря на ропот квартирной хозяйки, тревожное недовольство жены, он собирал у себя в маленькой комнатке товарищей и терпел от этого очень много. Жена не разделяла его протестантских взглядов, и это было самой большой мукой для него, я бы сказал, даже трагедией его жизни. До замужества жена его жила в прислугах у каких-то крупных бар, кажется, горничной, а Егор Аф., пройдя ученичество сперва в мелких мастерских, был в это время кузнецом на Франко-Русском заводе. Жена, пройдя школу прислуги, видела источник благополучия в раболепстве, Егор. Аф. видел этот источник в хорошо выполненной работе и в борьбе за надлежащую оплату. Отсюда проистекала та семейная драма, которая, в конце концов, кончилась все-таки разрывом. Многих из революционеров-рабочих эта семейная обстановка выбила из революционной колеи, но Ег. Аф., благодаря особенному умению терпеть, в этой колее удержался до последних дней. Сказать определенно, был ли в то время Ег. Аф. народовольцем или соц.-дем.—трудно, но опытный наблюдатель мог бы с определенностью сказать, что именно на деятельности Ег. Аф. можно было проследить переход от метода выработки героев к методу сплочения масс. В наших разговорах почти не слышно было ни бомб, ни револьверов. Место этих страшных вещей занимала книга. На первый взгляд можно, пожалуй, было видеть, что это группа не революционеров, а простых культурников. В разговорах Ег. Аф. на первом месте всегда была школа, а то, что школа не могла дать, он стремился пополнить дома при помощи книги, и он много уделял времени на то, чтобы покупать книги, разыгрывать их среди товарищей и на вырученные деньги покупать снова книги. Затем в 1888 г. он образовал кассу «Борьба», куда мы вносили по 25 и 50 коп. в месяц,—все эти деньги тоже шли на покупку книг.

В 1889 г., на похоронах основателя вечерних школ Андреева, он бросил мысль о необходимости устройства кассы взаимопомощи учеников вечерних школ как бывших, так и настоящих. Этим он надеялся дать легальную основу для сплочения разбросанных в разных местах бывших учеников. С целью того же сплочения, он часто организовывал вечеринки, под видом именин или придираясь к какому-нибудь празднику. На этих вечеринках помимо групповых бесед выступали отдельные товарищи с речами. Чаще других выступал Ег. Аф.

Главным организатором первой маевки в 1891 году надо считать тоже Ег. Аф. На этой маевке одна из речей была сказана Ег. Аф. На его квартире и, кажется, по его инициативе писался адрес Шелгунову. Я там его и подписывал. В 1892 году он организует вторую маевку. Но эта маевкане удалась, хотя народу собралось свыше ста человек. Тогда он организует вторую массовку вместо маевки, после которой его арестовывают. После выхода из тюрьмы, когда он был под особым надзором, он от работы отошел, но связь с некоторыми из товарищей все-таки поддерживал. В 1895 году он был выслан в Вологодскую губ. на пять лет. По возвращении из ссылки работал в Ревеле и затем в Керчи, где в 1905 году работал с меньшевиками, неоднократно выступал на митингах и пользовался большой популярностью среди керченских рабочих. В Керчи он вместо Климанова носил фамилию Афанасьева. Когда из Керчи его высылали в Архангельскую губ., то рабочие устроили демонстративные проводы. В 1907 году из Архангельска он бежал и жил в Петербурге по паспорту Ивана Михайловича Бубнова. После 1907 года активно он не работал, а по взглядам колебался между меньшевиками и большевиками. С выходом «Звезды» и затем «Правды» он, хотя и колебался в сторону меньшевиков, но энергично распространял и «Звезду»

и «Правду». Часто организовывал сборы пожертвований как на «Звезду», так и на «Правду. В 1917 году, после революции, с котомкой, наполненной книгами, за плечами, он обходил Гдовский и Ямбургский уезды Петерб. губ., выступая на митингах как большевик.

В феврале 1919 года в Петербурге он заболел сыпным тифом и умер. После 1917 года я не видал Ег. Аф. и о смерти его я узнал только в середине 1920 года. Как он жил последнее время, как и где похоронен, я не знаю, но зато знаю одно, что этот беглый и очень неполный очерк его жизни должен быть пополнен лицами. больше меня его знавшими и лучше меня могущими описать все его переживания. Это нужно для того, чтобы будущее поколение на примере жизни этого высокоодаренного, а главное, преданного революции человека, училось, как можно в самых невероятно трудных условиях вести освободительную борьбу.

В. Шелгунов.

КЛИМЕЦ — в боях под деревней Луков был тяжело ранен и попался в плен к белым. Белые искололи его штыками. Тов. Климец был коммунистом; в Кр. армию вступил с самого начала ее основания и все время честно сражался в ее рядах. («Б. Правда», № 39 от 22 октября 1919 года.)

КЛИМОВ * Т. П.—Тов. Климов, 33 лет, уроженец Владимирской губернии и уезда, Болдинской волости, дер. Малая Пекша; в партию вступил в 1920 году. Приехал в Орехово еще мальчиком, около 13 лет, и поступил сторожем при машине на болоте. Обладая сметливостью и расторопностью, он кое-чему научился. За расторопность и старания слесаря и машинисты учили его в то время, когда он был сторожем при локомобиле. Он обратил на себя внимание администрации. Переведен в мастерскую, где выучился слесарному делу. Дома, в свободное от работы время, не любил сидеть без дела и всегда что-нибудь устраивал или приготовлял по мастерству, всегда являясь на работу первым, старался входить в товарищеские кружки, слушал с увлечением советы старших в партии; во всех стачках и конфликтах он всегда был первым и всю инициативу какого-либо движения вместе с несколькими товарищами брал на себя. При первых признаках свободы примкнул к рядам защитников и участвовал в разоружении полиции. Тов. Климов всегда и всюду старался проводить между рабочими и служащими идеи коммунизма. Умер от брюшного тифа. *П. Никулин*

(«Братская Могила», стр. 85).

КЛИНГ Виктор Генрихович—родился в 1897 г. 15 августа в г. Саратове, сын агронома. В 1914 г. окончил гимназию А. М. Добровольского и поступил на медицинский факультет Саратовского университета. Общественно-политическими вопросами Виктор стал интересоваться с VI класса гимназии; с I курса был секретарем студенческой организации.

Переворот 1917 г. застал его на 3 курсе. Он примкнул к большевикам и большую часть своего времени тратил на партийную работу; с основанием в Саратове Биржи труда был ее секретарем до отъезда в Москву. В октябрьском перевороте в Саратове он принимал активное участие и тотчас после переворота переехал в Москву. Вскоре т. Клинг был назначен секретарем комиссии по обмену военнопленных в Берлине, но во время переворота должен был вместе с российской миссией оставить Германию и вернулся в Россию. Затем комиссия вторично отправилась через Австрию за границу, но ее не пустили. Проезжая через станцию Лунинец, комиссия обратила внимание на страшно бедственное положение возвращавшихся из Германии пленных. Военнопленные возвращались по этому пути пешком, так как узкая колея ж. д. была разобрана, голодные,больные, плохо одетые, иногда в одной простой синей рабочей блузе. Комиссия решила наладить организованную помощь им—построить бараки, закупить продовольствие и оказывать медицинскую помощь. Средства комиссии, всего 20 тысяч рублей, были скоро израсходованы, но из центра были присланы средства для оборудования пункта. Была организована перевозка больных и слабых; по пути следования пешком подобраны замерзшие; устроен

лазарет. Работать приходилось день и ночь, так как состав комиссии был немногочисленный.

С 9 января по 1 февраля 1918 г. прошло через этот пункт 150 тысяч человек. При ночном обходе бараков замечалась масса легочных больных (сплошной кашель), наконец, появился сыпной тиф. Тов. Клинг был заведующим пунктом. Оба его помощника заболели сыпным тифом, один умер, о другом сведений нет, так как пункт был закрыт вследствие занятия местности неприятелем. 23 марта 1918 г. Виктор Клинг отправил отцу письмо из Минска, в котором, он описывая ужасное положение военнопленных и служебного персонала, сообщает, что он назначен комендантом санитарного поезда и находится вне опасности.

6 апреля он заболел сыпным тифом, а 14 апреля умер. Телеграфное известие о его болезни получено семьей 16 апреля, а о смерти—19 апреля. Похоронен в г. Минске. (Сведения сообщены отцом Виктора—Г. П. Клингом.)

КЛИНГОФ.**—Деятельный революционер Туркестана, готовый в 1905 году и на террор, и на дерзкий побег из тюрьмы, великолепный организатор—т. Клингоф ни на минуту не оставлял революционной работы. Октябрьская революция застает его членом Р. К. П. Тов. Клингоф работает в Туркестане на посту председателя Туркестанской Чрезвычайной Комиссии. Укушенный бешеной собакой, он отправился в Москву, где, безнадежно больной, покончил жизнь самоубийством. («Коммунист», орган Ц. К. К. П. Т., стр. 145.)

Клойзпер.

КЛИОЦМАН—врач Российской делегации Кр. Креста, убит в Польше в начале января 1919 г.—См. **Веселовский.**

КЛИШЕВИЧ Николай Петрович — убит в 1918 г. в бою с чехо-словаками, спасая штаб фронта.

КЛОЙЗНЕР—3 июня 1920 г. покончил самоубийством; старый партийный работник, бывший начальник Особого отдела 13-й армии.

Тов. Клойзнер 19 лет работал в партии большевиков в России и за границей. По профессии он рабочий-наборщик. Он принимал участие в организации союза печатников, ведя ожесточенную борьбу с соглашательскими элементами. Во время войны он был в плену в Германии и вернулся оттуда только в августе 1918 г. с первой группой в 100 человек, освобожденных в первые дни пребывания нашего посольства в Германии. Приехав в Питер, он энергично принялся за партийную работу. Работал и по эвакуации пленных и беженцев и в Комиссариате продовольствия Северной области. Одно время он заведывал агитацией и пропагандой при Народном комиссариате путей сообщения, но не поладил с буржуазными специалистами и оставил там работу.

Перед приездом на фронт тов. Клойзнер работал в Тамбовской губ. После мамонтовского нашествия там был полный развал и в советской, и в партийной работе. Приехав с группой товарищей, он усиленно принялся за работу и работал буквально 20 и 22 часа в сутки. Выполняя обязанности секретаря губернского комитета, он поднял партийную работу на огромную высоту. Недаром партийная неделя в Тамбове дала 5.000 челов. Это была неделя подъема революционного праздника трудящихся. Одновременно он редактировал губернскую газету. До того момента в Тамбове во всех профессиональных союзах сидели меньшевики. Тов. Клойзнер не только вышиб их отовсюду, он разбил их морально. Одно время он заведывал отделом управления, давая живой импульс советской работе в губернии. Он всюду был толкачом, двигающей силой. Губернская партийная школа была создана им, и он уделял ей много времени. После отъезда его она закрылась.

Борясь беспощадно с соглашателями, он боролся с разгильдяйством и обывательщиной в партийной среде. Не мало нажил он себе врагов. В армии ра-

ботал в Особом отделе. Чуткий и нервный, он стал сильнее страдать неврозом. Будучи командирован в Москву, перенес тиф. Из Москвы по пути в Анапу, куда он ехал лечиться, выполнял сложные работы по поручению Особого отдела Кавказского фронта, чем окончательно расстроил свои силы.

КЛОЧКО ** **Володя**—пал жертвою петлюровских палачей.

На фоне старого дореволюционного подполья в Нижне-Днепровской большевистской организации тов. Клочко выделялся по многим причинам. Редко можно было встретить товарища в одно и то же время такого скромного, такого тихого, такого пламенного революционера, такого прекрасного организатора и вездесущего работника. Он был одним из первых членов большевистской ячейки в Нижне-Днепровске, созданной соединенными усилиями его друзей—Лебедя и Воронцова. В этой подпольной организации тов. Клочко выполнял самые разнообразные работы, начиная с самой черной, мелочной, до чисто теоретической, пропагандистской, заседая в Нижне-Днепровском комитете. Он организовывал собрания, он же охранял эти собрания в качестве патрульщика от бдительных глаз царской полиции и охранки. Он печатал листовки и воззвания, закупал за собственные деньги петроградские рабочие газеты «Звезду» и «Правду», и сам же приносил в мастерские и раздавал тайно от начальства мастерских эти газеты и листовки. Как только началась революция 1917 года, он становится одним из деятельнейших участников и организаторов закрепления этого переворота в Екатеринославе и Нижне-Днепровске. При столкновении железнодорожных рабочих со ставленниками правительства Керенского он становится во главе забастовочного комитета и до конца защищает интересы железнодорожных рабочих. В Екатеринославском Совете Рабочих Депутатов мы с товарищем Клочко сталкивались в организованной при Совете колоссальной библиотеке, создание которой взял на себя рабочий Клочко. Он испытывал какую-то благоговейную любовь к книгам. Всех поражала та нежность, та тонкость, с которой тов. Клочко встречал посетителей этой библиотеки-читальни—десятки рабочих и крестьян. Обычное в его устах слово вместо «товарищ»—«товарищечек» бросалось всем в глаза. По внешним данным в тов. Клочко можно было заподозрить соглашательский характер, но в сущности тов. Клочко всем свои существом противоречил этому подозрению,—если тов. Клочко и был соглашателем, то только влево. В тов. Клочко жил и клокотал бурно-пламенный революционный огонь. Отрицая в теории все, что противоречило марксизму, тов. Клочко относился с большим уважением к честным анархистам именно за бунтарские порывы их. Во время декабрьского восстания тов. Клочко работает по организации Красной армии. Во время прихода немцев в Екатеринослав тов. Клочко уезжает в Москву. Но беспокойному революционеру не сидится вдали от революционных битв, и он устремляется обратно на Украину в екатеринославское подполье. Он работает некоторое время, не покладая рук, в екатеринославском подпольном комитете, но петлюровские контр-революционеры прерывают его ценную для революции, для екатеринославских рабочих деятельность. До сих пор не выяснено, как погиб тов. Клочко, но печальный факт его отсутствия среди нас, его отсутствие на революционном посту так сильно дает себя чувствовать среди нижне-днепровских железнодорожных рабочих. (Из ст. М. Равич-Черкасского, помещ. в журн. «Летопись Революции» № 2, стр. 279.)

Из воспоминаний о тов. В. Клочко.

Его иначе не называли, как Володя, Володичка, несмотря на то, что он имел солидное количество лет, до 30-ти. Но с первого взгляда он располагал к себе своей мягкостью, живым участием в каждом деле, своей какой-то, доходившей иногда до детской наивности, искренностью. Он же всех называл: «Дорогой товарищечек»., всем улыбался и умел ко всему относиться с безыскусственной предупредительностью и чуткостью. В организации его все любили, в мастерской не было рабочего, который не считал бы себя хорошим другом Володи. Сколько наших ра-

бочих Володя привлек вплотную к организации, благодаря своим качествам! Когда одной из больших забот организации было распространение «Правды» и организация вокруг нее рабочих ячеек, самый большой успех был всегда у Володи.

Вот он стоит у станка с рабочим, уговаривает его подписаться на «Правду». Рабочий уверяет, что жалование не позволяет и что ему уже предлагал Петр (Воронцов), но он не может. Володя говорит, что он внесет подписную плату за него на первый месяц, и рабочий соглашается. Пришла получка, и рабочий сам несет деньги Володе. Володя отказывается, в конце концов берет для того, чтобы передать их в «фонд Правды». Сам же уплачивает подписку за спропагандированного им рабочего. Но были и такие рабочие, которые пользовались слабостью Володи. Подходит к нему безнадежный алкоголик Ванюшин и начинает исподоволь рассказывать, что у него ребенок больной, что он в долгах и что из кассы взаимопомощи ему ничего не дают, так как все уже взято. Володя говорит, что он врет, что ему деньги нужны на пьянство, уговаривает его бросить пить и выписать «Правду».—«Хорошо, «Правду» буду читать, а вот теперь давай мне взаймы рубль денег»—не отстает Ванюшин. Володя деньги дает, и они вечером обменены на водку и огурцы. А сколько Володя чужих долгов платил за поручительство по кассе. Не хватало его, довольно приличного для одинокого человека заработка в 45—50 рублей. Он также помогал семьям арестованных и сосланных товарищей.

Он умел создавать безыскусственную веселую обстановку, а часто и сам был объектом товарищеских шуток. Он был идеалист и при всех своих успехах в области теории исторического материализма и полит. экономии он часто сводил непреложные истины к философским спорам. Однажды, после лекции Антония (Скварчевского), он стал доказывать, что Антоний свел свою лекцию к формуле «человек живет для желудка» и что это грубо, ультра-реалистично и неверно. Длинные споры его не убедили. На следующий день Володя в мастерской собрал несколько рабочих в своем любимом лозняке. Один товарищ случайно наткнулся на разговоры его с рабочими, и его удивлению не было предела. Все, против чего Володя вчера протестовал, он приводил в своей аргументации рабочим. Когда его спросили, почему он прибег к такой форме пропаганды, против которой вчера возражал, он заявил, что это «понятнее рабочим, чем моя философия, и на этом примере я больше понял, чем на вчерашнем споре», (Сведения взяты из ст. Д. Заднепровец, помещ. в журн. «Летопись Революции» № 2, стр. 277.)

КЛЮГЕР Иван Иванович —сын рабочего. Имея калеку отца, он с 9-летнего возраста вынужден был поступить работать на стеклянный завод, пробыв там до 15-летнего возраста. Поступил в мореходную школу, которую кончить ему не пришлось, ибо, вступив в 1904 г. в Прибалтийскую организацию С.-Д. Р. П., он работал в ее боевых дружинах.

В 1905 г. тов. Клюгер эмигрировал за границу, преследуемый жандармами, где пробыл 4 года, не теряя связи с партией. Одновременно он продолжал самообразование и выдержал экзамен на домашнего учителя.

Вернувшись в Россию во время империалистической войны, он был призван в армию, в которой вел подпольную работу. После свержения самодержавия он в Риге организовал милицию, в то же время принимал участие в партийной работе. После занятия Риги немцами, с первых дней Октябрьской революции работал в Советской России, сначала в профессиональном союзе металлистов, затем в Отделе Управления Московского Совета.

Обладая большой физической силой, тов. Клюгер на субботниках и воскресниках приводил в изумление всех своей работой. Он не пропустил ни одного партийного собрания, ни одного субботника: личной жизни у него почти не было. Незаметный, тихий герой, молчаливый, тов. Клюгер всю свою жизнь отдал делу революции. Но тяжелый недуг безвременно свел в могилу стойкого и честного борца за человечество. Умер 25 января 1921 года.

КЛЯПИНИН — см. **Ремтер.**

КНИПОВИЧ Лидия Михайловна, «Дяденька»,—родилась в Финляндии, в селении Тусьбю Нюландской губернии, 15 декабря (старого стиля) 1856 г. Отец ее, Михаил Михайлович Книпович, происходивший из крестьян Ковенской

губернии, по национальности литовец, по окончании медицинского факультета в Дерпте (Юрьеве) поступил на службу военным врачом и большую часть своей продолжительной (37-летней) службы провел в Финляндии. Выйдя в отставку в чине действительного статского советника, он поселился в принадлежавшем ему маленьком имении Миккола в деревне Финбю, где и оставался до смерти, являясь бесплатным врачом населения окружающего района, очень плохо обставленного в медицинском отношении. Все хозяйственные заботы лежали на поселившейся вместе с ним Лидии Михайловне, окружившей старого отца самым заботливым попечением. Следует отметить, что после смерти матери в 1880 г. Лидия Михайловна, в сущности, почти целиком взяла на себя главные заботы в семье и заменила мать для младших брата и сестры. Мать Лидии Михайловны, Анна Федоровна, урожденная Моллер, дворянского происхождения, была чрезвычайной доброты и сердечности, сумевшая, несмотря на институтское образование, воспитать детей в атмосфере самой нежной любви и большой свободы. Дети в семье Книпович пользовались свободой, по тому времени необычайной; ни о каком гнете семьи, подавлении личности детей не могло быть и речи.

Л. Книпович.

У Лидии Михайловны было 3 брата: Михаил, Федор и Николай и сестра Зинаида; у них же жила также бабушка по матери, Анна Алексеевна. Семья была дружная, и жизнь 4-х младших членов текла в Гельсингфорсе и в имении отца бодро, деятельно и весело в кругу молодежи, среди которой были и люди развитые с широкими интересами и запросами (Михаил, значительно старше остальных, жил в то время в Петербурге).

Лидия Михайловна не получила нормального школьного образования. В детстве с нею занималась мать, потом она брала частные уроки, но своим образованием она была обязана, главным образом, самой себе. С детства она с жадностью читала, в Гельсингфорсе посещала некоторые лекции в университете. В качестве народной учительницы в Гельсингфорсе она проявила выдающиеся педагогические способности и пользовалась большим влиянием в школьных кругах и большой любовью детей.

Первое соприкосновение Лидии Михайловны с подпольным революционным миром, а именно с группой народовольцев, относится к концу 70-х годов. Во главе этой группы стоял в Гельсингфорсе учитель гимназии Павел Алексеевич Сикорский, бывший ранее артиллерийским офицером; к нему примыкал ряд офицеров (Вейгерт, Мощинский, Тарасов), учителей (Николай Платонович Вукотич и другие) и других лиц. Сикорский и Вукотич, а также некоторые другие были близкими знакомыми семьи Книпович. В 1881 г. эта группа провалилась в связи с арестом Рогачева. Последовали обыски, аресты. Сикорский был сослан в Сибирь, некоторые из арестованных поплатились более или менее серьезно. У семьи Книпович был произведен безрезультатный обыск и допрос Лидии Михайловны и ее сестры. В Гельсингфорсе эта первая русская политическая история вызвала величайшую сенсацию и возбудила большое негодование против русских властей, конечно, не постеснившихся нарушить при этом права некоторых финляндских граждан.

После смерти отца в 1889 г. Лидия Михайловна переселилась в Петербург. С этого времени начался период ее энергической деятельности как культурно-просветительной (в комитете грамотности и в школах для рабочих), так и революционной. Характерной чертой в ее деятельности было глубокое убеждение в настоятельной необходимости культурно-просветительной работы в рабочих кругах на-ряду с работой чисто революционного характера.

Небольшая, но по тому времени достаточная для скромной жизни, пенсия, которую Лидия Михайловна получала после смерти отца, позволяла ей не гнаться за заработком и свои силы и время посвящать прежде всего и больше всего той деятельности, которой она отдалась всею душой и навсегда. Она умерла в Симферополе 10 марта 1920 года.

Н. Книпович.

Воспоминания о Л. М. Книпович.

Лидия Михайловна, «Дяденька» (так звали в партии Лидию Михайловну), была старой партийной работницей. До начала 90-х годов она была народоволькой, работала в свое время с Рогачевым, и лишь в 90-х годах она стала социал-демократкой. Работа в партии Народной Воли воспитала из нее выдержанного подпольного работника. На нее можно было положиться, как на каменную стену. Никогда ни одного лишнего слова, ни одного лишнего вопроса, ни одного намека на свою или чужую революционную работу. Она вкладывала в работу всю свою душу, ненавидела болтовню, фразу, она не была ни оратором, ни писательницей, зато была незаменимым организатором. Надо ли было организовать распространение нелегальной литературы, поставить работу в районе, организовать явку,—никто не делал это так умело, как товарищ Лидия. Она умела втягивать людей в работу и воспитывать их на работе. Сама она беззаветно отдавалась работе, не жалея сил и здоровья. Влияние ее на молодежь было очень велико. Замечательно Лидия относилась к людям: внимательно, заботливо. Не один товарищ скрывался у нее, не один приезжал к ней передохнуть, и она окружала их таким вниманием, такой теплотой и заботливостью, что люди потом этого-никак не могли забыть. Умела она всегда найти для человека нужную ему ласку, делала все, что могла, шла на великий риск. Была она человеком убежденным, защищавшим резко и упорно свои мнения. Ко всем вопросам она подходила как-то своеобразно, часто совсем с неожиданной стороны. Когда она учительствовала в Варгунинской вечерне-воскресной школе (в Питере, за Невской заставой), у ней складывались с учениками сразу уже совсем особые отношения. Рабочие относились к ней с безграничным доверием, как к близкому товарищу. Не на одних только учеников влияла Лидия Михайловна, влияла она, и очень сильно, и на учащих этой школы. В 1895—1896 г.г. Лидия была посредницей между «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и группой народовольцев, приближавшейся уже по своим взглядам к социал-демократам и имевшей на Лахте типографию. Лахтинская типография по существу дела работала на «Союз Борьбы». В 1896 году Лидия была арестована с народовольцами, долго сидела в тюрьме, потом была в Астрахани в ссылке. Когда за границей стала издаваться «Искра», Лидия посылала для «Искры» корреспонденции, всякие материалы, укрепляла связи «Искры» с местами. Лидия принимала участие в организации II партийного съезда и затем съезда Стокгольмского. Все время Лидия работает в районах, ведет большую организационную работу, состоит членом П.К. Наконец, тяжелая болезнь заставляет ее уйти с работы и поселиться в Крыму. Но и не ведя непосредственной работы, Лидия всем сердцем была с большевиками, что привело к разрыву с рядом близких людей и сделало особенно тяжелым ее пребывание в Крыму. Умирая, в бреду она говорила о коммунистах, о свиданиях с ними, о том, как она будет работать с ними. Ее схоронили симферопольские рабочие.

Работа таких людей, как Лидия Михайловна, не бросается в глаза, и малоопытные люди не понимают даже часто, каких громадных усилий стоило налаживание той или иной работы. Кажется, что все как-то делается само собой, но заслуга перед партией людей, всецело посвящающих себя делу, огромна; без них не было бы той сплоченности, той внутренней силы, которыми по праву гордится Коммунистическая партия. («Правда» № 235 от 21 октября 1920 г.)

Н. Крупская.

О последнем периоде жизни Лид. М. в Крыму—см. статью С. Аллилуева («Красная Летопись» № 5, 1923 г., стр. 311).

КНЯЗЕВ** — сын бедного крестьянина, 22—23 лет, работал на разных заводах в Москве, а в начале 1918 г. поступил добровольцем в Красную Армию и отправился на колчаковский фронт. К концу 1918 года по командировке своего полка тов. Князев поступил на 2 Московские командные курсы и совместно с ними переехал в Харьков. В апреле 1919 года отряд курсантов отправился под Екатеринослав, где наступал памятный всем батько Григорьев. В качестве командира взвода на фронт отправился и т. Князев. В одном из боев под местечком Кайдаки бандам Григорьева удалось контр-наступлением отбросить правый фланг наших частей, прикрывавший левый берег Днепра, протащить трехдюймовку и начать обстрел центра наших частей. Т. Князев, командовавший взводом в центре боевого участка, заметив обход неприятеля, двумя отделениями повел наступление. Пройдя шагов 50, он со своими штыками бросился в атаку с криком «вперед!»... Но в это время злая пуля бандита сразила молодого красного командира. Дня через два его труп был найден в покойницкой больницы мест. Кайдаки, отправлен в Харьков и там похоронен в братской могиле.

Борис Аннин.

КНЯЗЕВ Николай—пал в борьбе с белыми под Псковом в конце сентября 1919 года. («Б. Правда» № 35 от 17 октября 1919 г.)

КНЯЗЕВСКИЙ—начальник Иманской милиции (на Дальнем Востоке), убит в начале июня 1920 г. русскими офицерами, которые именем японского штаба вызвали его с помощником в пос. Графский и обоих убили.

КОБЗЕНКО ** —захвачен махновцами в юзовском районе с транспортом большевистских прокламаций и повешен ими. (Сведения взяты из ст. Ф. Зайцева в сб. «Октябрьская революция».)

КОБЫЛЯНСКИЙ ** — см. **Гольдберг, В. А.**

КОВАЛЕВ * Виктор Семенович—сын бедного казака Кременской станицы Усть-Медведицкого округа Донской области, родился в 1883 г.

В 1905—1906 годах, будучи на военной службе в Петрограде, в л.-гвардии атаманском казачьем полку, нестроевым—кузнецом, горячо принялся за революционную работу (верней, за революционизирование в первую очередь себя), за что царским правительством был осужден на 12 лет в каторжную работу и сослан в Сибирь.

После февральской революции он возвращается из Сибири домой на Дон, попадает прямо на первый казачий съезд Донской области (13 апреля 1917 г.) и там проповедует идеи социализма. Конечно, для многих он тогда показался наивно-смешным, для других — глупым, а для третьих — агентом Ленина, работающим на немецкие деньги. Летом 1917 года он работает среди ростовских рабочих в Юзовском, Макеевском и других районах. Баллотируется в списке № 5 (Р. С.-Д. Р. П. б.) в Учредительное Собрание по Донскому избирательному округу. В октябрьские дни принимает участие в Питере, пишет статьи, воззвания к казакам, организует казачий отдел при В. Ц. И. К. и т. д.

После разгрома Каледина, в апреле 1918 года, тов. Ковалев проводит первый Донской Областной Съезд Советов и избирается председателем областного Исполкома Донской Автономной Республики (тогда Дон-области была предоставлена автономия). Создание Советской власти на Дону, появление банд Корнилова, подход немцев к Дону,—все это требовало настойчивости, энергичной неустанной работы, которая ложилась на плечи тов. Ковалеву, как председателю, и он эту работу выполнял с успехом. С приходом немцев на Дон и появлением Краснова на арене тов. Ковалеву едва-едва удается вырваться из лап бушующей донской контр-революции и на некоторое время он остается для работы в гор. Царицыне в «Казачьей секции» Царицынского совдепа. Затем отдает себя для работы в Красной армии, где в качестве комиссара тогда «Медведицкой Советской дивизии» (позже переименованной в 23-ю стр. дивизию) неутомимо работает над созданием политорганов и комячеек в частях, не только словом, но и делом, находясь в передней цепи всех опасных мест.

Царская тюрьма, ссылка в Сибирь, всевозможные лишения, непосильные работы на Дону и в армии, конечно, не могли не отразиться на его организме.

И вот, страдая чахоткой, находясь в дивизии, в сырой холодной обстановке, он слег в постель, и в феврале 1919 года Виктора Семеновича не стало. Труп похоронен в слободе Михайловке при станции Себряково Ю.-В. ж. д. Усть-Медведицкого округа на «Братской могиле».

КОВАЛЬСКИЙ ** — агитатор, активный работник ученического бюро и латышской секции в г. Воронеже. Личный друг Матусевича, погиб вместе с ним в Латвии.

Врачев.

КОВШЕВ ** **Виталий Дмитриевич** — командир N-й стрелковой бригады, пал смертью храбрых в ночь на 12 ноября 1920 г. в борьбе с белогвардейскими бандами Булак-Балаховича [1]).

N стрелковая бригада, первая приняв на себя удар наступавших на Мозырь банд Балаховича, была оттеснена противником и по взятии г. Мозыря бандами Балаховича; потеряв связь с другими частями, принуждена была совершить фланговый марш. Умело и энергично руководимая т. Ковшевым, она уже подошла к реке Припеть, и с утра части должны были начать переправу. Дабы влить энергию, уверенность в части и сделать соответствующие распоряжения, т. Ковшев с военкомбригом и штабом, объезжая части, к вечеру 11 ноября прибыл в дер. Правтюки, где стояли части одного из полков бригады. В этой деревне задержались до поздней ночи и решили остаться до утра. Сняв посты и узнав пропуск, около 12 часов ночи в дер. ворвались партизанские банды Балаховича, окружили дом, в котором помещался штаб и находились—командир бригады т. Ковшев, военком, его помощник, начальник штаба и другие; сняв часового, несколько человек ворвались в хату и, угрожая револьверами, скомандовали: «Ни с места, руки вверх!». Никто из присутствующих не растерялся. Момент... В руках револьверы... Выстрелы... Огонь потушен... Противник из хаты бежал. Некоторые выскочили из хаты в окна, некоторые взяты в плен и бежали после. Остался в хате командир бригады т. Ковшев, В. Д., убитый наповал выстрелом из окна.

В. Ковшев.

Тов. Ковшеву было всего 26 лет. Уже с марта 1917 года он работал в рядах большевиков, принимая активное участие в борьбе против буржуазии в Златоустовском горном округе. В марте 1918 года был председателем Златоустовского Военно-революционного комитета. Не зная совершенно военного дела (в царской армии не служил), организовал красногвардейские отряды и конный партизанский полк. Командуя отрядами, а после конно-партизанским полком и принимая участие в боях с мая 1918 года по февраль 1919 года на Восточном фронте, он проявил редкую энергичную твердость и продуманность во всех своих действиях. С целью приобрести военные знания т. Ковшев с марта 1919 года поступил слушателем Академии Генштаба Рабоче-Крестьянской Красной армии, где пробыл до октября. Угроза Петрограду со стороны Юденича; т. Ковшев, назначенный Военкомом Московских курсов, отправляется с ними на Петроградский фронт, откуда через месяц вновь возвращается в Академию. Февраль 1920 года—на военных фронтах затишье и развитие работы на трудовых фронтах. Т. Ковшев по собственному желанию с немногими из слушателей Академии Генштаба рвутся на трудовой фронт и едут в первую революционную армию труда. В г. Екатеринбурге, центре всего Урала, т. Ковшев занимал должность управляющего делами комитета по трудовой повинности при Совтрудармее, где много способ-

---

[1]) По сообщению тов. Ф. В-на тов. Ковшев погиб 30 ноября. *Примеч. Истпарта.*

ствовал восстановлению государственной промышленности Урала и сотрудничал во вновь издаваемом журнале «Серп и Молот». Начались военные действия на Западной фронте против поляков, т. Ковшев едет на фронт. В качестве помощника по оперативной части 8-й стр. дивизии участвует в наступлении, по отзыву Начдива 8, проявляет энергию, точность и быстроту исполнения полученных распоряжений и правильность решения различных возложенных на него задач. Приняв с 1 октября командование бригадой, т. Ковшев, энергично и умело руководя действиями частей бригады, проявил громадное способности, знание и считался энергичным и злающим командиром бригады. *П. Курябин.*

Тело тов. Ковшева перевезено в Москву и похоронено на Красной площади.

КОГАНОВ М — см. Шаумян.

КОГОДА—милиционер на Имане; убит выстрелом из револьвера сотником Кореневым при попытке задержать его после убийства им т.т. Уткина и Гражен-ского в июне 1920 г.

КОЗЛОВ—конный разведчик, погиб в боях под Петроградом в 1919 г. («Б. Правда» № 52 от 4 ноября 1919 г.)

КОЗЛОВ**—находился в Самаре в числе заложников, захваченных чехословаками в 1918 г. и содержавшихся в здании вокзала. К самарской организации он не принадлежал, а был привезен чехами из другого города. В 2 часа ночи, накануне отправки заложников в Сибирь, в помещение к ним вошли вооруженные солдаты и стали кричать и оскорблять их, в особенности издевались над т. Козловым, которого впоследствии вывели и расстреляли. (Сведения взяты из ст. З. Козловой, помещ. в журнале «Пролет. Рев.» № 9, стр. 305.)

КОЗЛОВСКИЙ В. (**«Славка»**) — б. секретарь, преподаватель курсов при союзе металлистов в г. Благовещенске. После ликвидации союза перешел на нелегальное положение. Работал в организации максималистов—в отделах формирования рабочих отправки оружия на Сучан, Ольгу и т. д. И, наконец, сам пошел в сопки—«в ряды погибающих за великое дело любви». Существовавший в то время Обревком уполномочил его быть своим представителем в Рев. Шт. партизан... Но он отказался, предпочитая ряды партизан сидению в штабе. После Анучинского разгрома Козловский с одним товарищем пробирался к Спасску. Обессиленные, голодные, они остановились ночевать у одного крестьянина... Приютились в огородах... Сердобольный хозяин принес им молока, хлеба. И, казалось, они были в безопасности. Но случайно бывший в избе один из крестьян оказался японским шпионом... Японцы, узнав о местопребывании двух партизан, выслали целый отряд в 50 человек для их ликвидации... Подошли к забору. Дали залп... Те бросились бежать... Второй залп по убегавшим... Козловский упал..: Но, обливаясь кровью, продолжал отстреливаться. К упавшему подбежали два японских офицера, наставили револьверы к вискам... и выстрелили... Перед этим он крикнул успевшему убежать товарищу:—«Передай матери—я умер». Это были его последние слова. (Сборн.«Красная Голгофа», стр. 107—108.)

КОЗЛОВСКАЯ ** **Евдокия Григорьевна (Дуся)**—работница гор. Николаева, в партию вступила в 1917 году во время февральской революции в Петрограде. Работала затем в Николаеве в нелегальных организациях во время немецкой оккупации и при занятии Николаева деникинцами. В 1920 году, после окончания инструкторских курсов, была послана Губкомом на партработу в гор. Алешки. Проработав там несколько времени, весною 1920 года была зарублена при занятии Алешек врангелевскими бандами. Хороший товарищ и отзывчивый человек, т. Козловская немногие годы своей сознательной жизни (убита молодой—23 лет) отдала борьбе за торжество пролетарской революции.

КОКОВИХИН* **Михаил Николаевич**—солдат, в 1917 г. — председатель дивизионного комитета, пал в боях с белыми под Псковом в конце сентября 1919 г. («Б. Правда» от 19 октября 1919 г. № 35.)

КОЛБЕНОВ Михаил Михайлович — коммунист Московской окружной организации Мытищенского района. Погиб в бою под Новохоперском в декабре 1918 г.—См. **Моисеев.**

КОЛДИН—слушатель высшей партийн. школы.—См. **Загорский.**

КОЛЕЙКО ** **Савва (А. Веткин).**—В ночь на 12 марта 1919 г. в Благовещенской тюрьме, по официальной справке, умер от «сыпного тифа», хотя после вышедшие из тюрьмы, сидевшие с ним в одной камере, говорили, что он был отравлен. Арестован он был ночью 7 ноября 1918 г. знаменитым агентом контрразведки Лейшей и Михаилом Писаревым. Как сейчас помню момент нашего ареста, как все тот же Лейша с Писаревым ухищрялись в обыске, как старательно искали оружия, а главное—деньги. «Хорошо» нас встретили их почтенные начальники г-да Рифман и Безруков, которым Лейша сказал:—«Вот привели двух супчиков». Меня после допроса освободили, а Савву... Савву в числе 13-ти рано утром 14 марта тюремные дроги увезли на погост... Тов. Колейко—уроженец Харьковской губ. В раннем детстве вместе с своим дядей приехал во Владивосток, где 14-ти лет поступил в типографию и до конца дней своих он не порывал связи, не бросал свинцовую армию. Уже 16-ти лет, посещая тогда еще подпольные собрания владивостокских печатников, он вносил дельные и серьезные предложения, а затем, испытав трехмесячный карантин за подготовку к стачке, он покинул Владивосток. В Благовещенске он также близко сроднился с печатниками, поставил на должную высоту культурно-просветительную часть, чем обратил на себя внимание властей и вынужден был выехать в Иркутск, где его также не оставили в покое,—там Савва принимал большое участие в антиоборонческой группе с.-д., и не раз приходилось ему в низких лачугах Знаменского предместья (в Иркутске) проводить ночи за работой у станка над прокламациями. В декабре 1914 года он снова возвращается в Благовещенск и попадает на военную службу. Будучи солдатом и находясь в Пензенской губ., он усиленно учится у студента (он самоучка). Болезнь и тут не дала ему проявить свои способности.

В 1916 году он оканчивает школу прапорщиков в Оренбурге, командируется в Юрьев, а затем за неспокойный характер откомандировывается в 480-й пех. полк, где и командовал ротой после февральской революции. Октябрьские события застают его, отравленного газами, в одном из полтавских лазаретов, потом он работает в газете корректором, но не забывает далекий Амур, далеких Амурских печатников,—в феврале 1918 г. прибыл в Благовещенск, где по поручению Союза Печатников выступил парламентером во время гражданской войны, после чего дважды его выводили на расстрел, и только случайно знакомый спас его от расстрела белыми. Затем был редактором газеты «Известия Сов. Раб., Сол. и Кр. Деп.», писал статьи, давал недурные фельетоны, а также работал и в Военном комиссариате, принимал участие в разработке плана организации Кр. армии, потом переходит в газ. «Земля и Сотрудничество» и становится членом объединенной орг. С.-Р.-максималистов и левых; с.-р. переворот загоняет его снова в подполье.

Сидя в тюрьме, он является инициатором голодовки и издателем тюремного «Черного Знамени». (Свед. взяты из ст. И. Петрова, помещ. в сб. «Красная Голгофа», стр. 106).

КОЛОБОВ **—см. **Аппельбаум.**

КОЛОДОЧКИН** **Илья.**—Илюшу знал весь 35-й Рабочий Рог.-Симоновский полк. Сначала он был в полковой школе, затем комиссаром I батальона полка. Он—бывший рабочий самого крупного в районе завода Гужон, а перед партийной мобилизацией работал в продовольственном отделе Райсовета. Веселый, подвижной, высокого роста, он был любимцем не только батальона, но и всего полка. В начале марта 1919 года он берется во время боя передать командиру III роты об отступлении. III рота находилась в это время в заставе на берегу Донца. Благодаря многочисленности казаков и знанию ими местности, она была обойдена и окружена, итти к ней—это итти на верную смерть, но Илюша пошел. При спуске с возвышенности к Донцу он был ранен в правое бедро, в мочевой пузырь с выходом в левое бедро; эта рана парализовала ему ноги. Видя приближение казачьей цепи, он спрятал наган и партбилет в камни, а сам притворился мертвым. Удар прикладом по спине был со стороны казаков пробой его смерти, а затем цепь пошла дальше. $2^1/_2$ версты до хутора Дубового он полз несколько часов,

часто теряя сознание. В хуторе Дубовом он попал в хату казака-варвара, который отобрал у него деньги, часы, а затем выкинул на двор, а когда Илюша, спасаясь от холода, залез в свинятник, то казак вытащил его и оттуда. Соседка казака, немка-колонистка, приняла в нем участие, приютила его в хате, накормила, сделала ему перевязку и сообщила в полк. На утро Илюша был в полку, окруженный братской любовью и участием, но это был уже желтый восковой полутруп. Эвакуированный в тыл, он, из-за недостатка перевязок и лекарств, умер в бригадном госпитале и похоронен в Ефремово-Степановской станице Донской области. Начитанный и убежденный коммунист, он умер на заре своей молодости около 20 лет от роду. *Андрей Паршин.*

КОЛОКОЛЬНИКОВ. — С одним из питерских революционных полков отправился на фронт доброволец 14—15 лет Николай Колокольников. Мальчик переносил без ропота все тяжести походной боевой жизни и везде был первым. В сентябре Колокольников, вместе с другими, был взят в плен белогвардейцами и отправлен на принудительные работы. Но не захотел он работать на врагов и сбежал с работ с 7—8 товарищами. Пробраться им на нашу сторону не удалось. Колокольникова выдал один железнодорожник. Поймав мальчика, стали пытать его. Они били его, ломали ему пальцы, вывертывали ноги из суставов, но ничего не добились. Колокольников молчал и только просил, чтобы его скорей расстреляли. Конечно, белые не пожалели мальчика. («Боевая Правда» № 7 от 15 сентября 1919 г.)

КОЛОМЕНЦЕВ—финский курсант, пал в боях с белыми под Петроградом в 1919 году. («Б. Правда» № 61 от 14 ноября 1919 г.)

КОЛОСОВ—член Р. К. П., расстрелян на Петроградском фронте под ст. Елисаветино, в ноябре 1919 г. («Петр. Правда» 1919 г. № 269.)

КОЛЫЧЕВ Тимофей—см. **Подтелков.**

КОЛЬГОФ—рабочий-коммунист, германский подданный, расстрелян чехословаками в сентябре 1918 г. в г. Красноярске.

КОЛЬНЕР* Александр («Шура», «Азорский», «К. Ольнер») — пропагандист и агитатор по преимуществу, вел организационную и литературную работу в г. Воронеже; в тревожные моменты выполнял самые опасные поручения. Во время Врангелевской эпопеи в Крыму был секретарем Симферопольского Горкома. При аресте отстреливался до последнего патрона, был захвачен и после военно-полевого суда повешен в апреле 1920 г. в Симферополе вместе с 15 другими партийными товарищами.

Воспоминания об Александре Кольнере.

Впервые я встретился с Шурой Кольнером незадолго до революции, в Воронеже. Я служил тогда в одном запасном полку. Через тов. У. связался с местной ученической организацией. Как-то раз мне сообщили о собрании организации, на котором должен был делать доклад их представитель, только что вернувшийся из Петрограда, куда ездил за литературой и для установления прочных связей. Мы были в большой светлой комнате одного из буржуазных кварталов Воронежа, в которой после сырой казармы чувствовалось так тепло и уютно. В комнате шумели и весело болтали десятка полтора-два безусых юношей и молодых девушек. На лицах большинства играли беззаботность, вовсе несвойственная, казалось мне, людям, собравшимся для разрешения вопросов о низвержении самодержавия и социальной революции. Докладчик—Шура Кольнер—был едва ли не моложе всех остальных. Он говорил горячо, с подъемом. В этом полуребенке чувствовался неисчерпаемый запас энергии. Но он производил впечатление экспансивного и немного поверхностного юноши...

Февральская революция... Она застала меня в казарме. В подполье в Воронеже была только ученическая ячейка. Центральной фигурой в наших рядах был покойный Николай Николаевич Кардашев. Его руками была восстановлена

организация. И огромную роль играла молодежь, забросившая свои гимназические чемоданы и всецело отдавшаяся организационной работе. Среди них я особенно помню нескольких товарищей, впоследствии занятых разного рода ответственной работой, и в их числе Кольнера. Его живая натура искала живой работы и находила ее только в большевистской организации. Он всегда был с массами. Подросток, он умел подойти и к своим сверстникам и ко взрослым, умел связать их общими нитями, спаять во имя общей великой идеи. В нашей организации, кроме меня, было еще несколько солдат. Мы были их представителями в ротных и полковых комитетах, в Совете, очень скоро стали руководить солдатской Секцией. Но никто так близко не сошелся с солдатской массой, как Шура. Шура и В-ев, тогда еще только начинавшие революционную деятельность, первые повели систематическую агитационно-пропагандистскую работу среди солдат Воронежского гарнизона. В. был лишь немного старше Шуры. Но он был солдат. Шура же не расставался с гимназической фуражкой. Мы, поэтому, по понятным причинам, старались удерживать его от появления в казармах и от публичных выступлений. Шура работал главным образом среди тех только солдат, которые собирались в занимаемом нами помещении. Но, полный энергии, он не останавливался на этом. Среди молодежи он вел самую живую работу. Его энергии обязан появлением первый номер печатного органа молодежи. Из его статей, которые заполняли не меньше половины номера, было видно, что автор их не плохо владеет пером. Литературным талантом веяло и от его дальнейших статей.

Был ясный солнечный день. На вокзале ждал своего отправления на фронт эшелон из нескольких рот. Открылся митинг. Пели и играли марсельезу. Говорили патриотические речи. Вдруг... резкий, неприятный диссонанс. На трибуне мальчишка-гимназист и, вероятно, по обыкновению, в красной рубашке. Он говорит искренно, горячо. Говорит о том, что думал про себя, но боялся или не умел высказать почти каждый фронтовик—о многолетней бойне, о людской крови и золоте, о горах костей на опустошенных полях и о миллионах прибыли, об опасностях, которыми грозит революции продолжение войны. В результате выступления—на вокзале свалка, говорят «пострадал» начальник станции (или его помощник), пытавшийся помешать Кольнеру...

Вскоре я уехал из Воронежа и не встречался с Кольнером около года. В начале 1918 г., как-то случайно, я увидел его на улицах Москвы. За год он значительно вырос, возмужал, стал серьезнее, сосредоточенней. Он поступал тогда или уже поступил на курсы инструкторов в Наркомтруде. Мы оба были рады встрече. Я видел в нем талантливого юношу. Он нравился мне своей простотой, искренностью. И я боялся, что, всецело отдавшись практической работе, он так и останется «полузнайкой» получеловеком. Теперь он бегал по Москве, искал литературу. Мы много говорили о марксистском самообразовании, о необходимости приобретать знания и знания, о тех практических способах, при помощи которых, без ущерба для партии, для революции, для текущей работы можно было бы безгранично накоплять знания, увеличивать теоретический багаж, закалять себя не только в революционной практике, но и в марксистской теории. Мы условились с ним, что, по окончании курсов, он получает командировку в Курск, где я тогда работал. Вскоре он был в Курске.

В Курске немало было хороших товарищей, о которых у меня остались светлые воспоминания. Шура Кольнер был одним из тех, с кем я больше всего сжился, сблизился. Здесь я знал его как в работе, так и в повседневной жизни. По приезде он был назначен заведующим Губернским Отделом Труда, тогда еще называвшимся «Комиссариатом Труда». Он не был похож на многих наших «комиссаров». Энергичный юноша, он умел не только работать в учреждении, но и поддерживал живую связь с рабочими массами, несмотря на то, что одновременно он состоял ответственным редактором органа Губисполкома и Губкома Р. К. П. У него хватало времени и на выполнение советских обязанностей, и на массовую партийную работу; он умел уделять время и на самообразование. В январе 1919 года я был командирован на Украину. Перед отъездом с группой

товарищей, в том числе и с Шурой, мы мечтали о перспективах работы на новых местах. Почти одновременно мы выехали из Курска целой группой. Однако мы разбрелись по разным концам Украины. Шура, задержавшись работой, которой не мог бросить, выехал несколько позже. Вследствие расстройства сердечной деятельности, Шура, по совету врачей, уехал вместе с двумя другими курскими работниками в Крым, где во время деникинщины и остался для подпольной работы. Там же он и Соня Разумова, работавшая вместе с нами в Курске, зверски убиты белыми в 1920 году.

По дороге в Крым и из Крыма я получил от Шуры несколько писем. Они были полны веры в революцию и в свои силы, которых он не щадил для будущего. В них, правда, проскальзывали нотки разочарования в отдельных товарищах. Полный идеалистических порывов, он не мог примириться с некоторыми грубыми явлениями, производившими на него отталкивающее впечатление. На них он сетовал в своих письмах. Кристально-чистая душа, он был цельным характером. Впечатлительный, нежный в товарищеских отношениях, он имел достаточно твердости, чтобы не быть духовно сломленным бурею жизни при первых же разочарованиях—в людях, но не в идее. Шура Кольнер был богато одаренным талантливым юношей, с многогранным умом и разносторонними запросами. Пламенный агитатор и недурной организатор, этот юноша вносил в борьбу много свежести в жизни. Он погиб, не сумев дать, быть может, и сотой доли того, что было заложено в нем природой. *А. Рындич.*

КОЛЯДЕНКО ** —матрос Черноморского флота. Наркомфин Тавриды,—См. **Слуцкий.**

КОМИССАРОВ ** **С.** — председатель Гомельского Ревкома. Тов. Ч. писал о нем в «Известиях Ревкома»: «Его политическая деятельность, его активная работа в рядах борющегося пролетарского авангарда началась в конце 1913 года. В подпольных нелегальных кружках (Полесской организации Р. С.-Д. Р. П.), на массовках в лесу, в душных и низких подвалах—там встречались мы... Революция, обнажившая многие прежде не замечавшиеся противоречия и антагонизмы, заставила его пережить глубокий мучительный кризис. Сначала он колебался, проповедывал единство социалистических партий. Но здоровое пролетарское чутье, ясный ум не замедлили взять в нем верх. Он стал в ряды революционного авангарда... Когда, в начале 1918 года, под натиском наступающих полчищ немецкого империализма Советская власть вынуждена была уйти из нашей области, и многие Советы даже слишком поспешно уходили, то же самое произошло в Гомеле, где большинство наиболее ответственных и активных работников Совета и партии ушло за неделю до прихода немцев,—он был в числе той ничтожной по численности кучки, в течение целых восьми дней отстаивавшей здесь Советскую власть и ограждавшей город от разгрома его бандами пьяных хулиганов.

«В Москве, где он очутился после вынужденного отъезда из Гомеля, он сразу выделяется, входит в президиум Лефортовского районного совета, избирается председателем партии того же района. В трудные дни чехо-словацкого восстания он ушел на фронт. Здесь он участвует во взятии Казани, проделывает всю славную эпопею очищения Волги и Заволжья от сил контр-революции. Начав простым красноармейцем, проделав и испытав все трудности боевой походной жизни, он доходит до поста комиссара бригады. Узнав об освобождении Гомеля от немецко-гайдамацкого ига, он поспешил вернуться сюда и здесь он нашел свою гибель»...

Тов. Комиссаров был убит во время Стрекопытовского мятежа в г. Гомеле 26 марта 1919 г.— См. **Билецкий Николай.** (Свед. взяты из брош. Г. Лелевича. «Стрекопытовщина».)

КОМКИН **—см. **Уткин.**

КОМЛЕВ* **Абрам Павлович** — родился 30 октября 1879 года в деревне Петропавловке Харьковской губ., Валковского уезда. Будучи сыном крестьянина-землепашца, он провел свое детство в деревне, но благодаря физическому

недостатку—хромоте—заняться земледелием не мог, а потому с 12 лет был отдан портному в ученики, и таким образом определилась его будущая профессия. Рано оторвавшись от деревни и родной семьи, с юношеских лет испытав на себе всю тяжесть жизни бедняка-пролетария, Абрам Павлович очень рано проникся духом классового самосознания и всю жизнь и все силы свои положил на борьбу с буржуазией и царским самодержавием. Будучи еще в очень молодом возрасте, скитаясь по портновским мастерским юга России, он попал в Лозовую Севастопольскую, где встретился и очень близко сошелся с революционно-настроенной семьей Дридзо. Время, проведенное в кругу этой семьи, было всегда самым лучшим и светлым воспоминанием Абрама Павловича о днях своей юности. Благодаря вниманию сестер Софьи и Раисы Дридзо, а, главным образом, их брата Соломона Абрамовича (т. Лозовского), его первого революционного учителя, он пошел по пути подпольно-революционной жизни и начал работать как активный член Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Работал сначала на Украине, а потом в Ярославле, где перешел на нелегальное положение и работал под кличкой «Володя».

А. Комлев.

В Ярославле он был арестован и просидел 9 месяцев в одиночке ярославской тюрьмы. Свое одиночное заключение он хорошо использовал для получения самообразования и много работал над своим саморазвитием. Впоследствии он рассказывал, как много удалось ему там прочитать хороших книг, и частенько с удовольствием вспоминал об этом периоде своей жизни. Режим для политических заключенных в то время в тюрьме был суровый; несмотря ни на что, настроение заключенных было бодрое, сознание правоты своего дела придавало им силу и бодрость переносить тюремные невзгоды и мучения царских сатрапов. После своего освобождения из ярославской тюрьмы, весной 1905 года Абрам Павлович снова переехал на юг и работал в Одессе.

Во время восстания на броненосце «Потемкин» и бомбардирования Одессы в июне 1905 г., он, как неблагонадежный элемент, был арестован и в числе многих других в 24 часа выслан из Одессы в г. Повенец Олонецкой губернии, где и пробыл до манифеста 17 октября того же года. По манифесту был амнистирован и снова вернулся на родину. После 2-х месяцев партийной работы на Украине, преследуемый полицией, он должен был оттуда бежать и приехал в Казань по партийной явке из Харькова для работы в Казанской с.-д. организации. Вскоре Абрам Павлович поступил в портновскую мастерскую Банарцева. Пользуясь большой популярностью среди рабочих-портных, он принял деятельное участие в организации профессионального союза портных и был первым его председателем, а также членом существовавшего тогда нелегально центрального Бюро профессиональных союзов. В то же время он активно работал в партийной организации и состоял членом Казанского комитета Р. С.-Д. Р. П. большевиков. В апреле 1907 г. Абрам Павлович был арестован казанской жандармерией по подозрению в принадлежности к с.-д. партии и в июне того же года выслан административным порядком на 2 года в г. Устьсысольск Вологодской губ. Через два года, возвратившись из ссылки в Казань, он застал здесь полный разгром партийной организации, но уже не мог принять активного участия в воссоздании ее в силу того соображения, что боялся провалить все дело, так как был слишком хорошо известен местным властям и чувствовал за собой постоянную слежку. Не имея больше возможности вести партийную работу, Абрам Павлович все же не терял связи с партией, всегда живо интересовался ее жизнью и горячо к сердцу принимал все пар-

тийные интересы. Будучи очень хорошим портным-художником своего дела и имея полную возможность открыть мастерскую, он все время продолжал работать на катке мастерской Банарцева, т. к. стремление к накоплению собственности было ему совершенно чуждо, и мысль об эксплоатации чужого труда, как противоречащая его пролетарской этике, противна.

Со времени февральской революции он бросил работу своей профессии и снова стал на путь революционной работы. С первых же дней он был избран в члены Исполнительного к-та общественной безопасности и был членом Исполкома Совета Депутатов. В апреле 1917 г. был делегирован вместе с погибшим впоследствии от туберкулеза т. Волковым Казанской организацией большевиков на Всероссийскую парт. конференцию в Петроград. Как старый идейный большевик, он со всей силой своей энергии отдался работе и был известен в Казани как сильный митинговый оратор-большевик, всегда с энтузиазмом и страстностью своего живого темперамента призывавший рабочие массы в ряды большевиков.

После Октябрьской революции, когда мечта всей жизни Абрама Павловича воплотилась в жизнь и пролетариат стал у власти, когда он, стойкий борец за достижение рабочей власти, должен был бы все силы свои напрячь и положить их на укрепление этой власти, на развитие ее полноты и мощи,—организм его не выдержал. Он, надломленный многолетней борьбой и лихорадочно-горячей работой последних месяцев, заболел нервным расстройством и на несколько месяцев выбыл из строя. И только в апреле 1918 года он настолько оправился и окреп, что снова мог вернуться к общественной работе и начал свою деятельность в области профсоюзной работы, как инструктор союза пищевой промышленности, где и проработал до взятия Казани чехо-словаками, дня своей смерти—7 августа. Когда в августе 1918 года чехи заняли Казань, он не успел скрыться. Утром 7 августа к нам на квартиру явился белогвардейский офицер Антипин в сопровождении юнкера. Они схватили Абрама Павловича, арестовали и увели его в дом бывш. Набокова и там расстреляли.

А. Комлева.

(«Пути Революции». Истор. журн. татбюро Истпарта 1923 г. № 3.)—См. **Фролов.**

КОМРАКОВ ** **Иван Антипович**—по возвращении с германо-русской войны вступил в члены Р. К. П. (б) Орехово-Зуевской организации; в апреле 1918 г. был мобилизован; до того служил начальником милиции 1-го отделения. Это был преданный и честный работник, отдавший себя всецело на дело революции. (Свед. вз. из сб. «Братская Могила».)

КОНДАКОВ—расстрелян учредиловцами на Воскресенской площади в г. Самаре по дороге в тюрьму в 1918 году. («В дни Самарской Учредилки» Г. Лелевича, стр. 21.)

КОНДЕР**—см. **Уткин.**

КОНДРАТЬЕВ А. А.—был членом Коммунистической партии Выборгского района гор. Петербурга. В августе 1918 года, при первом призыве партийных работников на чехо-словацкий фронт, он, по собственному желанию, с первой же группой коммунистов выехал в Москву, откуда был отправлен на фронт под Казань. Здесь он вскоре был назначен комиссаром Невельского советского полка.

Во время одного из особенно ожесточенных боев (это было 10 октября 1918 г. при взятии красными войсками гор. Бугульмы) тов. Кондратьев, во время рукопашного боя, ворвавшись в неприятельские ряды, оказался окруженным со всех сторон белогвардейцами. Видя неизбежную гибель, он, однако, не растерялся, не потерял присутствия духа и силы воли, а, уложив наповал 4-х белогвардейцев, последней пулей, на глазах у врагов, покончил с собою, не желая сдаваться живым. «Коммунисты умирают, но не сдаются»—были его последние слова. («Правда» № 246 за 1918 г.)

КОНОВАЛОВ Александр—см. **Подтелков.**

КОНОВАЛОВ Андрей—см. **Подтелков.**

КОНОВАЛОВ Дмитрий—см. **Подтелков.**

КОНОВАЛОВ Николай—см. **Подтелков.**

КОНОВАЛОВА—пролетарка, изведавшая до революции всю тяжесть и гнет царского режима, ссылку в Сибирь, голод и лишения. Коммунистка с первых дней революции, она славно заменила на боевом посту свою мать-коммунистку, которая умерла тремя днями раньше ее. Т. Коновалова была членом правления Петроградского губернского отдела союза медикосантруд и членом партии Смольнинского района. Еще не совсем оправившись от сыпного тифа, она уже руководила санитарным отрядом на передовых линиях. Во время боя была ранена в ногу, и, эвакуированная в тыл, она вскоре умерла в больнице от заражения крови.» («В. Правда» № 65 от 16 ноября 1919 г.)

КОНСТАНТИНОВ Григорий Иванович—был одним из видных партийных и советских работников Воскресенского района, Коломенского уезда, Московской губернии. Он был председателем Колыберевского подрайонного комитета Р. К. П. и казначеем волостного совета. Он скончался 4 мая 1919 года от черной оспы. («Правда» № 102 за 1919 г.)

КОНСТАНТИНОВ Иван—трагически погиб вместе с тов. Артемом. Он был болгарским углекопом, родился в 1887 году в г. Тарне-Ореховатце.

Из бедной семьи, он с ранних лет работает на «чужих». Кончив курс первоначального училища, он работает огородником в России несколько лет. После своего возвращения в Болгарию он становится углекопом и с 1912 года работает на государственных копях «Перлик». Недюжинно способный, трудолюбивый, безгранично преданный рабочему делу, он завоевывает любовь и доверие болгарских углекопов и становится одним из руководителей рабочего движения. За это он подвергается гонениям, арестам и истязаниям, а в 1920 г. был приговорен к двум годам тюрьмы, как руководитель забастовки углекопов в Перлике.

Константинов работал в профессиональном движении около 10 лет, а с 1914 г. состоял членом Болгарской коммунистической партии. В Москву он приехал как делегат от партии на конгресс Коминтерна и от болгарских союзов на I конгресс профсоюзов.

Неожиданная и трагическая смерть Константинова является большой потерей для коммунистического и профессионального движения в Болгарии, которое в его лице потеряло одного из лучших рабочих деятелей и испытанных революционеров. («Горняк» № 14 от 5 августа 1921 г.)— См. **Артем**.

КОНСТАНТИНОВ * Петр Константинович—родился в 1896 г. от бедных родителей, крестьян Смоленской губернии, Вяземского уезда, Успенской волости. дер. Шилова. Родители его, ввиду малоземелья, покинули деревню тогда, когда тов. Константинову было 3 года, и переехали на жительство в гор. Москву, где и проживают в настоящее время. Как только тов. Константинов достиг того возраста, который позволял работать на фабриках, родители определили его на один из шорно-седельных заводов города Москвы, а именно к Щетинину. Ко времени революции тов. Константинов имел специальность закройщика по дубным кожам, в год революции, т.-е. в 1917 году, работал на фабрике (б. Валк), теперь 2-я шорно-седельная государственная фабрика В. С. Н. Х.

В разгар революции, я и он, горя желанием вступить в ряды какой-либо партии, приступили к изучению или просто к ознакомлению с партийными программами и задались целью посещать партийные собрания для выяснения тактики партий. Таким образом, мы с тов. Константиновым перебывали на собраниях партий соц.-рев., меньшевиков и большевиков, после чего решили во что бы то ни стало вступить в ряды смелых и решительных борцов, т.-е. в партию большевиков, и 17 июня 1917 г. в то время, когда большевиков почти ненавидели, мы с ним вступили членами партии большевиков в Замоскворецкий район. С тех пор тов. Константинов отдался весь партийной работе. Он был хорошим партийным товарищем и был другом рабочих. Рабочие его выбрали в Московский Совет Депутатов, а также и в другие пролетарские организации.

Во время войны с белогвардейцами тов. Константинов был мобилизован партией на фронт, где и погиб.

А. Г. Андреев.

Тов. Константинов на фронте был комиссаром Московского полка. При преследовании казаков, отступавших по Воронежской губ. в Донскую область в конце 1918 и в начале 1919 г., среди погибших тов. особенно выделяются т. т. **Константинов, Михайлов, Куценко, Володин, Кузин, Андронов, Хацкевич, Захаров, Сенчик, Чинаров, Крашинский** и др. Тов. Константинов был убит в 1919 году в сражении между селами Озерки и Орловская. Он с батальоном, выбитым из позиции превосходными силами противника, четыре раза под-ряд бросался в атаку, был серьезно ранен в правую руку, но не оставил своего поста и продолжал воодушевлять сражавшихся красноармейцев. Казаки окружили батальон и убили его на месте. В том же бою пал смертью храбрых тов. **Михайлов**, командир пулеметной команды. Когда пулеметная прислуга была перебита, он занял место у пулемета и расстреливал в упор наседавших казаков. Один из казаков вонзил ему штык в грудь, другой—шашкой разбил голову. («Правда» № 43 от 23/II 1919 года.)

КОПЕЛЬНИЦКИЙ ** —см. **Билецкий.**

КОПЫЛОВ ** **Николай Александрович**—сын рабочего-металлиста Добрянского завода Пермской губернии и уезда, по окончании 2-классного училища поступил на службу в один из цехов завода мелким служащим-конторщиком, но благодаря своему свободомыслию со службы был уволен, после чего поступил учеником в механический цех, где и работал продолжительное время. В революционные 1905—1907 г.г. он, хотя был еще мальчиком, уже состоял в подпольной ячейке партии эс-эров (большевистской организации тогда еще в Добрянском заводе не было). Его деятельность тогда, конечно, выражалась в немногом, но далее он продолжал вести работу интенсивнее. Перед началом германской войны он уехал в Лысьвенский завод, где уже стал членом Р. С.-Д. Р. П. (б). Там он встретил февральскую революцию 1917 г. В конце июля того же года он приехал обратно в Добрянский завод. У власти там были одни эс-эры, а о большевиках только говорилось. Тов. Копылов энергично взялся за дело и к середине августа сорганизовал ячейку большевиков в 85 человек. С образованием ячейки началась горячая фракционная борьба, которая в результате привела к тому, что 24 октября были перевыборы Совета Рабочих Депутатов, и выбранными в Совет оказались почти все большевики, а эс-эров и беспартийных только несколько человек. По требованию эс-эров, заявивших о неправильности выборов, были произведены перевыборы, в результате которых избранным оказался тот же состав Совета; тогда эс-эры из Совета ушли.

28 октября до нас долетели первые ласточки об октябрьском перевороте в центре России. Для тов. Копылова началась горячая работа: он везде — и в Совете, и в партии, он ни при каких обстоятельствах не теряется. В первых числах ноября завод, брошенный предпринимателями (граф Строганов), приходится брать в руки самим рабочим, не получавшим жалования более трех месяцев, и тут тов. Копылов не теряется: он возбуждает на заседании совета вопрос о наложении контрибуции на местных буржуев, и его предложение проходит; на собранные таким образом суммы поддерживается завод до его официальной национализации, каковую удалось провести только к февралю 1918 г. Весной, при приближении чехо-словаков к столице Урала, т. Копылов кличит клич и собирает добровольцев, с которыми сам отправляется на фронт, и здесь он незаменим, как твердый, выдержанный коммунист. С фронта его отзывают обратно на завод, где он и находится до прихода колчаковских банд в декабре 1918 г. В течение нескольких дней он отбивался с небольшой кучкой коммунистов от наседавших на них белых банд и, попав в безвыходное положение, застрелился из нагана.

Н. П. Бахарев.

КОПЫЛОВ П. П. — член Р. К. П. (б) Краснопресненского района, умер в марте 1921 г. («Комм. Труд» 1921 г. № 304.)

КОРГАНОВ * **Григорий Никанорович** — бывш. подпоручик, филолог, журналист, погиб в числе 26 бакинских комиссаров 20 сентября 1918 г.—См. **Шаумян.**

КОРЕЦКОВ Михаил—см. **Подтелков.**

КОРМИЛИЦЫН Егор Петрович —старый партийный и профессиональный работник, член Калужского губ. совета, умер 23 ноября 1920 г. («Комм. Труд» № 207, 1920 г.)

КОРНЕВ ** —коммунист Рядовской волости Боровичского у., убит на фронте.

КОРНЕЕВ Степан — старый член Р. К. П., комиссар службы тяги Николаевской ж. д. Это был один из самых активных работников партии, отдавший ей все свои силы. Перенесши сыпной тиф, т. Корнеев тотчас же принялся за работу. Смерть его последовала от цынги и осложненного крупозного воспаления легких. Умер в 1920 г. («Петр. Правда» 1920 г. № 203.)

КОРНИЕНКО—красноармеец конного корпуса Жлобы, на южном фронте был взят в плен белыми в мае 1920 г. и расстрелян. Уроженец Ставропольской губ. Александровского уезда, крестьянин. («Известия В.-Р. Комитета г. Евпатории» № 27 от 19 декабря 1920 г.)

КОРНИЛОВ—член Севастопольского к-та Р. К. П., казненный в числе девяти в январе 1920 года.—См. **Дражинский.**

КОРНФЕЛЬД * Иосиф (В. Самошин)—погиб в 1919 г. в борьбе с контр-революционерами в г. Василькове. Он был одним из преданнейших коммунистов. Благодаря своей исключительной способности и неутомимой энергии, т. Корнфельд за короткое относительно время успел сконцентрировать вокруг себя всю революционную работу в г. Василькове. После первого бандитского нашествия на Васильков, И. К. немедленно отправился в Киев за военной помощью, откуда, с отрядом красных войск, приехал на место своей беспрерывной работы, в Васильков, и самым энергичным образом принялся за работу по созданию разрушенного бандитами Совета. Будучи в Киеве во время похорон павшего от вражеской пули в г. Василькове тов. Факторовича, И. К. делился с своими киевскими партийными товарищами впечатлениями о событиях, происшедших в Василькове, и говорил, словно предчувствуя роковую неизбежность: «Все равно меня в Василькове убьют, но все же я поеду и буду на посту до конца». И действительно, последняя ожесточенная борьба его с нахлынувшими туда в третий раз бандитами, свела его в могилу. Коммунистическая партия в лице И. К. потеряла одного из самых лучших ее борцов, Васильков же—самого энергичного работника, ибо покойный, возглавляя Совет Раб. и Кр. Д., был самой важной пружиной в революционном механизме. («Коммунист» № 36 (64) от 15 апреля 1919 г.)

КОРОБОВ—Командир роты одного из полков нашей армии, коммунист, тов. Коробов был окружен белыми. На предложение сдаться, он ответил двумя выстрелами, застрелив офицера и солдата. Когда попытка бежать не удалась ему, он был приведен в штаб. Несмотря на пытки и побои, доблестный товарищ не сказал ни слова о состоянии наших частей. Стойкость тов. Коробова смутила даже белых. При похоронах ему были оказаны воинские почести. («Боевая Правда» № 2 от 9 сентября 1919 г.)

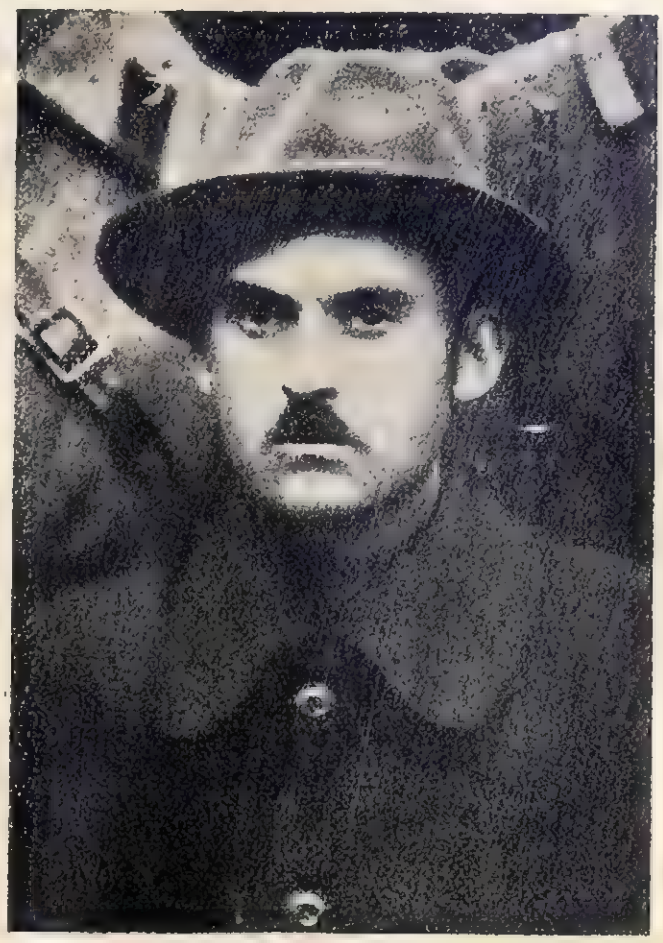
КОРОБОВ ** Сергей — студент-свердловец, окончил продовольственно-кооперативную секцию, после чего был командирован на Кавказ для продработы, где и погиб в ночь на 28 ноября 1920 г. Получив боевое назначение для выполнения продразверстки, он совместно с агентами выехал в станицу Свободную, Георгиевского округа. Остановившись ночевать в доме бедного станичника, он, ничего не подозревая, лег в постель. Ровно в 12 час. ночи явилась в станицу банда белогвардейцев, которая накинулась на дом, где помещался тов. Коробов и другие. Раздев их догола, они расстреляли 3-х агентов Райпродкома, а тов. Коробову, как ответственному продработнику, один из белогвардейцев отрубил голову. Покончив с ними, белогвардейцы разыскали всех членов ячейки Р. К. П. в количестве 13 человек и всех расстреляли. Всего таким образом в эту ночь было убито 17 человек. Похоронен тов. Коробов и др. на братском кладбище в г. Георгиевске. («Правда» № 7 от 13 янв. 1920 г.)

КОРОВИН—из Чернышевской волости. Он был одним из самых развитых и сознательных крестьян. На губернском съезде Советов он был избран в члены губисполкома, где и работал в качестве члена президиума. В последнее время

тов. Коровин уже был членом коммунист. партии. Умный и даровитый, он еще мог бы сделать многое для своих братьев-трудящихся. Случайно оставшись в Тюмени, т. Коровин вскоре был арестован в какой-то деревне и тут же расстрелян в 1918 г. («Октябрьский Вестник».)

КОРОЛЕВ ** —председатель комячейки 122-го полка 14-й стрелковой дивизии, вел усиленные занятия с комячейкой полка, насчитывавшей свыше 20 человек, по изучению программы и тактики Р. К. П., положив в основу программу т. Бухарина. За время стоянки полка в промежуток между боями т. Королев провел 12 — 14 бесед-лекций, давших прекрасные результаты. Т. Королев убит бело-зелеными летом 1920 года в районе г. Грозного во время служебной поездки по станицам. («Краткий очерк ист. 14-й стрелк. див. 1918—1921 г.».)

КОРОЛЕВ ** **Владимир Яковлевич**, начальник политотдела группы войск тов. Нестеровича 13-й армии, погиб, сраженный предательской пулей в ночь с 16 на 17 июня 1920 года в районе села Веселого, Мелитопольского уезда Таврической губернии.



В. Королев.

Товарищ Королев — сын священника Псковской губернии. Родители отдали его в духовную семинарию, из которой он был исключен за неспокойный и непокорно-пытливый характер. Он поступает в Псковскую учительскую семинарию, воспитанником которой принимает в 1905 году активное участие в революционном движении и впервые полицейской нагайкой получает боевое крещение на путь революции. Окончив учительскую семинарию и получив аттестацию бунтовщика (четверка за поведение), он должен был уехать из родных мест в поисках работы. В Череповецком либеральном земстве ему удалось получить школу, и там он быстро завоевывает уважение и любовь лучшей части череповецкого учительства. На учительском съезде 1912 года он сгруппировал вокруг себя все идейное учительство и стал в резкую оппозицию к либеральному дворянско-купеческому земству. Вместе с тем он всей душой отдавался своей школьной работе, не жалея сил и энергии на улучшение условий преподавания в школе, приобретение волшебного фонаря, выписку газет и т. п. Его школа была центром, к которому тяготело передовое учительство и из которого оно черпало энергию и веру в торжество рабочего дела. У него учились критически смотреть на общественные явления, которым его светлый ум быстро давал верную оценку и из которых делал правильные выводы. Вскоре учительская деятельность тов. Королева была прервана начавшейся мировой войной. Он был мобилизован и отправлен на транспорт как нестроевой, затем в интенданство. Вскоре он поступил в военное училище и по окончании его прапорщиком отправился в Уфу. Там застает т. Королева февральская революция. Он вступает в партию большевиков, в апреле выступает на фронт, но уже в марте генералы Керенского изолируют его от солдат как вредный элемент и отправляют в резерв чинов.

Т. Королев попадает в Витебск, и здесь он по обычному горячо принимается за работу и сразу же завоевывает симпатии почти всего гарнизона. В октябрьские и пооктябрьские дни он состоял членом Витебского Комитета партии, Военно-Революционного Комитета и председателем Витебского губисполкома, был избран на съезд северных армий, поехал в Псков и попал в члены Верхсева. Здесь он организует дело народного образования, издает журнал, работает в армии. За этой кипучей работой в Пскове его застает наступление немцев. Тов. Королев

бросает семью, уходит в подполье и, скрываясь от глаз буржуазии, ночует где попало. Ему удается сорганизовать латышей и часть немецких солдат, которые помогают ему выбраться из Пскова. В конце 1918 года, по настоянию друзей и семьи, он возвращается в Череповец. Назначенный председателем отдела народного образования, тов. Королев в короткий срок превращает его в мощный отдел, захватывающий все области культурно-просветительной жизни уезда. Но не долго пришлось ему побыть в своей стихии. За полным отсутствием подготовленных работников тов. Королева назначают губернским военным комиссаром. Это было в начале периода формирования Красной армии.

Владимиру Яковлевичу пришлось начинать с ничего. и он по праву является организатором комиссариата и первым череповецким губернским военным комиссаром. И надо было видеть, как он везде и всюду поспевал, ни днем, ни ночью не имел отдыха. Страстная, кипучая речь его раздавалась везде, он всех умел привлечь и заставить работать. В комиссариате, в казарме, на командных курсах, в клубе красноармейцев, сорганизованном им,—всюду его призывный клич будил, поднимал на решительный штурм буржуазного мира. Везде была видна его организующая рука. «Или голову я разобью, или добьюсь, поставлю дело как следует»,—говорил он. И достиг своего. Несмотря на волнения, отсутствие дисциплины в приходивших воинских эшелонах, разоружавших охрану ж. д. и громивших винные погреба, при нем чувствовалось всегда спокойно, и работа шла уверенно. За всем был верный глаз. Даже враги уважали его, и если раньше были в военкоме люди, которые не прочь были посаботировать, то при нем не нашлось ни одного, кто бы проявил себя как противник Советской власти. Всякий чувствовал, что Королев действует уверенно и решительно и не потерпит никакого разгильдяйства и саботажа. Он организовал политотдел и широко повел культурно-просветительную работу среди красноармейцев, отзывался на все их нужды и за это пользовался любовью и признательностью. В то же время он был первым партийным и советским работником в Череповце. Ни одного важного принципиального вопроса не разрешалось без его участия. Он всегда находил революционный выход при всяких трудных обстоятельствах.

В апреле 1919 года тов. Королев, негодный по физическому здоровью (порок сердца и слабость зрения) к военной службе, добровольно пошел на восточный фронт и был назначен политическим комиссаром 24-й стрелковой дивизии. По ликвидации Колчаковского фронта его часть была переброшена на южный фронт, он поехал туда со своими красноармейцами, и там его вскоре и застигла смерть. Тов. Королев отличался редкой вдумчивостью, большой преданностью революции и каким-то особым умением привлекать к себе людей. Он был образованным и политически развитым человеком. В партию вступил после выявления и оформления тактических и принципиальных разногласий с интернационалистами.

(Сведения взяты из статей И. Смирнова и Тимохина, напечат. в череповецкой газете «Коммунист» № 152 от 11/VII—1920 г., и из книги Б. Пинсона «Большевики в Витебске».)

КОРОСТЕЛЕВ ** **Николай Иванович** — уроженец Алопаевского завода, политический ссыльный при царизме, февральской революцией выносится на ответственную работу—председателя Объединенного Совета Раб., Солд. и Кр. Депутатов в г. Канске, Енисейской губ. Следует отметить, что Канский Совет с первых же дней революции проводил лозунг: «власть Советам», и упорно боролся с комиссарами Времен. правит. Тов. Коростелев, спокойный и уравновешенный, твердо проводил большевистскую линию.

Пользуясь большой популярностью но только среди рабочих, но и крестьян, т. Коростелев постоянно избирался на съезды в г. Красноярск и Иркутск. После чешского переворота его задерживают в городе Нижнеудинске по дороге в Иркутск, куда он ехал на продовольственный съезд,—начинается почти годовое его скитание по тюрьмам. 25 марта 1919 г. его из красноярской тюрьмы специально выписывает в г. Канск колчаковский атаман Красильщиков. Под

насмешки канского мещанства его ведут в штаб, где пьяное офицерство издевается над ним. Вечером его выводят на площадь и вешают. Умер он спокойно, до последних минут сохраняя самообладание. *А. Лбов.*

КОРОТКОВ Иван—см. **Подтелков.**

КОРУДИН ** **Дмитрий.** 24 апреля 1918 г. в городе Демянске был целый ряд общих собраний как рабочих, так и служащих, где решался вопрос о мобилизации на борьбу с Колчаком. На всех этих собраниях необходимость мобилизации была признана почти единогласно, при чем практическое выражение этого вопроса в группах рабочих прошло безболезненно, и не надо было жребия, ибо нашлось добровольцев вдвое больше, чем требовалось. Одними из первых откликнулись рабочие типографии. Здесь, при обсуждении вопроса, кому итти на фронт, комитет постановил целиком итти всему комитету, но по настоянию рабочих предложение было отклонено, и пошли 5 человек (из 20 работавших) добровольно. Среди добровольцев находится тов. Дмитрий Корудин, печатник по профессии. Это был молодой товарищ 21 года, высокий, стройный, красивой наружности, обладавший хорошими организаторскими способностями, происходивший из гр-н города Петрограда и отправившийся с отрядом в числе 70 человек. Отряду не суждено было попасть на фронт Колчака, и он был расформирован по другим частям. Тов. Дмитрий Корудин попал в одну из частей, быстро выдвинулся и был назначен комиссаром одной из рот Невского полка. При наступлении на Петроград убит двумя пулями в голову. *В. Чистяков.*

КОРЧНОЙ **—член комсомола, курсант Одесской губпартшколы, убит на голодном фронте в 1921 году в последних числах августа в Балтскому.

КОРЫТОВ ** **И. И. (Совкредепов Виктор)**—по убеждениям бельшевик—коммунист. В 1918 г. состоял сотрудником «Благовещенских известий С. Р. С. и К. Депутатов». Кто читал в 1918 году «Известия», тот несомненно читал статьи и стихотворения, проникнутые любовью к народу, Виктора Совкредепова (псевдоним тов. Корытова), за что он и был арестован после свержения Советов в г. Благовещенске. В тюрьме мне часто приходилось встречаться с ним во время передач; и не проходило ни одного такого свидания, в котором он не говорил бы о своей близкой смерти, которую ему и другим готовили реакционеры. Он говорил: «Я чувствую, что меня расстреляют; хотя мой псевдоним не раскрыт, но его раскроют». «Я не боюсь смерти, мне не жаль расстаться с жизнью, но мне жаль мать мою, старушку, которая осталась без средств, с одним горем!».

Его слова оправдались: псевдоним раскрыт известным провокатором Ямщиковым (кличка Ампольский), а когда у него нашли издаваемую в 4-й камере газету «Черное Знамя», реакционеры решили его во что бы то ни стало убить. В ночь на 27 марта 1919 г. он был выведен японским конвоем и убит. (Свед. взяты из сборн. «Красная Голгофа», стр. 62. Там же помещено письмо т. Корытова из тюрьмы, его стихотворение «Рождественские подарки» и стих. М. Дементьева «На смерть И. И. Корытова», стр. 61—66.)

КОРЯКОВ ** **Петр**—родился в Смоленской губ. в семье шахтера и с ранних лет работал на южных металлургических заводах. В 1912 г. вступил в Р. С.-Д. Р. П. и до последнего дня своей жизни принимал самое деятельное участие в делах партии. Он—член Петербургского Комитета. Как только грянул первый гром восстания в февральские дни, он уже был на улицах Петербурга. Всюду, где были стычки с полицией, он был в первых рядах. Во время перестрелки с ней на Большом Самсоньевском проспекте 27 февраля 1917 г. он был убит («Правда» № 16 за 1917 г.).

КОСМОВСКИЙ—командир 1-го Симбирского стрелкового рабочего полка. Это был честный, идейный товарищ, истинный борец за рабочий класс; в боях он всегда был первый, в окопах он всегда был вместе с красноармейцами.

КОСОБОКОВ ** **Сергей**—рабочий-железнодорожник, человек безукоризненной честности и скромности. Там, где получать, он сзади всех; там, где работать,—он впереди. Молчаливый, работоспособный, он не отказывался ни

от чего и был всегда доволен, какую б работу ему ни дали. Перечислить его работу и заслуги—нужен целый том. Тов. Кособоков был членом Саратовского Исполкома. Старый партийный работник. Умер в 1920 г. в г. Саратове от тяжелого хомута советской и партийной работы, ибо по своей скромности никогда не мог отказаться от работы.

Вспоминаются старые картины 1917 г. Сухая снежная пыль метет вдоль улицы. Сергей Кособоков со своим маленьким отрядом двинулся завоевывать банки буржуев. Полы его рваного пальто ветер заворачивает за спину. День пасмурный и хмурый. И так же в день его похорон в 1920 году мел ветер сухой снег, и Сережа шел со своим отрядом, тоже маленьким, но уже в ...могилу. («Пять лет пролетарской борьбы», г. Саратов.)

КОСОВ ** **Павел**—убит в Омске в 1918 г. («Пути Революции», изд. Татбюро Истпарта.)

КОСТЕНИН **—ученик учительских курсов, умер от тяжелых ранений в боях на Пинских болотах в октябре 1920 г. Его последние слова были—«умираю за правое дело». («Правда» № 241 от 28 октября 1920 г.)—См. **Шугалей.**

КОСТИН **—см. **Уткин.**

КОСТОГЛОДОВА ** **Евдокия**—политработница 9-й армии, зарублена в Аксае. («Изв. В. Ц. И. К. № 48 от 23/II 1922 года.)

КОСТАНДЯН—см. **Шаумян.**

КОТОВ Андрей Кондратьевич—член Ц. К. Всеросс. союза химиков, умер 20 марта 1921 г. («Правда» от 22 марта 1921 г.)

КОТОВ Афанасий Емельянович—член правления Союза рабочих печатного дела, скончался 15 июня 1919 года.

КОТОВ Григорий Герасимович—член партии Р. К. П. Сокольнического района г. Москвы, начальник хозяйственной части 6-го Червонного советского казачьего полка, умер 19 апреля 1920 года. («Правда» № 84 от 21 апреля 1920 года.)

КОТЮШКОВ **—см. **Уткин.**

КОЮДЦИ Яков—красноармеец 2-го Коммунист. интернац. пехотн. полка, убит в бою в 1919 г.

КРАВЦОВ Иван—см. **Подтелков.**

КРАВЧЕНКО А. К.—рабочий, погиб на продработе в сентябре 1920 г. в Звенигородском у., Киевской губ.

КРАЙНИЙ В. (М. Шнейдерман)—погиб в числе расстрелянных на Северном Кавказе активных советских работников в ноябре 1918 года. Почти мальчиком примкнул тов. Крайний к революционной работе; был организатором Пересыпного района гор. Одессы. После Октябрьской революции он был самым деятельным работником в Совете и одним из организаторов восстания против Рады. Со времени установления советской власти в Одессе (14 янв.) и вплоть до отступления Красн. армии из Одессы (13 марта), М. И. является членом «Румчерода» (Центр. Исп. Комитет Румынского фронта и Черноморско-Одесской обл.) и активным, популярным в рабочих массах г. Одессы партийным работником. После эвакуации Одессы он едет в Екатеринодар. Быстро приобретает он там популярность в советских и партийных кругах и избирается председателем Екатеринодарского комитета партии и членом Ц. И. К. бывш. Кубано-Черноморской Республики. На краевом съезде партии М. И. избирается в Краевой Сев.-Кавказский комитет Росс. Комм. Партии, председателем которого он и состоял до последнего дня своей жизни.

Г. Р.

КРАЙНЮКОВ. ** — На революционном посту в бою против уральской казачьей контр-революции погиб один из лучших товарищей. Как живое, стоит передо мною открытое честное лицо его. Он был хорошо известен всем самарским товарищам и пользовался среди них общей любовью за свою преданность делу революции, за свою прямоту, честность и искренность. К нему привилось название «дядька» и все называли и знали его под этим именем. Родом сибиряк, крестьянин, он в 1903 г. вступает в ряды партии большевиков. Царское правительство подвергало его многим гонениям и преследованиям, бывал он неоднократно

арестован, был и в ссылке. В начале 1916 г. судьба забросила его в Самару на Трубочный завод, где тогда работало более 20.000 человек, и он принимает сразу активное участие в подпольной революционной работе, становится членом районного к-та партии. В феврале 1917 г. его вместе со многими другими арестовали царские жандармы, и только революция освободила его из когтей самодержавия. После февральской революции он принимает активное участие в работе и пользуется в массах большим влиянием среди рабочих Трубочного завода.

После Октябрьской революции т. Крайнюков избирается членом Исполкома и выполняет ряд других важных и серьезных работ. По занятии Самары чехо-учредиловцами, он уходит в ряды Красной армии, где находится беспрерывно до того момента, пока злая смерть не подстерегла его на славном революционном посту. (Из «Коммуны» 1919 г.)

КРАП ** —см. **Уткин.**

КРАСИЛЬНИКОВ—бывш. член райкома 2-го городск. района гор. Петрограда, погиб на фронте. Похоронен в Петрограде на площадке Никольской церкви.

КРАСНИКОВ ** —член Р. К. П., добровольно отправился на фронт, где ему было поручено командование ротой на западном участке. Во время наступления т. Красников был окружен белогвардейцами и ранен в грудь. Не желая сдаваться, он отстреливался, истекая кровью; когда же в револьвере осталась одна пуля, он выстрелил себе в висок. («Вечерн. Изв. Моск. Сов.» № 489 от 11/III 1920 г.)

КРАСНОВ Алексей—коммунист, убит при наступлении на деревню Большой Двор на Петроградском фронте в 1919 г. («Боевая Правда» № 22 от 2 октября 1919 года.)

КРАСНОЩЕКИНА Ида—см. **Барк Поля.**

КРАСНОЩЕКОВ С.—28 апреля 1919 г. в горячей схватке с петлюровскими бандами был сражен снарядом доблестный коммунист бронепоезда имени т. Руднева С. Краснощеков. В то время, когда бронепоезду угрожала серьезная опасность, С. Краснощеков выскочил из броневика и бросился вперед на врага, ведя за собой товарищей. Он пал, сраженный неприятельским снарядом, но защитил свой бронепоезд от грозившей ему опасности. С. Краснощеков побывал и на колчаковском фронте и на красновском и везде честно воевал за власть Советов и за лучшее будущее трудящихся. («Красная армия» № 42, 1919 г.)

КРАСНЫЙ ** **(Гальберштадт)**—рабочий завода Ген на Пересыпи в Одессе. Член Одесского Исполкома всех созывов дооккупационного периода. Считал себя в 1917 году анархистом. Интересно было смотреть на высокую, худощавую фигуру рабочего т. Красного, когда он в негодовании чистил в Исполкоме большевиков, упрекая их в негосударственности. Когда же после октябрьского переворота в России Одесский Совет продолжал гнуть свою спину перед Радой и не думал о захвате власти, негодованию тов. Красного не было границ. Но он все продолжал считать себя анархистом, ибо все считали большевиков анархистами, начиная с одесской буржуазии и кончая меньшевистствующими рабочими завода Гена, которые ежедневно твердили тов. Красному, что его взгляды—анархистские. Не помогали и наши слова, когда мы ему указывали, что он не анархист, а большевик. После оккупации Одессы германцами, тов. Красный эвакуировался в Крым, оттуда на Дон, бился на всех фронтах, пока в 1919 году не установилась на Украйне Советская власть. В последний раз я встретил тов. Красного уже в Одессе летом 1919 года в качестве продкомиссара. Помнится, с какой гордостью он мне тогда показал свой партийный билет Р. К. П., сказав, что он давно уж понял свое заблуждение, но ему было совестно тогда записаться в Р. К. П., ибо могли подумать, что он это делает из карьеризма,—и вступил в Р. К. П. только после того, как был избран продкомиссаром. Скоро после этого, летом 1919 года, он пал жертвой белогвардейской пули немецкого колониста около Одессы.

Ф. Земит.

КРАУЗЕ ** —см. **Уткин.**

КРАХМАЛЕВ—см. **Аппельбаум.**

КРАШИНСКИЙ ** —комиссар полка, погиб на фронте против донских казаков при преследовании их по Воронежской губ. до Донской обл.—См. **Константинов Петр.**

КРЕЗЬКО ** —бывш. полковник, оставшийся верным Советской власти, был заключен колчаковцами в тобольскую тюрьму. Он был одним из главных руководителей восстания заключенных в тобольской тюрьме 18 окт. 1920 г. Он первый с револьвером в руке выскочил из тюрьмы через прорубленное окно. Но выскочив, тут же встретился с милиционером, наведшим на него дуло винтовки. Последовали одновременно два выстрела, и оба пали убитыми. («Октябрьский Сборник», ст. Вл. Карма-ева.)

КРЕЙНЕС ** **Иосиф Владимирович**—родился в 1891 году в г. Слуцке Минской губернии, маленьком уездном городе бывшей черты оседлости. Выросши в семье мелкого торгового служащего, брат мой уже с довольно юных лет (лет с 13—14) вынужден был искать себе заработка для облегчения тяжелого материального положения родителей. Ради заработка он занимался с маленькими детьми, обучал их грамоте, письму и первым четырем арифметическим действиям. Родители учили его, стремясь дать ему высшее образование, которое, по их мнению, обеспечит ему в будущем трудовой кусок хлеба. Много препятствий и затруднений стояло на пути к осуществлению этой цели: с одной стороны, весьма скудные средства, а с другой—тяжелое еврейское бесправие, которое и в области образования ставило целый ряд рогаток и преград. Знаменитая процентная норма и принадлежность к категории трудящихся помешали ему поступить в гимназию, и он вынужден был учиться сам, иногда прибегая к помощи частных учителей—гимназистов старших классов и студентов. Через несколько лет, наконец, с большими усилиями он сдал экзамен за 8 классов и получил диплом. Помню, что уже в то время он был по своим убеждениям ярым врагом царского самодержавия, ибо он кругом и на своей спине чувствовал и видел мрачное бесправие и национальный гнет. В России он не мог попасть в университет и вынужден был на последние крохи уехать за границу—в Кенигсберг, чтобы там получить медицинское образование. Здесь ему частенько приходилось голодать, но учения он не бросил. Еще 15-летним мальчиком он в 1905—1906 г.г. принимал участие в революции в той степени и в тех формах, в каких это было ему, как юноше, доступно, и в той обстановке, в какой эта революция происходила в г. Слуцке. Он распространял и разбрасывал прокламации, участвовал в шествиях с красными революционными флагами, в тайных сходках, собраниях и т. д. Из его воспоминаний о своих тогдашних переживаниях видно, что он уже тогда горел юношеским горячим революционным энтузиазмом: он боролся за свободу всего народа и гордился кличкой «демократ». В Кенигсберге, в Германии, он ближе познакомился с программой, тактикой и работой социал-демократической рабочей партии. В России он революционно-марксистской литературы читал мало, ибо ее негде и трудно было достать. Он был революционером больше по инстинкту и положению, чем по ясному классовому сознанию. Из Германии он вернулся до начала войны; там он стал марксистом, познакомившись и в теории, и на практике с принципами классовой борьбы. Во время империалистической войны он был пораженцем: он страстно желал поражения России, ибо видел в ней международного жандарма, душительницу всякого освободительного движения; в поражении царской России он видел залог лучшего будущего; он постоянно твердил, что следствием поражения будет революция. Последние курсы медицинского факультета он уже проходил в Москве, в 1-м М. Г. У. Знаю, что в 1916 году, будучи студентом V курса, он вошел в связь с рабочими массами, часто ходил на заводы и фабрики беседовать с рабочими. Какая-то связь с солдатскими казармами у него тоже была. Делал ли он это по поручению какой-либо организации или сам от себя, я не знаю. Знаю только, что делал он это очень осторожно, ибо беседы его и занятия в рабочих кружках могли бы навлечь подозрения царской охранки. Революция 1917 года застает его в Москве. Он с головой окунается в открытую партийно-революционную работу. С самого начала февральской революции из его писем я узнаю, что он состоит в партии большевиков. Он—агитатор; обладая даром красноречия и

всеми нужными для оратора данными, он проводил целые дни и вечера на заводах, фабриках, в казармах, на улицах и площадях. Вся его работа—агитация, пропаганда. Состоял он также в военной организации большевиков при Московском Комитете партии. Как он потом рассказывал, он очень часто по своей работе сталкивался с тов. Стасовой, Ломовым, Крыленко и другими. Летом 1917 года он занимается также организационной партийной работой. Между прочим, он в качестве врача был назначен на Западный фронт; он находился в районе Барановичи, Ляховичи, Слуцк и т. д. В г. Слуцке он прочел несколько лекций на политические боевые темы и произвел раскол в Слуцкой организации социал-демократов. Часть последних записалась в партию большевиков и порвала с господствующими меньшевиками. Отделившиеся, между прочим, по имени своего организатора и «вождя» носили название «Крейнесовцев». Здесь тов. И. В. Крейнесу приходилось вести отчаянную борьбу с эс-эрами и меньшевиками, которых было довольно много (г. Слуцк был средоточием многих войсковых частей и штабов). Эс-эры и меньшевики были очень вооружены против него, ибо он смело клеймил Керенского, беспощадно изобличал соглашательскую политику меньшевиков и эс-эров и сплачивал солдат под большевистским лозунгом. Особенно рьяно он вел на фронте агитацию против проектировавшегося наступления. Своей горячей преданностью идеям революции, умелым подходом к солдатским массам, он сумел завоевать себе успех и доверие многих войсковых частей. Были неоднократные попытки со стороны властей к его аресту, но солдаты с винтовками в руках оберегали его свободу. Так протекала кипучая организационная, партийная и революционная работа т. Крейнеса. Он был членом нескольких солдатских комитетов и от дивизии, не помню, какой именно, послан делегатом на II Всероссийский Съезд Советов в Петроград. По окончании Съезда он, по поручению Зиновьева, поехал в Москву, где как раз в то время происходила Октябрьская революция. Он принимает активное участие в военных действиях. Зная военное дело (в царской армии служил вольноопределяющимся до поступления в университет), он непосредственно руководит боевыми действиями, как врач оказывает помощь раненым, дежурит в Совете и т. д. Словом, кипит в революционном котле. Опасности он подвергался очень часто. На какой-то улице автомобиль, на котором он ехал, попал под сильный обстрел белых; ему удалось спастись, выскочив из автомобиля и забежав в какой-то дом. Но судьба подкараулила его в другом месте. Однажды под вечер, направившись для дежурства в Совет, он был окружен группой офицеров, очевидно, знавших его как весьма активного и боевого большевика. Они его убили выстрелами из винтовок, а в довершение он был проколот штыками. Так печально-трагически оборвалась его кипучая жизнь; он погиб в борьбе за освобождение рабочего класса, в борьбе за торжество пролетарских идеалов, в неизбежную победу которых он глубоко верил. Призывая рабочих к революционной борьбе, он своим примером, геройством и преданностью пролетарской революции увлекал их за собой. Беззаветная преданность делу освобождения рабочего класса, готовность положить свою голову на алтарь пролетарской революции,—эти черты его идейного облика известны всем тем товарищам, с которыми ему приходилось вместе работать. В личной жизни он был необыкновенно добрый, чуткий и отзывчивый человек. Помочь нуждающемуся и страждущему—таков был его жизненный девиз. Борьба за освобождение всех угнетенных и экс-

И. Крейнес.

плоатируемых,—в этом была цель его жизни. Тело его было найдено после 8-дневных розысков в одной часовне и похоронено на еврейском кладбище. Убит он был недалеко от своей квартиры; обстоятельства его смерти известны со слов одной женщины, которая из окна видела, как его убивали, как он оборонялся выстрелами из револьвера и т. д.

З. Крейнес.

КРЕЙСБЕРГ Иосиф (брат Исаака Крейсберга)—родился в 1901 г., погиб в Киеве в 1919 г. Он был членом Р. К. П., работал в Москве. Потом он переехал на Украйну в Киев, а оттуда его перевели, как партработника, в г. Васильков, Киевской губ. Он мог бы остаться в Киеве, но он рвался туда, где он мог быть нужнее. В то время бандитизм не прекращался, особенно в тех местностях, куда его перевели. Ему много пришлось пережить тогда, но он говорил, что революция для него дороже его личной жизни и спокойствия матери и всех родных. Когда Советская власть оставляла Киев, родные его уговаривали уехать, но он отвечал, что должен остаться для подпольной работы. В первые дни деникинской власти, когда контр-разведка расстреливала сотни людей, он и еще 10 товарищей скрывались в Ботаническом саду безвыходно; ночью через забор им перебрасывали пищу и воду в бутылках, они же ползком подбирались к условленному месту и подбирали все. Был уже конец лета, и им приходилось лежать в холоде и сырости; там он провел дней 10. Когда оставаться в саду было уже небезопасно, он перебрался в заброшенный подвал, где провел дней 10; там ему пришлось воевать с крысами, которые чуть не загрызли его. Хотя деникинские банды хватали на улицах всех, особенно молодых и евреев, он не мог сидеть без работы и начал ходить по улицам в то время, когда многие мирные жители не рисковали показываться на них. Он поступает в экспедицию газ. «Рабочий Путь»—детище провокатора инженера Кирста; этому поступлению он был очень рад, потому что мог вместе с газетой передавать также партийные листовки; к тому же он настолько реабилитировал себя в глазах власти, что мог более свободно заниматься своим делом. В то время он был передаточным пунктом между подпольной организацией и товарищами, находившимися как в Киеве, так и вне Киева. Погиб он после налета на Киев так назыв. Ирпенской советской группы войск. Советские войска заняли тогда Киев и удержались там всего лишь 5 дней. Иосиф Крейсберг был арестован при следующих обстоятельствах:

5 октября рано утром на квартиру, где он жил с матерью, зашел милиционер под предлогом попросить спичку, чтобы закурить. Тов. Иосиф в то время еще не знал, что ночью советские войска оставили город, и вышел к милиционеру. Последний, увидав его, крикнул: «А, так вот где ты, а я тебя уже давно разыскиваю. Теперь-то я получу награду». В тот момент он мог бы откупиться от милиционера, дав ему несколько сот рублей, но ни у него, ни у его матери никаких денег не было, и его увели.

В то время деникинские банды так свирепствовали, что выйти на улицу, а особенно пойти в контр-разведку, значило пойти на верную смерть, поэтому узнать что-либо о нем не было никакой возможности. Где его убили,—в Киеве или в Дарнице,—неизвестно точно, но есть следующее основание предполагать, что он убит в Дарнице.

Один бывший офицер старой армии, Яковлев, который знал Иосифа, рассказывал потом, что, проезжая Дарницу числа 7 или 8 октября, он видел его в числе многих других арестованных, которых вели под сильным конвоем к лесу. Там, может быть, и расстреляли, но труп его, несмотря на тщательные поиски, не разыскан. По другой версии, много молодых арестованных из Дарницы перевели на товарную станцию и там расстреляли.

Мурованный.

КРЕЙСБЕРГ Исаак (партийная кличка Георгий)—родился в 1896 г. в Киеве в бедной семье. Десяти лет он лишился отца, и положение семьи еще более ухудшилось. Двенадцати лет он окончил 4-классное училище имени Бродского, получив первую награду. Потом он продолжал дальше заниматься, но, из-за материального положения семьи, он должен был оставить мысль об окончании

ср.-учебн. заведения, так как уже в то время он помогал матери в борьбе за существование всей семьи. 13-ти лет он поступил на службу в контору пишущих машин Яцовского в Киеве, а потом его перевели в отделение этой конторы в Минск. 3 года он прослужил в этой конторе, а на 4-м году должен был оставить службу, так как хозяин застал его однажды за печатанием прокламации на машинке. Он должен был тогда же уехать из Минска, так как полиция об этом пронюхала и упорно его разыскивала. После этого он поступает на службу под чужой фамилией в контору граммофонов в г. Двинске. Но и здесь ему недолго удалось прослужить, — он попался за печатанием прокламации на гектографе. После этого он на долгое время теряется совсем из виду семьи.

В 1914 г. он начал партийную подпольную работу в Киеве, а к концу 1915 г. он, в числе других товарищей, был арестован за агитацию в войсках о прекращении войны. До суда он просидел в местной тюрьме; военный суд приговорил его на 2 года 8 месяцев каторги. Столь умеренное наказание ему дали потому, что семье его удалось получить для него фиктивную метрическую выпись о том, что ему лишь 17 лет, и его судили как несовершеннолетнего.

Он отбывал наказание в Киеве в арестантских ротах, опять благодаря хлопотам его семьи; 8 месяцев он был закован в кандалы, а затем, в виду его болезни, кандалы были сняты. В арестантских ротах он много раз сиживал в карцере или его назначали на самые тяжелые физические работы, так как он всегда заступался за обижаемых товарищей и вступал в пререкания с начальством. Помню, как однажды при свидании с ним через решетку, на мои увещевания и уговоры вести себя иначе, чтобы не подвергаться этим карам, он ответил, что глубоко верит в то, что ему недолго придется это переносить, так как скоро вспыхнет революция, и настанет конец всем мучениям его и товарищей. И действительно, он был освобожден великой русской революцией.

По выходе из тюрьмы он всецело отдается партийной подпольной работе в Киеве. При взятии Киева муравьевскими войсками он сыграл выдающуюся роль. Помню, он все время находился в арсенале вместе с восставшими арсенальцами против петлюровских гайдамаков. Арсенальцы тогда были разбиты, а муравьевские войска находились еще в 3—4-дневном переходе от Киева. Помню, многие отчаялись уже в спасении товарищей, арестованных гайдамаками и содержавшихся в музее цесаревича на Владимирской. Было решено поднять восстание железнодорожных рабочих киевского депо. Действительно, сейчас же, на следующий день после того, как затихла перестрелка на Печерске с арсенальцами, началась перестрелка с железнодорожным депо.

Тов. Исаак и тут был на первом месте, вместе с железнодорожниками. И только благодаря восставшим железнодорожникам, город пал очень скоро, и были спасены те несколько сот товарищей, которые были уже обречены на расстрел. Когда город был взят, т. Исаак пришел ко мне, но его трудно было узнать,—загорелый, весь пропитанный пороховым дымом, оборванный, но вместе с тем сияющий, полный жизни и энергии. На мое предложение отдохнуть, он, улыбнувшись, сказал, что чувствует себя совсем не усталым.

После занятия города он был назначен Народным Комиссаром Финансов, но эта работа сильно тяготила его. Он говорил, что не может отдаваться кабинетной работе, а чувствует себя лишь тогда на своем месте, когда работа—живая, рискованная.

По уходе из Киева муравьевских войск, я потерял его из виду. По рассказам товарищей, он уехал было в Москву, но затем вскоре вернулся на Украйну, хотя товарищи уговаривали его не ездить туда, так как там он на учете. На Украйне он все время вел подпольную работу. В Харькове его арестовали, но, по ходатайству городской думы, он и др. товарищи были освобождены. Затем их опять хотели арестовать; они бросились бежать и вплавь перебрались на другой берег речки, по ним открыли стрельбу, и несколько товарищей тогда же погибли. После этого т. Исаак пробрался в Полтаву и там выступил на крестьянском собрании; его узнали, заключили в тюрьму и предали военно-полевому суду, которым он был приговорен к расстрелу. Он был расстрелян за 3 дня до прихода

советских войск в Полтаву. Труп его нашли на площади, сфотографировали и похоронили на площади, которую назвали его именем—площадь Крейсберга.

В некрологе, написанном тов. Пятаковым, он характеризует т. Исаака, как одного из самых лучших подпольных работников и организаторов. По его словам, т. Исаак всегда был весел, бодр, полон веры в торжество идеи, которой он служил. В самые опасные минуты он не терял присутствия духа. Тов. Пятаков рассказывает, как они однажды сидели вместе как арестованные и были уверены, что их расстреляют; т. Исаак так действовал на него своею бодростью, что прямо забывалось, в каком положении они находятся. В Киеве одна улица, Заводская, названа именем Крейсберга.

Мурованный.

В последнем, прощальном письме к матери, написанном накануне суда, Исаак Крейсберг сообщает ей о предстоящем суде, о выставленном против него обвинении в большевизме и о неизбежном приговоре к расстрелу. Письмо полно утешений и забот о матери и ее младших детях; он просит ее простить причиненные ей страдания и постараться поскорее забыть его, просит разыскать его друзей и рассказать им о его смерти: «Скажи им, что я перед смертью был бодр, что я думал о них, что я умираю с верой в конечную победу трудящихся».

Письмо писано 14 января 1918 г. (Некролог т. Исаака Крейсберга см. в «Известиях Временного раб.-крест. правительства Украйны и Харьк. Сов. Р. Д.» № 34 за 1919 г.)

КРЕНЕК Исай — коммунист I городск. района г. Петрограда, убит при наступлении на деревню Большой Двор на Петроградском фронте в 1919 г. («Боевая Правда» № 22 от 2 октября 1919 г.)

КРЖЕВИН Иосиф Игнатьевич — член Росс. Комм. Партии Городского района гор. Москвы, член фракции коммунистов Издательства В. Ц. И. К., умер 1 мая 1919 г. от сыпного тифа.

КРИВОШЛЫКОВ М. — повешен вместе с Подтелковым 27 апреля 1918 г. Он имел громадное благотворное влияние на Подтелкова; последний ему безгранично доверял и слушался постоянно во всем.

Нежный, мечтательный, с душой и думами поэта, он, однако, находил в себе твердость и беспощадность к своим врагам.

Сын рядового казака-хлебороба, Кривошлыков, получив среднее сельскохозяйственное образование и пойдя на военную службу, сохранил в себе трогательную любовь к простому, трудящемуся народу. Кривошлыков пламенно и страстно служил делу, в которое верил. Во времена Керенского, в которого очень верил, он, по первому зову его, пошел в батальон ударников, но очень скоро в этом разочаровался. Это он первый на историческом съезде в Каменской крикнул «Долой Каледина, да здравствует казачий Военно-Революционный Комитет!» По его же предложению и был избран этот комитет.

В горячие апрельские дни, когда белые напали было уже на Ростов, он вместе с Подтелковым пошел против них. Он не возвращался уже более в Ростов, а, наскоро сформировав в бою отряд, пошел далее и гнал все белых, отбил у них Зверево и Лихую, где он и присоединился к нашей экспедиции. Чистая натура Кривошлыкова не выносила человеконенавистничества. Он ненавидел антисемитов. Когда один казак из нашего отряда вздумал по пути ругнуть евреев, Кривошлыков был вне себя от злости: горячо он стал протестовать и доказывать реакционную сущность национальной ненависти. Это была сочная и целостная, совершенно непочатая еще натура. («Орлы революции» А. А. Френкель).

КРОМБЕРГ Александр Федорович — коммунист, военмор, умер 19 октября 1920 г. В последнее время он занимал пост начальника радиостанции в Красноводске. Несмотря на трудную техническую работу, которую ему пришлось все время производить по организации радиостанции, т. Кромберг ни на шаг не отставал от политической работы, главным образом культурно-просветительной. Не было такого собрания, на котором бы не присутствовал т. Кромберг. («Военмор», орг. Политотд. Каспийского флота, № 46).

КРОПОТКИН Петр Алексеевич. — В лице скончавшегося 8 февраля 1921 г. Петра Алексеевича Кропоткина сошел со сцены один из наиболее характерных и ярких представителей старой русской революционной интеллигенции, подобно Бакунину, ставший из русского дворянина вождем европейского анархизма, но во многих отношениях бывший полной противоположностью Бакунина.

Аристократ по рождению и воспитанию, он, по окончании привилегированного учебного заведения в 1862 г., не пошел по торной дорожке придворной, административной или дипломатической карьеры, а добровольно поехал на службу в Сибирь, привлекавшую его демократизмом своего быта и возможностью научной работы в мало исследованных областях. Пятомец пажеского корпуса увлекается естествознанием,—дань эпохе 60-х годов,—особенно физической географией, в которой делает важные открытия и которая впоследствии у него, так же, как у его друга и единомышленника, знаменитого французского анархиста Э. Реклю, стала любимой наукой.

Таким образом, если Бакунин начал с германской идеалистической философии и лишь впоследствии пришел к материализму, то Кропоткин начал с естествознания. Но, с другой стороны, Бакунин под влиянием Маркса усвоил также основы исторического материализма, тогда как Кропоткин в одном отношении всю свою жизнь остался «шестидесятником»: он был типичным «просветителем», верил в силу разума, в творческую силу науки. Но у него была еще одна черта, отличавшая его от Бакунина и в то же время сделавшая его подлинным «семидесятником», ярким образчиком «кающегося дворянина»; если для Бакунина моральные вопросы не играли большой роли, если для него, наоборот, нередко цель оправдывала средства, то в Кропоткине наиболее характерной чертой, руководившей им всю жизнь, было высоко развитое нравственное чувство,—чувство долга. Уже по возвращении из Сибири в конце 60-х годов, когда его научные работы создали ему европейское имя, и перед ним рисовался заманчивый путь блестящей научной деятельности, он поставил себе, как он сам рассказывал, такой вопрос: «Какое право имел я на все эти высокие радости, когда вокруг меня—гнетущая нищета и мучительная борьба за черствый кусок хлеба; когда все, затраченное мною, чтобы жить в мире высоких душевных движений, неизбежно должно быть вырвано изо рта сеющих пшеницу для других и не имеющих достаточно черного хлеба для собственных детей?». И Кропоткин уехал за границу, где примкнул к Бакунинскому крылу Интернационала и на всю жизнь усвоил себе его анархические взгляды. Но по возвращении в Россию в 1872 г. Кропоткин вступил именно в кружок Чайковского, который, по его собственным словам, «возник из желания противодействовать нечаевским способам деятельности», т.-е. ставил себе, главным образом, нравственные задачи, и это-то больше всего и привлекало Кропоткина. Будучи самым старшим, опытным и образованным членом кружка, он сделался его душой и фактическим руководителем. В то же время он один из первых русских революционеров стал заниматься в кружке петербургских рабочих, которым он рассказывал об Интернационале. После своего ареста и знаменитого побега из больницы, он окончательно эмигрировал в Европу, где начался новый и важнейший период его деятельности, как общепризнанного теоретика и пропагандиста европейского анархизма.

Но и к анархизму Кропоткин подходил не так, как Бакунин. Для Бакунина самое важное в анархизме была его отрицательная, разрушительная сторона, о будущем строительстве он мало заботился; Кропоткин, наоборот, очень много внимания посвящал будущему творчеству, свободному сотрудничеству людей в избавленном от государственной власти обществе. Элементы, зачатки этого свободного сотрудничества он видел уже в теперешнем обществе; он считал именно сотрудничество, а не борьбу, главным законом общества и доказывал его существование даже в животном мире. Человек по природе добр, и если бы ему удалось избавиться от насилия государства, он устроился бы наилучшим образом.

*

Таким образом, в насилии, разрушении Кропоткин видел лишь неизбежное зло и с удовольствием отмечал все те факты в развитии цивилизованного человека, которые, по его мнению, свидетельствовали о мирном прогрессе анархических и коммунистических идей и форм жизни; поэтому он отрицательно относился к тем русским анархистам 1905—1908 г.г., которые доходили до «безмотивного» террора и «индивидуальных» экспроприаций.

Несмотря на исторический идеализм и утопизм Кропоткина, сближавший его с великими утопистами XIX в., несмотря на его анархические идеи и нередко весьма несправедливую полемику с социалистами, многие его мысли стали прочным достоянием революционного социализма в его борьбе против оппортунизма (особенно в книгах «Речи бунтовщика» и «Завоевание хлеба»). А его история французской революции, при своем небольшом объеме и доступном изложении, представляет исключительную научную ценность и бросает неожиданно яркий свет на многие события нашей революции.

Чрезвычайно интересная эволюция произошла с Кропоткиным с начала мировой войны. Казалось, что ненависть к Германии и германской социал-демократии, в которой он вполне сходился с Бакуниным и которую он питал всю свою жизнь, заставила его забыть и анархизм, и интернационализм. Он сделался пламенным патриотом тех самых «великих демократий» стран Согласия, которые он, в качестве анархиста, достаточно сильно разоблачал в свое время, при чем все прелести ф р а н ц у з с к о й «демократии» он испытал на самом себе в форме арестов, изгнаний и долгих лет тюремной одиночки. Мало того, в нем как будто заговорил даже русский патриот, и его знаменитые фельетоны в «Русских Ведомостях» совратили с революционно-социалистического пути не одного из малых сих. А в 1917 г., вернувшись на родину после 40 лет эмиграции, Кропоткин как будто не отличался ни от Плеханова, ни от Брешко-Брешковской, вместе с которыми он выступил на организованном Керенским «Государственном совещании». И он был противником гражданской войны, и он как будто стоял за притупление классовой борьбы, за укрепление демократической республики. Можно было думать, что 40 лет борьбы в духе анархического интернационализма оказались лишь случайным эпизодом в жизни Кропоткина, и что он разделил участь многих бывших революционных народников, в момент величайшей революции оказавшихся рядовыми мелко-буржуазными демократами.

Но это только так казалось. Наоборот, именно это демократическое увлечение явилось случайным эпизодом, вспышкой, пережитком тех интеллигентских упований, которые питали в душе, часто бессознательно, несмотря на весь революционный социализм и анархизм, почти все народники,—упований, что революция принесет длительную эпоху политической свободы и «европейских» форм классовой борьбы.

Несомненно, что октябрьская революция и затем крах германского империализма и начало революционной полосы в Европе произвели на Кропоткина необычайно сильное впечатление. Они вернули его к тому анархическому коммунизму, который стал его второй природой, но они же, особенно ход событий в России, поставили его в положение, поистине, трагического внутреннего противоречия. Как анархист, он всеми силами своей души протестовал против режима партийной диктатуры со всеми ее последствиями. А как глубокий знаток европейских революций, особенно Великой Революции XVIII в., он понимал, что эта диктатура, как и весь ход событий после октября, являются исторически неизбежными. В то же время он, несомненно, должен был испытать большую душевную неловкость, если не стыд, за свои националистические и «демократические» увлечения 1914—1917 г.г., которые так противоречили всему его миросозерцанию, равно как и за те пророчества, которые так плохо оправдались. Все это, вместе взятое, и заставило его уйти от активной жизни, заставило этого неугомонного революционера сознательно обречь себя на молчание в течение целых трех лет.

Правящую в России партию коммунистов он считал новыми якобинцами. В качестве анархиста, он был непримиримым врагом якобинских методов управления. Но, как историк и революционер-интернационалист, он признавал

за новым якобинством глубоко революционное международное значение. Поэтому он отказался от публичных выступлений против Советской власти и свое настроение выражал лишь в частных письмах. В этом отношении крайне характерным документом является письмо Кропоткина от 2 мая 1920 г., опубликованное в анархистской листовке, посвященной памяти Кропоткина. Это последнее известное письмо Кропоткина вообще очень интересно по той выпуклости, с которой в нем отражаются основные черты его характера и убеждений. Он жалуется, что анархисты недостаточно предугадали то, что «подготовлялось 30 лет», недостаточно оценили «силы социал-демократического централизаторства» и не умели объединиться для борьбы с ним. Таким образом, Кропоткин считает русский коммунизм прямым детищем плехановского марксизма и в то же время думает, что анархизм мог бы изменить ход истории, если бы отличался большей проницательностью и организованностью. Далее, он «глубоко в е р и т в будущее», в то, что профессиональное движение в течение ближайших 50 лет «сможет» приступить к созданию коммунистического безгосударственного общества». Он «верит» также, что «творческим ядром коммунистической жизни «окажется» р у с с к о е к р е с т ь я н с к о е кооперативное движение». И, наконец, он «верит», что «разбившись на малые государства, народы начнут вырабатывать в некоторых из них безгосударственные формы жизни».

Н. Кропотов.

Во всем этом ярко сказывается неисправимый утопист-идеалист, так же как и в первой части письма, из которой мы узнаем, что в своем затворничестве Кропоткин перед смертью вернулся к основному интересу своей жизни, к вопросу о нравственности, при чем он надеется, что теоретической разработкой этого вопроса он окажет влияние на практическую жизнь. «Я знаю, что не книги создают направление, а наоборот. Но я знаю также, что для выработки направлений необходима поддержка книг, выражающих основные мысли в обширно разработанной форме... Такой разработки теперь, когда люди бьются между Ницше и Кантом... надобность чувствуется н е о т л о ж н а я» (курсив Кропоткина. — *Б. Г.*).

Так, незадолго до смерти, почти на 80-м году, в Кропоткине выявились с полной силой те основы, которые заложены были в нем с самого начала его сознательной деятельности: «просветительство» шестидесятников и «вопросы совести», так волновавшие семидесятников.

Б. Горев.

(«Печать и Революция» № 2, стр. 170.)

КРОПОТОВ * Николай Николаевич — член Московского Совета. Тов. Кропотов родился 8 ноября 1873 года. В 1894 году окончил Седлецкую гимназию, в 1909 году—Московский Университет по Юридическому Факультету. Адвокатурой, однако, не занимался, а пошел в педагоги. Преподавал русский язык, латынь и историю в разных учебных заведениях: сначала в провинции, а с 1913 г.— в Москве. За участие в студенческих волнениях 1899—1902 годов был арестован и сидел в тюрьме. По освобождении т. Кропотов, как социал-демократ, руководил рабочим движением в Орехово-Зуеве, где на фабрике Морозова он работал в качестве статистика. Снова последовал арест и тюрьма.

С 1905 года т. Кропотов—большевик и теснейшем образом связан с Московским комитетом партии. После поражения в 1905 году т. Кропотов, не порывая связи с партией, отстраняется от непосредственной активной работы, и лишь

революция 1917 года вновь захватывает его. Мы его видим в Московском Совете то в качестве комиссара Таможни, то—члена Дежурной Коллегии Совета. Перед кончиной т. Кропотов вел занятия в партийных школах, организованных Московским комитетом Р. К. П. Погиб при взрыве М. К. Р. К. П. 25 сентября 1919 года. («Братская Могила».)—См. **Загорский.**

КРУЗЕ Абрам—был студентом Петроградского университета, юнкером Павловского военного училища, инструктором Красной гвардии Петроградского района в Питере. 29 января 1918 года умер от ран, полученных в бою с белогвардейцами в Финляндии.

КРУССЕР Александр.—На донецком фронте убит тов. А. Круссер, командир бывшей Махновской бригады. Свою революционную работу тов. Круссер начал в Петербурге, в 1912 г., в бытность свою студентом университета. Его фанатическая преданность делу привлекла к нему самую горячую любовь рабочих Выборгской стороны, где он выступал на рабочих собраниях и вел партийную работу. За эту работу тов. Круссер два раза был исключен из университета, много раз сидел в тюрьме, скрывался от царской полиции, ночевал на Неве, под баржами. Во время войны, он, по чужому студенческому виду, был взят в школу прапорщиков, где вел усиленную партийную работу. Родом молдаванин, он по выходе из школы попал на Бессарабский фронт, где работал также усиленно и несколько раз был арестован. С первых дней революции он принимал самое деятельное участие в работе партии, участвовал в октябрьском перевороте, в отступлении из Украины, в обороне Царицына и, наконец, нашел героическую смерть на славном боевом посту. («Коммунист» № 84 (112) от 18 июня 1919 г.).

КРЫЖАНОВСКИЙ ** Андрей Андреевич—крестьянин с. Владимиро-Александровского Ольгинского у. Приморской области, 55-летний борец, участник первого восстания партизан на Дальнем Востоке. Когда колчаковцы расстреливали его, захватив в плен, он радостно пел «Интернационал». Погиб в 1919 г. (Сведения взяты из ст. «Партизанское движение в Приморской обл.» А. Яременко, «Пролет. Револ.» № 7, стр. 81).

КРЫЛОВ—35 лет, секретарь Крымпрофсовета, популярный среди рабочих Крыма, главным образом, среди рабочих Севастополя. Несмотря на преследования, которым он подвергался со стороны контр-разведки ген. Кутепова, он продолжал идейную организацию союзов, регулярно объезжая различные местности, делая доклады, устанавливая единую кассу и единую отчетность, собирая членские взносы для Крымпрофсовета. Всюду он принимал участие в постановке союзного аппарата, и везде рабочие массы относились к нему с горячей симпатией. Несмотря на тяжелые условия, благодаря его опыту в союзном строительстве и неутомимой энергии, союзы оживились и начали проявлять творческую деятельность. Объезжая местности Крыма, он провел нелегально постановление союзов об отчислении из заработка сумм на поддержку многих товарищей, находившихся в заключении, и на поддержку семей растрелянных, создавая везде организации политического Красного Креста. Впоследствии эти организации превратились в боевые организации, располагавшие значительными суммами, собранными исключительно рабочими.

Тов. Крылов был арестован в Севастополе в марте 1920 г. кутеповской контр-разведкой в числе 13 и расстрелян без суда на ст. Джанкой генералом Слащевым.

Жена его также была арестована и подвергнута в контр-разведке ужасным пыткам. Не перенеся их, она лишилась рассудка и через некоторое время была казнена по приговору военно-морского суда в Севастополе. *С. Лядов.*

КРЫЛОВ-СОБОЛЕВСКИЙ—23 л., кличка «Марго», член Р. К. П., студент, мобилизован Врангелем, работал в подпольной военной организации. Казнен в мае 1920 года.—См. **Грановский.**

КРЮКОВ **—См. **Уткин.**

КРЮКОВ ** Михаил Васильевич—погиб в бою под хутором Зубриловским Донской области 10 октября 1918 года. Тов. Крюков—рабочий-текстильщик,

партиец-подпольщик, родом из Озер Московской губернии. Познакомился я с ним в июле 1917 года на работе в Президиуме Московского Губернского Совета Раб. Деп. Несколько сумрачный с виду, всегда серьезный и деловитый, т. Крюков при более близком знакомстве оказался вместе с тем превосходным товарищем, простым и доступным для всех, кто имел с ним дело. Основными чертами его характера были чисто пролетарская железная дисциплина и выдержка и бесконечная преданность делу рабочей революции. Твердо и непреклонно тов. Крюков, в качестве члена Президиума Губ. Совета в 1917—1918 годах, провел все лето в работе по подавлению восставшей буржуазии, городского мещанства и сельского кулачества (в частности, в Озерском районе).

Когда разлилась на Востоке и Юге волна белогвардейщины (чехо-словаки и Краснов), т. Крюков как-то сразу, как будто это само собою подразумевалось, без дальних обсуждений был выдвинут на пост организатора и комиссара 1-го Моск. Губ. Рев. полка. После двух месяцев упорной организационной работы полк, насчитывавший в своих рядах до тысячи добровольцев, рабочих фабрик и заводов Московской губернии, в сентябре 1918 года был отправлен на Красновский фронт. На фронте т. Крюков не раз проявлял необыкновенную выдержку и самоотверженность, не растерялся и тогда, когда однажды ему пришлось принять на себя на короткий срок командование полком. В неравном бою, когда 1-й Московский полк отбивался 10 октября 1918 года от втрое превышавшей его численностью казачьей орды, т. Крюков геройски погиб, сраженный белогвардейской пулей в тот момент, когда он ободрял товарищей и звал их к штыковому бою.

И. Сольц.

(«Братская Могила»).

КРЮКОВ ** **Сергей Иосифович**—вступил в партию с.-д. большевиков в 1907 году. Служил конторщиком и работал в Московской Окружной организации до 1910 года, т.-е. до призыва в ряды старой армии. На его долю выпала черновая техническая организационная работа. Помимо разноски литературы, устройства нелегальных собраний, он был содержателем подпольных квартир, где хранились типографские станки—литература, остатки бомб и другое оружие. В 1908 году, когда случился провал в Москве, он, единственный из уцелевших, служил связью между Питерской и Московской организациями. Через него получали явки приезжие товарищи в М. К. В 1916—1917 годах был членом Военной Московской Организации, служил солдатом в 55-м полку в Александровских казармах. 55-й полк был выведен им на демонстрацию к Московскому Совету 23 апреля против Милюкова-Гучкова. Солдаты выдвинули его в председатели Полкового Комитета и в члены Московского Совета Солдатских Депутатов совместно с товарищем Мураловым.

Умер 32 лет в 1920 году от туберкулеза легких в Москве, похоронен на Пятницком кладбище. («Братская Могила», стр. 92.) *Федор Крюков.*

КУВШИННИКОВА ** **Зоя**—московская коммунистка, пулеметчица, погибла 24 сентября 1919 г. на Тульском фронте. Во время форсирования моста, пулеметчики перешли мост впереди полка; под натиском противника полк отступил, пулеметчики остались одни на берегу; войдя в реку, они в течение 7 часов, по пояс в воде, обстреливали противника. Когда полк снова перешел реку, он нашел трупы Кувшинниковой и ее товарищей. («Правда» № 213 за 1919 г.)

КУДРЯВЦЕВ ** **Александр Игнатьевич (Титов Г.В.)**—родился в 1886 году, погиб в 1919 году. Под фамилией Титова жил с 1915 года Александр Игнатьевич Кудрявцев. Родом он был из крестьян Костромской губернии Солигаличского уезда Зашуманской волости, деревни Верещагина. 12 лет от роду после смерти отца мальчуган попал в Петербург и поступил в учение малярному делу к одному подрядчику. Пробыв в учении 4 года, Кудрявцев перешел на самостоятельную работу. До 1914 года он жил безвыездно в Петербурге и работал в различных предприятиях по своей профессии.

Революция 1905 года пробудила в Кудрявцеве пролетарское сознание, и он начал читать политические брошюрки, посещать собрания культурно-просветительных обществ, но активное участие в рабочем движении он начал принимать лишь с 1915 года, по переезде в Москву. Вместе с т. Сапроновым он организовал Профсоюз строительных рабочих в Москве и был председателем правления Союза долгое время. В этом же году он, чувствуя себя сознательным большевиком, тесно связался с партийной организацией и, между прочим, исполнял всякие технические поручения: разбрасывал прокламации с большевистскими лозунгами против империалистической войны.

В 1916 году он был мобилизован, но к призыву не явился и перешел на нелегальное положение, приняв фамилию Титова. В это же время т. Кудрявцев не забывал о саморазвитии. В период 1915—1917 г.г. он особенно много занимался, участвуя в кружках самообразования марксистского духа. В 1916 году он начал и сам руководить некоторыми рабочими кружками, в которых пропагандировал большевистские лозунги. С момента организации Красной гвардии т. Титов находится в ее рядах и в октябре с оружием в руках выступает на улицу вместе с товарищами-лефортовцами. В 20-х числах декабря т. Титов отправляется вместе с лефортовским отрядом на Украину против гайдамаков. В январе 1918 года отряд возвращается с победой. В феврале т. Титов снова идет с тем же отрядом на германский фронт под Оршу. Там он, между прочим, в жестокой схватке с германцами спасает жизнь своего друга и начальника отряда Х. Муравьева.

А. Кудрявцев (Титов).

После подписания Брестского мира и установления демаркационной линии, отряд вернулся в Москву. Не прошло и трех недель, как в поход собрался 20-й Советский полк, находившийся в Лефортовском районе и состоявший, главным образом, из районцев. Т. Титов идет с этим полком и вместе со всеми красноармейцами несет тяготы кошмарного похода, в результате которого весь полк целиком попадает в плен к астраханским меньшевикам и лишь благодаря личному мужеству и находчивости группы коммунистов—Переверзева, Титова, Мерзлова и других—половина полка прорывается на Асхабад и в августе того же года возвращается отдельными группами в Москву. До сентября 1918 года т. Титов работал в Центросоюзе и в Лефортовском райкоме партии. В сентябре того же года формируется 1-я Московская Рабочая дивизия. Т. Титов помогает т. Переверзеву в работе по созданию и скорейшему снабжению всем необходимым этой дивизии. Принимает деятельное участие в организации 33-го резервного рабочего Лефортовского полка и по постановлению комитета назначается комиссаром этого полка.

По приходе на Южный фронт 1-й Московской Рабочей дивизии, т. Титов принимает участие во всех боях во главе своего полка. После разгрома дивизии под Луганском, т. Титов, по поручению комиссара дивизии т. Переверзева, едет в Москву за пополнением. По приезде в Москву, т. Титов тычется во все соответствующие учреждения, но безрезультатно. В Лефортовском районе т. Титов обращает внимание на группы пленных колчаковцев, и у него возникает идея сагитировать несколько тысяч этих пленных и взять их на Южный фронт. Он завязывает с пленными сношения и зондирует почву. Дело идет на лад. Тогда т. Титов едет в центр и получает разрешение посетить лагери военнопленных колчаковцев и набрать добровольцев для своей дивизии. Т. Титов приглашает меня (в качестве оратора) ехать в лагерь к колчаковцам. Приезжаем, устраиваем митинг,

по очереди выступаем перед колчаковскими солдатами (большинство из Пермской и Черниговской губ., но есть и дальние сибиряки). На агитацию поддаются легко, безделие и скука лагерной жизни их угнетает, наконец, Южный фронт привлекает их избытками хлеба. В результате посещения двух лагерей (во втором Титов был с Землячкой) мы получаем тысячу человек, хорошо обмундированных и снабженных всем необходимым, готовых к походу. Т. Титов передает эту тысячу человек т. Волкову (комиссару 37-й полка той же дивизии, находившемуся в отпуску после ранения) и мне для сопровождения в дивизию, а сам остается набирать еще добровольцев, обещая через два-три дня выехать вслед за нами. Но на Южный фронт т. Титов больше не попадает. В конце июня 1919 года Московская дивизия по приказанию Р. В. С. Республики передает всех бойцов в 15-ю Инзенскую строевую дивизию, а штаб дивизии с органами снабжения переводится в Симбирск на формирование новой дивизии. Т. Титов попадает в Симбирск и снова принимает участие в формировании уже второй дивизии. В сентябре 1919 г. он снова в Москве, и 25 сентября погибает при взрыве в Московском Комитете, погибает в полном расцвете сил и революционной коммунистической энергии.

Память о славном товарище, живом и энергичном организаторе и мужественном бойце сохранится надолго в сердцах всех, знавших товарища Александра Игнатьевича Кудрявцева-Титова.—См. **Загорский.**

Е. Штейман.

Н. Кудрявцев.

КУДРЯВЦЕВ ** **Владимир** — рабочий-железнодорожник. В начале 1917 г. он первый и почти единственный среди железнодорожников Моск.-Виндаво-Рыбинской ж. д. подымает свой голос за большевиков, не состоя еще членом партии. В дальнейшем он при поддержке других товарищей организует большевистскую партийную ячейку на М.-В.-Р. ж. д. и широко распространяет влияние нашей партии среди беспартийных рабочих.

Одним из первых он уходит на фронт. В боях он, по словам товарищей, отличался редкой храбростью, служил ярким увлекающим примером для красноармейцев и многих командиров. В бытность комиссаром 2-й Батайской дивизии он пал под Ямбургом в борьбе за укрепление диктатуры трудящихся масс.

КУДРЯВЦЕВ ** **Николай Фролович** — сын крестьянина Череповецк. губ., Устюженского у., Никифоровской вол., села Никифорова, родился в ноябре 1896 г., детство провел в деревне, работая по крестьянству, образование получил в никифоровской 2-хклассной школе. В 1914 г. работал в Ярославской губ. плотником у подрядчика. В начале 1915 г. уехал в Петербург, где работал до июля; в августе того же года был мобилизован и отправлен на австро-германский фронт (около Карпат). Возвратился по демобилизации 1918 г., лето проработал в деревне в хозяйстве. В сентябре того же года вступил в Р. К. П. (б.) в Устюженскую уездную организацию и был назначен политическим комиссаром почты в г. Устюжне. 2 ноября 1918 г. был мобилизован в ряды Красной армии и отправлен в Петербург, где находился в 1-м Стрелковом полку 1-й дивизии и занимал должность: взводного командира, ответств. организатора коллектива Р. К. П. (б.) полка, заведующего школой грамоты полка и был членом Петроградского Совета Р. К. и Кр. Деп. В марте 1919 г. тов. Кудрявцев был отправлен на Северо-западный фронт против Юденича; в июне того же года, вследствие предательства офицерского состава, попал в плен вместе с другими красноармейцами и зверски расстрелян на станции Струги-Белые Лужского уезда Петербургской губ. Перед смертью он держал себя геройски и сказал: «коммунисты погибают, но коммуна—никогда!»

Оленин.

КУДРЯВЦЕВ * Константин—инструктор Владимирских Советских пехот. курсов, пал смертью храбрых 5 июня 1919 г. в бою под дер. Чухонские-Голубовичи. Узнав, что противник находится в этой деревне, он приказал цепи следовать вперед, а сам пошел перед цепью. Прогнав неприятеля за деревню и преследуя его, тов. Кудрявцев попал под огонь врага и был убит. Награжден орденом Красного Знамени. («Красные герои», вып. I.)

КУДРЯШОВ К. — член Р. К. П. (б.) Красноярской организации, геройски погиб в мае 1919 г. при защите с. Никольского (Джанбая) от банд генерала Толстого. («Из истории Красноярской орг. Р. К. П.», стр. 15.)

КУЗИН — ротный комиссар N-го полка, попал в плен к казакам вместе с небольшой частью своего полка. Белогвардейцы тотчас его расстреляли. Умирая, он воскликнул: «Да здравствует коммунизм, да здравствует Красная армия!» Расстрелян в 1919 г. («Изв. В. Ц. И. К.» № 50 от 5 марта 1919 года.) — См. **Володин.**

КУЗНЕЦОВ — красногвардеец, рабочий зав. «Вулкан» гор. Питера, погиб в борьбе против банд Каледина в начале февраля 1918 года.

КУЗНЕЦОВ ** — См. **Мартынов.**

КУЗНЕЦОВ ** — См. **Некрасов.**

КУЗНЕЦОВ ** — См. **Семенов.**

КУЗНЕЦОВ Александр Николаевич — рабочий. С самого начала организации Советской власти в Тюмени до эвакуации он был председателем Рабочего отдела. При отступлении из Тюмени ему было поручено перейти через фронт и передать деньги бастующим печатникам. При переправе т. Кузнецов был арестован. После ареста т. Кузнецов был препровожден в Ирбит, где все время и сидел. При отступлении белых из Ирбита был расстрелян в 1918 г.

Несмотря на свой возраст (ему было свыше 40 л.), Ал. Ник. душой был молод. В лице этого рабочего партия потеряла большую ценность.

(«Октябрьский Сборник»).

КУЗОВКИН ** — См. **Аппельбаум.**

КУЗЬМИН Александр Александрович. — Сын состоятельного известного архитектора в Петербурге, построившего не один десяток домов столицы, Кузьмин воспитывался в интеллигентской, полной умственных интересов, семье.

Особняк английского типа во дворе на Торговой улице почти до 1918 г. был настоящим музеем, где находились положительно драгоценности живописи и архитектуры. В этом особняке и вырос А. А. Кузьмин. Выдержав блестяще экстерном за реальное училище, Александр Александрович поступил в Горный институт, который и окончил первым и был занесен на золотую доску института.

Как и отец, Алекс. Алекс. отличался недюжинными математическими способностями, и ему улыбалась блестящая карьера оставления при институте для подготовки в профессорскому званию. Все, казалось, складывалось так, чтобы Кузьмин занял выдающееся положение в буржуазном обществе: сначала сын состоятельных родителей, затем сам богатый человек и домовладелец, блестящий математик, выдающийся виртуоз-музыкант, хорошо образованный человек, незаурядный инженер, Алекс. Алекс., однако, пренебрегает своим привилегированным положением и весь отдается изучению Маркса.

Он отказывается от выгодного места на казенном заводе и тем повергает в величайшее удивление старых горняков-бюрократов. Один из таких бюрократов, предлагая доходное место Кузьмину и получив отказ, с удивлением и замешательством говорил его матери: «Знаете, большего предложить не могу... но ведь это временно, немного погодя мы его быстро продвинем дальше».

Но Алекс. Алекс., проштудировавши Маркса (он знал очень хорошо немецкий и французский языки), решил на практике проверить идеи и положения великого учителя; он направляется за Невскую заставу и в 1905 году становится членом партии—большевиком и одновременно преподавателем механики и математики в Корниловской Смоленской школе за Невской заставой. Десятки рабочих Невской заставы доселе помнят красивое интеллигентное лицо Кузьмина: удивительно широкий гладкий лоб, умные черные глаза и необыкновенно густые,

пышные черные волосы. Добрая улыбка смягчала иногда это строгое умное лицо, а немного резкий смех сразу располагал всех встречавшихся с Кузьминым впервые. Но что больше всего поражало в этом человеке с первого взгляда—это отрешенность от самого себя, от своих личных интересов, от своих выгод и пользы, забвение самого себя и преданность делу пролетариата.

С утра в районе, с шести или семи часов до поздней ночи, он очень скоро в бурные дни 1905 года окончательно переселился в район, потому что необходим был хозяин квартиры, где хранились бомбы боевой дружины района. Кузьмин был человек с положением, на его жизнь в районе смотрели как на чудачество богача, который возится с рабочими, и потому даже обыски, которые частенько производились в его комнате, были обычно поверхностны. Впрочем, однажды обыск чуть не стоил жизни и Кузьмину и всем, кто оказался в этот момент в комнате: шпионы уже взялись за ящик, где под видом каких-то электрических препаратов лежали бомбы.

— А это что у вас?—спросил блестящий ротмистр.

— Это,—спокойно ответил Алекс. Алекс.,—это я делаю опыты с приготовлением новых электрических лампочек из особого состава, похожего и на стекло и на металл; отличается колоссальною прочностью. Хотите,—попробуем?

Кузьмин взял в руки небольшую бомбочку, вставленную в какой-то футляр, и, поднявши ее вверх, готов был с силой бросить ее на пол.

— Не надо... не надо...—заторопился жандарм и записал в протоколе: «Ничего предосудительного при обыске не обнаружено».

А Кузьмин так же спокойно, как спокойно поднял ее, вложил бомбу на прежнее место.

Через несколько дней, когда бомб уже не было в квартире, жандармы подняли весь пол, но бомб не нашли.

— Алекс. Алекс.,—говорили Кузьмину,—вы возьмете сегодня на сохранение литературу.

Алекс. Алекс. молча брал и хранил.

— Тов. Кузьмин,—безапелляционно предлагали ему,—вы отвезете сегодня к себе на ночевку товарища.

И тот молча исполнял это.

— Тов. Кузьмин, вы дадите денег на технику, мы отдадим вам.

И Кузьмин отдавал все, что у него было.

— Алекс. Алекс.,—спрашивали его,—я у вас видел новую книгу, дайте, нам она нужна.

И Кузьмин давал.

Квартира А. А. Кузьмина в собственном доме на Торговой была беспрерывным приютом для революционеров,—там ночевали и жили беспаспортные, преследуемые и укрывающиеся. Чтобы собственный дом мог лучше обслуживать революцию, А. А. Кузьмин с женой выселился из особняка, где жила его мать и сестры, и поселился в одной из квартир дома, в которой, в особенности в 1907 и 1908 годах, не однажды заседал П. К. и очень часто заседала Исполнительная Комиссия П. К.

Бывали в этом доме и покойные товарищи Иннокентий и Дяденька (Книпович) и многие ныне здравствующие деятели Советской Республики, в том числе и тов. Зиновьев.

Только в 1908 году после ареста самого Кузьмина эту квартиру пришлось оставить в покое: шпики дежурили почти у ворот дома № 8 по Торговой улице. Впрочем, и после этого революционеры находили приют под гостеприимным кровом особняка на Торговой. Там, в этом особняке, была большая студия, вся из стекла, еще отца Алекс. Алекс.—Александра Андреевича Кузьмина. И вот здесь частенько отсиживались, как в бесте, нелегальные, за которыми гонялись ищейки. И все это делалось Кузьминым просто, без всякой аффектации и подчеркивания. «Надо, стало быть надо»,—говорило его умное лицо, и он делал, что требовал от него долг, и заставлял и всех своих родных проникаться необходимостью этого долга. Так своим примером он постепенно переродил свою вторую жену

(с первой, как не сочувствовавшей революции, он разошелся), урожденную княжну Тенишеву. В 1918 году это была уже не избалованная, капризная, красивая женщина, а преданный нашему делу серьезный товарищ, на руках которого и умер А. А.

В 1908 году А. А. сел в тюрьму, арестованный на собрании в Колпине (он был организатором окружного района). Ему пришлось просидеть около 3 лет в одиночке, так как его судили сразу по нескольким делам: и как организатора окружного района, и как редактора «Вестника Жизни», редактором которого он сделался так же просто, как просто соглашался хранить бомбы.

«Не от мира сего»,—говорили о Кузьмине, когда видели его, плохо одетого, отдающего последние деньги, свою квартиру, свое пальто первому нуждающемуся товарищу.

Когда, выйдя из тюрьмы в самую глухую пору реакции в 1910 году, А. А. уехал директором завода на Выксу, то он не порвал с партией, а приехавши, тотчас же стал организовывать профессиональный союз, нелегальную ячейку и кончил... организацией забастовки на том же заводе, каким управлял.

«Странный человек и плохой инженер»,—говорили о нем, но не такого мнения были о нем его товарищи по работе, специалисты-горняки, и потому, когда ему пришлось бежать с Выксы, его тотчас же позвали на Урал, и он снова попал инженером на Лысьву. Здесь он снова с рабочими и с партией, и его, а не кого-либо другого, выбирают лысьвенские рабочие делегатом на Всероссийский съезд в октябре 1917 г.

Но скромность и сознание долга не позволяли Алекс. Алекс. добиваться высших постов. Он оставался незаметным и неизвестным: другие пользовались его знаниями, связями и деньгами, а когда, отдав свой дом в Петербурге городу еще в марте 1917 года, он стал бедняком, многие из его же товарищей называли его дураком, указывая на то, что все еще может измениться. Только родные понимали его и безропотно подчинились ему:

После октябрьских дней А. А. работал в качестве специалиста на Урале, и тов. Чубарь не однажды свидетельствовал о скромности, преданности и больших знаниях этого человека. После потери Урала, А. А. оказался в Москве и ютился где-то на Покровке в холодной, неотоплявшейся квартире. Когда ему вновь представилась возможность поехать на Урал, он немедленно опять двинулся туда.

Никогда не забуду последнее свидание с ним. Худой с голодухи, с сухим зловещим кашлем, в обтрепанных штанишках, в худых сапогах, в осеннем пальто, Алекс. Алекс. с увлечением говорил о предстоящей работе. Стоял жестокий холод. Он, больной, был плохо одет, плохо обут. Так и поехал этот человек и окончательно простудился; когда он, заброшенный в какой-то медвежий угол Урала, заразился оспой, сердце его не выдержало. Он умер в больнице на руках своей жены в феврале 1919 г. в Н.-Тагиле (на Урале). *В. Невский.*

КУЗЬМИН ** В. А.—рабочий-беллетрист. Умер от туберкулеза в Москве в 1920 г. («Кузница», октябрь 1922 г.)

КУЗЬМИН ** Гавриил Филиппович—крестьянин д. Урывкино Пановской вол. Лаишевского уезда, красноармеец, погиб в г. Казани.

КУЗЬМИН ** Михаил Васильевич—крестьянин дер. Урывкино Пановской вол. Лаишевского уезда, красноармеец, погиб в Вятских Полянах в 1918 г.

КУЗЬМИН ** Петр Петрович («Виктор»)— умер в 1919 г. Свою революционную работу тов. Кузьмин начал в Харькове совсем молодым человеком под кличкой «Виктора». Работая в качестве агитатора и пропагандиста, тов. Виктор пользовался большой популярностью среди харьковских рабочих, среди которых всегда звучала его горячая речь о необходимости организации и борьбы для свержения самодержавия до полной победы социализма. Подпольным работникам партии приходилось тогда проводить свои занятия в рабочих кружках по лесам и оврагам, и тов. Виктор всегда был в этих кружках одним из лучших пропагандистов. Большую работу вел Виктор в Самаре, от которой он был представителем на Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. Партии (больш.), готовясь после съезда

к новой работе и борьбе в рядах партии, но был арестован и сослан в Сибирь. Эта ссылка надломила силы тов. Виктора и выбила его из прежней колеи. Из ссылки он вернулся уже с надорванным болезнью организмом, и эта болезнь ему постоянно давала себя чувствовать.

После революции новые палачи, чехо-словаки, принялись терзать тов. Кузьмина, арестовали его и посадили в Уфимскую тюрьму. Так скитания по ссылкам и тюрьмам расшатали его организм, подорвали в нем богатые способности и дарования, которые были заложены в нем природой. Насколько способным и даровитым был тов. Кузьмин, можно судить по тому, что, оправляясь от своей болезни, он упорно и энергично работал в редакции газеты «Коммуна», выступая на митингах и проявляя всю кипучую энергию своих молодых лет. (Из газ. «Коммуна» 16 августа 1919 г.)

КУЗЬМИН ** **Федор Александрович**—крест. дер. Урывкино Пановской вол. Лаишевского у., бомбардир-наводчик в Красной армии, погиб в Кронштадте в марте 1921 г.

КУЙВ ** — См. **Линдер Леопольд.**

КУКИН — крестьянин-рабочий, член коммунистической партии Шенкурской организации, организовал подавление кулацкого восстания в уезде перед наступлением англичан. Когда белогвардейцы, поддерживаемые англо-французами, заняли север, Кукин нелегально работал, но был выдан и замучен. Его привязали за веревку к седлу лошади, которую пустили по кочкам, по лесу, пока он не умер (в конце 1918 г.). *В. С.*

И. Куликов.

КУЛАКОВ — петроградский рабочий с завода Гейслер, погиб, будучи красногвардейцем, в борьбе с Калединым (на южном фронте) в начале февраля 1918 года.

КУЛАКОВ **—погиб 17 февраля 1919 года на Нарвском направлении, будучи ранен в обе ноги взрывом гранаты. Т. Кулаков был коммунистом Бежецкой организации. («Звезда», 1919 г., № 3.)

КУЛЕШИНСКИЙ Станислав — погиб в конце 1919 г. в Минске, замученный минской контрразведкой.

КУЛИКОВ ** —первый военком в Кургане. 11 марта 1918 г. местными коммунистами под его командой был разоружен враждебный Советской власти гарнизон. В том же году вместе с другими 9 товарищами он расстрелян чехо-словаками. (Сообщено П. Н. Кунгуровым.)

КУЛИКОВ ** **Иван Павлович** — родился в 1880 году в деревне Нечаево Меленковского уезда Владимирской губернии. Около 15 лет поступил на завод «Гусь Мальцево»; образование получил в заводской школе. В Орехово прибыл с семьей в 1897 году, поступил ткачом на фабрику Саввы Морозова. В 1904 году вступил в партию и горячо принимается за партийную работу. В 1905 году принимает горячее участие в февральской и мартовской забастовках на фабрике, за что увольняется и скоро поступает на фабрику Зимина. За разговор с мастером об условиях труда через 1½ месяца его увольняют. После расчета идет в Иваново-Вознесенск, поступает на одну из фабрик, работает до октября. 22 октября во время погрома, устроенного черносотенниками, он был избит. По выходе из больницы в начале ноября едет в Орехово, делает там доклад о погроме и вступает в боевую дружину, выполняя самые серьезные поручения. Во время погрома 30-й казармы Иван Павлович был внутри казармы, стреляя по атаковавшим солдатам из форточки сушилки; когда борьба стала невозможна, укрылся. После разгрома рабочей казармы наступила сильная реакция, последовало отобрание оружия у дружинников и перемещение склада—с квартирами было очень трудно. Товарищ Куликов предоставляет для этой цели свою квартиру. Конспирации

держаться не приходилось, время горячее. Когда принесли оружие, сам Куликов принимает его. Сообщают, что идет полиция; с браунингами в кармане выходит из квартиры, сталкивается с полицией. На вопрос последней: «Где живет Куликов?», отвечает: «Там», а сам спешит уйти. При обыске полицией в квартире найдены: винтовка, 4 револьвера и около пуда патронов. Семья Ивана Павловича, кроме маленьких братьев и сестер, была арестована. Жена, сестра, отец и мать Ивана Павловича переходят на нелегальное положение. Московский Окружной Комитет направляет его в Наро-Фоминск в качестве организатора под именем Сергея Васильевича; через 1½ месяца он перевелся в Иваново-Вознесенск, где и был избит при аресте. По предписанию владимирского губернатора за ношение оружия без разрешения получает три месяца тюрьмы. При посещении его в тюрьме его сестра случайно открывает его настоящее имя, Ивана Павловича переводят во Владимирское арестантское отделение и присоединяют к делу Московской Областной Конференции. В конце 1906 года был переведен из Владимира в Московскую Бутырскую тюрьму, где просидел под следствием до мая 1909 года, осужден с лишением прав в ссылку на поселение; в том же году был водворен на место ссылки в Енисейскую губернию. За работу и организацию ссыльных два раза был арестован на 2 месяца.

После февральской революции 1917 года приехал в Орехово и исполнял должность нач. милиции в Зуеве. Энергично боролся с воровством и бандитизмом. В январе 1918 года толпа, руководимая уголовными преступниками, разгромила Никольский Комиссариат и окружила Совет. Когда И. П. проходил через озверевшую толпу к Совету, кой-кто пытался его уговорить не ходить туда, он сказал: «Это—Совет Рабочих Депутатов, я должен быть там и умру за него».

В 1918 году в сентябре пошел добровольцем, был взят в плен, по дороге зверски убит красновцами.

В партии состоял 17 лет. («Братская Могила».)

КУЛИНЧЕНКО Николай — революционер, никогда не знавший страха и растерянности. Упорно и неукоснительно проводил в жизнь принципы коммунизма.

В 1917 г. от 18 объединенных заводов он прошел в Василеостровский Совет г. Петрограда, где своей энергией и организаторскими способностями скоро завоевал общие симпатии, и в качестве члена Исполнительного Комитета занимал ряд ответственных постов. Летом 1918 г., когда нужно было организовать районные комендатуры революционной охраны, Исполнительным Комитетом Совета он был единогласно избран на пост коменданта. Горячо взялся тов. Кулинченко за эту работу, и дело охраны Острова скоро было на должной высоте. В августе, во время первой мобилизации коммунистов, он районным комитетом был отправлен на фронт. Там рядовым солдатом или отделенным участвовал во всех боях под Казанью и в последнее время был комиссаром полка. В один из боев в начале мая 1919 года колчаковские банды окружили часть полка, в которой был тов. Кулинченко. Не желая отдаться живым в руки белогвардейцев, он у них на глазах покончил с собой выстрелом в висок. («Петр. Правда» № 105 от 14 мая 1919 г.)

КУЛО — член Петроградского Совета. Погиб на подступах к Петрограду в ноябре 1919 г. («Петр. Правда», 1919 г., № 263.)

КУНДА * Лев — сын крестьянина-кузнеца. До войны он работал вместе с отцом и братом в кузнице. Не желая итти при мобилизации на царскую войну, он приезжает в Ростов. Здесь в мае 1916 года поступает на гвоздильный завод Максимова в качестве слесаря. До 1917 г. тов. Кунда был бундовцем. После февральской революции 1917 года он сразу себя выявил, как большевик. С первых дней стал выступать на всех собраниях заводских и партийных. И всюду, где была толпа, можно было видеть агитировавшего Кунду. Он пользовался на заводе и у рабочих хорошей репутацией. В апреле 1917 г. вступил в Р. С.-Д. Р. П. (б.). На заводе Максимова т. Кунда был организатором заводского комитета и членом его. При организации Советов заводских комитетов тов. Кунда был выбран в президиум его, был членом Совета Рабочих Депутатов трех созывов и членом Исполкома.

При организации Красной гвардии т. Кунда избран в штаб Красной гвардии. Погиб он при таких обстоятельствах. Вечером 25 ноября 1917 г. к Ростово-Нахичеванскому Совету подбежало человек 20—30 офицеров и юнкеров, ворвались, с прапорщиком Новиковым впереди, в помещение штаба и, встретив вооруженное сопротивление, начали стрельбу. После налета их представилась следующая картина: при входе лежал убитый наповал красноармеец, дежуривший у входа. В здании и во дворе нашли убитых т.т. **Кунду** и **Казберюка.** Первый страшно не хотел умирать и умолял пощадить его ради детей. Здесь же был поднят истекавший кровью, но еще живой 18-летний **Женя Стрижаков,** ученик реального училища, член ростовской группы анархистов. Он был перенесен в соседний лазарет, где умер через 2 часа от большой потери крови. (Сведения взяты из статей Лидии Тимофеевой, Д. Кротенко и Д. Карасева во 2-м сборнике «Пролетарская революция на Дону» и из сборника «Октябрь, 1917 г.», издан. Донского Комитета Р. К. П., стран. 27.)

КУНЦОВ ** — См. **Шишагин.**

КУППАР ** — См. **Линдер Леопольд.**

КУПШЕ — молодой коммунист, в партии с февраля 1918 г. Работал в инструкторско-организационном отделе партийного комитета I городск. района г. Петрограда. Погиб 29 мая 1919 г. на Гатчинском фронте в д. Выре на посту командира полка вследствие предательства командного состава бывшего Семеновского полка.—См. **Раков.**

КУРАЕВ — токарь Александровской ж. д. Член Р. С.-Д. Р. П. с 1905 года. Участник восстания в 1905 г. в Москве на Красной Пресне. Был организатором Красной гвардии на Александровской ж. д. После Октябрьской Революции участвовал в боях на фронтах во время немецкого наступления, откуда вернулся совершенно больным и умер от полного истощения организма и туберкулеза легких. («Красный транспортник» № 6 за 1923 г.)

КУРБАЦКИЙ **—политический комиссар, скончался 12 февраля 1919 г., стойкий борец-коммунар, преданный великому делу революции. («Звезда, 1919 г., № 47.)

КУРГ Гуго — постоянный агитатор и бывший секретарь коллектива Р.К.П. полка, попал в плен и расстрелян. Погибшему было 17 лет от роду. Тов. Кург со дня возникновения Красной армии находился вместе со своим отцом на фронте. Несмотря на свою молодость, он считался в нашем полку хорошим политическим работником и занимал значительное время ответственную должность военкома Нарвского батальона. В начале августа 1919 г. он был выбран общим собранием коммунистов секретарем коллектива Р.К.П. В лице погибшего товарища ушел честный и стойкий борец за пролетарское дело. («Боевая Правда» № 64 от 18 ноября 1919 г.)

КУРОЛЕСОВ Константин Сергеевич — командир роты стрелкового полка. Когда в деревне Передкино на Петроградском фронте в 1919 г. рота была окружена противником и оказалась в безвыходном положении, тов. Куролесов, не пожелав сдаться в плен, застрелился. («Боевая Правда» № 23 от 2 октября 1919 г.)

КУРЬЕВ Егор — пал в борьбе под Псковом в конце сентября 1919 года.

КУСТО Казимир Антонович — сотрудник главной конторы газеты «Изв. В. Ц.И.К.». Умер в декабре 1918 г. («Изв. В.Ц.И.К.» от 8 декабря 1918 г. № 269).

КУСТОВ ** **Николай Петрович** — был убит в Рыбинске в 1918 году в ночь на 18 августа при загадочных обстоятельствах. Утром товарищи обнаружили его труп у дверей военного комиссариата, валявшийся в грязи в кожаной куртке с разутой ногой... По поводу его убийства кем-то велось следствие, не давшее положительных результатов. Говорят, что в эту ночь было вообще в городе тревожное настроение. Ночью прибыл какой-то эшелон. Все члены исполкома в боевом порядке отправились на вокзал производить разоружение этого эшелона. Кустов оставался на дежурстве в Чрезвычайной комиссии. Кто-то вызвал его по телефону из военкомата. Очевидно, вызов был экстренный; тов. Кустов стремглав побежал в военкомат, между ним и охранявшим вход часовым произошла борьба.

Тов. Кустов снял одного красноармейца, а другой выстрелом из винтовки в упор в спину убил его.

Я встретился с тов. Кустовым в глухие годы реакции — в 1907 г., когда мы оба, еще юнцы, только что вышли из школы. Он представился мне сразу же незаурядной личностью, и знакомство, потом перешедшее в дружбу, состоялось. Пошел обмен мнениями. Началась критика старого самодержавного строя, разговор о литературе, о самообразовании. Конечно, это не был разговор двух зрелых политических деятелей, это была живая беседа, проникнутая мыслями о свободе, о борьбе за лучшее будущее человечества, о темноте народных масс, о пьянстве народа, о нищете его, и страстная жажда работы во имя свободы народа. Первая беседа спаяла нас прочными узами дружбы на долгое время. Ненавидевший пошлое мещанство, тов. Кустов, сам по происхождению мещанин гор. Рыбинска, не мог жить спокойно с мещанами, не мог переносить мещанского тупоумия, а тихую прелесть мещанской жизни ненавидел всеми фибрами своей души. Карьера канцелярской крысы, на которой настаивала его мать, ему не улыбалась, и он решил поступить кочегаром на пароход. Он решил ближе стать к народу, к рабочей массе, о которой имел, может быть, смутное представление по тем книгам, которые попадались ему в руки. Стоя на вахте во время своего дежурства (потом он стал масленщиком), тов. Кустов, в буквальном смысле слова, пожирал книги. Он усиленно занимался самообразованием. Во время наших встреч он знакомил меня со своими впечатлениями из жизни рабоче-пролетарской среды. Это были живые картины, образы, типы рабочих. Интересные фигуры, встречаемые им, живо изображались в увлекательной беседе. Много тогда мелькало передо мной этих фигур, иногда незаурядных; к сожалению, память за давностью времени утратила уже свою первоначальную свежесть. В то время я увлекался писанием стихотворений, проникнутых так называемыми гражданскими мотивами. Вскоре я стал замечать за тов. Кустовым тоже большую слабость к стихосложению. Помню, с большим трудом я уговорил его поместить в местной газете стихотворение, посвященное самоубийству одной аптекарской работницы из-за скверного обращения с нею владельца аптеки. У меня остались тетради его стихов и прозы. Они написаны под влиянием Верлена, Бодлера, Байрона и других. Среди его стихотворений много оригинальных, задушевных, проникнутых грустью, но слабо обработанных с технической стороны. Конечно, нужно оговориться, что как я, так и он были самоучки. Из его произведений замечательна написанная стихами поэма «Одинокий», нигде им не напечатанная, ибо тов. Кустов любил писать «для себя». Дальше идут прозаические миниатюры, проникнутые уже социальными тенденциями, бичующие современность, изображающие анормальности самодержавного строя. Они тоже нигде не напечатаны. Позднее, уже в 1918 году, тов. Кустов печатал свои стихотворения в Рыбинских «Известиях».

После работы на пароходах тов. Кустов перешел на железную дорогу слесарем. Отец его в то время тоже работал на чугунке. Тут он сразу окунулся в жизнь заводских рабочих, в жизнь пролетариата. Помню, как часто он высказывал свою ненависть к администрации, к жандармам, как он ядовито их осмеивал, как он живописно их изображал... Тов. Кустов был человеком, сосредоточенным в самом себе. как он выражался, искавшим «самого себя». Пьяниц он жалел. О них он часто мне говорил: «Жизнь есть яд, алкоголь — противоядие». Тогда эти слова имели свой смысл... Но сам он никогда вина не пил, не курил даже. Это был крепыш по здоровью, одной рукой поднимавший очень легко трехпудовку. В 1912 году мы с особенной радостью читали привезенные из Петрограда газеты «Звезду», «Правду», «Полярную Звезду» и вообще все варианты «Правды», которая в то время душилась полицией и драконовской цензурой. В 1914 г. мы с особым напряжением следили с ним за растущей волной рабочего движения, покупая ежедневно рабочую печать того времени...

Настала война. Массы погнали на убой. Измены, предательства, Распутин, — все это, вместе взятое, заставляло нас проникаться ненавистью к самодержавному строю, к той политике, которую оно вело. В 1915 г. т. Кустова перебро-

сили на ст. «Дно». Оттуда он писал мне письма, полные уверенности в неизбежности революции... Я ему отвечал тем же...

Вскоре я был переброшен на Кавказ. Вернулся в апреле 1917 г. и в Рыбинске уже не остался. Уехал работать в Ярославль. Тов. Кустов опять работал на железной дороге в Рыбинске. Переписки между нами с апреля 1917 г. почти по август не было. Мы как-то оторвались друг от друга. Встретились мы после ярославского белогвардейского восстания. Встрече со мной тов. Кустов страшно обрадовался. Работал тогда он уже в Чрезвычайной комиссии. При встрече со мной он высказал мысль, что не худо бы нам, старым друзьям, работать вместе рука об руку. Я выразил согласие. Приехав из Ярославля, я побежал к нему на квартиру. Но... его уже не было среди живых... Предательская рука вырвала его из наших рядов. На георгиевском кладбище стоит ему памятник, поставленный железнодорожниками...

А. М. Веселов.

КУУСИНЕН ** **Отто Вилли** — вождь коммунистической партии Финляндии, убит предательской пулей в феврале 1920 г. в Финляндии.

Тов. Куусинен родился в 1882 г. в семье портного. Получив в 1904 г. звание магистра философии, он тотчас же после всеобщей забастовки 1905 г. окунулся в финское рабочее движение. Образовавшееся после забастовки буржуазное «конституционное» правительство намеревалось принять в свой состав одного из представителей рабочих. Выбор пал на Карри, школьного учителя и первого секретаря социалистической партии. Но когда на партийном съезде 1906 г. возбужден был вопрос о «министерском» социализме, против него энергично выступил тов. Куусинен и добился того, что министерский социализм как будто навсегда был изгнан из Финляндии. Вслед за тем тов. Куусинен вошел в редакцию главного органа социалистов «Тюомиос» («Рабочий»), где он в течение целого десятилетия писал статьи, главным образом, для политического отдела. Вскоре он вместе со своими товарищами Гюллингом и Суло Вуолиоки основал научно-социалистический журнал, который, однако, должен был закрыться через несколько лет, несмотря на то, что он редактировался очень хорошо. С 1907 г. тов. Куусинен состоял в течение целого десятилетия с некоторыми перерывами депутатом сейма. Представители буржуазии никого не слушали с таким вниманием, как тов. Куусинена, и никого из социалистов не боялись в такой степени, как его. Он был членом комитета по выработке основных законов и оказывал серьезное сопротивление буржуазным представителям. Выйдя в 1916 г. из состава редакции партийной газеты, он намеревался заняться научными работами, но в виду недостатка партийных сил принужден был принять на себя руководство партийной школой, где он развернул чрезвычайно полезную деятельность. Он был также однажды депутатом Международного Социалистического Конгресса (в г. Базеле).

Тов. Куусинен играл видную роль в возникшей в 1918 г. финляндской революции. Он составил список нового революционного правительства, который и был принят по его представлению. Сам он был назначен комиссаром народного просвещения. Он был также автором многих законов, изданных красным правительством, и прежде всего—новых основных законов. Бежав за границу, он стал и здесь проявлять неутомимую деятельность: писал статьи в партийных органах, произнес несколько речей и был все время занят, работая в качестве члена финляндского коммунистического комитета. Он был основателем финской коммунистической партии в Москве.

Но он не удовольствовался этим: он хотел работать в деле распространения коммунистических идей в самой Финляндии; отправился туда, пренебрегая всеми опасностями. и там погиб... («Правда» № 47 от 2 марта 1920 г.).

КУЦЕНКО ** —коммунист, командир Украинского Добровольческого полка. В бою у Анны 20 ноября 1919 года Куценко дерется грудь против груди с казаками. Убивает двух верховых белогвардейцев, сражаясь с несколькими товарищами против целого отряда. Он увлек в бой остальных и, видя, что сам уже не отобъется, крикнул: «Боритесь, товарищи, и мы победим!». Тут же был зару-

блен, тело осталось у казак«в. («Красноармеец» № 1, 1919 г., Москва; «Правда» № 43 за 1919 г.)— См. **Константинов Петр.**

КУЧИН Аркадий Иванович (Сурнов). — Будучи активным работником Советской власти в г. Ишиме (Сибири), тов. Кучин все свои молодые силы принес на алтарь борьбы за власть пролетариата. День и ночь он разъезжал по уезду, организуя Советы Кр. Деп. и агитируя за создание рабоче-крестьянской армии. Будучи потом помощником комиссара по народному образованию, он и в это дело вложил, что мог. Когда настали тяжелые дни реакции, тов. Кучин был схвачен и заключен в тюрьму. В это время в город Ишим явился атаман Анненков и, несмотря на сопротивление местных властей, взял из тюрьмы 72 человека, в том числе и тов. Кучина, для расправы. Заключенные были выведены за город и выстроены в ряд для расстрела из пулемета. Так как им нечего было терять, арестованные бросились бежать. 48 осталось на месте убитыми, 24 успело уйти. Тов. Кучина нашли крестьяне в 14 метрах от места расстрела без сознания. Он был доставлен в город, где его вновь заключили в тюрьму. Осенью он был выпущен из тюрьмы, с условием невыезда из города, но он бежал в город Барнаул, где работал в подпольной организации коммунистов членом военного штаба до февраля месяца. В феврале он вновь арестован и заключен в Барнаульскую тюрьму. Из Барнаула ему удалось бежать, и в августе он уже в Иркутске членом Знаменского районного комитета Р. К. П. Вскоре он опять схвачен и попадает в третий раз в тюрьму. Тут он заболел сыпным тифом. В декабре его освободили из тюрьмы, но он выходит оттуда живым трупом. Сыпной тиф переходит в воспаление легких. Больной организм не выдержал, и он умер 10 января 1920 года на 21 году жизни.

КЫКС**. — См. **Линдер Леопольд.**

Л.

ЛАБУРБ Жанна.—В Одессе 2 марта 1919 г. расстреляна французская коммунистка Жанна Лабурб. Это первая французская кровь, которая пролита во славу III Интернационала, кровь нашего товарища, кровь женщины. Жанна Лабурб была учительницей и проживала в Москве. Но все мысли ее, все ее горячее сердце принадлежало великой мировой пролетарской революции. Когда в Москве образовалась секция французских коммунистов, Жанна Лабурб тотчас же примкнула к этой организации и стала деятельной ее работницей. Все свое свободное время, всю свою энергию Жанна Лабурб отдавала делу сплочения сил французских коммунистов. Когда потребовалось послать товарища в Одессу, чтобы повести агитацию среди французских солдат и матросов, Жанна Лабурб решила ехать, хотя и сознавала, с какими опасностями сопряжена сейчас подпольная работа в стане наших врагов—белогвардейцев и империалистов.

Товарищи из французской секции советовали Жанне Лабурб вести себя осторожно, но Жанна Лабурб лишь улыбалась им в ответ: «Ведь умирают лишь раз». Французские генералы расстреляли нашего смелого преданного товарища, но память о ней жива и будет жить в сердцах всех работниц и рабочих, кому дорога святая цель нашей многотрудной борьбы.

А. Коллонтай.

(«Красная Армия» № 6 от 1 апреля 1919 г.)

Подробности убийства Жанны Лабурб.

Помещаемое сообщение есть рассказ осужденного на казнь вместе с тов Лабурб и убежавшего от расстрела сербского коммуниста тов. Раткова.

«2 марта, около $10^1/_2$ час. вечера, я сидел с тов. Лабурб, старушкой Лейфман, ее 3-мя детьми: Ревеккой, Верой и Гесей, и с гостем Лазарем Швецем. Некоторые учили уроки французского языка, некоторые читали. Вдруг открылась

дверь, и в комнату ворвалось 10 вооруженных людей. Среди них было 2 генерала, 2 полковника, 2 низших чина и 4 французских офицера. Русских было 5 человек в форме чиновников и один в штатском. Трое из французских офицеров были в пехотной одежде и один в матросской. Ворвавшись в комнату, они скомандовали: «руки вверх!»—и направили на нас револьверы. Мы подняли руки и встали. Один из офицеров набросился на меня со словами: «Говори, где деньги, которые привез из Москвы, а не то расстреляю». Я ответил: «Стреляй, если имеешь силу, я не трус, а серб. Я ни о каких деньгах не знаю». Он снял с меня револьвер и начал с руганью обыскивать. Шарил по карманам, отнял все документы, все деньги, снял часы и стал допрашивать, чем занимаюсь я, тов. Лабурб, Лазарь, и кто мы такие. Нас обчистили хорошо, взяли все бумаги, открытки, документы, даже у старухи отобрали все деньги. Старуха начала плакать, а они кричали ей: «Молчи, расстреляю, сволочь». Разбросали все по комнате, затем связали нам руки и начали дальнейшие поиски денег, говоря: «Если не скажете, все равно мы найдем, стенки разобьем, но найдем». У тов. Лабурб нашли разные бумаги, газету «Коммунист» на французском языке, разные записочки и т. д. У меня нашли две расписки. Один офицер сказал генералу: «Наверно, это вся банда». Собрали все отобранное. Деньги—в карманы, а остальное—в корзинку, которую понесли в контр-разведку. Затем отправились в сарай, сломали замок и, найдя там прошлогоднюю большевистскую литературу, сказали: «Сволочи, эту литературу они, наверное, из Москвы привезли». А Геся говорит: «Это прошлогодняя литература». Все были спокойны, только старуха упала. А они говорят: «Мы не дураки,—видим, что литература свежая».

Через некоторое время квартиру запечатали, старуху повезли на извозчике, а нас погнали по Пушкинской в комендатуру. Привели нас на третий этаж, посадили на три шага друг от друга, женщинам отвязали руки, а нам нет. Потом погнали из одной комнаты в другую одного французского солдата-коммуниста, затем выгнали из комнаты двух женщин и трех мужчин, которые тоже были арестованы, но раньше нас. Затем взяли на допрос инженера Едина и начали бить,—били так, что он вышел весь в крови. Потом взяли другого арестованного и также зверски били. Затем приходит один офицер к дверям и кричит: «Господин Мишель, пожалуйста» (показывает рукой). Вызванного затем на допрос председателя французской группы, Мишеля, начали бить так зверски, что старуха Лейфман упала в обморок. Одна женщина сказала: «Это хуже, чем при старом режиме». Один из офицеров закричал: «Молчи, мы вам дадим свободу с угрозами и кулаками, которой вы желаете, сволочи-революционеры».

Когда я спросил одного полковника, за что здесь бьют, он ответил: «Я не знаю, я здесь ни при чем. Здесь распоряжаются французы». В это время один из французских офицеров подошел ко мне, ударил меня два раза по лицу, крича: «Молчи!» После допроса т. Швеца, которого также избили, была очередь за мной. Я вошел в комнату допроса. Там сидел у стола и делал допрос рыжий старичок, лет 55—60, и два французских офицера. С левой стороны сидели два аристократа, позади стояли несколько офицеров русских и французских (четыре или пять человек). У меня были связаны руки. Произошел следующий допрос:

— Ты кто такой?

— Я—серб.

— Ты—сволочь, а не серб.

— Я не сволочь, имейте это в виду, я—серб.

Он закричал на меня:

— Не кричать! Еще как свободно стоит!

Я ответил, что мне некого бояться.

— Я вам даю 5 минут сроку; если вы честный серб, вы должны нам сказать, что́ вы имеете общего с французами и этой публикой? Помните, что мы вас освободили от немцев, т.-е. врагов Сербии.

Я ответил:

— Спасибо вам, господа офицеры, за ваше освобождение. (Думаю себе: «сволочи!») Я, к сожалению, ничего не могу сказать, хотя бы мне дали не 5, а 10

и 20 минут сроку, от меня вы ничего добиться не можете, а если вы хотите меня убить, то возьмите револьвер или нож и убейте меня, как собаку.

Французские офицеры сказали, что бить они меня не будут, и повели в другую комнату, в которой находились те, которые были избиты. Один товарищ лежал на полу весь в крови и другие так же. Мне развязали руки; я встал и стал смотреть через двери. Вскоре к нам в комнату вошли 3 французских офицера и один русский. Один из французов подошел к тов. Мишелю и стал с ним о чем-то говорить; затем офицер вдруг ударил тов. Мишеля несколько раз по голове и ударил его ногой в живот. Тов. Мишель упал и рыдал, как ребенок от боли. Один офицер и дама, видимо, жена какого-то буржуа, проходившие через комнату, смотрели и смеялись.

Вскоре Мишеля, Едина, Швеца, еще одного товарища, фамилию которого не знаю, меня и Гесю погнали к выходу; это было в $12^1/_2$ час. ночи. У дверей нас ожидали вооруженные офицеры и несколько человек солдат. Нас повели вниз, построили по двое в ряд и погнали на улицу. Там стояли два автомобиля. На первый автомобиль посадили Мишеля, молодого товарища и меня. Остальных трех—на второй автомобиль. Нас провожала до автомобилей целая свита арестовавших нас офицеров с револьверами и бомбами. Этих вооруженных людей около каждого автомобиля было человек по 8-ми. Автомобили помчались. Я спросил: «Куда нас везут?» Мне ответили: «В штаб». Я собрал все силы и думал, что можно предпринять, чтобы спастись. Нас повезли за город, возле казарм, до второго еврейского кладбища. Когда приехали к кладбищу, офицеры скомандовали: «Стой». Шофферы остановились. Офицеры велели отогнать автомобили назад, говоря, что они заблудились, попали не туда, куда следует. Когда автомобили отъехали, один офицер спросил нас, есть ли у нас оружие, а затем обыскал меня и других товарищей. Убедившись, что у нас ничего нет, он приказал шоферу потушить огни... Они приступили к делу. Я знал, что сейчас мы будем расстреляны.

Я решил действовать. Схватив левою рукою одного офицера за револьвер, а правой ударив его по лицу так, что он свалился на остальных, я спрыгнул с автомобиля и побежал. По мне стали стрелять залпами из обоих автомобилей, но не попали. Я бежал, упал в яму, поднялся, бежал дальше. Палачи все время стреляли по мне. Добежав до кладбищенской стены, я перепрыгнул ее и очутился на кладбище.

Тем временем палачи начали кровавую расправу с несчастными жертвами. Стрельба продолжалась 15—20 мин.

Я двинулся дальше. С кладбища я вышел в поле и пошел к городу. Ночь была светлая, без луны. Иду. По дороге мне встретились французские солдаты, я спрятался во двор, не знаю какой, выждал, пока они прошли, а затем двинулся дальше. Только я вышел со двора, как вдруг вижу едущие из города автомобили. Я вновь скрылся во двор. Смотрю, автомобили, те самые, которые везли меня,—везли на этот раз пять женщин: тов. Лабурб, старуху Лейфман и двух ее дочерей—Ревекку и Веру и супругу инженера Едина, курсистку. Их везли на кровавую расправу. И действительно, через некоторое время послышалась сильная стрельба.

На следующий день в газете «Одесские Новости» была помещена следующая заметка, озаглавленная «Несчастный случай»: «Около двух-трех часов ночи была слышна стрельба около еврейского кладбища. Был выслан патруль, который никого не обнаружил. Лишь через несколько времени мимо патруля проехали два автомобиля с вольной публикой и вооруженными солдатами. На рассвете были найдены около второго еврейского кладбища 10 трупов: 6 женщин и 4 мужчин. Тела несчастных отвезли в морг и положили каждому на грудь бумажку с надписью: «Неизвестный».

Население взволновалось; начались протесты против расстрелов. Волнение среди рабочих становилось с каждым днем все сильнее. А между тем каждый день арестовывали по несколько рабочих и отправляли в тюрьмы; сопровождающие арестованного провожали его обычно несколько шагов, а потом убивали

посреди улицы. В газетах сообщалось, что столько-то расстреляно при попытке бежать. Таких случаев очень много.

На похоронах четырех расстрелянных рабочих-железнодорожников рабочие шли по улице с пением: «Вы жертвою пали» и с красными знаменами. Вартовые хотели разогнать толпу, но не смогли. Измененные до неузнаваемости, тела других погибших товарищей были ночью украдены и унесены на кладбище, рабочие пошли демонстрацией на кладбище хоронить их, но были разогнаны. 5 марта были демонстрации голодающих женщин бедноты. Все политические партии готовились к забастовке». («Правда». № 95 от 6 мая 1919 г.).

ЛАВРЕНТЬЕВ. ** —См. **Аппельбаум.**

ЛАГУТИН — Убитый вместе с Подтелковым и другими, товарищ Лагутин был членом комиссии пяти. Рядовой 14-го Донского полка, одного из трех, прославившихся по своей революционности в октябрьские дни в Петрограде, он был первым председателем Казачьего комитета, созданного при В. Ц. И. К. Советов второго созыва. Оттуда он, окрыленный бурным духом красного Питера, направился на Дон, где провел горячую революционную работу. Замечательны его решительность и настойчивость во время переговоров с войсковым правительством, на которых он участвовал как делегат революционных фронтовиков. Разозленный предложением обождать с созывом войскового круга, Лагутин перебивает одного из прихвостней войскового правительства, эс-эра Боссе:

— Наше требование — передайте власть Военно-Революционному Комитету. Ждать нечего, если войсковое правительство стоит за мирное разрешение вопроса.

М. П. Богаевский.—Значит...

Лагутин.—Надо объявить во всеобщее сведение о переходе власти к Военно-Революционному Комитету. Ждать две с половиной недели нельзя. Народ ужасно наполнился гневом...

Под конец, не желая уже больше слушать длинные и лицемерные речи, Лагутин, прерывая оратора, говорит войсковому атаману:

— Решайте дело. Пора кончать...

В Лагутине кипела стихийная революционность фронтового казачества. (А. Френкель. «Орлы Революции»).—См. **Подтелков.**

ЛАГУТКИН Леня. ** —См. **Хворостин.**

ЛАЗАРЕВ ** —до 1919 г. левый с.-р., член исполкома Румчерода. Руководитель восстания в Одессе против Центральной Рады. В марте 1918 г. командарм 3. Вел борьбу с немецкими войсками в районе Лозовая—Славянск. Расстрелян деникинской контр-разведкой на подпольной партработе осенью 1919 г. в г. Одессе. («Изв. В. Ц. И. К.» № 252 от 7/XI 1922 г.).

ЛАЗИМИР ** —в октябрьские дни 1917 года был членом Военно-Революционного Комитета в г. Петрограде, левый с.-р. До июля 1918 г.—председатель солдатской секции Петроградского Совета, формальный председатель Военно-Революционного Комитета. После июльского восстания левых эс-эров в 1918 г. он вступил в Р. К. П.; член коллегии Наркомвоена, затем член Реввоенсовета южного фронта. В августе 1919 г. при эвакуации Киева заболел возвратным тифом и в пути на пароходе умер. (Сведения взяты из статьи «Воспоминания об Октябрьском перевороте», помещенной в № 10 «Пролет. Рев.», стр. 44 и «Изв. В. Ц. И. К.» № 252 от 1/XI 1922 г.).

ЛАЗО С. Г.—В ночь с 4 на 5 апреля 1920 г. японцы устроили во Владивостоке государственный переворот. Обезоружив часть народно-революционной армии, устроив форменную резню во многих кварталах, они арестовали тех, кто был им особенно ненавистен, как активные руководители борьбы с японской интервенцией с оружием в руках. В штабе они арестовали т.т. Луцкого, Сибирцева и Лазо, всех их продержали в тюрьме до 9 апреля, а 9 апреля ночью увели их по направлению Гнилого угла и с тех пор о них нет никаких вестей. Японское командование и продажная газета «Владиво-Ниппе» знали, как велико будет негодование и скорбь всех, знавших этих людей, и потому объявили, что т. Лазо, «влекомый заманчивой прелестью свободной жизни среди сопок, вновь ушел туда»

со своими верными партизанами. Трудно сомневаться в том, что т. Лазо был врагом не «заманчивой прелестью свободной жизни», а просто-напросто японскими жандармами, убившими его где-нибудь под покровом ночи.

Тов. Лазо знает вся Сибирь, в особенности же товарищи из Забайкалья и всего русского востока. Т. Лазо был самым крупным человеком среди тех, кто боролся за советы в Сибири на Забайкальском фронте. Из небольшой горсти добровольцев он быстро создал 10-тысячную боеспособную и сильную «Красную армию». Эта армия упорно боролась под командой т. Лазо с авантюристом Семеновым. Это было во время чехо-словацкого переворота. Т. Лазо заставил после 6-месячных жестоких боев бежать Семенова с его 40-тысячной армией, где был собран «цвет офицерства», как об этом трубили сами семеновцы. Назначенный Центросибирью на Прибайкальский фронт, он немедленно после этих 6-месячных боев отправляется на театр боевых действий «бить чехов», как говорили тогда. Но в это время силы противника значительно выросли. На подмогу семеновцам пришли не только чехи, но и японцы. Семенов мстил за свое недавнее поражение и позорное бегство массовыми казнями и истреблением всего живого. Советы пали.

С. Лазо.

Тогда т. Лазо под Алексеевском организовал партизанский отряд и нанес удар японцам. Но он не смог собрать достаточно сил, чтобы закрепить за собою успех. Мы видим т. Лазо после того под Красноярском, затем в Приморской области, где Лазо командовал соединенными силами красных.

Даже Семенов, ненавидя Лазо, говорил: «Если б у меня были все офицеры, как Лазо то я легко покорил бы большевиков»

Летом 1919 года, испытав невероятные лишения, несколько недель скитаясь среди дикой тайги, Лазо серьезно заболел. В течение месяца он пролежал в шалаше, медленно поправляясь; кое-как оправившись, он быстро принялся за организацию новых отрядов. Ему помогало его большое знание народа, и любовь к нему крестьян Сучанского района создавалась после первой же встречи с ним: они чувствовали, что это — свой человек.

3 апреля во Владивостоке собрался Совет. Для японских капиталистов это было хорошим предлогом для расправы с революционными элементами во Владивостоке, и жертвою этой расправы пал Сергей Лазо. 3 апреля во Владивостокском Совете т. Лазо пропел свою лебединую песню. Он говорил: «Пусть мы здесь слабы, пусть нас может раздавить один удар японского империализма, пусть этот удар разобьет Совет, но он не может предотвратить неумолимого хода истории. И в глаза угрожающему нам японскому империализму мы смотрим открыто,—мы смотрим, как победители. Когда два года тому назад наши товарищи пошли на Брестскую Голгофу и заключили с немцами унизительный мир, тогда они писали, что на этих переговорах они чувствовали себя, как победители. И наши товарищи были правы. И те события, которые разыгрались и разыгрываются в Германии, подтвердили их слова. И мы здесь знаем: пусть разгромят японцы Владивостокский Совет, но живы будут Советы, с новой, во много раз большей силой подымутся они через некоторое время у нас и в Японии. Пусть японский империализм разобьет нас здесь, но тем самым он подпишет себе приговор. Еще новые и новые жертвы будут вырваны из рядов борющегося пролетариата, но это не задержит его победного шествия. Эти жертвы неизгладимыми письменами запишутся в историю этой борьбы».

Владивостокские и другие газеты долго спрашивали на своих страницах. где Лазо? По словам Владивостокского поэта даже «чайки, летя с рыбалки, беспокояться: где Лазо?..». (Из книги «Три года борьбы».) *М. Г.*

В сборнике «Неравнодушные строчки.—В годовщину 4—5 апреля—дня выступления японцев в Приморье»—т. Лазо посвящено несколько статей.—См. **Луцкий.**

ЛАЙДБУРН. ** —См. **Фрея.**

ЛАНГАКОВ Иннокентий—расстрелян в г. Харькове.

ЛАНГЕ—бывший офицер Московской таможни. В начале 1918 г. за проведение социалистических идей и декретов Советской власти он был исключен из комитета служащих таможни; тогда он направил все силы на сближение с рабочими и вскоре совместными усилиями была организована партийная коммунистическая ячейка, в которой он деятельно работал. Когда явилась опасность Советской власти со стороны Колчака и Деникина, т. Ланге был командирован от ячейки на фронт и зачислен в армию красным офицером. Погиб на фронте в 1919 г.

Ланге.

ЛАНГЕ ** И.—Председатель гомельской Чека, погиб 26 марта 1919 г. во время гомельского мятежа Стрекопытова. По специальности шоффер, т. Ланге работал во второй тыловой автомобильной мастерской в Н.-Белице. Своей бесконечной честностью, неутомимой энергией он сразу, в первые дни революции, выдвигается рабочими и солдатами, как передовой борец. Работа в военной секции совета, затем в комендатуре на посту революционного коменданта обнаруживает в покойном герое неоценимую деловитость, честность и энергию. Помню, в 1918 г., когда работа в Совете еще не была налажена (после Октябрьского переворота), только усилиями немногих советских работников, подобных т. Ланге, удавалось, несмотря на отсутствие связи с центром, находить правильную линию политики местной Советской власти. Тов. Ланге, как коменданту города, приходилось иногда выполнять приказы или же присутствовать при расстрелах шпионов и врагов трудящихся. Помню, как т. Ланге, верный идее, за которую погиб, с тоской в душе говорил мне: «Знаю, что это—наши враги, знаю, что творю правое дело, но... не могу, понимаешь, не могу». (Сведения взяты из брош. Г. Лелевича «Стрекопытовщина»). —См. **Билецкий Николай.**

ЛАНСКОЙ. ** —См. **Мартынов.**

ЛАПИН ** Ф. С. (Арцыбашев В. И.) — старый партийный работник, царским судом был приговорен к ссылке на поселение. Из ссылки тов. Лапин бежал и под разными фамилиями работал в Сибири в с.-д. организации. Тов. Лапин, это — типичный старый партийный работник, готовый на всякую жертву, вечно занятый работой... В тот момент, когда озверевшие банды Калмыкова принялись за свое черное дело, тов. Лапин остался на своем посту и... погиб.

Тов. Лапин расстрелян в 1919 г. (См. сб. «Красная Голгофа», стр. 111).

ЛАПИЦКИЙ — член заводского комитета бывш. «Треугольник», старый коммунист. Белыми бандами расстрелян в плену в ноябре 1919 г. («Петроградская Правда», 1919 г., № 257.)

ЛАПТЕВ Гавриил — сочувствующий Р. К. П., убит в 1919 г. на Лужском участке под Петроградом. («Боевая Правда» № 14 от 23 сентября 1919 г.).

ЛАРИЧЕВ Александр Михайлович. — 2 июня 1920 г. в 10 час. утра с аэродрома города Екатеринодара вылетел на самолете типа де-Гевелянд командир 34-го разведывательного авиотряда, тов. А. Ларичев, для производства разведки. При подъеме на высоту 30—40 метров, от невыясненной причины

самолет скользнул на крыло и перешел в штопор. В виду незначительной высоты выравнить самолет было невозможно, и он врезался с работающим мотором в землю, после чего произошел взрыв бензина и авио-бомб; летчика же, объятого пламенем, выбросило в сторону. Тов. Ларичев получил сильные ожоги всего тела и ранение в голову осколками бомб. Он находился в сознании двое суток и скончался 4 июня.

А. М. Ларичев родился в 1891 году в селе Шушкадом, Буйского уезда, Костромской губернии. На службе в авиации состоял с 1914 года. Образование получил средне-техническое и окончил Московскую авиационную школу летчиков в 1915 году. Участвовал в старой армии на Западном фронте в качестве летчика в 11-м истребительном авиотряде и в 5-м Сибирском разведывательном авиотряде, где им было выполнено громадное количество полетов общей продолжительностью более 400 часов.

Тов. Ларичев в Красной армии находился с начала ее формирования. В 1918 и 1919 годах им был совершен ряд боевых полетов на фронте нашей армии. Он летал на самолетах всех систем и мало считался с воздушными стихиями. Тов. Ларичев за свою деятельность на Красном фронте имел благодарности и представлен к награде. Он был любим краснофлотцами отряда.

ЛАСИС М. Я. — член Р. К. П., сотрудник особого отдела В. Ч. К. Умер 7 апреля 1920 г. («Коммунистический Труд», 1920 г., № 19).

ЛАУМБЕРГ Михаил Яковлевич — комиссар Резервного Рабочего полка, погиб в бою под деревней Кипень в ноябре 1919 г. («Петроградская Правда», 1919 г., № 258).

ЛАУРИС ** Вилли — вступил в партию в 1908 г. в г. Митаве, Курляндской губернии. За революционную деятельность был осужден и сослан в Сибирь на поселение. После свержения царизма, т. Лаурис поселился в г. Омске и сейчас же стал в рядах большевиков. Омская подпольная организация времен колчаковской реакции многим обязана тов. Лаурису, который являлся не только борцом, но и хорошим организатором. После свержения Колчака тов. Лаурис был одним из наиболее активных членов Латышской секции, в которой, в качестве инструктора, работал вплоть до своей смерти.

Теперь еще представляю себе энергичного старичка, одетого в коротенький полушубок и в худых валенках. В таком костюме тов. Лаурис при сибирском трескучем морозе ездил по деревням на лошадях на расстоянии более 500 верст. Хотя это было чрезвычайно трудно и опасно для жизни, тов. Лаурис никогда не жаловался и от командировки не отказывался. Но в декабре 1921 г. он заболел сыпным тифом и умер.

Безайс.

ЛЕБЕДЕВ. ** — См. **Уткин.**

ЛЕБЕДЕВ—умер в Москве от ран, полученных в Октябрьскую революцию при взятии Алексеевского военного училища.

ЛЕБЕДЕВ * Иван Ксенофонтович—был активным партийным работником Рогожско-Симоновского района (Москвы), был членом Исполнительного Комитета Московского Совета, представителем заводского комитета «Динамо». Умер от ран, полученных в бою под Кронштадтом в марте 1921 г. (при ликвидации Кронштадтского мятежа).

И. К. Лебедев—сын зажиточного крестьянина Калужской губернии, Медынского уезда, Пушкинской волости и села. Приехал в Москву в 1910 году 14 л., поступил половым в О-во Трезвости. Через несколько месяцев перешел на завод «Динамо» в качестве чернорабочего. Как смышленый любознательный парнишка, быстро освоился с заводской жизнью и перепросился на тянульный станок, но в 1912 году при сокращении штатов был уволен, как вредный элемент. Проработав 1½ года у Зингера в Подольске, поступил опять на завод «Динамо» в качестве тянульщика, а затем перешел в изоляровочную мастерскую. Как сознательный рабочий, в 1912 году был выбран уполномоченным больничной кассы (работал в ревизионной комиссии). В апреле 1919 года был выбран в завком и работал казначеем до новых выборов. В ноябре 1919 года при переизбрании завкома

был избран председателем. В члены Р. К. П. Иван Ксенофонтович вступил в партийную неделю 1919 года и сразу выдвинулся на работе, был секретарем бюро ячейки, первым председателем клуба «Труд и Творчество». («Братская Могила», стр. 95).

ЛЕБЕДЕВ ** Илья Петрович — крестьянин деревни Спирово, Сухановской волости, Подольского уезда, Московской губернии, родился в 1885 году, учился в сельской школе; по окончании работал в Москве конторщиком. В 1906 году был взят на военную службу, служил в Петрограде в Управлении казачьих войск старшим писарем; по окончании военной службы работал в имении на Кавказе. В 1914 году был мобилизован и, работая до конца империалистической войны по продовольственному транспорту, служил по выборам войсковых частей до демобилизации 1918 года; возвратившись с фронта на родину, был избран сельским председателем и в волостной комитет бедноты, откуда во время гражданской войны был послан на фронт. На фронте работал в качестве военкома. Убит в деревне Соколовке, Подольской губернии (на Киевском фронте) в мае 1920 г., похоронен в селе Павловке 6 июня. *С. Караваев.*

(«Братская Могила»).

ЛЕБЕДЕВ * Николай Николаевич.—В 1913—1914 г.г. вел вместе с другими товарищами рабочую хронику в «Правде». В 1917 г. он работал в Киеве в редакции «Голоса Социал-демократа», а затем в «Пролетарской Мысли». В Харькове был секретарем «Известий ЦИК Советов Украины», на фронте издавал при штабе газету «К оружию». Умер в Киеве в первых числах мая 1919 г.

И. Лебедев.

Воспоминания о Н. Н. Лебедеве.

В больших очках, с длинными свисавшими прядями волосами, давно небритый, в теплом шарфе, в студенческом пальто до пят, в фуражке, которая ему сильно велика, за столом, полным газетных вырезок, а главное исписанной бумаги, таким увидел я Николая Николаевича в первую нашу встречу в рабочей комнате «Правды» за столом так называемой «рабочей хроники». Это был его постоянный стол,—стол, за которым он вместе с небольшой группой молодежи, работавшей под руководством дяди Кости (Еремеева), создавал четвертую страницу «Правды» 1913—1914 года. Мы, несколько человек, обрабатывали «рабочую хронику», корреспонденции с заводов, придавали им более или менее литературный вид, выправляли стихи, написанные то на обрывке писчей бумаги, то на обороте счета, то на крышке от папиросной коробки. Но только один Николай Николаевич за оба года работы не изменил этой деятельности; остальные занимались и техникой, и хозяйственными работами. Некоторые переходили с «рабочей хроники» на другую работу в «Правде» или находили работу за пределами ее. Николай Николаевич до последнего дня остался верным столу «рабочей хроники». Ни в редакционной работе, ни в партийной, за пределами редакции, ни в личной жизни (если можно применить этот термин к его жизни), у него не было другого интереса кроме того, которым он жил вместе со своими рабочими корреспондентами.

Я помню эпизоды борьбы труда с капиталом, помню стачку на «Новом Леснере», продолжавшуюся $2^1/_2$ месяца, помню стачку Путиловскую, припоминаю отдельные стачки ремесленников, и вместе с каждой стачкой встает в воспоминаниях Н. Н. Лебедев, его разговоры с теми товарищами, которые непосредственно с заседаний стачечных комитетов, с общих собраний стачечников приходили к Николаю Николаевичу, излагали ему историю стачки, этапы борьбы и отдель-

ные случаи. Николай Николаевич, занося все эти рассказы на бумагу, вместе с тем самым активным образом переживал все стачечные эпизоды.

Помню, как все мы удивились, когда однажды вечером Николай Николаевич признался нам, что он меньшевик. «Правда» печаталась в то время в той же типографии, в которой печатались и меньшевистская газета «Луч», и газеты «День» и «Земщина». Нам, как соседям по газетной технике, приходилось иногда, не только с «Лучом» или «Днем», но и с «Земщиной», обмениваться оригиналами агентских телеграмм, проверять некоторые сведения чисто справочного характера и проч. Николай Николаевич мог обменяться не только с «Днем», но и с «Земщиной»; заставить же его обменяться каким-нибудь материалом с «Лучом» было невозможно. Сам бывший меньшевик, он особенно остро чувствовал то оскорбление, которое нанесли рабочему классу и его политической партии ликвидаторские группы «Луча».

Когда мне приходилось оставаться с Николаем Николаевичем наедине, я задавал ему иногда вопрос, действительно ли он меньшевик, и он самым азартным образом доказывал мне, что он целиком меньшевик, что он с нами, большевиками, во многом несогласен и во многом расходится, но что он все-таки много ближе к нам, чем к ликвидаторам. Ему было очень тяжело, когда вставал вопрос о той или иной партийной работе. Ему казалось, что с большевиками работать он может только на такой почве, где не обостряются фракционные разногласия. Такой почвой он и считал «Рабочую жизнь» в «Правде». Но у него не могло быть ни свободного времени, ни возможности вести какую-нибудь дополнительную партийную работу, так как 4-ой странице «Правды» он отдавал всю свою энергию.

Жил он, будучи студентом Политехникума, в Лесном, но мы шутили, говоря, что он, вероятно, забыл адрес своей квартиры. Вся наша группа, работавшая тогда над 4-ой страницей, обычно помогала дяде Косте, а впоследствии и Льву Борисовичу Каменеву, выпускать газету, т.-е. помогала редактировать номер при его выпуске. Работа эта заканчивалась к 3—4 час. утра. Если номер попадал в конфискацию, то работать приходилось до 7—8 час. утра, чтобы так или иначе обмануть бдительность полиции и вывезти из типографии несколько сотен лишних экземпляров газет. Если конфискации не было, то тут же на редакционном столе, на своих пальто заваливались мы спать, а утром Николай Николаевич уже не думал о Лесном и едва ли не первым приходил в рабочую комнату «Правды».

Начало войны нас разъединило. В конце сентября 1917 года я приехал с румынского фронта в Киев и отправился разыскивать большевиков через редакцию большевистской газеты. Как же я обрадовался, когда в этой редакции увидел Николая Николаевича в тех же самых очках, в той же самой большой фуражке, с той же самой давно небритой бородой и с такими же большими, как и в «Правде», ножницами. В нижнем этаже бывшего дворца Марии Федоровны устроился Николай Николаевич со своей небольшой газетой «Голос социал-демократа», но комната эта была полна посетителями. Трамвайщики, железнодорожники, рабочие арсенала, картузники, ремесленники в очередь стояли у стола Николая Николаевича, чтобы рассказать этой живой газете свои нужды,— рассказать о том, как растет и крепнет у них на заводах и в мастерских большевистское настроение, как переживают они процесс гренадеров во главе с Дзевалтовским. А Николай Николаевич — весь напряженное внимание. Он ярко переживал всякую деталь сообщения; он хмурился, когда ему говорили о недовольстве тем, что творится на улице и в рабочих кварталах; он воскресал духом, когда рассказывали о растущей классовой солидарности, о поднимающемся революционном подъеме.

Мы пережили октябрьские дни и из полуподвальной комнаты дворца перенесли «Пролетарскую Мысль» в большую типографию закрытого нами черносотенного «Киевлянина». Вдвоем с Николаем Николаевичем обслуживали мы эту газету: я—статьями, забегая в редакцию на несколько часов вечером и на ночь, а Николай Николаевич взял на себя всю остальную работу и совершенно не выходил из типографии.

Как в период 1912—1914 г.г., так и в период керенщины, когда мы встретились еще во дворце, и в период послеоктябрьский, когда мы с ним вместе, бывало, в 5—6 час. утра засыпали на Шульгинском столе, я попытался вновь напомнить ему о меньшевиках, и он вновь уверял меня, что он меньшевик, но не меньшевик-оборонец, а меньшевик-интернационалист, и потому, если он работает в партии, то работает с теми, кто стоит на позиции интернациональной борьбы пролетариата, и уже после октября он все еще продолжал заверять, что он меньшевик, но не меньшевик национальный, не меньшевик украинский, а такой меньшевик, который, по его мнению, должен вести классовую борьбу всеми активными мерами. Этот «меньшевик» раз в своей жизни бросил перо редактора «Рабочей жизни», но бросил его только для того, чтобы сменить на винтовку, когда от Киева на Харьков наступали немецкие войска, уже тогда шедшие вместе с чехо-словацким корпусом, вместе с Центральной Радой, под покровительством, если не всероссийских, то, во всяком случае, украинских меньшевиков.

С. Бакинский.

Февральский переворот застал Николая Николаевича в Киеве, где он пробыл до 15 декабря 1917 года. Весь этот период он работал секретарем газеты «Голос социал-демократа»—органа Киевского комитета Рос. С.-Д. Р. П. (б.). Но выполнял он не только секретарскую работу—ему приходилось выносить всю тяжесть издания газеты на своих плечах, исполнять обязанность ответственного редактора, корректора, быть одним из самых добросовестных сотрудников и вести непрерывную войну с пишущими товарищами, чтобы выудить статью. Почти на каждом заседании редакции приходилось выслушивать его возмущенные протесты, что он «не может работать только ножницами, ловить за фалды товарищей и ругаться с ними из-за каждой статьи» и отказывается при таких условиях работать и идет в район на массовую работу. Но никто из членов редакции серьезного значения его протестам не придавал,—все мы знали, что Николай Николаевич газету не оставит и при всяких условиях вытянет ее, и широко пользовались этим. Бури кончались дружеской беседой и добродушным поругиванием Николая Николаевича в ответ на наши клятвы быть аккуратными в писании статей. Николай Николаевич любил газету, горячо отстаивал ее интересы, отдавал ей все свои силы и время. И только его неутомимой энергией и настойчивостью держалась газета и выходила без перебоев.

В декабре Николая Николаевича вызвали из Киева в Харьков для работы в Известиях» Ц.И.К. Советов Украины. Официально он был назначен секретарем, но по существу был всем, так как вся ответственность за газету лежала полностью на нем. Сгавить газету приходилось в крайне трудных условиях. Дни и ночи он проводил то у редакторского стола, то у наборной или печатной машины, тут же питался неизменным чаем с пайковым хлебом, тут же и спал, склонив голову на стол. Своим упорством он умел преодолевать самые невероятные препятствия. Тут полностью выявился Николай Николаевич—это был фанатик-революционер, жертвовавший всем для дела и не останавливавшийся ни перед какими трудностями для достижения поставленных задач.

В период наступления немецких войск на Украину Николай Николаевич поехал с группой войск на передовые позиции и занялся изданием при штабе газеты «К оружию». Кто знает то время, тот легко представит себе, с какими трудностями сопряжено было издание. Войска находились в непрерывном движении, штабы только формировались, и хаос царил невообразимый. Население относилось к «большевицким» войскам сторожко, а агенты Центральной Рады всяческими приемами пытались спровоцировать самосуд. Не говоря уже о невероятных трудностях при сборе нужного материала, само печатание номера требовало героических усилий. И не раз приходилось Николаю Николаевичу отправляться ночью за 15 — 20 верст в типографию, и не отходить от станка до выпуска газеты, при этом не будучи уверенным, что свои войска он найдет на прежнем месте. Но этими обстоятельствами Николай Николаевич никогда не смущался. Перебросив через

плечо винтовку, которой он несравненно хуже владел, чем пером, он весело прощался с товарищами и бодро шел выполнять свое трудное дело. Когда не было никакой возможности отпечатать номер, он на пишущей машинке писал наиболее важные сообщения и вывешивал их на сборных пунктах. В момент острых схваток шел рядовым красноармейцем в полосу огня и своей бодростью подымал дух усталых товарищей. Всю военную кампанию, от Бахмача до Таганрога, Николай Николаевич не покидал войска.

Из Таганрога он вместе с украинскими товарищами переехал в Москву, где ему была поручена организация партийных изданий для Украины. Но здесь он уже работает с большим трудом. Отчаянные приступы кашля доводят его до полного изнеможения. Видно, недоедание, ночные работы и тяжелые условия фронтовой жизни сильно расшатали его организм и дали возможность вновь быстро развиться старому туберкулезу. На все уговоры товарищей полечиться и лучше питаться он только сердился, нетерпеливо махал рукой и заявлял: «теперь не время думать о себе». С освобождением Украины от оккупационных войск Николай Николаевич переехал с Ц.К. К.П.У. в Харьков, потом в Киев, где продолжал так же неутомимо работать, не обращая никакого внимания на развивавшуюся болезнь — жил по-прежнему впроголодь и в ужасных условиях. Летом 1919 года, пролежав три дня, он погиб.

Николай Николаевич был одним из тех безгранично преданных революционеров, которые забывали себя и своими самоотверженными усилиями преодолевали труднейшие препятствия. *Е. Бош.*

ЛЕБЕДЕВА * Ада Павловна —пришла в коммунистические ряды уже старой революционеркой, из ссылки, сразу же отдавшись своей любимой работе— пропаганде. Ее речи на празднике 1 мая 1917 г. красноярские рабочие не забудут никогда. Еще задолго до октябрьского переворота, в мае 1917 г., т. А. Лебедева в качестве эс-эрки поднимает бунт в своей организации против соглашательства, против грязной травли, которую ведет партия и ее лидеры против большевиков, и кладет начало раскола в этой разношерстной партии. Вместе с нею из красноярской организации эс-эров уходят и еще несколько видных работников. Откоповшаяся группа с А. Лебедевой во главе создает первую в России и Сибири (в конце июня 1917 г.) лево-эс-эровскую организацию и ее печатный орган—газету «Интернационалист». После она понуждает свой Питерский центр уйти из рядов право-эс-эровской партии.

Не покладая рук, работает т. А. Лебедева в Красноярском Совдепе и Губернском Исполкоме, от которых она не раз получала мандаты на Всероссийское и Всесибирское представительства (на демократическое совещание в Петрограде, на 2-й Восточно-Сибирский и 1-й Всесибирский съезды совдепов и проч.). С переходом власти она редактирует «Красноярские Губернские Советские Известия» и вообще несет обязанности комиссара печати. Но одна кабинетная работа не удовлетворяет эту глубокую натуру: она с энтузиазмом отдается еще и работе по пропаганде в массах, а когда бьет час борьбы с красноярскими семеновцами—казачьей бандой атамана Сотникова (в феврале 1918 г.), т. А. Лебедева берется не за марлю и бинты, а за «наган» и становится активным руководителем военных операций местных советских сил.

На 1-м Всесибирском съезде совдепов А. Лебедева выступает уже, как общепризнанный вождь сибирских левых эс-эров. Однако, шатания, обнаруженные этой партией, заставляют т. Лебедеву порвать с нею, и естественно, что она находит достойное себе место в рядах партии коммунистического пролетариата, т.-е. у большевиков. Но вот наступают для пролетариата судные дни сибирской контр-революции: т. Лебедева с отрядом Красной армии отбивает натиск наемников буржуазии и на судах Енисейского пароходства с частью советских сил уплывает вниз по р. Енисею, где попадает в плен к белогвардейцам. («Три года борьбы», стр. 169).

В г. Красноярске по дороге с пристани в тюрьму тов. А. Лебедева была замучена пьяными казаками в ночь на 28 августа 1918 г.

Воспоминания об А. Лебедевой.

Ада Павловна Лебедева после переворота 1917 года жила все время в городе Красноярске. Работала в партии социалистов-революционеров. После раскола партии состояла в комитете партии левых эс-эров. На крестьянском съезде была избрана в губернский исполнительный комитет. Принимала деятельное участие в организации земельного отдела, где оставалась до последней минуты.

Ада Павловна была одной из тех немногих женщин, которые принимают деятельное участие в строительстве новой жизни. На собраниях выступала решительно и настойчиво. В обращении с товарищами была ласкова и вежлива. Я никогда не наблюдал в ней волнения—спокойная, жизнерадостная, была иногда задумчива. В начале 1918 г. вступила в партию коммунистов. Во время эвакуации города Красноярска 18 июля 1918 года при наступлении чехов, когда вся флотилия отплыла вниз по течению р. Енисея, Ада Павловна оставалась еще в городе. Все беспокоились за ее жизнь, и флотилия остановилась на пристани в 15-ти верстах от города. Ада Павловна и еще трое товарищей, под обстрелом белогвардейцев, на лодке отплыли от города; переправившись к другому берегу реки, вскоре соединились с флотилией—невредимые, хотя в нескольких местах была прострелена лодка. После взятия в плен флотилии белыми ниже Туруханска всех арестованных разбили на три партии, и с первой же партией в августе 1918 года Ада Павловна была привезена в гор. Красноярск. 28 августа в 4 часа утра, по дороге в тюрьму, была выхвачена из партии вместе с товарищами Марховским и Печерским остервенелыми казаками (из офицеров), выведена за город, на речку Качу, у мельницы Абалакова и зверски зарублена шашками. Тела ее и т.т. Марховского и Печерского оставлены на месте преступления. Ада Павловна погибла в возрасте 25—26 лет. (Из сб. «Красная Голгофа», стр. 68, статья И. Олещук.)

А. Лебедева.

ЛЕБЕДЕВА Зинаида Васильевна—скончалась 21 февраля 1920 года от сыпного тифа, заразившись во время работы в госпитале. Дочь рабочего, члена 1-й Государственной Думы, т. Лебедева унаследовала от отца лучшие качества революционного борца. Вступив в Р. К. С. М., т. Лебедева сразу становится активным работником, секретарем Кожевнического подрайона и членом райкома. Имя тов. Лебедевой широко известно московской организации. Она принадлежала к числу товарищей, которые говорят мало, а больше делают, честно несут свои обязанности, отдаваясь всей душой своему делу. Она была незаменимым секретарем. Когда был брошен клич работницам итти в красные санитарки, она пошла сестрой, чтобы облегчить заботливой рукой страдания красноармейцам, и считалась лучшей сестрой в госпитале, пользовалась любовью и уважением красноармейцев. Молодая, полная жизни и бодрости, энергии (ей было только 21 год), жизнерадостная, с вечной улыбкой на устах, она погибла, исполняя свой долг. («Правда» № 42 от 25 февраля 1920 г.).

ЛЕВАШЕВ—расстрелян чехами в Самаре в 1918 г. перед приходом советских войск.—См. **Паршин.**

ЛЕВЕНСОН—член Р. К. П. Работая все время в войсках, он был комиссаром 176-го пехотного запасного полка, потом начальником Гатчинского боевого отряда и, наконец, 3-го Гатчинского полка. На северном фронте, сражаясь в первых рядах, тов. Левенсон был смертельно ранен. Умер в Вологде в ноябре 1918 года.

ЛЕВЕНТАЛЬ—погиб в конце 1919 года. Ему было всего 17 лет. Он происходил из буржуазной семьи. Он не был членом Р. К. П., но в то время, когда Деникин наступал на Харьков, он сделал то, что должен был сделать каждый борец за рабочее дело: добровольно вступил в Коммунистический отряд, перенес все трудности нашего тяжелого прорыва, участвовал в дальнейших боях, пока не попал в плен к белым. Им он прямо заявил, что он коммунист. Долго били его офицеры, стараясь пытками вырвать у него кое-какие сведения о расположении частей Красной армии. Убедившись в бесполезности пыток, они повесили его, заставив предварительно вырыть себе могилу.

ЛЕВИН Василий Петрович—родился в 1894 году, в семье рабочего-революционера, в рабочем районе Орехово-Зуеве. 11 лет он потерял отца, который, часто подвергаясь репрессиям со стороны царских жандармов, попал в 1905 году в тюрьму и там скончался.

С ранних лет тов. Левин поступил на завод, где работал в качестве ученика-токаря. Уже с юных лет он принимает участие в собраниях, помогая отцу раздавать прокламации среди рабочих Мытищенского района. В 1912 г. тов. Левин вступает в с.-д. партию (большевиков). За активную революционную деятельность тов. Левин в 1913 г. был арестован и с Мытищенского завода уволен без права вступления на какой-либо другой завод, получил «волчий билет». Тов. Левин, по освобождении, с чужим паспортом уезжает в Петербург; работает на Путиловском заводе токарем. Во время империалистической войны его мобилизуют и отправляют в Балтийский флот в качестве матроса. Во флоте происходит политический бунт; тов. Левину удается бежать из-под ареста. Снова с чужим паспортом он переезжает в Москву и поступает на завод, на Гороховом поле. Здесь он развивает широкую политическую деятельность среди рабочих и одновременно состоит секретарем подпольного союза металлистов. Вскоре был опять арестован с группой товарищей, заключен в Таганскую тюрьму и лишь через 2 года февральская революция его освобождает.

Тяжелые условия жизни—мытарства, гонения, аресты подорвали силы тов. Левина. По освобождении из тюрьмы, тов. Левин вступает на завод «Дукс», где работает до Октябрьской революции. В дни Октябрьской революции он работает в качестве красногвардейца в Замоскворецком районе. После Октябрьской революции он работает секретарем союза кожевников Бутырского района. Здесь он развивает широкую работу среди сапожников-кустарей, объединяя их. Поработав год в союзе, тов. Левин скоро переходит на работу в Московскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контр-революцией. Здесь он работает около трех лет. На этой ответственной работе он отдает свою жизнь. Работал без отдыха, не щадя своих сил, тов. Левин то в тылу, то на фронте. Здоровье надорвалось, туберкулез прогрессирует, и 2 мая 1920 г. он умирает в санатории Химках (под Москвой). В лице тов. Левина рабочий класс и партия рабочего класса потеряли одного из лучших своих сынов, который самоотверженно отдал свою жизнь на служение рабочему классу. (Сведения получены от тов. Бронштейн).

ЛЕВИЦКАЯ ** Софья Львовна—член Курского Комитета Р.К.П., член партии с 1898 г., работала в Москве и в Курске, умерла на собрании в 1918 или в 1919 г. (Сообщено Л. Сталь.)

ЛЕВИЦКИЙ ** Константин Осипович (парт. кличка «**Осип Иванович**»)—родился в 1868 г. в Сумском уезде, Харьковской губ., в семье разорившегося польского дворянина. Вместе с двумя своими старшими братьями он учился в знаменитой классической Нежинской гимназии. Несмотря на реакцию 80-х г.г. и все начальственные строгости, революционные идеи проникали в среду учащейся молодежи; начинали с Писарева и естественных наук, с литературных кружков и кружков для изучения физики и химии—и неизбежно кончали нелегальной литературой и связями с революционными сферами. Тотчас же по окончании гимназии в 1889 г. К. О. угодил в тюрьму по подозрению в сношениях с революционерами. Просидев несколько месяцев в тюрьме, он был выслан на родину под надзор родителей и... полиции. После долгих мытарств ему удалось попасть в един-

ственное убежище опального российского студенчества — в Дерптский университет. Чтобы иметь возможность посвятить все свое время изучению общественных наук, К. О. поступил на юридический факультет; вскоре он вошел в кружок революционно настроенных студентов, изгнанных за неблагонадежность из различных учебных заведений обширной матушки России (В. Шанцер, М. Дьяков. В. Малянтович, З. Френкель и др.). Кружок всецело примкнул к новому марксистскому течению и горячо принялся за борьбу с народничеством. Вместе с В. Шанцером он сотрудничал в Самарском и Орловском Вестнике—двух провинциальных газетах, где находили себе приют марксистские статьи; в «Орловском Вестнике» в 1895 г. он поместил ряд популярных очерков под заглавием «Ремесленник и пролетарий», выясняющих роль и значение пролетариата в современном капиталистическом обществе.

Время пребывания в университете К. О. посвятил серьезному и всестороннему изучению общественных наук и марксизма; к посещению лекций по своей специальности—юридическим наукам—он относился довольно равнодушно, что не помешало ему блестяще сдать в 1896 г. государственный экзамен и получить от профессоров аттестацию лучшего студента своего выпуска. Но адвокатское поприще не привлекало его; пробыв недолгое время пом. прис. пов. у П. Н. Малянтовича, одного из выдающихся защитников по политическим делам, он осенью 1898 г. переехал в Петербург. Здесь он принимал участие в некоторых легальных марксистских журналах и газетах («Жизнь», «Северный Курьер»). После ареста и высылки некоторых членов близкого ему кружка (В. Кожевников, К. Попов, Н. Леонтьев и др.), у него был произведен обыск с привлечением к следствию, но затем дело было прекращено за недостатком улик. Тяжелая болезнь (туберкулез ребра) заставила его, по настоянию врачей, навсегда покинуть Петербург, и в 1901 г. он с семьей переехал в Одессу. Связавшись с Одесской соц.-дем. организацией через старого подпольщика «Деда» (Я. Г. Френкель), работавшего в Киевском соц.-дем. к-те, он начал работу с рабочими кружками. В Одесском комитете преобладало экономическое течение, но были работники и нового направления, выразителем которого стала «Искра». Вскоре в Одессу приехал Д. И. Ульянов, затем тов. Землячка и была образована «Искровская группа», в состав которой вошли, кроме Д. И. Ульянова и Землячки, В. Малянтович и К. Левицкий. Группа работала параллельно местному комитету и вместе с примкнувшей к ней «Южно-русской Рев. Группой», с тов. Новомирским и Меерзоном во главе, повела завоевание местной организации. Группа имела хорошо поставленный транспорт и весьма успешно вела среди рабочих пропаганду искровских идей. В 1902 г. в комитет вошла т. Землячка, а затем и остальные члены Искровской группы (Левицкий, Новомирский, Меерзон, приехавший к тому времени Львов-Рогачевский, д-р Богомолец и др.), придав ему совершенно определенную физиономию. С этого времени начинается работа К. О. в Одесском комитете Р. С.-Д. Р. П., которая, с небольшим промежутком высылки в 1905 году, продолжалась до ссылки 1907 г. После съезда 1903 г. и последовавшего затем раскола, К. О. сразу и безоговорочно встал на большевистскую позицию; началась полоса отчаянной фракционной борьбы и завоевания рабочих масс. И Одесса стала вскоре одним из самых надежных центров большевизма на юге. К. О. был аборигеном, и благодаря

К. Левицкий.

своему солидному общественному положению (он занимал должность ревизора Контрольной Палаты), своей форменной фуражке и общему виду своей обывательски-семейной жизни ему удавалось довольно благополучно ускользать из цепких лап полиции и жандармов. Арестованный в 1904 г. на собрании пропагандистов, он отделался лишь двухнедельным арестом да изгнанием из Контрольной Палаты; неоднократные обыски обычно не давали никаких результатов, а по одним шпионским показаниям создать дела никак не удавалось. В Одесской организации последовательно работали с К. О. чуть ли не все ответственные большевиков—тов. Землячка, Жозефина (Воровский), Щур (Скрыпник), Гусев (Драбкин), Влад. Ленин (Ярославский), Дяденька (Л. Книпович), Данило (А. Шотман), Миша Трудник (М. Лашевич), Алексей Заика (А. Рыков), два брата Барон и Бур (Эссен), Николай Иванович (Лалаянц), Герасим (Цейтлин), Франкфурт, Аксельрод, Земблюхтер, супруги Лазуркины, Лугановский и др. Все это была публика наезжая в большинстве случаев; поработает—и на новые места, но «Осип Иванович» неизменно оставался на своем посту хранителя большевистских традиций Одесского комитета. Его обширные познания по теории марксизма давали ему возможность руководить собранием пропагандистов (нечто в роде партшколы нашего времени); рядом с этим он вел работу с наиболее квалифицированными рабочими кружками, писал листки на самые разнообразные темы, продолжая в то же время отдавать много сил на работу по добыванию средств к существованию. Одним из наиболее ценных качеств его, как общественного деятеля, да еще в условиях подполья, было необыкновенное уменье твердо и настойчиво проводить свою точку зрения, никогда не касаясь личностей и не задевая ничьего самолюбия. Насколько он был строг и беспощаден к людям на общественной арене, настолько же мягок и снисходителен в своих личных отношениях; для него обидеть, сделать больно человеку было также немыслимо, как простить какой-нибудь грех по части ортодоксально-революционного марксизма даже близкому приятелю. Влияние К. О. на членов организации, особенно на молодежь, было огромно; никто не пользовался таким авторитетом, ни к чьему голосу не прислушивались с таким вниманием, как к спокойному и уверенному голосу Осипа Ивановича. К нему шла молодежь со своими сомнениями и недоумениями из области теории и практики партийной жизни; на квартире постоянно толкалась, несмотря на всяческие конспиративные соображения, партийная публика и был беспрерывный дискуссионный клуб по всем вопросам как теоретическим, так и связанным с текущим моментом. Этому много способствовала, помимо его теоретических познаний, та простота, с которой он подходил к людям, полное отсутствие фразы и глубокая убежденность, сквозившая в каждом его слове и давшая ему почетное звание «твердокаменного» большевика. Его знаниям и необыкновенному благородству его характера отдавали должное не только друзья, но и враги, и в пору самой горячей полемики и острой борьбы с меньшевиками, когда даже между близкими друзьями происходили резкие конфликты,—к Осипу Ивановичу все относились с уважением, не позволяя личных выпадов по его адресу.

После Потемкинского восстания в июле 1905 г. он был арестован и, по распоряжению ген. Карангозова, вместе с женой, также работавшей в Одесской организации, выслан в Пермскую губ. в г. Оханск. Но не надолго лишилась Одесса своего бессменного комитетчика, после октябрьской амнистии он снова вернулся на старую работу. К. О. пошел к своим старым друзьям—жел.-дор. рабочим, где и работал до своего ареста в 1907 г. Арестован он был с группой товарищей, работавших в жел.-дор. районе (Аксельрод, Ходоровский и др.) благодаря провокации некоей Анны Соркиной. Накануне выборов во II Гос. Думу, после нескольких выступлений на предвыборных собраниях, он был арестован и вместе с другими товарищами получил 2 года административной высылки в Вологодскую г., которая К. О., в виду его старой болезни, заменена Астраханской, где он и отбыл ее в г. Черном Яру. Несмотря на разношерстную публику, наполнившую места ссылки после разгрома революции 1905 г. и совершенно изменившую традиционный облик политической ссылки, К. О. и здесь, в колонии ссыльных, пользовался таким же уважением своих товарищей по изгнанию, как и на воле; побаивалось

его и уездное начальство, видевшее в нем настоящего политика, который зря не станет задирать начальство, но и не позволит на ногу себе наступить. Его изба была центром, куда сходилась соц.-дем. часть колонии; снова в его гостеприимном семейном кругу собирались товарищи и обсуждались вести, приходившие с воли. А вести были грустные... С одной стороны, бешеная правительственная реакция, с другой — ликвидаторство, проповедь малых дел легальной работы, полная разочарованность в силах революции. К. О. воевал с болотным настроением ссыльной интеллигенции, доказывал необходимость прежней настойчивой и планомерной подпольной работы для подготовления новой, победоносной революции.

По возвращении из ссылки, в самый разгар реакции 1909—1910 годов, ему не удалось найти работу в центрах и он кочевал по провинции: г. Остер, Елец, Балта, Гайсин и, наконец, Моршанск, Тамбовской губ., где его и застала Февральская революция. Во время своих провинциальных скитаний, живя в городах, где не было возможности вести революционную работу, он всегда поддерживал связь с партией путем переписки, получения из-за границы литературы и личных свиданий с товарищами. Вокруг него группировалась местная революционно-настроенная публика, выставлявшая его в качестве референта на различных легальных и полулегальных собраниях. По вопросу о войне обнаружилось первое расхождение К. О. с большинством старых товарищей. Вместе с М. Лашевичем он стоял на точке зрения необходимости отражать наступление германского империализма, считая безусловно вредным его победу как для российского, так и, главным образом, для международного пролетариата. Возмущался германской социал-демократией, ее изменой делу международной солидарности и в этом черпал доводы в пользу необходимости, ведя попрежнему революционную работу против самодержавия, разоблачая перед рабочим классом его захватнические замыслы, защищаться от германских империалистов. Между ним и М. Лашевичем, с одной стороны, и высланным в 1914 г. из Петербурга в Моршанск Н. А. Скрыпником, старым товарищем К. О. по одесской организации,—с другой, происходили бурные споры, так как Скрыпник был категорически сторонником военного поражения России, видя в этом залог победы революции. Это не помешало К. О. (Лашевич за несколько дней до Февральской революции уехал из Моршанска и резко изменил свою прежнюю оборонческую позицию) вместе со Скрыпником горячо приняться за организационную работу в Сов. Раб. и Солд. Деп., в Уездном Исполн. Ком., редактируя и сотрудничая в местных «Известиях» и т. д. Во время корниловщины он энергично боролся против нее, предостерегая от контр-революционных попыток еще непобежденного реакционного элемента.

Считая Октябрьский переворот и захват власти пролетариатом преждевременным, будучи убежденным в невозможности произвести победоносную социалистическую революцию в национальном масштабе и притом в самой отсталой из всех европейских стран и не видя предпосылок к скорой революции на Западе, а в то же время не считая возможным ни при каких условиях вести политическую работу вне рядов большевистской партии, К. О. совершенно устранился от широкой общественной жизни, продолжая неутомимо работать по советской линии в качестве комиссара одного из крупных банков. Расхождение со старыми идейными товарищами очень тяжело переживалось К. О., привыкшим жить в дружной товарищеской среде; провинциальная атмосфера еще больше увеличивала эту тяжесть. В июле 1918 г. он заболел испанкой в очень острой форме; едва оправившись, решил уехать из Моршанска и, по приглашению А. И. Рыкова, переехал в Москву, где начал работать в качестве члена Финколлегии В. С. Н. Х.

В процессе совместной работы со старыми товарищами (Рыковым, Шотманом, Скрыпником и др.) партийные разногласия значительно сгладились; здесь, в центре, происходящие исторические события рисовались в ином свете, и только новая болезнь—воспаление легких, а затем затяжный плеврит не дали возможности К. О. начать работу в рядах коммунистической партии, среди старых друзей. Болезнь осложнилась, благодаря тяжелым условиям московской жизни 1918—1919 г.г., и перешла в хронический процесс в легких... К весне 1919 г. К. О. значи-

тельно поправился и мечтал в скором времени приступить к работе... Но мечтам этим не суждено было сбыться: 19 мая он неожиданно скончался от разрыва сердца во Всехсвятском санатории, куда поехал отдохнуть после болезни...

Е. Левицкая.

ЛЕЗДИНЬ. — См. **Ремтер.**

ЛЕОНИДОВ Л. И. — Атаман Григорьев расстрелял молодого революционера, принесшего весь свой юношеский пыл, свои способности делу освобождения трудящихся. Товарищ Леонидов (Григорьев) все время находился в Григорьевском штабе, как военный корреспондент бюро печати Украины. Не раз в своих сообщениях отмечал он «порядки», какие царили в штабе, резкими штрихами обрисовывал он самого «атамана», его ближайших помощников и ту смрадную атмосферу, где ковалась измена. Предатель Григорьев знал, что он собирал «материалы» о деятельности этого штаба, о той погромной агитации среди войск, которую вели вдохновители мятежа. Вот почему распорядился «доблестный атаман» схватить и расстрелять тов. Леонидова. («Коммунист» № 66 от 25 мая 1919 г.)

ЛЕОФЕРОВ ** В. М. — командир Вологодской отдельной роты лыжников. пал смертью храбрых в бою с белогвардейскими бандитами генерала Дро у аула Дыг. Состоя председателем культурно-просветительной комиссии и кандидатом Р.К.П. при ком ячейке, тов. Леоферов за очень короткое время сумел организовать школу для неграмотных, лекции по общеобразовательным предметам, спортивные игры и проч. Хороший командир и работник, он был также отличным товарищем, он всеми силами старался всегда помочь нам чем-нибудь, всегда разъяснит, расскажет и, если в силах, то поможет. Работая неустанно при мирной обстановке, он был таковым же и в бою; на боевом участке его можно было видеть везде. Своим примером он заражал и своих подчиненных. Раненый в шею, он после перевязки вернулся обратно в строй, но другая пуля сразила его. («Красный Воин» № 199 от 10 сент. 1920 г.)

ЛЕПЕТИ * Франсуа Берто — делегат красного профсоюза департамента Сены, делегирован в Россию и на обратном пути погиб в Ледовитом океане, в сентябре 1920 г. («Петроградская Правда» № 286 за 1920 г.)

Блондин, среднего роста, туберкулезный, немного нервный, по убеждению ярый анархист-коммунист, по профессии каменщик, один из руководителей этого союза, прекрасный оратор, но отъявленный последователь Бакунина. Много неуравновешенного и путанного было в нем. Тов. Лепети никак себе не мог представить, каким образом рабочий класс после захвата власти может быть диктатором и иметь Красную армию. И даже в России эта путаница мыслей у него продолжалась. Вержа и другие товарищи издевались над ним. Но он, несомненно, переживал трагедию, чувствуя, что должен порвать с тем интеллигентским бредом, который ему вбили в голову Прудон и Бакунин под именем анархизма. (В. Деготь: «В «свободном» подполье».)—См. **Вержа Марсель.**

ЛЕПИН. — См. **Балод.**

ЛЕПИН Карл (Оксис) — старый партийный работник. С юных лет он примкнул к с.-д. движению. Превосходный организатор, он всегда выдвигался партией на самые ответственные посты. Часто он подвергался арестам и заключению в тюрьму. После революции тов. Оксис работал в Красной Латвии, был членом Сов. Раб. Деп. в гор. Вольмаре. Когда в Латвии восторжествовала реакция, тов. Оксис переехал в Россию. Здесь вступил в Красную армию и, не покладая рук, принялся за революционную работу. В бою на Чехо-Словацком фронте в октябре 1918 года он погиб.

ЛЕПИНЬЛАУК. — См. **Ремтер.**

ЛЕСКЕС Марк Григорьевич—член коллегии здравотдела Александровской жел. дор. Умер от сыпного тифа 22 апр. 1920 г. («Изв. В.Ц.И.К.» № 88 от 23 апр. 1920 г.)

ЛЕТНИКОВ * Иван Герасимович—член Р.К.П. Замоскворецкого района, член Центрального Комитета Всероссийского союза кожевников, умер от сыпного тифа 3 марта 1920 г. («Правда» № 50 от 5 марта 1920 г.)

ЛЕТОШКО **—рабочий, на редкость сознательный, преданный революции, с большими организаторскими способностями, состоял членом ряда партийных комитетов в различных местах Западного края; после Октябрьской революции много поработал в области кооперации, как недурной практик и хозяйственник, был мобилизован и работал в Красной армии на Западном фронте, где пал жертвой трагической судебной ошибки. («Большевики в Витебске» Б. Пинсона.)

ЛЕТУНОВ ** **Федор Михайлович** — начдив 4. Сын бедного крестьянина Донской области. Грамоте не обучался. С десяти лет работал у богатых крестьян батраком. Во время старой войны находился на Кавказском фронте. После Февральской революции был избран председателем районного комитета, а после демобилизации — председателем хуторского комитета хутора Таловки. Когда на Дону началась гражданская война, тов. Летунов, собрав взвод из молодых хуторян, присоединился к отряду Думенко в качестве командира взвода. Хладнокровный и храбрый, он участвовал во всех боях 4-й дивизии Конного корпуса и Конной армии. Был награжден орденом Красного Знамени и золотыми часами. С июня 1920 г. был начальником 4-й дивизии. На этом посту его сразила бело-польская пуля. («Конная армия, ее вожди, бойцы и мученики» изд. I кон. Красн. арм., 1921 г., Екатеринослав.)

ЛЕТЯГИН ** **Егор.**—См. **Аппельбаум.**

ЛЕФЕВР * **Раймонд** — делегат Парижского Комитета III Интернационала, делегирован в Россию и на обратном пути погиб в Ледовитом океане в конце сентября 1920 г. («Петроградская Правда», 1920 г., № 286.)

Р. Лефевр.

Раймонд Лефевр принадлежал к молодому поколению писателей, которых воспитала война, к тем избранным революционерам, которые вышли из окопов на арену политической борьбы. Это новое поколение поняло, какие внутренние причины привели старое общество к великому преступлению мировой войны, и оно стало искать новых путей для человечества. В 1917 году, после долгого пребывания на фронте, он вернулся домой больной и раненый, разочарованный и возмущенный. Тогда же он стал выпускать свой роман «Авраамова жертва» («Le sarcifice d'Abraham»), благодаря которому он занял видное место в группе тех писателей, к которым относятся Анри Барбюс, Дюамель, Мартине, Ноель Гарнье, Анри Жак, и которые поставили себе целью очистить духовную жизнь французов от шовинизма и воинственного угара и сознательно направить ее на путь революции.

По мере того, как во Францию проникали более точные сведения о ходе русской революции и рабочие массы все больше ею воодушевлялись, молодой социалистический авангард, к которому принадлежал Раймонд Лефевр, сознательно становился на сторону коммунизма. Чтобы не терять связи с теми элементами, которые прозрели благодаря войне, группа эта приняла участие в создании «Республиканской Ассоциации Бывших Участников Войны», которую некоторые авантюристы хотели использовать в качестве орудия для достижения своих политических целей. Раймонд Лефевр и его друг Поль Вальян Кутюрье сумели развить внутри этой ассоциации широкую пропаганду: сперва—за Советскую Россию, а потом—за образование коммунистической партии во Франции. Раймонд Лефевр объездил всю Францию и говорил вчерашним солдатам о необходимости революции и о долге всех и каждого готовиться к ней. В этом заключалась глав-

ная его идея. Эта же мысль проходит красной нитью через его брошюру, изданную незадолго до его поездки в Россию под названием «Революция или смерть». Указанная идея служила также темой его лучших статей, напечатанных в «Humanité». Чтобы дать, наконец, миру прочное основание,—говорил он,—чтобы спасти французскую расу—необходима революция. Без нее нет спасения». Революция же нуждается в стойкой, сплоченной международной организации. Это ясное сознание современного революционного положения привело Раймонда Лефевра в Комитет III Интернационала и сделало его на Страсбургском Конгрессе ярым защитником идеи присоединения к III Интернационалу. Как всем известно, «демократическая» полиция сочла необходимым арестовать его в Страсбурге, и даже возник вопрос о предании его суду за бог весть какие преступные замыслы. Красноречивый и пламенный оратор, умеющий одновременно и волновать и убеждать, журналист с несомненным литературным талантом, Раймонд Лефевр посвятил свои силы служению французскому коммунизму.

Он приехал в Россию на II Конгресс Коммунистического Интернационала с мандатом Комитета III Интернационала. На Московском Съезде он не переставал клеймить в самых резких выражениях французский социалистический оппортунизм за его старые заблуждения. Он настаивал на полном и безусловном присоединении Объединенной Социалистической Партии к III Интернационалу.

Н. Либерсон.

Нам всегда памятна будет та почти детская радость, которую он проявил во время грандиозных сцен московских празднеств... Когда под стенами Кремля, по широкой площади, озаренной лучами солнца и украшенной красными знаменами, шествовало более двухсот тысяч рабочих — мужчин, женщин, детей и красноармейцев, радостно приветствовавших иноземных гостей-коммунистов, Раймонд Лефевр, одетый в широкую русскую рубаху, стоял на трибуне, пожирая взором всю расстилавшуюся перед ним картину. И чувствовалось, что он всматривался в это зрелище для того, чтобы навсегда сохранить о нем память.

Он вывез из России богатый запас впечатлений. На Украине он посетил деревни, опустошенные погромами; он был в Харькове, в Москве, в Петрограде; он проявлял горячий интерес ко всему. Мы шли вместе с ним за гробами убитых финских коммунистов. После похорон, под окнами Зимнего Дворца, он взял слово, чтобы крикнуть толпе петроградских рабочих и красноармейцев: «Наши враги уничтожают отдельные личности, а мы уничтожим их класс». («Коммунист. Интернац.» № 17.)—См. **Вержа Марсель.**

ЛИБОНЕЛЛИ Антимоза Архипович — член Р. К. П., член президиума Моск. Совета Народного Хозяйства, умер 27 марта 1920 г. («Правда» № 68 от 28 марта 1920 г.)

ЛИБЕРСОН ** Наум Григорьевич — родился в 1899 году, член партии с 1917 г. Расстрелян чехо-словаками в Самаре в июне 1918 г.

В своих воспоминаниях тов. И. Трайнин пишет:

«Во время нашего плена нам пришлось встретиться с заложниками, взятыми в Пензе и Сызрани...Один из них—тов. Либерсон. Ему было всего 20—22 года. Бурные порывы и необыкновенная доброта уживались в его сердце. В разговорах с ним сказывалась глубокая начитанность, большая эрудиция и уменье разбираться в самых сложных теоретических вопросах. Он был членом партии коммунистов и, до захвата Пензы, состоял секретарем тамошнего губисполкома... Следом за ним все время ехал его отец, который в Самаре особенно усиленно хлопотал об освобождении сына и добился даже вмешательства представителя фран-

цузской миссии. Не желая его освободить, чешский исполком выдвинул вдруг против него обвинение, что он стрелял по ним будто бы из пулемета.

Когда т.т. Масленникова, Бакаева и других самарских заложников увезли дальше, т. Либерсон был оставлен в Самаре и расстрелян, якобы при попытке бегства около ж.-д. линии. То была наглая ложь. Его увели за две-три версты от ж.-д. линии и там расстреляли. Там же было найдено тело». («Пролет. Революция». Ст. Г. Лелевича, стр. 246.)

ЛИБКНЕХТ ** — убит в 1919 г. в с. Владимиро-Александровском в период борьбы партизанских отрядов с белогвардейцами на Дальнем Востоке. В «Партизанском Вестнике» № 5 от 5/V 1919 г. помещено стихотворение, посвященное т. Либкнехту: «На смерть партизана». (Сведения взяты из ст. «Партизанское движение в Приморской обл.» А. Яременко в № 7 «Пролет. Рев».)

ЛИВАНСКИЙ Сергей Петрович — занимал должность городского санитарного инженера заразного изолятора. Светлый и жизнерадостный, Сергей Петрович всегда шел, куда звал его долг, его служебные обязанности и погиб на своем посту. Заразившись тифом, он умер в феврале 1920 г. («Изв. У. Р. К. и Харьковск. Рев. Сов.» № 46 за 1920 г.)

ЛИВЕР ** — убит при столкновении с немцами бахмачской группы советских войск, отступавших от Киева в 1918 г.

ЛИВОНЕНКО — надзиратель тюрьмы, сочувствовавший коммунистам. В г. Симферополе поддерживал связь Красного Креста с заключенными и волей, помогал организации в освобождении некоторых заключенных, но был арестован и казнен в мае 1920 года.—См. **Грановский.**

ЛИДУСКРАСТ ** — уполномоченный Дончека, убит бандитами. («Трудовой Дон» № 420 от 17/XII 1922 г.)

ЛИНДЕР Леопольд.—С момента возникновения демократической республики в Эстляндии было положено основание белому террору. С конца 1918 г. всего в крошечной Эстляндии демократией убито в «мирной» классовой борьбе не менее трех тысяч пролетариев. Особенно жестокие удары демократического террора падают на подпольную Коммунистическую партию. Арестованные члены К. П. Э. подвергаются неописуемым истязаниям, пыткам, начиная с порки нагайкой, ломания костей и кончая «цивилизованными» приемами европейской охранки—пыткой электрическим током и т. д. Активных деятелей, ответственных членов К. П. Э. убито легион. Приведем лишь краткий мартиролог наиболее видных, деятельнейших членов подпольной организации, занимавших наиболее ответственные посты К. П. Э.

Товарищи **Леопольд Линдер, братья Киппар, Тайман** — убиты в конце 1918 г. без суда.

Т.т. **Оуппу** (член Ревельского комитета К. П. Э.) и **Меокас**—у первого поломаны ребра, его топтали ногами; оба страшно избиты в казарме офицерами (в Ревеле по Гильдейской улице), тайно расстреляны в начале 1919 г.

Т. т. **Шютс** и **Куппар** (чл. Ревельск. ком.)—старосты завода «Двигатель» и члены Ревельского Совета в конце 1918 г., избиты до неузнаваемости, проколоты штыками, черепа разбиты, стерта кожа с рук, постановлением военно-полевого суда убиты ночью 27—28 января 1919 г.

Все перечисленные т.т. были убиты правительством, в котором участвовали социал-демократы (меньшевики). При обысках демократическая полиция у них ничего предосудительного не нашла.

Тов. **Арнольд Ляятс (И. Вильман)**—арестован осенью 1919 г. 19-летний работник подпольной типографии К. П. Э.; требуя от него выдачи членов Ц. К. и подпольной типографии, шпики истязали его в застенках штаба главнокомандующего (в Ревеле), били, ломали у него кости, искалечили; не выдав ничего, этот юный пролетарий умер в охранке от пыток.

6 сентября 1919 г. в Изборске, на фронте, по указанию министра с.-д. Геллата, убили 26 наилучших представителей рабочего класса. Летом 1919 г. министр внутренних дел с.-д. Ойнас заявил депутатам Ревельского Совета профсоюзов: «Если вы не унимаетесь, то правительство принуждено высылать вас в Россию».

Социалистическое правительство не посмело расстреливать уважаемых представителей класса угнетенных открыто. Оно убило их тайно, производя над ними предварительно всяческие издевательства. Большая часть этих расстрелянных—активные деятели К. П. Э., члены Ревельского комитета и пр.

Тов. **Микель Петеркоп** — работник подпольной типографии К. П. Э., арестован на границе в октябре 1919 г., избит, ему разорвали уши и вырвали мясо из тела клещами; в штабе капитана Питна, по приказу последнего, его руки связали на спину, пока он не лишился чувств; расстрелян в Ревеле 30/X—1919 г.

Тов. **Карл Тийтсен** — ответственный организатор и член Ревельского комитета К. П. Э., арестован в Юрьеве в январе 1920 г. на улице, после подачи письма сотруднику мирной делегации Сов. России, избит, изуродован, поломаны все кости (истязал тогдашний начальник юрьевских шпиков Пурри до смерти), похоронен в песочной яме в имении Раади (около Юрьева).

Тов. **Паулина Сахк** — работница подпольной типографии К. П. Э., расстреляна (безоружная) при случайном провале одного отделения (печатной) подпольной типографии в августе 1920 г.

Тов. **Эйге-Ваза** — ответственный организатор и член Нарвского комитета, после истязания расстрелян в сентябре 1920 г.

Тов. **Пауль Раудсепп** — секретарь Коммунистической фракции парламента и председатель коммунистической фракции ревельской думы, арестован в Ревеле при апрельском погроме рабочих организаций в 1921 г.; его долго пытали электрическим током и соленой водой в Везенбергской охранке, подвергая истязаниям; умер от пыток.

Тов. **Эммар**—ответственный работник при подпольной типографии, ранен и арестован охранниками при попытке перейти границу около г. Нарвы в ноябре 1921 г., умер от ран в Нарвской тюрьме. И т. д., и. т. д., и т. д.

Неисчислимы жертвы демократии даже в маленькой Эстляндии. Многие и многие вышли из застенка еще живыми. О многих жертвах демократической инквизиции пока еще нельзя говорить открыто в печати в виду того, что свидетели их еще находятся в руках буржуазии.

ЛИНДОВ* Гавриил Давыдович (Лейтейзейн) — погиб на уральском фронте в январе 1919 года. Г. Д. Линдов принадлежал к самым старым деятелям русского рабочего движения. В 90-х годах тов. Линдов начал свою работу в Екатеринославе. Он является одним из основателей с.-д. партии.

В начале девятисотых годов тов. Линдов попадает в эмиграцию. Он поселился во Франции и вошел в партию гэдистов, которая тогда стояла на крайнем левом фланге французского рабочего движения. Тов. Линдов сразу занимает видное положение среди французских марксистов. В то же время тов. Линдов сотрудничает в «Заре», в «Искре» и в других органах левого крыла русской социал-демократии, издававшихся тогда за границей. С расколом партии, Г. Д. после недолгих колебаний, вызванных личным влиянием Плеханова, примыкает к большевикам. В работе большевистского центра, в годы 1904—1907, Г. Д. принимает самое деятельное участие. Он является редактором наших легальных и нелегальных газет, членом Ц. К., одним из наших главных ораторов на предвыборных собраниях. В 1906 г. он вместе с тов. Лениным—в ближайшей финляндской деревушке, оттуда наезжает почти каждый день в Петроград и принимает участие в нашей нелегальной работе. Тов. Линдов является также незаменимым марксистским литератором. После поражения первой революции, тов. Линдов переселяется в Тулу. Здесь он занимается врачебной практикой и в то же время не перестает участвовать в местном рабочем движении.

В начале нынешней нашей революции тов. Линдов сразу стал на почву интернационализма. Он разошелся со своими учителями Гэдом и Плехановым, которые пошли по пути шовинизма. Некоторое время тов. Линдов примыкает к группе «Новая жизнь». Через короткое время тов. Линдов убедился, что лозунг «учредилки» (с ъ лозунг контр-революционный. Он входит в нашу коммунистическую партию. Он увлекает за собой группу своих товарищей. И он берется за самую ответственную работу: он отправляется на фронт.

Г. Д. был человек уже преклонного возраста. Ему было не менее 50 лет. Он был физически очень больной, с больным сердцем, с плохими легкими. Но он, ни минуты не задумываясь, бросается в огонь, идет на фронт, участвует в самых опасных боях и погибает. *Г. Зиновьев.*

(«Петроградская Правда» № 47 от 24 января 1919 г.)

Вместе с тов. Линдовым погибли т. т. **Майоров, Мяги** и два красноармейца. Тов. Мяги и красноармейцы похоронены в Самаре, а трупы т.т. Линдова и Майорова перевезены в Москву и похоронены на кладбище Новодевичьего монастыря. («Правда» №№ от 30/I и 1/II—1919 г.)

ЛИНДХАЙН ** Г.—член Киевского союза кожевников, убит немцами в 1918 г. (М. Майоров: «Из истории революционной борьбы на Украине».)

ЛИНКВИСТ Конста — родился в 1880 г. в пролетарской семье. Получив начальное образование, работал на железной дороге. Накануне финляндской революции работал в качестве машиниста. В финском рабочем движении т. Линквист принимал участие с 1903 года. В 1904 г. он вступил в соц.-демократическую партию. Все время активно работал в партии, занимая ответственные посты и не раз подвергаясь репрессиям.

За его энергию и решительность его выбрали председателем профессионального союза ж.-д. машинистов. Там он проработал 1916—1918 г.г. В 1919 г. т. Линквист вел революционную работу в Петрограде, входил в состав Совета Народных Уполномоченных в качестве народного уполномоченного путей сообщения. В финскую организацию коммунистов он вошел в 1918 г., с начала ее организации. С того же времени он состоял членом Российской Коммунистической Партии. Он пользовался среди финских революционеров общим уважением. Погиб во время нападения на клуб имени Куусинена в Петрограде 31 августа 1920 г. («Комм. Интернационал», 1920 г., № 14.)—См. **Рахья Иван.**

ЛИНОВ И. И. — почти с первых дней организации «Роста» работал в этом учреждении, обслуживая преимущественно Московский Совет, заседания В. Ц. И. К. и проч. Много сил положил он и на работу в Исполкоме и в хозяйственном комитете сотрудников. Последний год своей жизни т. Линов посвятил исключительно школе советских журналистов при «Росте», заведующим которой он состоял все 4 выпуска. В Октябрьский переворот т. Линов был единственным журналистом, которому Советская власть, в виду его полной общественной безупречности, разрешила посещать бюро печати Совнаркома в Смольном. Скончался в Москве 9 декабря 1920 г. («Коммунистический Труд» № 219 за 1920 г.)

ЛИСИНОВА Люсик (Лисинян). — Тов. Люсик была убита юнкерской пулей 1)ноября 1917 года в Москве, на Остоженке. Тов. Люсик начала работать в партии с начала 1916 года, когда ей поручено было вести кружок на заводе Михельсона в Москве). В эту пропагандистскую работу влила она всю свою энергию и неисчерпаемую любовь к делу. Но на ряду с этим она не гнушалась никакой другой работы—от незначительной и черной до самой опасной и ответственной. Нужно ли печатать прокламации, распространять их, скрыть нелегального товарища,—во всем этом Люся принимала самое деятельное и живое участие. Революция открыла для нее широкое поле деятельности. Она работала, как агитатор партийного комитета Замоскворецкого района, вела кружки работниц на заводах Михельсона, Брокар и Даниловской мануфактуры, являлась одним из деятельнейших организаторов Союза Рабочей Молодежи III Интернационала. И всюду она вносила с собою священную ненависть революционера к эксплоататорам и угнетателям; и с этой великой ненавистью и с великой верой в торжество и победу рабочего дела стала она в ряды борцов пролетарской революции. Четыре дня во время боя в Москве она лихорадочно работала вместе с нами, не зная отдыха и усталости, принимала донесения, перевязывала раненых, под градом пуль ходила с сообщениями в центр и обратно. Но сердце ее было с теми, кто в самой гуще боя дрался за освобождение трудящихся. И она пошла к ним, пошла в самое опасное место, на Остоженку, где беспрерывно раздавались ружейные залпы и трещали пулеметы.

«Я иду к нашим на Остоженку»,—с гордостью сказала она, когда ее спросили, куда она направляется. А через полчаса—Люся убита. Пала, славно пала эта молодая девушка, светлая, энергичная, отзывчивая, добрая, всей душой преданная делу пролетариата.

ЛИСТОПАД Женя—вошла в общественно-революционную работу, еще будучи на школьной скамье. В кружках «самообразования», бывших очагах социалистической пропаганды, Женя занимала центральное место, организуя эти кружки, направляя их деятельность. Когда разразилась революция, Женя вся отдалась делу ее. На Украине наступили дни реакции—дни гетмановщины: Женя Листопад—член всеукраинского ревкома (подпольного) и выполняет самые смелые рискованные задания. При освобождении Украины, Женя переезжает в Одессу. Здесь эта светлая, чистая революционерка, столкнувшись с некоторыми уродливыми явлениями, не выдержала. Ей стало трудно жить; она, верившая в святость и непорочность всех причастных к революции, верившая, что революционер—это безукоризненно честный, это рыцарь духа,—она не могла примириться с распространенным в Одессе типом революционера; ее чистая душа не выдержала грубого прикосновения обыденщины. Грязь жизни комом упала на светлые крылышки юной девушки и придушила ее. Она не могла больше жить, и море проглотило эту юную девушку. Она утопилась в июне 1919 года.

ЛИХВИНЦЕВ.** — См. **Холмогоров.**

ЛИХТЕНШТАДТ Владимир Осипович (Мазин)—во время реакции 1906 г. был арестован по делу покушения на Столыпина. Улики, выдвинутые против него военным судом, были настолько убедительны, что он был приговорен к смертной казни, каковая была заменена ему бессрочной каторгой. Первое время он сидел в Петропавловской, а затем был отправлен в Шлиссельбургскую крепость. Среди всех заключенных Владимир пользовался исключительной любовью. Среди 800 каторжан он выделялся своей революционной непреклонностью, крепостью ума и души. Всюду проявлялась самоотверженная и отзывчивая натура. Чтения, занятия, уроки—всюду поспевал он, неутомимый и добрый, на самой черной каторжной работе. Над собой он также успевал много работать: писал, читал, переводил. Его научные работы, еще неизданные, показывают, каким богатым духовным миром он обладал.

С 1906 по 1917 г. Владимир сидел в крепости. Революция разбила ее столетние замки, и он вышел на свободу. Как всегда необычайно скромный,—он затерялся на время. На первых порах он устроился заведующим детской колонией в Петрограде. Но такая мирная работа его не удовлетворяла. События властно захватывали его, он вступил в Р. К. П. и начал работать в качестве заведующего издательством «Коммунистического Интернационала». Он с жаром принялся за новое дело. Но и здесь его что-то не удовлетворяло. Он часто упоминал, что хотелось бы попасть на фронт. Когда грянула опасность, он начал лихорадочно обучаться военному делу и скоро отправился на фронт. В шестой дивизии, где он был комиссаром, его сразу оценили. Он обладал прекрасной способностью сглаживать недочеты, успокаивать и сближать товарищей.

15 октября 1919 г. утром в бою под колонией Кипень Владимир попал в руки белым и был ими расстрелян. («Петроградская Правда» № 286 за 1919 г.)—См. брош. Ильи Ионова: «Владимир Осипович Лихтенштадт (Мазин)».

ЛИФАТОВ ** **Александр.**—См. **Блоштейн.**

ЛИХОЖАНОВ**—юноша, находился в числе эвакуированных из Тобольской каторжной тюрьмы на восток при отступлении колчаковцев. В пути между Иркутском и Александровской тюрьмой расстрелян ими в июле 1919 г.—См. **Ребров-Денисов.**

ЛИЦЕЦКИЙ. ** —См. **Уткин.**

ЛОБАНЦЕВ.**—См. **Блоштейн.**

ЛОБКОВ Залман.—В начале Октябрьской революции т. Лобков был почти единственный интеллигент среди большевиков, принимавших активное участие в политической борьбе в г. Омске. Молодой (20-ти лет), талантливый, он вынужден был браться за самую сложную и разнообразную работу. Маленький, черненький,

с длинными волосами,—на трибуне он весь горел, когда разоблачал подвохи буржуазии, колебания соглашателей или когда доказывал неизбежную победу Советской власти. Как хорошего оратора и защитника интересов трудящихся, его любили рабочие, с интересом слушали его речи крестьяне на съездах и собраниях, когда Лобков говорил о социализме, о победе над буржуазией, о восстановлении хозяйства. Но бешено ненавидела и боялась его местная саботажная тогда интеллигенция. Она вела отчаянную травлю против Лобкова и боялась его. Она ненавидела его, как выходца из ее же среды. Лобков был сыном мелкаго предпринимателя-промышленника.

Лобков—один из членов Омского комитета Р. К. П.—был хорошо знаком со всеми местными условиями. Он на память знал всех сколько-нибудь талантливых рабочих, которых выдвигал на различные советские посты. Лобков играл первую роль в партийной организации, разрабатывал планы по постановке советской работы и проводил их в жизнь. Когда казначейские чиновники, противодействуя Советской власти, повели саботаж, а затем устроили забастовку, т. Лобков взял все казначейство в свои руки и вскоре наладил в нем работу. Чешская авантюра извлекла его из казначейства. Он пошел на фронт и вместе со Звездовым руководил боями под Мериаполкой. Затем, после отступления, он разъезжает по Уралу вместе с другими омскими работниками, ведет агитацию и принимает самое горячее участие в строительстве Красной армии. Поздней осенью Лобков приезжает в Пермь. Уральский областной комитет Р. К. П. поручает ему поставить партийную работу среди уральских крестьян; он берется за эту работу и налаживает ее. Но мысль о Сибири не покидает его. У своего отца, в Тобольске, Лобков оставил ребенка. Белые узнали об этом и угрожали убить его. Жена Лобкова долго грустила о сыне, не выдержала, ушла в Сибирь и попалась в руки белой банды, которая приговорила ее на 20 лет в каторгу. Нерадостные вести шли тогда из Сибири; жестокие репрессии, порка, расстрелы наводили на грустные размышления. После неудачного декабрьского восстания в Омске Лобков решил итти в Сибирь. Наши уговоры подождать были напрасны. Лобков приехал в Москву, предложил свои услуги Ц. К. Р. К. П. итти через фронт Колчака для подпольной партийной работы в Сибири. Его снарядили молодым купчиком, дали крупную сумму денег и отправили. Лобков благополучно добрался до Челябинска, повел там подпольную работу. Но недолго. Лобков жил в Челябинске под фамилией Голубева. По доносу провокатора его арестовали, пытали и всячески издевались, но не знали точно, что он Лобков. Затем его повезли в Уфу и по дороге зарубили шашками (в 1919 г.). *Вл. Косырев.*

(Из книги «Три года борьбы») [1].

Тов. Лобков родился в 1898 году. С 1915 или 1916 года он—социал-демократ.

ЛОЗИНСКИЙ—член Комсомола и член партии Р. К. П., 17 лет,—боевик-подрывник, поддерживал связь с лесом (отрядами Зеленой армии). На военно-полевом суде улик против него не было почти никаких, и он мог легко отделаться. Но чувство солидарности одолевает его тоской. Он на суде клеймил позорным именем «Шемякин суд» белогвардейского офицерства, объявил себя солидарным во всем с товарищами по суду, обреченными уже на смерть, и с детским ясным энтузиазмом пошел на виселицу. Казнен в мае 1920 года.—См. **Грановский.**

ЛОЗОВСКИЙ ** **Леонид Ипполитович**—родился в 1878 году в интеллигентной семье. Отец занимался канцелярским трудом, мать была фельдшерицей. Образование получил в Школе Ваяния и Зодчества, которую окончил со званием архитектора. В 1905 году в бытность прапорщиком в Инженерном полку в Москве примыкал к Р. С.-Д. Р. П. В период Февральской революции вел активную работу среди солдат в городе Риге. В сентябре 1917 года прибыл с фронта в Москву, где

---

[1]) По сообщению тов. В. Касперского, челябинскую подпольную организацию, в которой работал т. Лобков, выдал провокатор Образцов. Военно-полевым судом в Челябинске т. Лобков вместе с другими 32 товарищами был приговорен к смертной казни. (См. Библиографический отдел «Уральского Коммуниста» № 6 за 1922 г., стр. 40.) (*Примечание Истпарта*).

выступал на митингах, вполне солидаризировался с тактикой большевиков. В Октябрьскую революцию принял деятельное участие в организации и подготовке артиллерии в Сокольническом районе. В ноябре официально вступил в Р. С.-Д. Р. П. (больш.) и с этого времени работал в Сокольническом райкоме в качестве организатора.

Тов. Лозовский часто выступал на фабрично-заводских митингах с лекциями и пользовался большой популярностью среди рабочих и партийных товарищей. По его инициативе была организована в Сокольниках Райпартшкола, где он состоял лектором по полит-экономике. В августе 1918 года он—начальник связи армии, 12 декабря 1918 года был откомандирован на Южный фронт в качестве военкома 16-й дивизии 9-й армии. В феврале 1919 года т. Лозовский назначается командиром экспедиционных войск в районе Донобласти для подавления контрреволюционного восстания в станицах Вешинской и Усть-Хоперской. В конце апреля того же года сдает командование и возвращается в Политотдел армии через станицу Усть-Хоперскую, где попадает в плен сдавшемуся повстанцам Сердобскому полку. Его зверски расстреляли, как изменника-большевика. При занятии красноармейскими частями станицы Усть-Хоперской труп т. Лозовского был найден зарытым в землю, а затем похоронен на высоком берегу Дона в станице Усть-Медведицкой.

М. Андреев.

(«Братская Могила», стр. 102.)

ЛОКТЕВ—был членом Р. К. П. 2-го района Петроградской организации. Пал смертью храбрых на Нарвском участке в декабре 1919 г. («Петроградская Правда» № 283 за 1919 г.)

ЛОМОНОСОВ. ** — См. **Уткин.**

ЛОРБЕРГ-ШМИДТ Людмила Ивановна—дочь пролетария, с ранних лет принуждена была много работать; рано примкнула к революционному движению, изведала и тюрьму, и ссылку, и этап. Перед Октябрьской революцией она работала в редакции «Правды», где ежедневно проводила помногу часов, принимая посетителей, с увлечением беседуя с темной, только что столкнувшейся с большевизмом публикой, помогая ей и советом, и разъяснениями. После Октябрьской революции Л. И. уехала на фронт в качестве сестры милосердия.

3 октября 1918 года погибла молодая, светлая, вечно горевшая любовью к людям и жаждой к борбе коммунистка.

ЛОСЕВ **—убит 12 мая 1918 года в Залучской волости Старорусского уезда во время реквизиции хлеба у деревенских кулаков. Тов. Лосев исполнил свой революционный долг до конца, как член Р. К. П. («Новг. Известия», 1918 г., № 139).

А. Иванов.

ЛОТОВ Николай Николаевич — 9 мая 1921 г. безвременно погиб в г. Краснодаре Николай Николаевич Лотов, старый партийный работник Поволжья. Он начал партийную работу еще в последних классах гимназии в г. Самаре в 1904 г. пропагандистом в кружках социал-демократической партии фракции большинства. С 1906 по 1910 год, состоя студентом юридического факультета Казанского университета, он являлся одним из руководителей казанской организации большевиков, работая в то же время в местной газете, при чем не раз привлекался за свои статьи к ответственности. В 1910 году был арестован, осужден Казанской судебной палатой на 4 года каторжных работ. Все годы каторги он провел в усиленных занятиях по изучению философии марксизма. Эта основательная систематическая подготовка дала возможность ему по выходе на волю, после отбытия каторги, развернуть партийную работу на Ленских приисках, где имя Николая Николаевича, фельдшера больницы прииска Тихона Задонского, хорошо известно I и II дистанциям. С законченным юридическим образованием, он мог по тому времени сделать «блестящую карьеру» в качестве юрисконсульта Ленского золотопромышленного товарищества, но предпочитал скромное положение фельдшера (он прослушал 3 курса медицинского факультета) и близость к рабочему классу всем предложениям Лензолота.

Целый год он проработал в Витимской волости разъездным фельдшером, скитаясь из одной больницы в другую, так как губернатор нигде не утверждал его, как ссыльного, и его пребывание в каждой больнице ограничивалось 2 месяцами. Крестьяне Витимской волости любили и уважали Николая Николаевича Лотова, как хорошего агитатора, умевшего объединять партийную работу с профессиональной. В момент февральского переворота 1917 года Н. Н. Лотов стал вождем рабочего класса I дистанции Ленских приисков и организатором всей работы в целом. Он был председателем Ревкома и Совета Раб. Депутатов. Моральное влияние Николая Николаевича на пролетариат окружающих приисков было так велико, что «желтые рабочие»—корейцы и китайцы, а также и якуты—были организованы и вошли в состав Совета Рабочих Депутатов. Спокойный, уравновешенный, он часами мог беседовать с инородцами, разъясняя им сущность происшедшей революции, забывая о пище, о сне и отдыхе. Инородцы просто шли к бородатому фельдшеру, зная, что на каждый вопрос найдут самый исчерпывающий обстоятельный ответ. В это время намечалась и там, в этом медвежьем углу, линия расхождения большевиков с эс-эрами и меньшевиками, захватившими в свою сферу влияния II дистанцию. Н. Н. Лотов, будучи избран в Центральный Совет II дистанции, повел энергичную борьбу против соглашателей. Это время совпало с приездом тов. Ленина из-за границы и выступлением большевиков, как целого течения. Отрезанные от мира,—ибо почтовое сообщение на Ленских приисках прекращается весной почти на 2 месяца, до открытия навигации,—мы не знали о сущности этих разногласий, о намечавшихся тактических линиях большевиков, но это не помешало Николаю Николаевичу резко выступить в Совете Надеждинского прииска за изменение состава Совета в связи с меньшевистским засильем. Ему удалось сплотить группу рабочих с целью обновления Совета, что и было осуществлено перед отъездом Николая Николаевича Лотова в Россию. По инициативе ссыльных в г. Бодайбо был организован демократический союз, в который вошли эс-эры, меньшевики, беспартийные и даже кадеты. Тов. Лотов вступил в этот союз и сразу вскрыл все внутреннее убожество этой «демократической группировки».

В день памяти Ленских расстрелов, он радикально разошелся с правлением демократического союза, внеся предложение арестовать виновников Ленских расстрелов, находившихся тут же, на свободе. Это предложение было отвергнуто. На Прокопьевском прииске, во время митинга на братской могиле, на костях погибших мучеников, тов. Лотов призвал к аресту приискателя Иванова и др. Это выступление повело за собой исключение тов. Лотова из союза. Николай Николаевич Лотов после этого разбил демократический союз — этот конгломерат всевозможных партий, созвав организационное собрание социал-демократов и положив начало социал-демократической рабочей партии в г. Бодайбо, как самостоятельной организации. Ту же мысль он подал эс-эрам, которые пригласили его на свое первое организационное заседание. Этим он окончательно подорвал демократический союз, который вскоре умер естественной смертью. С падением этой организации и с созданием с.-д. партии борьба с оппортунизмом на приисках пошла успешнее и кончилась полным обновлением Совета и привлечением широких масс к участию в политической жизни приисков.

По возвращении в Россию Николай Николаевич некоторое время работал в Иваново-Вознесенске в союзе текстильщиков, редактируя также местную газету, но недолго. По семейным обстоятельствам ему пришлось поехать на юг. Здесь Николай Николаевич объехал Симферополь, Ялту, Мелитополь, ведя агитацию по предвыборной кампании в Учредительное Собрание по американскому способу, носил за собой скамейку и около кинематографов влезал на нее, открывая митинг под открытым небом. Им был прочитан ряд лекций и блестяще отпарировались удары меньшевиков и эс-эров, пытавшихся выступать против него.

В ноябре 1917 г. он приехал в Самару, где работал до 1919 года, состоял членом губисполкома и заведывал отделом юстиции.

Кристально честный, прямолинейный, он обладал сильной волей. Это был человек, вылитый из одного куска металла. Ему трудно было с его прямолиней-

постью ужиться со всякими уродливостями карьеризма нашего переходного времени. За последние дни своей жизни он сознательно уклонялся от крупных постов, на которые его выдвигали, скромно оставаясь замредом Реввоентрибунала IX армии, работая отчасти в политотделе в качестве лектора. Работая все время по специальности, как юрист, он был крупным теоретиком марксизма, обладал большой эрудицией, хотя высказывался редко, но все его выступления носили серьезный, деловой характер. Скромная, спокойно-созерцательная натура, он отличался аналитическим умом и не только глубоко переживал все критические этапы революции, но и умел проникнуть в будущее, намечая пунктирами линии дальнейшего исторического хода революции. В периоды напряженной работы он умел находить время прочитать все новые издающиеся ценные материалы. Неустанная работа мысли была органическим свойством этого глубокого человека, с которым любили поговорить и которого уважали все окружающие.

В. Адамская.

ЛУБОЦКИЙ ** **Владимир Михайлович**.—См. **Загорский**.

ЛУГИН **—во время восстания белогвардейцев в Ташкенте в ночь с 18 на 19 января 1919 г., посланный для разоружения восставших осиповцев, был схвачен ими и тут же расстрелян. («19 Января», изд. ред. «Костров», стр. 1.)—См. **Фигельский В. Д.**

ЛУКИН ** **Иван** — народный судья 1-го уч. Демянского у. Новг. губ., член Р. К. П. с 7 ноября 1919 г., умер 4 ноября 1920 г. от чрезмерной работы для дела революционного правосудия. (Сб. «Вел. Кр. Новгород», ст. «Контрреволюция и наши жертвы».)

ЛУКИН Михаил.—См. **Подтелков.**

ЛУКИН Михаил Васильевич — 15 сентября 1919 г. в г. Москве при столкновении трамваев был тяжело ранен и впоследствии скончался приехавший с фронта в Москву командир Броневого отряда тов. Лукин Михаил Васильевич. Тов. Лукин был один из тех товарищей-броневиков, которые до Октябрьской революции и после стойко защищали Советскую власть. На Южном фронте т. Лукин показал себя как стойкий боец за торжество коммунизма.

Пищулин.

ЛУНЕВ ** **Михаил Михайлович**—по профессии учитель. С первых дней Февральской революции погрузился в революционную работу. После Октябрьской революции член Оханского Совета и редактор «Известий Оханского Совета». При наступлении колчаковцев поступает добровольцем в Красную армию, поражая всех редкой трудоспособностью. Состоит редактором дивизионной газеты «Красноармейская Правда». В ночь с 2 на 3 февраля 1920 года умер от тифа в г. Канске, Енисейской губернии.

А. Абов.

ЛУНИВОК Дмитрий — красноармеец 2-го Коммунист. итернационального пехотного полка, убит в бою в 1919 г.

ЛУНЦ Михаил Григорьевич—старый партийный работник.

ЛУС Карл Иванович — председатель исполкома коллектива сотрудников Московского Совета и председатель кооператива сотрудников Московского Совета. Умер в мае 1919 г. («Изв. В. Ц. И. К.» № 106 от 18 мая 1919 г.)

ЛУТКОВ Александр — красноармеец 2-го Коммунист. интернационального пехотного полка, убит в бою в 1919 г.

ЛУТЦ ** **Карл Петрович**—убит в бою на Псковском фронте под дер. Луги 14 октября 1919 г. Командир 1-й батареи 3-го легкого артил. дивизиона, он был хорошо известен белогвардейцам, которые не раз старались его уничтожить, для чего оценили его голову в 25000 руб. В том же бою убиты т. т. **Дроздов** и **Грошин**. (Свед. взяты из сборн. «Великий Красн. Новгород» из ст. «Контр-революция и наши жертвы».)

ЛУКЪЯНОВ. **—См. **Уткин.**

ЛУХАНИН * — ранее служил моряком на пароходе «Республиканец» в Балтийском море. Этого веселого, спокойного и всегда находчивого человека я встретил осенью 1919 г., когда наша дивизия находилась на линии Кромы—Дмитровск и отступала далее на север. Тов. Луханин был твердо уверен, что скоро мы погоним банды Деникина обратно; действительно, наступил перелом, и неприятель был остановлен. Тов. Луханин в то время занимал должность военкома полка. Помню бой под Михайловкой: противник перешел в контр-наступление, наши части не выдержали и начали отступать, вдруг перед ними выросла спокойная фигура тов. Луханина с трубкой в зубах; криком «стой! куда? Дай прикурить» он остановил бегущих, закурил и, набрав человек 50 красноармейцев, повел наступление. На других участках дивизии после замешательства тоже оправились и перешли в контр-наступление; противник был опрокинут и смят в реку Свапу. За этот бой тов. Луханин был представлен в ордену «Красного Знамени».

Во время боя это был спокойный, серьезный человек; трусов и шкурников он жестоко наказывал. В минуты же отдыха в лице Луханина красноармейцы видели веселого и заботливого товарища, умеющего успокоить, объяснить и научить. Его полк считался одним из лучших боевых полков и имеет Красное Знамя от Политупр. Юг.-З. Фр.

На линии Коростень—Тетерев, когда дивизия была окружена противником, в 10 раз превосходящим своею численностью, тов. Луханин также выделяется своим спокойствием и уверенностью, что выйдем из кольца. По занятии Малина он был назначен комендантом станции Малин. Благодаря его мужеству и распорядительности, все эшелоны были выведены со станции, и с последним бронепоездом он отбил наступление неприятеля. Во время наступления он участвует в боях у Броваров, на Днепре, при Ирпене, Бородянке, Тетереве, Ирше-Коростене, Олевске и Стыре. В это время он занимал пост помощника военком-брига. На маленькой лошади с ординарцем он посещает полк за полком. В бою, на отдыхе, в дороге, всюду и всегда, виднеется фигура тов. Луханина. За спокойствие, веселость и отеческое отношение все красноармейцы и комсостав при обращении к нему иначе не называли его как «батько Луханин».

21 июня 1920 г. в бою под Черторийском тов. Луханин с группой более смелых красноармейцев перешел р. Стырь и бросился на проволочные заграждения. В этот момент он был тяжело ранен пулею в живот и по дороге в лазарет умер.

Ф. Рогалев.

Тов. Луханин—крестьянин Курской губ., бывший матрос,—весь отдался делу борьбы за благо угнетенных. «Батькой» звали его в 7-й дивизии все. Дали ему это имя его «сынки»,—так звал он их, красноармейцев. Всегда с красноармейцами, в бою—впереди, красноармейцам родной, их любящий, их нужды, печаль и радость с ними разделяющий, чуткий, отзывчивый «батько» Луханин. Это было в июне 1920 года, под нашим напором поляки отступали от Киева. На укрепленных позициях по линии реки Уборть противник задержался, шли упорные бои... Батько Луханин со своими «сынками» впереди, на передовых позициях в бою...

Красноармейцы оборваны, разуты, ноги от переходов изранены.

— «Батько, обмундирования бы нам, обуви»,—говорят сынки.—«Наше обмундирование в отделе снабжения у противника. Вот возьмем Олевск, будет и обувь, и обмундирование»,—отвечает батько. И сынки успокоились... Надо взять Олевск, ибо так сказал батько... И сейчас, как живой, встает перед нами образ батьки Луханина, его милое мужицкое, вечно смеющееся лицо, с неизменной трубкой в зубах. Он погиб на Стыри, похоронен в м. Березно, Ровенского уезда, Волынской губ.

(«Владимирец на боевом посту». Изд. политотд. 7-й Владимирской имени Югосталидивизии. Полтава, 1922 г.)

ЛУЦКИЙ * Алексей Николаевич.—В 1912 г. он во Владивостокском Восточном Институте занимался изучением японского языка. До того он уже переменил несколько профессий: начал с духовной семинарии, был железнодорожником,

техником, служил где-то, по случаю воинской повинности попал в юнкерское училище и, выйдя из него офицером, служил по разным штабным канцеляриям, пока, наконец, не поступил в Институт. Изучение японского языка было прервано войной 1914 года. При начале революции он жил в Харбине, занимая должность начальника военной разведки. В этот период он принимал деятельное участие в общественной жизни; был членом Совета и в свое время разоблачил «дипломатическую игру» Хорвата и его присных. После победы Хорвата он вынужден был бежать из Харбина в Советскую Россию. Позже он был начальником военной разведки вдоль всей сибирской границы, а свободное время посвящал газетной работе; особенно много было им написано в 1918 г. об японской жизни.

После занятия Благовещенска колчаковцами он был там арестован и по требованию Хорвата отправлен в Харбин, где прочно засел в тюрьму до суда. В тюрьме т. Луцкий писал газетные статьи, направленные против Хорвата. После свержения Розановского режима т. Луцкий под охраною китайского караула прибыл в Приморье. Владивосток был ему не по душе. Неизбежное в тамошних условиях сужение революционного размаха ему казалось ненужным и вредным. Он предчувствовал японское выступление и был уверен, что, каково бы ни было поведение коммунистов, от судьбы не уйдешь. Сохранение власти за земством, непередача ее Совету приведет лишь к лишнему бюрократизму, кумовству и проч. и даже дискредитирует в глазах масс самый переворот. Этот коммунистический «максимализм» Луцкого был продуктом не столько недостаточной продуманности происходящего, сколько присущей ему страстности, с которой он относился ко всему, за что брался.

Луцкий в течение двух с лишним лет был членом партии коммунистов, но, бунтарь по темпераменту, он минутами впадал в анархическое настроение, это и не раз проглядывало в его статьях.

Дней за 10 до 4 апреля 1920 г. т. Луцкого стал усердно посещать японский жандармский офицер, который клялся ему в вечной дружбе и в своей симпатии к русским революционерам, рассказывал о своем разочаровании во всем, во что до тех пор верил и как будто бы внушил своему слушателю что-то вроде доверия.

4 апреля, в день ареста, т. Луцкий был дежурным членом Военного Совета. Вместе со служащими Совета он был заключен на гауптвахту. 9 апреля т. т. Луцкий, Лазо и Сибирцев были вывезены японцами из следственной комиссии по направлению Гнилого угла и с тех пор о них нет никаких известий. Японские власти отказались дать о них какие-либо сведения и даже упорно отрицали, что они были арестованы.

В годовщину 4—5 апреля—дня выступления японцев в Приморье—напечатаны показания т. т. М. Губельмана, Геннадия, Ширина и Мельникова, видевших их в тюрьме между 5 и 9 апреля. (Сведения о т. Луцком взяты из сборника «Неравнодушные строчки»).

По словам т. А. Яременко («Пролет. Револ.» № 7, стр. 89), т. т. **Лазо, Луцкий** и **Сибирцев** были замучены и сожжены живыми в паровозной топке белогвардейцами, которым японцы передали их. Подтверждение этого находим и в «Беседах политчаса» — «Борьба с контр-рев. в Сибири и на Дальн. Востоке». (Изд. военредакц. совета Н.-Р. А. и флота Д. В. Р., 1922 г.).

ЛЫСАКОВ Петр.—См. **Подтелков.**

ЛЫСЕНКО ** **Василий** — артиллерист бронированного поезда. 10 января 1919 г. в бою с казаками около ст. Переметная был тяжело ранен и вскоре умер. В лице тов. Лысенко мы потеряли стойкого борца и преданного революционера. Легендарный герой, участник баррикадных боев в Москве и в Петрограде... В первые же дни организации Красной армии он вступил в ряды защитников Советской Республики, участвовал во многих боях на Украине,—везде шел в первых рядах бойцов. С бронепоездом он прибыл на Уральский фронт. В каждом бою личным примером показывал свою бесконечную преданность революции. За участие в бою под Семиглавым Маром был награжден т. Троцким часами.

В этом бою он был единственный уцелевший артиллерист, один остался у орудия, продолжая огонь. Противник перешел в наступление крупными силами,

тов. Лысенко неустанно и метко бил из орудия, внося в ряды противника панику и ужас. Благодаря его геройству и самопожертвованию, баталиону Пензенского полка удалось не только выдержать натиск впятеро сильнейшего противника, но и перейти в наступление и мощным ударом разбить казацкие полчища, отступившие в панике. («Красноармеец», № 1, 1919 г., Москва).

ЛЫТКИН * **Федор** — юноша, студент, с начала Октябрьского переворота порывает с привилегированным классом и увлекается работой на пользу рабочей революции. Он становится не только видным работником в рядах коммунистического пролетариата (в советских организациях г. Томска, на 2-м Всесибирском Съезде Совдепов, а затем и в Центральном Исполкоме Советов Сибири), но и наиболее восторженным ее поэтом-певцом, журналистом, редактором боевых коммунистических и красноармейских газет. (Из сборника «Три года борьбы».)

Тов. Лыткин погиб в тайге вместе с тов. Н. Н. Яковлевым.

К характеристике тов. Лыткина.

Студентом вошел он в революцию. Юный, с длинными до плеч волосами, он горел бесконечной верой в торжество и правоту рабочей революции. Поэт, выражавший в талантливых словах свою веру, свои исповедания, искания своего ума, он был в то же время публицистом и практическим работником. При Советской власти в Томске он был комиссаром печати, членом Совета Рабочих Депутатов, а затем, в Иркутске, сибирским народным комиссаром внутренних дел, выдвинутый на это место Общесибирским Съездом Советов. Его практическая работа отличалась все тем же пламенным горением, которое можно было всегда видеть при взгляде на него, слушая порывистую и страстную речь. Как комиссар внутренних дел, он должен был прежде всего заняться оформлением, организацией Советской власти в Сибири, проведением в жизнь плана внутренней конституции, принятого Сибирским Съездом Советов, и в то же время вести текущую черновую работу административного характера. И в этой работе, которую он не мог не взяться делать, в нем больше был страстный пламенный поэт, больше всего на свете любящий красоту и правду жизни, видящий ее в бесконечных усилиях миллионов рабочих, в революционной борьбе завоевывающих новый мир.

Энтузиаст, мечтатель, поскольку можно считать мечтателем человека, до бесконечности верящего в грядущее счастье всего человечества, подлинный рыцарь рабочей революции, он связал самыми тесными узами свою судьбу с судьбой рабочего класса. Когда Советская власть под напором чешских и белогвардейских банд отступила от Иркутска, он отступал с ней же, своей верой, своей уверенностью в торжество революции подымая революционный дух уставших, начинавших звериваться партизан и красноармейцев. В маленькой газете, которая издавалась на красном фронте, он писал статьи, стихотворения, побуждая не предаваться отчаянию, а стойко и мужественно драться с врагами революции, врагами рабочего класса.

И после поражения, после того, как отдельные отряды партизан разошлись по деревням, селам и тайге, он вместе с Н. Н. Яковлевым и другими товарищами ушел последним и погиб в тайге, убитый палачами.

Это было в сентябре 1918 года.

В своих стихах он совершенно не говорил о себе, он говорил о борьбе, о революции, победе рабочего класса. Но я помню одно его стихотворение, которое может служить и его эпитафией. Оно называется «Мой завет». Вот его строки:

Я иду на последние битвы,
В беззаветный и радостный бой!
Надо мной
Не творите молитвы,
Не грустите, друзья, надо мной.
Я иду на широкое поле
Под удары скрещенных мечей.
Над моей безрассудной долей
Пусть вздыхает лишь ветер степей...
Я иду на беспечные встречи,
На бесстрашные встречи с врагом,
Напролом,
На жестокие сечи
Со спокойным, открытым челом.
Я иду на последние битвы,
В беззаветный и радостный бой!
Надо мной
Не творите молитвы.
Не грустите, друзья, надо мной!..

Таким певцом, рыцарем рабочей революции он был в своей жизни, таким он и отдал свою жизнь. (Из кн. Конст. Молотова «Контр-революция в Сибири и борьба за Сов. власть», стр. 47—49.)—См. **Н. Яковлев.**

ЛЬВОВ Владимир—слушатель Академии Генерального Штаба, член Р. К. П. Вырван из рядов революционных борцов руками бандитов во время следования его на исполнение государственной работы в мае 1921 г. («Изв. В.Ц.И.К.» № 101 от 12 мая 1921 г.)

ЛЬВОВ ** Лазарь Львович—один из ответственных работников VIII армии, член Петроградского Комитета Р. К. П.,—погиб на Южном фронте в феврале 1920 года

Львов—рабочий-текстильщик (ткач), родился в 1885 году. В партию вступил в 1903 году. В 1906 г. арестован и осужден на 2 года и 8 месяцев каторжных работ. Далее был выслан в Сибирь на поселение, откуда бежал в Данию в 1913 г. В Дании работал на фабриках и в партийных организациях до февральской революции. В 1917 г. вернулся в Россию. Поселился в Петрограде, где вел активную партийную работу. Тов. Львов был членом Петроградского Совета (1918 г.), участвовал на VIII съезде Р. К. П. в качестве делегата питерской организации. Далее товарищу Львову пришлось вести военную работу. Он занимал ряд ответственных постов в Красной армии. Так, например, был военным комиссаром Петропавловской крепости, 2-го стр. полка (в Петрограде), 70 стр. бригады и, наконец, в 1919 году, в период наивысшего расцвета деникинщины, попал в число мобилизованных Петроградским Комитетом коммунистов для Южного фронта. В это время Лазарь Львович Львов был членом Петроградского комитета Р. К. П.

Политотделом Южного фронта тов. Львов был направлен в 8-ю армию, где был назначен комиссаром 40-й стр. Богучарской дивизии.

В 8-й армии тов. Львова ждала очень трудная и сложная работа. 8-я армия тогда только что вышла из вражеского окружения, во время которого потерпела ряд серьезных поражений. Нужно было в напряженной боевой обстановке привести части армии в порядок, удерживать натиск деникинцев на многоверстном пространстве (примерно, от Калача Донской обл. до Задонска, Воронежской губ.) и подготовлять наши части к наступлению. Задача была тем более сложной, что в тот период в армиях Южного фронта еще сохранились элементы партизанщины, со всеми разновидностями этого явления, и пальма первенства в деле партизанщины 8-й армии, бесспорно, принадлежала 40-й дивизии, укомплектованной преимущественно из крестьян-добровольцев Богучарского уезда, Вэронежской губернии, почему, между прочим, впоследствии за 40-й дивизией было узаконено название «Богучарской». И нужно признать, что тов. Львов вполне справился с возложенной на него задачей, несмотря на то, что по укладу своего характера Лазарь Львович был человеком мягким и несколько инертным, т.-е. обладал качествами, которые не совсем свойственны военному комиссару Красной армии вообще и тем более периода 1919 года. Но у тов. Львова были и немалые положительные качества, это—связь с массами, любовь и доверие к ним, понимание их. В какой бы обстановке Лазарю Львовичу не приходилось бывать в полку, он всегда находил время для беседы с красноармейцами, для устройства совещания комиссаров и коммунистов части. Порою эти совещания являлись явно неуместными и несвоевременными, но редко когда тов. Львов мог отрешиться от соблазна поговорить с работниками-массовиками и самой массой—с красноармейцами. И благодаря этому тов. Львов пользовался несомненным авторитетом в глазах политических работников и красноармейцев дивизии. Кроме упомянутого, у тов. Львова было еще одно качество—беззаветная преданность делу рабочего класса. Лазарь Львович всегда избегал сидений в штабе дивизии и всегда старался быть в полках. А когда он заболел сыпным тифом, то категорически отказался от эвакуации в тыл. Он остался в крестьянской халупе пограничного с Донской областью селения Кантемировка, где и перенес эту тяжелую болезнь без надлежащего медицинского ухода.

А в то время наша 8-я армия, как и все армии Южного фронта, стремительно двигалась вперед. Едва оправившись от болезни, тов. Львов догнал 40-ю дивизию в центре Южной Вандеи — в Ростове-на-Дону. Будучи еще физически чрезвычайно слабым, он все же отказался от своего права на отдых и вновь приступил к работе...

Утром 20 февраля 1920 г. белогвардейцы, сосредоточив свои лучшие силы (корниловские, марковские, дроздовские и специальные юнкерские и офицерские полки и батальоны), прорвали наш фронт у станицы Гниловской и ворвались в предместье Ростова—Темерник. Но наши части не легко отдали с таким большим трудом завоеванный Ростов: упорные кровопролитные бои на улицах этого и соседнего с ним города Нахичевани длились около двух суток. Днем 21 февраля начальник 40-й Богучарской дивизии со своими двумя комиссарами (тов. Львовым и автором настоящих строк) объезжал передовые позиции. Начальник дивизии непосредственно руководил боевыми действиями, а мы—комиссары—помогали ему в этом деле и ободряли уставших, замерзших (тогда в Ростове были сильнейшие морозы), голодных и потерявших веру в исход сражения командиров и красноармейцев. Неприятель обстреливал нас жестоким огнем артиллерии. Один из снарядов разорвался шагах в десяти от нас; когда мы оглянулись назад, то увидели свалившегося с лошади на землю тов. Львова. На наши крики он ничего не ответил, лицо его посинело и исказилось в предсмертной агонии... вскоре послышался крик, и Лазарь Львович испустил дух. Все это произошло на одной из главных улиц Нахичевани. Вскоре над местом, где лежал еще неостывший труп тов. Львова, засвистало бесчисленное множество пуль, началось беспорядочное отступление передовых цепей наших бойцов. С трудом удалось положить тело Львова на тачанку с пулеметом. А вокруг еще более усилился свист пуль, треск пулеметов, оружейные залпы, крики отступающих бойцов. Тачанку, на которую было погружено тело тов. Львова, нужно использовать по прямому назначению — в такой момент, какой был тогда, нужда в действующем пулемете огромна. Поэтому мы внесли тело Львова в дом, где стоял полевой штаб дивизии, на одной из окраинных улиц Нахичевани, и сдали на попечение любезного хозяина...

Успех белогвардейцев был временным. 23 февраля Ростов и Нахичевань были вновь заняты нашими войсками. Но за свое столь кратковременное господство озверевшие белогвардейцы успели надругаться на трупом тов. Львова. Безжизненное тело его было вытащено на улицу. Здесь обезумевшие пьяные золотопогонники сняли одежду с трупа Львова и зло надругались над ним, заставляя казаков ходить по телу Львова ногами, топтать лошадьми, бить плетьми, выкрикивая при этом страшные ругательства по адресу комиссаров и вообще большевиков... 27 или 28 февраля тов. Львов был погребен с должными почестями на Ростовском кладбище. В погребальной процессии, кроме воинских частей, приняли участие и рабочие освобожденного — на этот раз навсегда— Ростова.

Памяти тов. Львова был посвящен ряд статей в «Советском Доне» и в газетах 8-й армии. Но и помимо этих статей память о нем долго жила в сердцах многих политработников и комиссаров, командиров и красноармейцев славной Восьмой армии.

И. Врачев.

ЛЮБАРСКАЯ Дора.—См. **Барк Поля.**

ЛЮБИЧ Максим.—См. **Бронштейн.**

ЛЮБУХИН Порфирий.—См. **Подтелков.**

ЛЮТВЕЕВ ** Николай Федорович—родился в 1900 году; двух лет от роду лишился родителей и жил с дедушкой. В 1915 году дедушка умер, и он остался круглым сиротой; поступает на завод Кольчугина, гдера ботает до остановки завода в ноябре 1917 года. С 17 ноября 1917 г. до 18 октября 1919 года живет у тетки; при организации коммуны вступает действительным членом, выполняет всякую работу. В марте 1919 года вступает в ячейку Р. К. П. коммуны и по истечении 3-месячного стажа переводится в действительные члены. В сентябре того же года

принят в Красную армию по общей мобилизации и направлен в Кострому. Из Костромы с маршевой ротой отправлен на фронт, где и погиб. («Братская Могила», стр. 103.)

ЛЯГОВЕЦ.—См. **Ремтер.**

ЛЯПУСТИН. ** —См. **Некрасов.**

ЛЯХ. **—См. **Уткин.**

ЛЯЯТС ** **Арнольд (И. Вильман).**—См. **Линдер Леопольд.**

М.

МАЗИН.—См. **Лихтенштадт.**

МАЗУР. ** — В Тобольской тюрьме, во время владычества там белых, был одним из руководителей восстания заключенных 18 окт. 1920 г., не успел бежать и был расстрелян при усмирении восстания. (Сведения взяты из ст. Вл. Карма—ева «Восстание в Тобольской каторжной тюрьме», помещенной в «Октябрьском Сборнике».)

МАЙЗЕЛЬ Л. (Ирмин) — бывший видный активный меньшевик, вступил в ряды Р.К.П. в 1919 году. Командированный Ц.К. партии на Украйну, он работал там в комиссариате по иностранным делам. К моменту оставления нашими войсками Одессы, т. Майзель находился в Одессе; он не успел уйти оттуда и остался в подполье. Его скрыл сербский консул, но вскоре он был выдан. Он встретил пришедших за ним из контр-разведки выстрелами из револьвера и, расстреляв все патроны, бритвой перерезал себе горло, — белым достался его труп. Погиб в апреле 1920 г. («Изв. В.Ц.И.К.» № 76 от 7 апреля 1920 г.)

МАЙЗИТ ** **Петр** — член Р.К.П. с марта 1917 года. Латыш из Лифляндии. Во время Одесского переворота в январе 1918 года с винтовкой в руках находился в первых рядах и затем, в виду близости фронта, с ней больше не расставался. При занятии Одессы германцами 12 марта 1918 года он эвакуировался вместе с Одесской организацией Р.К.П. в Крым, оттуда в Мариуполь. Однажды при наступлении германцев, находясь ночью с несколькими товарищами на пустой даче, он был ранен по ошибке своим же товарищем пулей в легкие на вылет. Раненым перевезен на лодке через море в Ейск, куда эвакуировался небольшой отряд латышей, одесских коммунаров. Пссле излечения он продолжал борьбу против ненавистного буржуазного строя. Когда Кубань была уже занята белогвардейцами-золотопогонниками, Майзит перебирается нелегально в Одессу. Там ему едва удается спастись из латышского общества от жандармов, которым его предал председатель общества Лепинь.

Из Одессы он переезжает на родину и работает подпольно во время германской оккупации. Когда в Латвии установился Советский строй, Майзит работал, если не ошибаюсь, в Ремерсгофском Исполкоме. При падении Красной Латвии у Май ита винтовка в руках, и он в рядах отступавших товарищей. После окончания боев против латвийских белогвардейцев Майзит, не выпуская винтовки, продолжает наше общее дело в рядах латышских стрелков, на разных неисчислимых фронтах гражданской войны. После победы над Врангелем и демобилизации латышских дивизий, Майзит поступает во Внешторг на должность бухгалтера, но здоровье его, в виду полученного ранения в Мариуполе и неправильного лечения на фронтах, уже надломлено. Внешторг командирует его для работы при Ревельском представительстве, где он ложится скоро в больницу; вскоре после операции перестает биться горячее сердце латышского коммунара, не знавшего отдыха. Умер в 1921 году.

Ф. Земит.

МАЙОРОВ ** — старый партийный работник, политический комиссар 4-й армии, член В.Ц.И.К., погиб на Уральском фронте в январе 1919 г.— См. **Линдов.**

МАКАРОВ ** —командир роты 123-го стр. полка 14-й стрелковой «имени Степина» дивизии. В сентябре 1919 г. 123-й стр. полк, выполняя операционное задание, занимал хутор Краснополье, имея связь с частями 23-й дивизии. В виду занятия

противником хутора Ревущий и угрозы нашему полку, полк отошел на хутор Калинин, где соединилсяс 207-м полком 23-й дивизии. От командира полка было получено сообщение, что находившийся на левом фланге полк также смят, и что, таким образом, наши оба полка окружены. После совещания решено было пробиться в станицу Слащевскую, где и переправиться на левый берег реки Хопра. Начался отход на хутор Ревущий, занятый противником. 207-й полк повел наступление на него, имея в резерве 123-й стр. полк. После жаркого боя занимается хутор, но к противнику прибывают пополнения. Сил у нас мало, части слабеют, разведка сообщает, что на помощь нам идет кавалерия. Весь вопрос — продержимся ли мы и хватит ли патронов. Противник, заметив ослабление наших сил, напрягает все усилия. Наша батарея не стреляет, нет снарядов. Батарея же противника безнаказанно поставлена на высоты и развивает ураганный огонь. Выбывают ежеминутно лучшие бойцы, настроение понижается, наши падают духом. Передние уже бегут. Положение безвыходное, сейчас начнется паника. И вдруг на взмыленной лошаденке, в русской рубахе, грязный, без шапки, тов. Макаров, командир роты, с револьвером в руках обгоняет бегущих. Охрипшим голосом он останавливает пулеметы, указывает на подходящие к нам на выручку части, бросается вперед, увлекает за собой свою роту, что дает возможность остановить бегущих, после чего мы переходим в контр-атаку, несмотря на губительный огонь противника. Ничто не удерживает рвущихся вперед храбрецов, не могут остановить их и снаряды. Тов. Макаров погиб смертью храбрых, погиб на глазах двух полков от разорвавшегося снаряда.

(«Краткий очерк истории 14-й стр. имени Степина дивизии», Подив 14. 1921 г.)

МАКАРОВ ** Иван Михайлович — слесарь, работавший на заводе «Новый Лесснер» в Петрограде, погиб во время кулацкого восстания в Ялуторовском у. весной 1921 г., погиб ужасной, трагической смертью. Тов. Макаров при жизни ничем решительно не отличался от тысячей таких же рабочих, как он. В партии до революции вел работу небольшую, так как не отличался ни теоретической подготовкой, ни ораторскими способностями, но требующую большой затраты энергии на агитацию в своем кругу и в той области, где нужна не теория, а практика. За время революции тов. Макаров сменил молот на винтовку и пробыл на Восточном фронте все время вплоть до ликвидации колчаковщины. Мирная эпоха в Сибири застает его на посту члена уездного Ялуторовского Исполкома и заведующего уездным кустпромом. В разоренном Колчаком краю тов. Макаров энергично насаждал необходимую крестьянам кустарную промышленность, главным образом, мастерские по ремонту с.-х. машин.

Суровый, довольствовавшийся малым и после демобилизации живший фронтовою, лишенной какого бы то ни было комфорта, жизнью, тов. Макаров и к другим относился без поблажки, становясь неумолимым там, где дело шло о выполнении революционного долга, бережения народной копеечки. Иван Михайлович не искал дешевой популярности, не был силен по части дипломатии, с кулачеством дружбы не водил и исповедывал свою коммунистическую веру стойко, но просто, как верующие христиане первых веков. Будучи безукоризненно честным работником, завоевывая симпатии искренних друзей Сов. власти, тов. Макаров вызвал против себя в то же время ненависть деревенского кулачья. Весной 1921 г. в Ялуторовском уезде вспыхнуло кулацкое восстание. В марте тов. Макаров вместе с небольшой группой коммунистов в селе Инголинском попадает в плен к повстанцам. Погибли почти все пленники; случайно спаслись двое или трое, но тов. Макаров, как более известный коммунист в уезде, подвергся особенно зверским истязаниям. При сорокаградусном морозе пленники целую неделю жили без питья и пищи в нетопленом амбаре. И, несмотря на это, все они, за исключением некоторых, сохранили присутствие духа. Зверская расправа началась с Ивана Михайловича. Ему рубили один за другим пальцы на руках, кололи вилами... Один из пленников не выдержал и, валяясь в ногах у палачей, молил о пощаде, ссылаясь на жену, детишек, на то, что он не виноват и т. д. Дрогнули и остальные, но загремел голос истекающего кровью тов. Макарова:—«Сгыдно, товарищи; кого умоляете?

Палачей, мерзавцев! Что же вы за коммунисты, если даже и умереть не умеете. Мы погибнем, а наша идея останется жить». Разъяренные палачи усилили мучения. Великий мученик был ослеплен. Но до самой смерти тов. Макаров мужественно увещевал слабых и умер, как легендарный герой, на своем боевом посту, не поступившись ни одной нотой своей коммунистической совести. Вместе с тов. Макаровым погибли и другие. (Из ст. Н. Копылова «Герои и толпа», помещенной в № 173 «Правды» за 1922 г. от 4/VIII.)

МАКАРОВ ** **Константин** — член Р. К. П. Воскресенской организации, уроженец с. Ягунина той же волости, был членом Районного Совета при Саввинском монастыре, погиб во время контр-революционного выступления в Звенигородском у. Московск. губ. в 1918 году. (Сведения взяты из сб. «Братская могила».)

МАКАРОВСКИЙ ** **Михаил Аронович** — родился в г. Азове (Донской области) в мещанской семье, окончил там же гимназию, а затем университет (по математическому факультету) в Петрограде. Вернувшись на родину незадолго до революции 1917 года, 26—27 лет от роду, он тотчас же принял самое активное участие в революционном движении. Был инициатором создания в Азове Совета Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов, где был избран первым председателем, а также председателем соц.-демократической (объединенной) организации. В своей деятельности он вступил в резкие столкновения с обывательскими и кадетскими элементами, сгруппировавшимися в Азове вокруг так называемого Общественного Комитета. При выборах в Городскую Думу т. Макаровский проявил особенную активность и способствовал провалу всех правых партий, которые пытались пробраться в Думу. Сам он был избран членом Управы. По убеждениям т. Макаровский вначале примыкал к меньшевикам, хотя особенного оборонческого усердия не проявлял и никакой злобы к большевикам не обнаруживал.

Когда на Дону наступили черные дни и воцарились белогвардейские генералы Каледин и Краснов, т. Макаровский совершенно отошел от политической работы. Его имя не фигурировало в тех кампаниях, которые меньшевики вели против Советской власти. Весь запас своей общественной энергии он обратил на культурную работу. Можно сказать, что исключительно его энергии обязан Азов постройкой Народного Дома, постановкой на должную высоту общественной библиотеки, устройством библиотечных курсов, школы для взрослых и т. д., и т. д.

В это время крестьянство Ростовского Округа, не примирившееся с белогвардейской властью, отказывалось возвращать землю помещикам и итти на военную службу. По распоряжению генерала Краснова в округ был послан карательный отряд под командой войскового старшины Икаева, жестоко расправлявшегося с бунтовщиками. Так, в селе Екатериновке было повешено 6 крестьян, в селе Кагальник—4. Дошла очередь и до Азова. В сентябре 1918 года туда вступил Икаев со своим отрядом в сотню головорезов, состоявших из кавказцев (ингушей, чеченцев, текинцев и т. д.). В первый же день был повешен красногвардеец, затем еще один крестьянин, заподозренный в сочувствии большевикам, а на следующий день отец этого крестьянина, виновный только в том, что просил у Икаева выдать труп своего сына. В тот же день озверелые палачи схватили и Макаровского и повели его на базарную площадь (перед Городской Думой), где и повесили на телеграфном столбе. Во время казни сгоняли народ посмотреть на это зрелище. В первый раз веревка оборвалась, пришлось приготовить вторую петлю и только после этого было покончено с талантливым, энергичным, преданным рабочему делу товарищем.

Г. Крамаров.

МАКОВ. ** —См. **Мальшевы Георгий и Яков.**

МАКСИМОВ Александр—кандидат Р. К. П., секретарь ротного коллектива, слушатель Петроградского Университета имени Зиновьева, убит в 1919 г. на Лужском участке под Петроградом. («Боевая Правда» № 11 от 19 сентября за 1919 г.)

МАКСИМОВСКИЙ—был командирован в ряды Красной армии по постановлению Московского Совета Раб. и Кр. Деп. Он побывал на Восточном фронте, а потом, когда Колчак перестал быть главной угрозой Советской России, перешел на Петроградский. В руки белых тов. Максимовский попал благодаря предательству командного состава той части, в которой он работал. Белая свора наемников буржуазии повесила тов. Максимовского в июне 1919 г. («Боевая Правда» № 9 от 17 сентября 1919 г.).

МАКШЕЕВ ** **Александр**—19 лет, происходил из крестьян Новгородской губ., Боровичского уезда. Вступив в ряды Р. К. П. (б.) в 1920 г., занимал должность начальника милиции 3 участка Старорусского уезда, был душой предан партии, исполняя поручения и задания Комитета. Как подобает истинному коммунисту, презирая опасность, первый бросался всюду, где только поднимала голову контр-революция, и участвовал в изловлении бандитов. Погиб в последних числах апреля 1921 г. в д. Сороконино, Коломенской волости, Новгородской губернии от руки бандита. *Луневой.*

МАЛЕНКОВ Емельян—рабочий сталелитейного завода Варце и Мак-Гиль в Москве. Он рано вошел в революционное движение—еще будучи учеником городской школы, он уже выступает агитатором на рабочем собрании. С самого начала он примкнул к большевизму и не изменил ему до конца своей жизни. В 1912 году тов. Маленков впервые подвергается аресту по подозрению в принадлежности к с.-д. (б.). В 1914 году он вторично арестован за агитацию против войны и присужден к 4 годам каторги. Только революция 1919 года освобождает его из Бутырок. С тех пор он неутомимо работает для торжества диктатуры пролетариата. Талантливый оратор, он своею всегда глубоко искренней, пламенной речью умел заставить биться сердца пролетариев. Наступают октябрьские дни. Емельян на баррикадах в первых рядах. С октября 1917 года до конца своей жизни он не выпускал винтовки из рук. Он первый организатор Красной гвардии Сокольнического района. В период наступления немцев он бросается на фронт во главе с организованным им же отрядом. По возвращении работает в Сокольническом Совете. Центром его внимания все время—Красная армия. Сокольнический военный комиссариат был его любимым детищем. Работа в тылу его не удовлетворяет. Он стремился туда, где кипела самая гуща борьбы—на фронт. Летом 1918 г. он берет отпуск на месяц и едет отдыхать — украдкой от всех—на уральский фронт.

Там он чуть не погиб во время боя. Далее вновь неутомимая организационная работа в качестве председателя Совета и в военном комиссариате. Скоро он опять просится на фронт. После долгих уговоров его отпустили. В начале октября 1918 года, в бою с чехо-словаками под деревней Макарьевской, Вятской губ., руководя боем и борясь в первых рядах, погиб командир 1-го батальона при 2-м сводном полку II армии тов. Емельян Маленков.

МАЛИНЕЦКИЙ ** **Николай Иванович**—25 лет, солдат 2-го Сибирского стрелкового полка, работал в интендантстве, убит в Москве в октябрьские дни 1917 года. (Сведения взяты из сб. «Братская могила».)

МАЛКОФ ** — Народный Комиссар Туркреспублики, погиб в Ташкенте во время Осиповского восстания 19 января 1919 г. («19 января», изд. ред. «Костров»).—См. **Фигельский В. Д.**

МАЛЫГИН * —погиб в числе 26 бакинских комиссаров. В 1918 году тов. Малыгин часто бывал командируем тов. Шаумяном вглубь России для организации отрядов, и работу эту выполнял с большим успехом. Состоя членом военного ревкома, тов. Малыгин, во время отступления Красной армии на правом фланге со стороны гор. Шемахи, вместе с Алешей Джапаридзе и другими находился в наших рядах.

Вспоминаю, как в тяжелый голодный момент тов. Малыгин и Алеша (Джапаридзе) прибыли с грузовиками с хлебом, с сахаром и т. п. Это было на Джанах между гор. Баку и сел. Маразы. На Джанах для охраны был

оставлен кавказский отряд, после чего началась доставка из гор. Баку воды в бочках, ибо отступающие беженцы и красноармейцы мучались от жажды. Шесть-семь дней под ряд тов. Малыгин вместе с Алешей не спали и не отдыхали. Не покладая рук работали, пытаясь придать устойчивость фронту.

Т. Оганов.

(«Бакинский Рабочий» № 211 от 20/IX 1922 г.)—См. **Шаумян.**

МАЛЫХ ** **Александр Васильевич**—заведующий секретно-оперативным отд. ОРТЧК'а Забайкальской жел. дор., убит 25 июля 1920 г. на ст. Верхнеудинск. Перед лицом смерти в нем сказался несокрушимый дух пролетария, не умеющего отступать перед своими врагами: один против четырех, он не устрашился неминуемой смерти и выстрелом ранил одного из нападавших, после чего погиб и сам. («Боец»—фронт. газета Забайкальск. Нар. Арм., № 63 от 29 июля 1920 г.)

Александр Васильевич Малых вышел из крестьян Забайкальской. обл., Куйтунской волости. Начал он свою службу на жел. дор. в 1901 г. в качестве простого рабочего. Однако, обладая упорным стремлением усовершенствоваться, тов. Малых через 5 лет стал работником высокой квалификации. В 1906 г. он был определен паровозным помощником машиниста. А затем, несмотря на всю трудность для рабочего добиться звания машиниста, был назначен машинистом. В 1918 г. тов. Малых, как партийный работник, принимал активное участие в деле строения нашей пролетарской Республики. А во время чешского переворота оказал незаменимую услугу Красной армии как машинист, бессменно водя поезда с Байкальского фронта до Читы. После переворота тов. Малых преследовался белогвардейцами, но в свое время был предупрежден и скрывался от рук насильников в тайге. С падением контрреволюции Александр Васильевич, как партизан, прибыл с отрядом тов. Бурлова в Верхнеудинск, где всецело отдался организационной работе. Вначале он нес службу председателя участкового комитета Проф. союза железнодорожников, а с 15 июня заведывал секретно-опер. отделом ОРТЧК. («Боец» № 64, 30 июля 1920 г.)

МАЛЫХ ** **Петр Павлович** — 23 сентября 1918 г. зверски изрублен Черняевскими казаками. Он был задержан на Тыгдинском тракте, когда пробирался в тайгу, скрываясь от белогвардейцев. С тов. Малых я познакомился в 1915 году, когда мы были мобилизованы и в дальнейшем служили в одном батальоне. Тов. Малых проявил себя поборником угнетенных: он смело выступил в защиту товарища-солдата, которого ударил взводный командир, за что и был подвергнут дисциплинарному взысканию. Впоследствии тов. Малых был избран секретарем ротного комитета на фронте; он принимал горячее участие против выступления Корнилова. Был два раза ранен на фронте. В 1918 году приехал в Зею, был избран в Исполнительный Комитет Зейского Совета, в котором нес обязанности секретаря, а впоследствии казначея. Работал, не покладая рук, в течение 8 месяцев в Исполкоме на благо трудового народа. В силу сложившихся обстоятельств Зейский Исполнительный Комитет под угрозой японцев должен был прервать свою работу. Тов. Малых представил полный отчет денежных сумм и ценностей и также имущества Исполкома,—протокол этот случайно сохранился.

Товарищ Малых по убеждению—большевик. (Из ст. Г. П. Боровинского, помещенной в сб. «Красная Голгофа», стр. 114.)

МАЛЫШЕВ. ** —См. **Уткин.**

МАЛЫШЕВ Александр—пал в боях с белыми под Псковом в конце сентября 1919 г. («Боевая Правда» № 35 от 17 октября 1919 г.)

МАЛЫШЕВ ** **Иван Ильич**—34 лет, рабочий, уроженец Богородского у., Игнатьевской вол., д. Игнатьево (Моск. губ.), 15 июня 1919 г. мобилизован на фронт, умер от чахотки. (Сведения взяты из сб. «Братская могила».)

МАЛЫШЕВ Иван Михайлович — расстрелян белогвардейцами на Екатеринбургском фронте в средине июня 1918 года. Тов. Малышев был членом Обл.

Комитета партии большевиков и областным комиссаром труда. В начале чехословацкого наступления И . М. был начальником этого фронта. В лице тов. Малышева рабочий класс России потерял одного из лучших сынов своих. Ему было 28 лет. И. М. Малышев начал жить сознательной жизнью уже после революции 1905 года и юношей примкнул к партии в минуту мрачной реакции, когда работа в партии была сопряжена с большими трудностями и опасностями.

Сын железно-дорожного рабочего, тов. Малышев кончил городское училище и был сначала народным учителем, потом служил в конторе на одном из крупнейших и лучших заводов Урала, на Надеждинском, потом служил секретарем больничной кассы Верх-Исетского завода и членом правления Верх-Исетского общества потребителей. Все время он принимал самое активное участие в подпольной работе партии, не исключая и первых месяцев войны, когда революционное движение даже в Петрограде несколько замерло, а на Урале работали одиночки. За это он несколько раз подвергался арестам и высылкам.

В сентябре 1916 г. в Екатеринбурге состоялось маленькое совещание съехавшихся из всех центров уральского движения (Екатеринбурга, Перми и Челябинска) старых большевиков, желавших .столковаться между собой для единообразной борьбы против войны во имя Интернационала. Это совещание, не имевшее еще в своем распоряжении резолюции Циммервальда, в своих постановлениях, легших в основу дальнейшей работы на Урале, почти совершенно совпало с резолюциями циммервальдской левой. На этом совещании нас было всего шесть человек, и тов. Малышев, единственный из шести, оставшийся до последних дней на Урале, был одним из инициаторов и главным участником этого совещания. Мобилизованный в конце 1915 г., он прослужил восемь месяцев в запасных полках, продолжая и там революционную работу. Освобожденный по болезни от военной службы, он вернулся в Екатеринбург, на Верх-Исетский завод, восстановил распавшуюся Екатеринбургскую партийную организацию и начал работу по созыву еще нелегальной областной партийной конференции. В январе 1917 г. он и его ближайшие друзья по работе были выданы провокатором, и только Февральская революция избавила его от угрожавшего суда и неизбежной каторги.

Во время революции особенно развернулся Иван Михайлович: известный всем екатеринбургским рабочим, любимый и признанный вождь, он председательствовал на всех огромных митингах первых дней революции и был избран во все революционные организации. В течение около полутора года революции, и в то время, когда большевики были гонимым меньшинством и когда Октябрьская революция поставила нас у власти, он, всегда ровный, спокойный, без истерики, без паники, был всегда на самых передовых и опасных постах. При этом он был совершенно чужд личного честолюбия. При распределении между товарищами работы, он никогда не гнался за показной, создающей большую известность и популярность, работой. Многогранный работник, он отдавал свои силы и профессиональной работе, и страховой, и чисто партийной, и советско-организационной. Когда же в конце февраля и в начале марта 1918 г. начались трудные дни русской революции, когда со всех сторон началось наступление внешних и внутренних вооруженных врагов, Иван Михайлович был в числе первых, взявшихся за оружие и поехавших на фронт. Весь март и апрель он провел на дутовском фронте (под Троицком и Верхне-Уральском) и вернулся оттуда лишь тогда, когда в этом участке движение контр-революционеров было ликвидировано, а через месяц снова очутился на передовом наиболее опасном посту. Если бы пули контр-революционеров не пресекли безвременно его жизнь, если бы ему удалось дожить до торжества международной революции и принять участие в мирном организационном социалистическом строительстве пролетариата, он развернулся бы в крупного работника общероссийского масштаба. («Петроградская Правда» № 131 от 22 июня 1918 г.)

Н. Крестовский.

МАЛЫШЕВ * И. П. (Сергей) — железнодорожник, член Р. К. П. (б.), расстрелян в тюрьме г. Троицка 18/VI 1918 г. Со дня революции принимал самое энергичное участие в деле нового строительства на Троицкой жел. дор. Был избран членом Уездного Совета и назначен на должность Комиссара Народного Хозяйства. С первых же шагов своей деятельности весь погрузился в дела городского хозяйства, расстроенного Городской Управой. Благоустройство города стояло на первом плане. Был издан по городу приказ о насаждении деревьев пред каждым домом. Город принял живой вид, всюду зазеленели деревца и даже злорадствующая буржуазия одобрила нововведение. Но вот пришли чехи и ненавидевшие большевиков троичане не пощадили даже деревьев, насаженных ими, и большинство их вырвали с корнем. Оставшиеся деревья, главным образом, на окраинах города, где живет пролетариат, теперь служат лучшим памятником тов. Малышеву. Вторым и самым большим делом тов. Малышева было орошение и приведение в безупречность болотной местности близь города, на которой теперь расположена слобода, населенная бедняками. Лучшего памятника построить нельзя. («Набат» № 28 от 18/VI 1922 г.)—См. **Аппельбаум.**

МАЛЫШЕВЫ * Георгий и Яков — два брата; один—матрос, другой—железнодорожный рабочий. 13 июня 1918 г. чехо-словаки подступили к гор. Троицку. Находившиеся в г. Троицке демобилизованные солдаты, разобрав оружие и амуницию, вместе с коммунистическим отрядом ринулись в контр-атаку. После короткого боя чехо-словаки не выдержали натиска и начали отступать. После отступления их было найдено в окопах на поле брани около 40 трупов красноармейцев и крестьян деревни Лебедевки, выступивших на защиту города, при чем большинство, судя по характеру ран, было добито. В этом бою пали смертью храбрых следующие товарищи: **Георгий** и **Яков Малышевы, Антон Миллер, Як. Минкевич, Маков** и около 30 красногвардейцев, фамилии которых неизвестны. (Сведения взяты из ст. Моравского «Восстание чехо-словаков в Сибири», «Прол. Рев.» № 8, стр. 226.)—См. **Аппельбаум.**

МАЛЫЩЕНКО—командир батальона, убит в борьбе с белыми на Псковском фронте в конце сентября 1919 года.

МАЛЬКЕВИЧ—будучи ранен в ногу во время упорных боев с белыми и не желая попасть в плен, выстрелил в себя из револьвера (в конце января 1919 года).

МАЛЬКОВ—командир полка, пал смертью героя в боях под Петроградом в 1919 г. («Б. Правда» № 52 от 4 ноября 1919 г.)

МАЛЬКОВ * Михаил—член Р. К. П. Бауманского района, умер 17 мая 1920 года. («Правда», № 106 от 18 мая 1920 года.)

Тов. Мальков перед февральской революцией был в ссылке в селе Жигалово, Верхоленского уезда, Иркутской губернии; оттуда он вернулся вскоре после февральской революции и поступил на работу на завод Гужон. Энергичный, подвижной, он быстро приобрел на заводе популярность (нужно указать, что рабочие завода Гужона представляли трудно поддающуюся агитационной работе массу). В Рогожско-Симоновском районе т. Мальков тоже быстро занял по праву принадлежавшее ему место; его выдвигали на самые ответственные посты, и он был беспрерывно членом Райкома и Исполкома Райсовета всех созывов в 1917—1918 г.г. Т. Мальков был самым неутомимым агитатором, способным ярко и красочно говорить долгими часами, не утомляя слушателей. Райком широко использовал исключительные способности т. Малькова, и он на всех рабочих митингах по предприятиям был желанным гостем. Особенно широко развернулись богатые организаторские способности т. Малькова перед октябрьскими днями. Он был членом управы VII Районной Думы, а затем членом Исполкома Райсовета, председателем продколлегии Райкома и работал в Моск. Продовольств. Комитете. В октябрьские дни он—член Военно-Революционного Комитета—участвует непосредственно в боях под Кремлем, очень спокойный и уверенный в победе. После Октября он, как член Исполкома, заведывает Продовольств. отделом Райсовета до июня 1918 г., а затем переходит на работу в Моск. Продовольств. Комитет как член Комитета. В сентябре 1918 г. он назначается помощником комис-

сара 1-й Моск. рабочей дивизии, и этим начинается его карьера на военном поприще в Красной армии, где он занимал должность комиссара 15-й Инзенской дивизии и др. В Москву вернулся в 1919 г., кажется, для пополнения военного образования. Страховая касса № 15 Рогожского района называется именем Малькова. *Ф. И. Мельников.*

МАНКЕВИЧ ** Гавриил Л.—секретарь Революционного Комитета в городе Ачинске расстрелян белогвардейцами в числе девяти вблизи станции Черная Речка Томск. ж. д. 26 июня 1918 года.—См. **Слободчиков В. Н.**

МАРКЕВИЧ — покончил самоубийством в бою под деревней Кипень. («Петроградская Правда», 1919 г., № 283.)

МАРКЕЛОВ Павел Иванович—член Р. К. П., член Московского Совета, скончался 25 января 1921 г. от тифа, которым он заразился при исполнении своих служебных обязанностей в Сокольнической больнице гор. Москвы. («Правда» № 14 от 29 января 1921 г.)

МАРКИН ** Николай Григорьевич—родился в 1892 году в очень бедной семье; родители его в молодости работали ткачами на одной из ткацких фабрик в Пензенской губ., а впоследствии переехали во Владикавказ. В тяжелых условиях протекало детство Николая; едва научившись читать и писать, он принужден был итти в люди, дабы не сидеть на шее родителей, у которых каждый кусок хлеба был дорог. Поступив против своего желания в один из писчебумажных магазинов мальчиком, Николай очень тяготился своей должностью. В это тяжелое для него время мне пришлось оставить его и уехать в Баку на заработки. Перед отъездом я оставил ему небольшое количество нелегальной литературы. Через год (в 1910 г.) получаю известие из Владикавказа, что Николай сидит в тюрьме, беру расчет в типографии и еду узнать, в чем дело. Оказывается, что Николай не вынес всей тяжести эксплоатации его хозяином и в порыве гнева хотел спалить хозяина; его арестовали, нашли мои книжонки у него; при допросе он признал их за свои, не выдав меня. Просидев в тюрьме что-то около 8 месяцев, Николай был выпущен, но за этот промежуток времени сиденья в тюрьме он сошелся с политическими заключенными и приобрел там теоретические знания, столь необходимые в то время для пролетария. По выходе из тюрьмы он сильно изменился; из жизнерадостного мальчика превратился в сосредоточенного, несколько угрюмого юношу, погруженного в чтение всевозможных книг по общественным и политическим вопросам.

Некоторое время мы жили втроем—отец, я и Николай. По моим воспоминаниям, это было самое чудное время, проходившее в спорах и в чтениях; отец был у нас атеистом или, как в то время говорили про него, безбожником. Но вскоре наступил конец всему: отец умер, у меня подвигался призыв в солдаты, и я под другой фамилией уехал из города, а Николай стал учиться по слесарной части. Здесь я потерял из виду Николая на довольно продолжительное время и только в 1914 году, уж сидя во Владикавказской тюрьме, узнал, что он служит в Петрограде во 2-м флотском экипаже в минной батарее. Мне не пришлось больше увидеть его, так как империалистическая война загнала меня в Австро-Венгрию, а по возвращении из плена я уже не застал его в живых. Он погиб, как и должно было ожидать, героем в борьбе с белогвардейцами у с. «Пьяный Бор» на р. Каме осенью 1918 г. *В. Маркин.*

Памяти Николая Григорьевича Маркина.

Погиб Маркин. Это большая потеря. Маркин был превосходный революционер и неустрашимый солдат, настоящий солдат революции. От Балтийского флота он входил в Ц. И. К. второго созыва. Преданный и твердый большевик, он с угрюмой решимостью,—некоторая угрюмость была вообще в его характере,—боролся против режима Керенского. Когда Петроградский Совет стал большевистским, Маркин сосредоточенно и неутомимо выполнял в нем самые различные работы, и в частности поставил на ноги вечернюю газету Совета—«Рабочий и Солдат».

В октябрьские дни он боролся в первых рядах. Связанный со мною тесным содружеством работы, он вступил в начале ноября в Комиссариат Иностранных Дел. Матрос-артиллерист, он, однако, сразу превосходно ориентировался в механизме комиссариата, производил твердою рукою чистку родовитых и вороватых дипломатов, устраивал по новому канцелярии, конфисковывал «дипломатическую» контрабанду, продолжавшую поступать в вализах из-за границы, отбирал наиболее поучительные тайные документы и издавал их за своей ответственностью отдельными брошюрами. Немецкие дипломаты в Брест-Литовске с большой жадностью набрасывались на брошюры Маркина. Да и не они одни...

С начала чехо-словацкого мятежа Маркин переходит в военное ведомство и сосредоточивает свои силы, главным образом, на Волжской речной флотилии. Можно сказать, без всякого преувеличения, что наша крепкая флотилия на Волге есть создание Маркина. Он проявил ни с чем несравнимую энергию в деле вооружения судов, подборе команд, их воспитания. Вел переговоры с профессиональными союзами, добывал для рабочих хлеб, устанавливал премии за скорейшее вооружение пароходов, производил чистку среди матросов, действовал на них словом, примером, где нужно—репрессиями, понукал по телеграфу всех медлителей, не успокаивался ни на одну минуту. Это был один из драгоценнейших характеров, которые не просто выполняют «добросовестно» возложенную на них работу, а ставят себе сами цели и всеми силами добиваются их осуществления, сламывая по пути всякие препятствия. Если бы среди советских работников было побольше таких Маркиных, мы не сдавали бы бесславно городов, на железных дорогах, на заводах, в продовольственном деле не было бы разрухи.

Создав флотилию, Маркин занимал на ней самые боевые посты. Сперва в качестве главного комиссара, затем как помощник командующего флотилией, т. Раскольникова, он неустрашимо вел суда в бой на своем пароходе «Ваня», позже переименованном в «Коммуниста». Как настоящий рачительный хозяин, он заботился обо всем: у него на счету был каждый снаряд, он организовал продовольствие и в то же время сам ходил по ночам в разведку, устанавливал телефонную связь и побуждал прибрежные пехотные фланги к более решительным действиям. Под неприятельским огнем он был таков, как всегда: несколько угрюмый, твердый, решительный, честный солдат революции.

Накануне взятия Казани он руководил десантом в составе 60 матросов. Ему была обещана поддержка пехотных частей. Десант Маркина в ожидании пехотных подкреплений продержался свыше часа под неприятельским огнем. снял замки с береговых тяжелых орудий и, не дождавшись пехоты, покинул Адмиралтейскую пристань, уже пылавшую со всех сторон от неприятельских снарядов.

Николай Григорьевич Маркин погиб в бою на своем пароходе «Коммунист». Среди многих наших утрат, эта одна из самых тяжких. Его сравнительно мало знали в партии и вообще советских организациях, ибо он не был журналистом или оратором. Но дела его были ярче и выразительнее всяких слов. Я близко знал его на деле и свидетельствую, что Маркин был одним из лучших в наших рядах.

Л. Троцкий.

(«Известия поезда П. Р. В. С. Р. т. Троцкого»—«В Пути», № 6, от 6 октября 1918 года.)

Как погиб тов. Маркин.

Самые тяжелые воспоминания связаны для нас с ревом сирены—этим прощальным приветом моряков. К нему прибегают суда, находящиеся в крайней опасности. Так звал к себе на помощь несчастный «Ваня Коммунист», зажженный неприятельским снарядом, пылавший среди ледяных вод реки, окруженный всплесками, со сломанным рулем и оборванным телеграфом. Как долго, как непрерывно кричала его сирена! Все чаще подымались вокруг фонтаны воды, уже на поверхности реки замелькали черные точки—люди, бросившиеся вплавь

к берегу,—и течением понесло вниз обгорелые щепы, какие-то ведра и табуретки, а она все не умолкала, окутанная паром, опаленная огнем, обезумевшая страшная сирена смерти. Странно и неожиданно подошло это несчастье. Еще накануне военная флотилия одержала значительную победу над белогвардейской флотилией: после двухдневного боя у села Битки, последняя должна была бежать выше, и наши суда прорвались в тыл белым, расположенным на обоих берегах. Преследование продолжалось еще целые сутки, и только на утро третьего дня флотилия Раскольникова стала на якорь в чудесном плесе Камы, голубом, бирюзовом и янтарном под ясным солнцем октября. Решено было остановиться на время до прихода десанта, так как разведчики принесли тревожные известия о сильных береговых укреплениях в селе «Пьяный Бор», которые нельзя было взять с реки без поддержки нашей пехоты, к тому же запас снарядов совершенно истощился, и на кораблях и барже оставалось по 13—50 выстрелов. В ожидании пехоты моторные катера пошли на разведку, и матросы с удовольствием наблюдали издали их неуловимые, быстрые, стремительные тела, едва заметные в облаке пены, по которым белые открыли совершенно бесполезный ураганный огонь. В высоких столбах воды, поднятых снарядами, играла семицветная дуга, и на реке ежеминутно вздымались и таяли пушистые, белоснежные и радужные фонтаны. С отмели поднялась стая испуганных лебедей, мимо нее разбежался и прогудел гидроплан, и воздух наполнился лебединым криком, трепетом белых крыльев и пчелиным гудением винта.

Н. Маркин.

И Маркин не выдержал, Маркин, командовавший лучшим пароходом «Ваня-Коммунист», привыкший к опасности, влюбленный в нее, как мальчик, не мог со стороны наблюдать воинственные игры этого утра. Его дразнил и привлекал высокий обрыв и «Пьяный Бор», таинственно-молчаливый, и притаившаяся опушка.

Как выбрали якорь, как скользнули вдоль запретного берега, как успели отойти далеко от своей стоянки,—никто хорошенько не помнит. И вдруг, недалеко, почти перед собой, заметил Маркин прикрытие и за ним неподвижные, на него направленные дула. Один корабль не может сражаться с береговой батареей,—но это утро после победы было так хмельно, так безрассудно, и «Коммунист» не отступил, не скрылся, но вызывающе приблизился к берегу, пулеметом отгоняя прислугу от орудий.

На помощь «Коммунисту», ушедшему далеко вперед, подошел миноносец «Прыткий».

Краткий разговор с корабля на корабль был последним для Маркина. Тов. Раскольников спросил по мегафону:

— Маркин, в кого вы стреляете?

— Мы стреляем по батарее.

— По какой батарее?

— Вон за дровами, видите, блестит дуло.

— Немедленно дайте полный ход назад!

Но было уже поздно. Едва машина миноносца сделала бешеный скачок назад, едва «Коммунист» последовал за ним,—белые на берегу, чувствуя, что добыча от них ускользает, открыли истребительный огонь. Снаряды валились градом. За кормой, по берегам, перед носом,—кругом. Через мостик они проносились с оглушительным воем, как кегельные шары, катясь и разрывая воздух. И через несколько минут «Коммунист» окутался облаком пара, из которого, танцуя, прыгнул золотой язык, и заметался от берега к берегу со сломанным рулем. И вот тогда сирена закричала о помощи.

Несмотря на страшный артиллерийский огонь, мы вернулись к погибавшему, надеясь его взять на буксир. Но бывают условия, при которых самое высокое мужество бессильно: у «Ваня-Коммуниста» первым же снарядом разбило штур-трос и телеграф. Судно, ничем не управляемое, закружилось на месте, и миноносцу, с величайшим риском подошедшему к нему, не удалось принять на буксир умирающий корабль.

«Прыткий», сделав крутой оборот, должен был отойти. Как белые нас упустили тогда, просто непонятно. Стреляли в нас в упор, но только поразительная скорость миноносца и огонь его орудий вывели его из западни.

Маркина ждали всю ночь,—Маркин не вернулся, и о нем грустили, стоя у руля, молчаливые штурвальные, и наводчики у орудий, и наблюдатели у своих стекол, которые вдруг казались мутно-водянистыми от непролитых слез.

Маркин, с его огненным темпераментом, нервным, почти звериным угадыванием врага, с его жестокой волей и гордостью викинга, завершал собою тип людей, одаренных гениальной интуицией, гениальными инстинктами. (Из статьи Ларисы Рейснер.)

МАРКОВ—член Росс. Комм. Партии. Погиб в сентябре 1919 года, будучи смертельно ранен в бою с белыми.

МАРКОВСКИЙ—политком полка. Погиб в бою 2 июня 1919 г. («Коммунист», № 78, 1919 г.)

МАРКУС ** **(Гитерман)**.—См. **Хворостин.**

МАРЛИНСКИЙ ** **Борис**—агитатор и организатор, исполнял серьезнейшие и опасные поручения Воронежской организации. Был красным командиром на Южном фронте. Погиб в 1919 году у станции Глубокая. *Врачев.*

МАРТИНСОН А.—моряк Балтийского флота, погиб в бою с белыми под Везенбергом в декабре 1918 года.—См. **Вотчунский.**

МАРТИНСОН Петр Тенисович—умер 1 октября 1918 года. Тов. Мартинсон был членом Росс. Комм. Партии Лефортовского района гор. Москвы.

МАРТЫНЕНКО ** **К. М.**—член Киевского Райкома «Трудосахар», убит бандами 14 октября 1920 г. (М. Майоров, «Из истории рев. борьбы на Украине».)

МАРТЫНОВ—расстрелян в форте «Передовой» 13 июня 1919 г.—См. **Паньков.**

МАРТЫНОВ ** —комбриг 2-й Петроградской бригады курсантов, погиб вместе со штабом бригады 19 декабря 1920 года. Зверские банды Махно, предательски напав на штаб 2-й Петроградской бригады курсантов, вырубили почти весь его наличный состав. Жутким холодом веет приказ по бригаде курсантов нового комбрига:

«Павшие в бою 19 декабря 1920 года на хуторе Леуцком: комбриг—т. **Мартынов**, военком—т. **Дгебудзе**, пом. нач. Петувуза—т. **Симонов**, наштабрига—т. **Матвеев**, помнаштабрига—т. **Ланской**, т.т. **Кузнецов**, **Скуридин**, **Реккан**, состоящий для поручений—т. **Гришаев** и начснабриг—т. **Држевинский**—исключаются из списка бригады с 19-го декабря 1920 г.».

«Среди погибших мы видим генерала Мартынова, полковника Држевинского, обер-офицера Матвеева; рядом с ними старые партийные работники, стойкие коммунисты: т.т. Дгебудзе и Симонов. Павшие 19 декабря, ранее своею грудью защищавшие подступы к Петрограду, погибли смертью храбрых за рабочих и крестьян Украины». («Военное знание», орган Гувуза, № 20 от 1921 г.)

МАРТЫНОВ ** **Александр** — старый партийный работник Заспенской волости, Боровичского у., умер.

МАРХОВСКИЙ—расстрелян чехо-словаками в г. Красноярске в сентябре 1918 г.—См. **Вейнбаум.**

МАСЛЕННИКОВ * **Александр Александрович** — родился в Петрограде в 1890 г. в семье чиновника. Отец его, по происхождению крестьянин, самоучкой добился положения чиновника и вместе с тем достиг мещанского благополучия. Мать его, по происхождению дворянка захолустного рода, бывшая почтово-телеграфная служащая, главным принципом считала жить прилично, как все

живут. Характерная черта детства Масленникова—это его упрямое желание молчать и сосредоточенно делать свое. Так, он ежедневно упорно натаскивал кучи песку, щебня и т. п. в парадные, убранные комнаты казенной квартиры и, к ужасу своей матушки, не желал играть купленными чистыми игрушками. Во время всей гимназической жизни он шалил, как последний сорванец. Семейная жизнь страшно угнетала его, и поэтому он рано захотел жить самостоятельно. Читал он чрезвычайно много. Знакомство его с политическо-революционной литературой произошло еще в гимназии.

За работу в подпольной организации он был исключен из университета и выслан в г. Никольск, Вологодск. губ. В ссылке очень много занимался математикой, изучение которой доставило ему радость в жизни. Много занимался юный Масленников и экономическими вопросами. Он организовал кружок по изучению политической экономии, где и читал лекции. Этими занятиями были чрезвычайно довольны его слушатели, потому что он сообщал сведения, которые слушатели обязаны были проверять по нескольким источникам. Масленников заставлял много думать и читать по вопросам, для решения которых надо было иметь собственную точку зрения. После окончания ссылки он уехал в Москву, оттуда через несколько месяцев подпольной работы был выслан в Тобольскую губ. С места ссылки бежал в Полтаву, где в это время находилась его жена. В Полтаве за короткое время Масленников сумел вырвать типографских рабочих из-под влияния меньшевиков, но усиленная и энергичная работа в этом патриархальном городе вызвала большое внимание со стороны охранки, и только смелость в поступках делала его неуловимым. Из Полтавы типографские рабочие отправили его в Екатеринославскую губернию. Большой Юрьевский завод, расположенный вблизи рудников и шахт, насчитывал в то время 14.000 раб. Требовалось много организаторского таланта, чтобы спаять их. В течение короткого времени Масленникову удалось наладить партийную работу так, что рабочие Юрьевского завода принимали в ней горячее участие, слушали только большевиков, наложив крепкие цепи на уста меньшевиков. Увеличилось число членов организации и завязались более или менее правильные взаимоотношения с рудниками и шахтами.

Масленников не знал ни усталости, ни отдыха, его подбадривали энергичные чумазые лица и руки рабочих. Низкая заработная плата, длинный рабочий день, циничное отношение администрации вызвали в скором времени забастовку на заводе. Забастовка открылась грандиозным митингом на заводе, где первым выступил тов. Масленников. Забастовавшие рабочие сходились толпами в поселке совершенно открыто и, в присутствии своих жен и детей, клялись довести забастовку до конца или умереть. Несколько дней существовала свобода слова настолько, насколько она могла тогда существовать. Полиция искала Масленникова везде и всюду, но он долго был неуловим. Наконец, он был пойман и, после тяжелой тюремной жизни, сослан, если я не ошибаюсь, в Нарымский край, откуда он вскоре бежал в Ростов-на-Дону. В Ростове-на-Дону за свою работу он был снова схвачен и отослан в Туруханский край, Енисейской губернии, где и застало его свержение самодержавия. Там он был комиссаром Туруханского края и вернулся оттуда в Самару в конце июня 1917 г.

В Масленникове поражала его организаторская способность, его кипучая энергия. Он страшно любил Петроград за его кипучую трудовую энергию, за его разнообразный шум. Вскоре он попал туда депутатом в Учред. Собрание и остался там работать секретарем Высшего Совета Нар. Хоз.; только после упорной борьбы с самим собою он покинул Петроград и приехал в Самару. Вечно занятый, не имевший ни минуты свободного времени, он удовлетворялся очень малым и был крайне неприхотлив в пище и одежде и вполне равнодушно относился к удобствам жизни. Единственным его приобретением была библиотека, на которую он тратил много средств, даже в ущерб для жизни и существования маленького сына. Ребенка своего он очень любил и рассказывал ему нежные убаюкивающие сказки своего сочинения или же предавался с ним бесшабашной детской игре.

О подпольной деятельности в Сибири, в Омске во время колчаковщины, я знаю лишь по коротеньким записочкам, со словами привета и добавлением

«работаю с громадным наслаждением». Слыхала только, что свои организаторские способности там он развернул, как никогда; он принимал участие последовательно в трех восстаниях и в последнем был расстрелян. Его смелость, преданность и героизм создали, говорят, красивые легенды об его смерти. («Красная Быль», сб. Самарск. Бюро Истпарта.) *С. Хорошенина.*

Воспоминания о тов. Масленникове.

Тов. Масленников, как известно, проделал тяжелую Голгофу от клуба коммунистов на Заводской в Самаре до далекого Омска, где он и лег костьми за беззаветно дорогое ему дело рабочего класса России и всего мира.

Среднего роста, с рыжей бородой «лопатой», с добродушными, нежными глазами, в черном пальто и широкополой поповской шляпе—таков был внешний вид этого смелого борца пролетариата. Он был любим самарскими рабочими за свою безграничную скромность и товарищескую чуткость. Летом 1917 года его можно было часто видеть в клубе коммунистов окруженным толпой солдат, которые ловили каждое его слово. Вопросы следовали за вопросами—и на все их давал ясный, удовлетворявший эту солдатскую аудиторию ответ т. Масленников. Или вот единственная комната нашего клуба на ул. Льва Толстого. Простой некрашеный стол. Т. Масленников объясняет собравшимся на родину солдатам манифесты о мире и земле. Тут же ходоки-крестьяне, пришедшие из далеких деревень к т. Масленникову. Он был популярен и среди крестьян, и его слово очень ценилось ими.

Тов. Масленников жил в большой нужде. Он по целым неделям голодал, хотя тщательно скрывал это. Наша организация была бедна, да к тому же т. Масленников и слышать не хотел о партийной помощи. Его строгость к себе была необычайна. Однажды он простоял в очереди около 4 часов (разумеется с неразлучной книгой) у булочной, чтобы получить фунт хлеба. Партийный товарищ, служивший там, ценя его время, предложил ему хлеба вне очереди, но он категорически отказался, ссылаясь на неэтичность этого.

На открытых собраниях в «Триумфе» т. Масленников был самым любимым оратором рабочих и солдат. Его убежденная речь, живая жестикуляция и бесшабашное разоблачение соглашателей сделали его настоящим выразителем чаяний самарского пролетариата. Зато буржуазия его ненавидела, хотя и она признавала его высокую честность. В этом отношении сходились друзья и враги. Недаром чехи не посмели расстрелять его в Самаре, хотя он и был председателем ревкома, ведшего отчаянную борьбу с бело-эсеровским нашествием. Еще припоминаются последние дни перед занятием Самары чехо-словаками. Тов. Масленников бессменно проводит дни и ночи в клубе. Он полулежит в кресле и дремлет. Как он исхудал, истрепался! Вдруг просыпается, озирается кругом—и вновь искрятся голубые глаза. Он опять на посту. («Красная Быль», сб. Самарск. Бюро. Истпарта.) *М. Ад—он.*

МАСЛОВ А.—См. **Ремтер.**

МАСЛОВ Иван—сочувствующий Р.К.П., убит в бою на Лужском участке под Петроградом в 1919 г. («Боевая Правда» № 14 от 23 сентября 1919 года.)

МАТВЕЕВ—рабочий Франко-русского завода, член Совета Коммуны 2-го городского района гор. Петербурга, член коммунистической партии, пал смертью храбрых в борьбе с чехо-словаками в октябре 1918 года.

МАТВЕЕВ ** — солдат-авиатор. Большевик, с Февральской революции начальник штаба в Евпатории.—См. **Кебабчьянц.**

МАТВЕЕВ. **—См. **Мартынов.**

МАТВЕЕВА ** **Степанида Григорьевна**—мещанка гор. Зарайска, Рязанской губ., дочь рабочего, 15 лет поступила на фабрику по шитью белья. С 1917 г. член Р. К. П. (б.), вела партийную работу до 1919 г., когда по партийной мобилизации была отправлена на фронт в качестве сестры милосердия. Отправясь в коман-

дировку для вербовки женщин в сестры милосердия, заболела тифом и умерла 23 февраля 1919 г.

МАТУСЕВИЧ **—активный работник Бюро ученической организации и латышской секции в г. Воронеже. Впоследствии член Центрального Комитета компартии Латвии. Повешен «демократическим» правительством Латвии.

Врачев.

МАТУШЕВСКИЙ Викентий Францевич — портной, известен варшавским рабочим под псевдонимом «Марцин» еще с конца прошлого столетия. Он был организатором второго съезда П. С.-Д., на котором был избран членом Центрального Комитета. Несмотря на то, что он был заикой, он все же считался хорошим оратором, увлекавшим своим энтузиазмом всех рабочих, с которыми ему приходилось иметь дело. После революции 1905 г. т. Матушевский после нескольких арестов, в конце концов, должен был бежать от преследований полиции за границу, в Краков. И здесь он явился опять неутомимым работником, которого начали преследовать, что заставило его вернуться обратно в Варшаву и заняться подпольной работой. В 1912 г. т. Матушевский был выслежен полицией и сослан в Сибирь, где попал в с. Знаменку, Верхоленского у., Иркутской губ., и находился там до 1917 г., когда революция освободила его и дала ему возможность вернуться к прежней работе.

А. Матюшин.

Пережитые им испытания только усилили его революционный дух. Как настоящий революционер и интернационалист, т. Матушевский не спешит на родину своих предков, а считает родиной рабочего свободную трудовую Россию, поселяется в Иркутске и принимает здесь деятельное участие в организации советов. Также он входит членом в комитет партии.

В августе 1917 г. т. Матушевский был вызван в Красноярск, где и работал в комитете партии, как член польской секции, и состоял членом местного Совета. Кроме того, он заведывал конторой газеты «Красноярский Рабочий». Как ревностный защитник интересов трудящегося класса, т. Матушевский не только вел агитационную работу, но при наступлении чехо-словацких банд вступил в отряд т. Дубровинского. После неудачного отхода отряда и возвращения обратно в Красноярск, в котором уже были чехо-словаки, отряд должен был сдаться. Тов. Матушевский был освобожден вместе со всем отрядом, за исключением т. Дубровинского.

Несмотря на рискованность своего положения, т. Матушевский опять принялся за подпольную работу и за короткий промежуток времени—в течение полутора месяцев—выпустил пять воззваний. За этой работой он был арестован вместе с т. Сысиным чешской контр-разведкой, подвергнут жестоким пыткам и убит 28 сентября 1918 г. Истерзанное тело т. Матушевского было найдено спустя 8 дней—6 октября—у железнодорожного моста.

Тов. Матушевского выдал чешским палачам провокатор, носивший кличку «Константин Макаров». Через два года он попал в руки революционного правосудия, сознался в своем предательстве и понес заслуженную кару. (Сведения взяты из ст. Максима Даменштейна в сб. «Три года борьбы».)

МАТЮШИН ** **Алексей** — наборщик типографии Универсальной библиотеки, старый подпольный работник — большевик. В 1918 г. при сформировании 35-го Московского Рогожско-Симоновского рабочего полка он был назначен помощником комиссара полка, а затем комиссаром. Туберкулезный и только что

перенесший острое воспаление легких, он все время принимал деятельное участие в формировании и отправке полка на фронт. В боях т. Матюшин все время находился в передовой цепи, совместно с командиром полка. Полк прославился при обороне Луганска, и в этом немалая заслуга была т. Матюшина. Затем он был комиссаром 491-го стр. полка и, наконец, комиссаром 11-й бригады 59-й стрелк. дивизии, с которой отправился на Восточный фронт. После похода по холодным и голодным степям Сибири, при отступлении от Петропавловска на Курган, он заболел сыпным тифом и по дороге к Челябинску, истомленный, обессиленный, без всякой медицинской помощи умер в начале октября 1919 года 36 лет от роду. (Сведения взяты из сб. «Братская могила».)

МАШАНИН — взводный командир, погиб в 1919 г. во время боя с белогвардейскими бандами под деревней Свауково. Тов. Машанин—коммунист 2-го городского района г. Петрограда. («Красная Газета» № 239 от 21 октября 1919 г.)

МАШЕНЬКИН ** Василий Федорович — 33 лет, рабочий-ткач, уроженец д. Ульяновой, Беззубовской волости, Богородского у., Моск. губ., участвовал три года в русско-германской войне и в гражданской с 1918 года. Убит. (Сведения взяты из сб. «Братская могила».)

МЕДВЕДКИН Алексей Зиновьевич—сын крестьянина Псковской губернии. Участвуя в империалистической войне, был 6 раз ранен. Но там он здоровым пролетарским чутьем понял истинные цели этой войны и во время керенщины становится на сторону большевиков. После возвращения с фронта, он в феврале 1918 г. поступает на 2-е советские артиллерийские командные курсы, откуда в ноябре того же года назначается в батарею, с которой через несколько дней отправляется в поход за освобождение трудящихся масс Эстляндии, находясь с тех пор во время многочисленных боев на наблюдательном пункте. Благодаря внимательному хладнокровию, умению и преданности делу т. Медведкина, ставшего командиром батареи с 15 мая, батарея, участвовавшая в боях целый год, не понесла никаких потерь.

Вступив в Р.К.П. в ноябре 1917 г., тов. Медведкин был убежденным коммунистом, твердо верившим в неизбежность победы пролетариата. Это был один из редких людей, для которого не существовало личной жизни, для которого служение великому делу освобождения человечества было всем, за что он отдал самое дорогое, отдал жизнь. Он был убит в бою 10 декабря 1918 г. («Петр. Правда» 1919 г.)

МЕДНИКОВ — милиционер Петроградской городской милиции. Убит, храбро сражаясь, на Корельском фронте в ноябре 1919 г. («Петр. Правда», 1919 г., № 251.)

МЕЕВ ** Дмитрий Филиппович — коммунист коллектива Новгубпрофсоюза, умер 9 декабря 1920 года в Новгороде.

МЕЖЛАУК * Мартын Иванович—комиссар юстиции в Казани, расстрелян чехо-словаками во дворе того дома, где он жил, в начале августа 1918 года.— См. **Фролов.**

Воспоминания о М. И. Межлауке.

Казань после Октября вплоть до налета чехо-словаков и короткого владычества учредиловцев кипела в бурном котле новых идей и начинаний, принесенных рабочей властью. Интеллигенция, и в том числе весь старый судебный мир, встретили великий переворот резолюциями протеста и организованным саботажем. Строить новую пролетарскую юстицию принялись мозолистые руки самих рабочих, и среди первых строителей народного суда фигура т. Мартына Ивановича Межлаука особенно бросалась в глаза озлобленной и злорадствующей буржуазии, как фигура человека исключительной преданности интересам рабочего класса,— человека, всецело охваченного жаждой деятельности во имя тех лозунгов, которые приняла Великая Революция.

Было что-то упористое и кряжистое, что никакой силой не сломишь, в самом внешнем облике покойного Межлаука. Еще молодой, очень молодой, с хромой

волочащейся ногой, он имел обыкновение смотреть на собеседника прямо в упор светлыми немигающими глазами; говорил, не торопясь, «бубнил» молодым, подчас срывающимся баском, а, замечая в собеседнике непонимание, кривил губы легкой и быстрой улыбочкой. Молодость тов. Межлаука сказывалась в том, что он не все задачи, вставшие перед ним в процессе работы, охватывал с исчерпывающей полнотой, и в том, что его доверчивость к людям, только что вступившим в общение с ним в качестве сотрудников и вчера еще ему неизвестных, была почти безгранична; все же, вступив в начале мая 1918 г. в должность Казанского Губернского Комиссара Юстиции, тов. Межлаук сразу произвел на всех своих сотрудников впечатление действительной большой силы и многих заставил подтянуться. Чрезвычайные затруднения в организации новых судебных учреждений, для которых нужны были, как это сознавал т. Межлаук, новые работники, заставили и самого Межлаука поработать много и упорно, и он быстро, по условиям того времени, при очень ощутительном недостатке строительного материала (пролетарских судей) произвел и перестройку самого Комиссариата, и концентрацию судебных учреждений губернии, уже 8 июня 1918 г. открыв Казанский Кассационный и Окружной Народный Суды и камеры народных следователей.

Встретив Мартына Ивановича на его посту Губернского Комиссара Юстиции, я был одним из ближайших его помощников с первых дней его организационной деятельности вплоть до трагического конца, прервавшего его молодую жизнь. И эти дни нашей совместной и дружной работы были лучшими днями во всей моей революционной деятельности, потому что никогда больше, как никогда и раньше, не встречал я такого взаимного глубокого и полного внимания и проникновенного понимания друг друга, какие установились у нас. Во время господства чехов Мартын Иванович Межлаук был одной из жертв их расправы с коммунистами.

А. Нехотяев.

(«Пути революции» № 3, Истор. журн. Татбюро Истпарта. 1923 г.)

МЕЖРАУП М. Б. — В начале февраля 1920 г., окруженный вместе со своим батальоном со всех сторон польскими белыми бандами и не желая живым попасть в их руки, покончил с собою выстрелом из револьвера командир 1-го батальона 25-го стр. полка 11 петроградской стр. див. Мартин Брянцович Межрауп. Я знал т. Межраупа с марта 1919 г. Тов. М. был тихим работником, который работал не словами, а примером. Всегда в трудную минуту он был впереди всех кр-цев, за что кр-цы его любили и уважали. Тов. М. имел от роду 25 лет, происходил из крестьян Курляндской губ., Окнистской волости. Окончил 2-классное министерское училище. До военной службы занимался письмоводством. После февральской революции тов. М., видя стремление партии большевиков бороться за рабочее дело, 15 июня 1917 года вступает в ряды большевиков и до последней минуты своей жизни держит высоко знамя коммунизма. В 1919 году тов. М. работает секретарем в отделе милиции Комиссариата Внутренних Дел Латвии в Риге, но оттуда отзывается партийной мобилизацией, и снова начинается трудная работа в рядах Красной армии, где он занимает должность ротного командира.

Несмотря на многочисленные бои, в которых участвовал (в Карпатах, под Ригой, Митавой и Нарвой в декабре 1919 г.), М. остался нераненым, хотя шел всегда впереди товарищей. Кругом падали красные герои, но тов. М. вражеская пуля не брала. Видно, ему суждено было погибнуть от своей руки.

А. Цинит.

МЕЛОВАНОВ ** — см. **Уткин.**

МЕЛЬНИКОВ Василий
МЕЛЬНИКОВ Гавриил } — см. **Подтелков.**

МЕЛЬНИКОВ ** **Дмитрий.** — Имя его было мало известно во Владивостоке. Он погиб вместе с Костей Сухановым 17 ноября 1918 г. Тов. Мельникову было всего 35 лет. Из этого небольшого периода своей жизни он около 10 лет провел по тюрьмам и каторгам. Во Владивосток он прибыл месяца за четыре до переворота 29 июня 1918 года. В последнее время он состоял в должности начальника милиции. Он отличался замечательными товарищескими чувствами и был человеком большой

дупи. Он не выступал перед публикой, не знал шума аплодисментов как оратор, но всегда честно и добросовестно работал на данном ему деле. Тов. Мельников был старым работником партии социалистов-революционеров. («Красное Знамя», № 64, 1 мая 1920 года.) — См. **Суханов Костя.**

МЕЛЬНИКОВ Константин — см., **Подтелков.**

МЕЛЬНИКОВ ** Н. С. — красный морской летчик. 25 августа 1921 г. в г. Петергофе, при пробе аппарата, от невыясненной причины т. Мельников разбился на смерть, упав вместе с аппаратом с высоты 700 метров. Покойный Мельников свою деятельность в воздушном флоте начал в 1915 году. Его боевая деятельность развернулась исключительно в революционное время, при чем за боевые отличия он был награжден орденом Красного Знамени. По удостоверению начальства Мельникова, покойный является одним из доблестнейших пилотов в русской революционной авиации.

МЕНЬ М. Я. — Павший от руки белогвардейцев в Василькове, тов. Мень родился в революционной семье. Отец и мать были революционерами конца прошлого века. Первые годы своей жизни тов. Мень провел в тайгах Сибири, куда последовала его мать за сосланным за революционную деятельность отцом. В 1906 г. семья получила возможность вернуться на родину и вскоре, ввиду появившейся реакции, вынуждена была эмигрировать в Америку. Воспитание погибший революционер получил в Киеве, где он и окончил экономический факультет коммерческого института. Еще будучи в 5 классе реального училища, т. Мень принял участие в революционном движении и вскоре стал в боевые ряды Коммунистической партии, приняв участие во всех ее активных выступлениях. При бегстве директории из Киева т. Мень имел возможность, находясь в разведке в Слободке, первым приветствовать разведочный броневик Красной армии. Т. Мень был командирован партией в Васильков в качестве заведующего агитационно-просветительным отделом. Несмотря на начавшееся повстанческое движение, т. Мень не покинул Комиссариата даже тогда, когда банды ворвались в город. Раненый, он добрался до квартиры, где и был зверски убит белогвардейцами. («Коммунист» № 36 (64) от 15 апреля 1919 года.)

МЕНЬЩИКОВ ** Михаил Константинович — погиб во Владикавказе в начале 1919 года. Тов. Меньщиков—уроженец Тамбовской губернии. Несмотря на крайнюю бедность своих родителей, он окончил двухклассное училище и дошел до третьего класса Борисоглебского технического училища, которое закончить ему не удалось, вследствие смерти отца, оставившего на его попечении старуху мать и сестру. Таким образом учение было прервано, и он поступил подручным слесарем в Борисоглебские мастерские. В 1902 году т. Меньщиков работает в Тихорецких мастерских слесарем, где и втягивается в революционную работу т. Чернышевым. Исключительный ум, решительность и ораторские способности выдвигают тов. Меньщикова в первые ряды, и он до 1905 года является застрельщиком во всех рабочих выступлениях. В 1905 г. т. Меньщиков,— один из организаторов боевой дружины и член Сов. Раб. Депутатов,—едет на помощь Ростовским рабочим и участвует в обороне Затемерницкого района. После подавления революционного движения 1905 года его арестовывают в Тихорецкой и спустя месяц направляют в Ростовскую на-Дону тюрьму, откуда с группой кубанцев препраляют в Екатеринодарскую тюрьму. Здесь за строптивый, с точки зрения жандармов, характер его подвергают избиениям. Однажды, сидя в одиночке, он пытался защищаться, за что получил удар замком по голове; окровавленная голова и бесчувственное состояние не избавили его от дальнейших побоев. Тюремный корпус, где содержался товарищ Меньщиков, был переполнен лучшими представителями революции 1905 года. Недаром представитель реакции того времени, Бабич, выразился, что здесь у него содержатся главари революции, за которыми следует зорко смотреть. Много славных революционеров погибло в этом корпусе: тиф и оспа, при содействии тюремной администрации, сделали свое дело; больных клали вперемежку, так что немногие избежали заражения во время свирепствовавших там эпидемий. Тов. Меньщиков перенес обе болезни и по выходе из тюрьмы жил нелегально в Екатеринодаре, работая подпольно на

Дубинке. В 1907 году он оставил Кубанскую область и до 1910 года работал на Ряз.-Урал. ж. д., откуда был уволен как политически неблагонадежный, затем в Златоусте в Депо и на частных заводах Урала. С 1910 года до февральской революции т. Меньщиков безвыездно жил в Ростове, работая слесарем на заводах и фабриках Ростова и Нахичевани на-Дону. После февральской революции он избирается в Ростово-Нахичеваньский Совет Раб. и Сол. Депутатов, а затем в Исполком. Работая в Совете, т. Меньщиков активно продолжает работу в низах среди рабочих мелких предприятий Темерницкого района. После июльских дней мы с ним вдвоем выехали в Тихорецкую, где в то время организация с.-р. насчитывала около 2.000 человек. Поддерживая связь с Ростово-Нахичеваньским Комитетом Р.К.П., удалось через два месяца выбить эс-эров из Совета, и наша стройная организация для согласования действий связалась с Царицыным. До октября Тихорецкая была коммунистической. Совет, опираясь на 300 членов Р.К.П., поддерживаемых всей рабочей массой, занял боевую позицию. Тов. Меньщиков был душой этой организации. В 1918 году он избирается членом Сев.-Кавказского Комитета Р.К.П. и работает исключительно на партийном поприще, пользуясь большим авторитетом как в партийных кругах, так и в рабочих массах. 21 января 1919 года мы были командированы в Грозный, откуда в ночь на 3 февраля в поезде специального назначения выехали в Назрань. Тов. Меньщиков находился со мной в одном из служебных вагонов; вставать он уже не мог; все переходы с армией, совершенные им в рваной обуви и легкой одежде, тяжелая работа и в довершение тиф приковали его к месту. Все же, несмотря на болезнь, он не терял бодрости и революционного сознания. Помню, однажды, ему докладывает один из товарищей о взрыве нашего броневика; выслушав спокойно, он сказал: «Гибель броневика революцию не остановит, она идет и безусловно победит». Утром 6 февраля 1919 года т. Меньщиков согласился ехать во Владикавказ и был отправлен в сопровождении члена Р.К.П. Там он погиб.

Г. В. Подшивалин.

А. Мерзлов.

МЕОКАС **—см. **Линдер Леопольд.**

МЕРЗЛОВ * **Андрей Матвеевич**—комиссар одной из бригад 1-й Московской Рабочей дивизии, после долгих мучений скончался от тяжелых ранений, полученных на фронте, 12 сентября 1919 года в Солдатенковской больнице в Москве.

Родом крестьянин Владимирской губернии того же уезда, села Падкина, Андрей Матвеевич рано лишился отца. Мать его, лишенная всех средств к существованию, поступила прислугой к деревенскому попу, но ребенка с собой взять не могла, а принуждена была отдать его на воспитание тетке. Когда Андрею исполнилось 8 лет, тетка отдала его в учение к сапожнику. Однако мальчуган не выдержал мордобитного учения у сапожника и через год удрал от него. 10-летним мальчиком он самостоятельно приезжает в г. Ковров и поступает учеником же в железнодорожные мастерские; здесь он обучается сначала столярному, а затем токарному мастерству. Достигши 16-летнего возраста, предприимчивый мальчуган едет в Москву и поступает подмастерьем в маленькую механическую мастерскую на Благуше; через год он бросает мастерскую и поступает токарем на завод Золотарева по Покровской улице. Заветная мечта осуществлена. Андрей, попав на завод, чувствует себя, как рыба в воде, но непоседливая натура не дает покоя, и в 1901 году он едет в Петербург. Беспокойный, революционно-настроенный, он в течение 3 лет перебывал на целом ряде петербургских

заводов, между прочим, на Путиловском. В конце 1904 года, чтобы избежать репрессий, он снова уезжает в Москву и, как хороший рабочий, немедленно принимается на завод Золотарева. За систематическую революционную пропаганду и призывы к активным выступлениям Андрей Матвеевич не раз увольнялся с завода Золотарева и сейчас же в таких случаях поступал на работу к Золотаревскому конкуренту Жако, а когда надоедал последнему, то снова поступал к Золотареву. В 1914 г. А. М. Мерзлов был мобилизован, но, не имея ни малейшего желания проливать свою кровь на благо империалистов, остался на учете.

Февральская революция застала т. Мерзлова работавшим у Золотарева. Участие в революции выразилось в том, что Мерзлов вместе с другими съагитировал солдат и вывел их из Крутицких казарм на улицу, затем обезоруживал полицейских и принимал участие в освобождении политических заключенных из Бутырской тюрьмы. Вскоре после февраля А. М. Мерзлов, уже подготовленный своей работой в массах, примкнул к социал-демократам-большевикам и стал активным членом организации. В выступлении 4—5 июля участвовал как член Благуше-Лефортовской организации б-ков. Незадолго до октябрьской революции А. М. Мерзлов поступил на службу в Центросоюз, откуда и был скоро избран в Совет Раб. Депутатов Благуше-Лефортовского района. В это время он уже состоял в Лефортовском отряде Красной гвардии. Во время октябрьских боев А. М. Мерзлов дрался с юнкерами под кадетскими корпусами и в центре при обстреле Метрополя.

В конце декабря 1917 года Мерзлов был участником похода на гайдамаков, а по возвращении поступил во вновь формируемый 20-й Советский полк, с которым проделал тяжелый поход на юг в 1918 году и через Асхабад вернулся в июне того же года в Москву, а в октябре-ноябре того же года ушел с 1-й Московской Рабочей дивизией на Деникинский фронт. В один из тяжелых моментов боя, когда наши части дрогнули под напором противника, А. М. Мерзлов выехал вперед с горячим призывом к нашим бойцам и в этот момент был тяжело ранен вражеской пулей.

Как член партии, А. М. Мерзлов отличался энергией и исполнительностью. Он частенько выступал по поручению райкома на митингах и собраниях и всегда удачно. В своей личной жизни он был чрезвычайно скромен и никакими привилегиями своего комиссарского положения не пользовался. Имя А. М. Мерзлова в ряду других погибших Лефортовцев (Х. Муравьева, Титова и проч.) навсегда сохранится в памяти его знавших. *Е. Штейнман.*

МЕТАКСА — см. **Шаумян.**

МИЗИКЕВИЧ Павел Петрович. — В 1919 году, при подавлении восстания немецких колонистов под Одессой, захвачен ими и расстрелян бывший во главе караульного отряда комендант гор. Одессы и порта т. Павел Петрович Мизикевич. Любимец широких рабочих масс, одесский железнодорожный рабочий, тов. Павел Мизикевич в 1917 г. принимает активнейшее участие в борьбе за создание большевистской фракции в единой тогда одесской организации Р. С.-Д.Р.П. Павел Мизикевич — первый неизменный и постоянный председатель Совета Рабочих Депутатов железнодорожного района и Комитета большевиков того же района, вплоть до эвакуации Одессы под немецким нажимом в марте 1918 года. После эвакуации Одессы, изгнанный из родного края, оторванный от дорогих сердцу мастерских, от любимой семьи, Павел Мизикевич работал на южном фронте по снабжению Донской Красной армии. При первой вести о взятии красными войсками Одессы, тов. Мизикевич поспешил домой, где был назначен комендантом Одессы и неустанно работал на этом трудном посту, пока предательский нож белогвардейских наймитов не оборвал цветущую жизнь коммуниста-борца. («Известия Киевского Совета» № 110 от 6 августа 1919 г.)

МИКЕЛАДЗЕ ** **Владимир Нестерович**—бывш. военком конного корпуса Думенко, входившего в состав 1-й кон. Красной армии, пал на посту в борьбе с бандитизмом и партизанщиной за оздоровление Красной армии.

В конном корпусе Думенко свила себе гнездо партизанская, мелко-буржуазная контр-революция. Набрав себе штаб из бывших царских кадровых офицеров и бандитских элементов, Думенко — сам типичный партизан — превратил свой штаб в очаг насилия, грабежа и антисоветской и юдофобской агитации. Это-то гнездо разрушить и выжечь язвы партизанщины и выпало на долю тов. Микеладзе, посланного на фронт из Москвы в числе 10 мобилизованных ответственных работников. Коммунист с железной стойкостью и выдержкой, большевик с 1915 года (работал в Питере), любимец рабочих Ростова и Москвы, он сразу понял обстановку, в которую попал, и со свойственным ему умом и энергией принялся за разоблачение язв корпуса; тут требовалась осторожная и кропотливая работа. Установив, что центр разложения и всех творящихся безобразий находится в штабе корпуса и в самом Думенко, Микеладзе пробовал повлиять на командование корпуса через центр и через Ревсовет армии. Вникая в нужды кавалеристов, просвещая их политически, т. Микеладзе приобрел себе любовь и уважение в рядах корпуса. Думенко и его приспешники, заметив врага в лице Микеладзе, стали думать о том, как его убрать. Предупрежденный об опасности коммунистами, тов. Микеладзе упорно продолжал свое дело,—дело, для которого его послала партия.

2 февраля 1920 г. Микеладзе отправился на совещание в штаб корпуса, в ст. Каменскую, чтоб убеждением и решительными предложениями принудить Думенко к перемене политики. Но бандиты стояли на своем. На обратном пути, когда расстроенный, усталый и утомленный Микеладзе возвращался домой, его сразили пули злодеев, посланных заранее вперед. Тело его было зверски изуродовано. *И. Осипов.*

(«Заря востока» № 38 (203) от 18 февраля 1923 г.)

МИЛЛЕР ** Антон — см. **Малышевы Г. и Я.**

МИЛЛЕР Леонид Антонович — студент-медик, занимал должность лекарского помощника в авиационном отряде. После октябрьской революции он занимал ряд ответственных должностей, был комиссаром учебных заведений в Саратове, членом Райкома и проч. В московской школе авиации т. Миллер был председателем коммунистической ячейки и, кроме того, состоял членом Бутырского совдепа.

Погиб во время учебных полетов 12 мая 1920 года. («Комм. труд» 1920 г., № 45.)

МИЛЬК Борис — погиб в боях под Петербургом в начале 1919 года. В первые дни формирования Красной армии Мильк уже был в ее рядах. Он отдал все свои знания на усиление Красной армии. С ноября 1918 г. он вступает в организацию сочувствующих и ни разу не нарушил то доверие коллектива, которое ему было оказано. Без колебания вверяется ему одна из рот полка, и за эту роту мы были спокойны. Немец по происхождению, он сначала казался стрелкам сухим, его приказания казались резкими. Но потом стрелки увидели, что взыскательный по службе ротный — отличный, задушевный товарищ, и поэтому вся рота была предана ему. А он всецело отдается делу Красной армии. Все свое время отдает он ей. Любит он ее и принимает живейшее участие во всех отраслях работы. Культурно-просветительная работа среди красноармейцев поглощает все его свободное время. Он приносил громадную пользу части своими знаниями. В своей роте он состоит секретарем культурной комиссии. Организация школ, клубов, кружков, библиотек—все проходит при его живейшем участии. Отличный строевик, он придает роте боевой вид, и во время весеннего наступления это было с честью доказано. Но еще бо́льшая честь выпала на долю его во время октябрьского отступления. Вся сила удара на побережьи Копорского залива обрушилась на его роту, и красные бойцы с честью выполнили возложенную на них задачу. Бешено бросались белые в атаку на нашу редкую цепь, но со злобными проклятиями откатывались назад. Мильк был впереди. Откатывавшийся противник засыпал снарядами красную цепь. Воздух гудел от взрывов. Пулеметы, автоматы, винтовки несмолкаемо трещат. Пули реют, как рой мух. А красная цепь, почерневшая от

порохового дыма, неподвижна. Впереди нее Милык. Спокойно, коротко и ясно отдает он приказания, и эти приказания ободряют красных борцов. Один миг, и прерывается голос, спокойный, уверенный и твердый. Одна из пуль сразила Милька. («Б. Правда» № 61 от 14 ноября 1919 года.)

МИНЕЕВ Михаил—с детства, с 12-ти лет был, отдан в мастерскую жестяных изделий Мартимьянова в г. Уфе. Сколько этот бедный ученик-мальчик принял побоев и оскорблений от извергов-хозяев! После побоев т. Минеев всегда только морщился да приговаривал: «Погодите, доберусь и я до вас!». 18-ти лет он был взят на военную службу как старообрядец — по наружному виду (старообрядцев брали так — как подрос, так и служи). В 1918 г., в феврале, Минеев приехал с Кавказского фронта, где уже участвовал в борьбе с меньшевистскими бандами, которые обезоруживали эшелоны, шедшие в Совреспублику. Помню его радость по поводу революции и октябрьского переворота. Вспоминаю, как он горячо и с какой энергией взялся за работу. Я тоже тогда только что пришел с войны из Галиции. Мы поступили вместе с ним в жестяной цех Уфимских железнодорожных мастерских и тут же в марте месяце записались в партию большевиков. На втором же партийном собрании жестяного цеха он был выбран в президиум цеховой ячейки и ушел весь в работу. В июне 1918 г. восстали чехо-словаки. Мы вместе поступили в Красную армию и 21 июня отправились на фронт под Самару. Тов. Минеев выделялся среди всех товарищей своей боевой ухваткой и отвагой. Ему было поручено формировать конный подрывной отряд, который был им сформирован и с которым он не раз наводил панику в тылу у белогвардейцев. Затем он был назначен командиром роты железнодорожного батальона и, наконец, командиром батальона 248-го имени Володарского полка, в котором и погиб 2 марта 1919 года.

М. Минеев.

Родина тов. Михаила Минеева—деревня Нижегородка, Уфимской губ. и уезда, Осоргинской волости.

Леонид Минеев.

МИНКЕВИЧ ** **Яков** — см. **Малышевы Г. и Як.**

МИРИНГОФ ** **Илья** — рабочий из гор. Николаева. В 1906—1908 г.г. работал в Николаевской организации меньшевиков. В годы реакции эмигрировал за границу. Империалистическая война и позорное поведение социал-соглашателей заставили его подвергнуть ревизии свой меньшевистский багаж, и после февральской революции Илья возвращается в Россию большевиком и в «запломбированном вагоне». К октябрю 1917 года работает в Николаеве, принимает активное участие в завоевании власти Советами. Во время немецкой оккупации Украины работает в Николаевской нелегальной организации. После освобождения Украины от войск кайзера был послан Губкомом для проведения мобилизации в окрестностях Николаева, где и был убит озверевшим пригородным кулачьем.

МИРОШНИКОВ Василий — см. **Подтелков.**

МИТКОВИЦЕР ** —играл видную роль в русском рабочем движении и не последнюю во французском. Он—рабочий, переплетчик, родился в г. Одессе. В 1903 году выдвигается в Зубатовской забастовке. Его арестовывают, посылают в Сибирь, откуда он бежит в Питер. По убеждению все время меньшевик. Обладает большим ораторским талантом. В 1905 году его выбирают в Совет Раб. Депутатов. Опять арест, долгие месяцы в тюрьме, Сибирь. Там он случайно попадает в селение, где был тов. Троцкий, принимает деятельное участие в его побеге и, когда все проходит благополучно, бежит сам. Французские рабочие знают его под именем «Тубин». И впоследствии в коммунистической печати смерть его описывалась под этим именем. В 1918 г. тов. Митковицер принимал участие в подпольной работе в Одессе в период оккупации ее французскими войсками. В его маленькой квартире на Княжеской ул. помещалась подпольная редакция газеты «Коммунист»

на французском языке, имевшая большой успех у французских солдат. Впоследствии тов. Митковицер перебрался во Францию. В июне 1920 г. он устраивает проезд на бельгийском пароходе французским делегатам Вержа, Лефевр и Лепти в Москву на конгресс III Интернационала; из Москвы сопровождает их в Харьков, провожает обратно через Мурманск во Францию и погибает вместе с ними от бури в Ледовитом океане в сентябре 1920 г. (Сведения взяты из книги В. Деготя: «В «свободном» подполье».)—См. **Вержа Марсель.**

МИТРОФАНОВ ** —ротный командир, коммунист, в бою под хутором в Саратовск. губ., не желая сдаться белогвардейцам, застрелился в декабре 1919 г. («Правда», № 2, от 3/I 1920 г.)

МИТРОФАНОВ — комиссар, коммунист, много работавший в широких крестьянских и рабочих массах «Ижорвоендора», погиб во время Неклюевской авантюры.

МИТРОФАНОВ ** **Николай Григорьевич**—родился в 1888 году в крестьянской семье; с 1915 года по 1917 год работал на заводе Кольчугина рабочим. В начале февральской революции вступил в партию социал-революционеров. Июньские дни 1917 года открыли товарищу глаза,—он уходит от с.-р., называя их изменниками и оппортунистами. В Р.К.П. вступил в августе 1917 года. В сентябре завод Кольчугина остановился. Митрофанов переселяется в деревню к своей семье, где живет до октября того же года. В это время ведет борьбу с засилием деревенского кулачества и горлопанами за коммунистические идеи; ведет беседы с крестьянами об организации коммуны, которая существует при селе Воспушки. В 1919 году 17 апреля был мобилизован, служил рядовым в 9-й армии, 36-й дивизии, 317-м полку. В августе того же года во время сильного боя 317-й полк был разбит; Митрофанов очень долго отстреливался один и был взят в плен. Есть предположение, что Митрофанов во время бегства был задержан белыми и расстрелян. («Братская могила», стр. 113.)

Митковицер.

МИТЮНОВ ** **Ефим Дмитриевич** — родился в семье крестьянина-середняка и, как водится у крестьян, проучившись 4 года в школе, перешел на работу по хозяйству, но к его несчастию он потерял руку. Семья, в которой жил маленький Митюнов, была громадная, и ему приходилось плохо, как не работавшему дома. Он бродил и ездил по России, изыскивая средства к жизни. Во всех своих похождениях он столько испытал и столько увидел, что, вернувшись домой к революции, он уже имел чисто пролетарские наклонности и революционный дух. Он сразу завоевал авторитет у граждан Любытинской волости и был избран председателем Оченского Сельсовета. К концу 1919 года избран членом Волсовета на должность военкома, на которой и оставался до последних минут, проявляя необыкновенную энергию. В 1920 году в волости появился П. А. Крылов, с которым я, Митюнов и несколько других товарищей познакомились. Он был партийный, и под его влиянием мы сорганизовались в волостной коллектив Р.К.П. Состоя членом Р.К.П., товарищ Митюнов еще ревностнее принялся за дело освобождения республики от внутренних врагов—зеленоармейцев. На этом-то революционном посту он и погиб. Смерть его была такова: однажды он изловил партию дезертиров и отправил по назначению в Укомдезертир; по дороге на фронт некоторые бежали, и один из них поймал т. Митюнова на пути, где и посчитался с ним за его ревность в деле спасения пролетарской революции. После этого товарищ Митюнов прожил очень недолго. Умер 30-ти лет.

А. Г.

МИХАЙЛИЧЕНКО — бывший боротьбист, погиб на Украине.

МИХАЙЛОВ * — командир пулеметной команды, погиб в борьбе с белыми в 1919 году в бою под селами Орловским и Озерками.

Когда пулеметная прислуга была перебита, он занял место у пулемета и расстреливал в упор наседавших казаков. До последней минуты он продолжал вести борьбу, говоря окружающим : «Большевики не сдаются!». Один из казаков вонзил ему в грудь штык, другой шашкой разбил ему голову. («Изв. В.Ц.И.К.» 1919 г., № 50.)

МИХАЙЛОВ ** — см. **Уткин.**

МИХАЙЛОВ ** — член Новгородской уездной организации Р.К.П., убит на Юго-западном фронте 24 декабря 1919 года. Он состоял в коллективе 501 стрелкового полка.

МИХАЙЛОВ ** — см. **Константинов Петр.**

МИХАЙЛОВ ** **Василий Михайлович** — коммунист, исполнял обязанности пом. зав. особым отделом при Новгородской Губчека; сын бедного крестьянина; с первых же дней революции принял самое деятельное участие в революционной борьбе, участвовал в боях под Гатчиной и Царским селом, умер от тифа 1 апреля 1918 г. в бараке Новгородского военного госпиталя 19 лет. (Сведения взяты из сб. «Вел. Кр. Новгород», ст. «Контр-революция и наши жертвы».)

МИХАЙЛОВ ** **Василий Михайлович** — 31 года, петроградский печатник, умер 8 января 1920 года, в 8 часов вечера, от сыпного тифа. Это был один из лучших работников войск Вохр, помощник военполиткома N-го отд. стрелк. бригады. Происходя из рабочей семьи, пережив все ужасы царского и капиталистического строя, прошедший суровую школу жизни, он мог умело на простом и понятном для всех языке передать пережитые ужасы и указать на цели и стремления партии коммунистов-большевиков, благодаря чему пользовался широкой популярностью среди товарищей красноармейцев частей бригады. Он прибыл в Пензу по партийной мобилизации в мае 1918 года с отрядом петроградских рабочих для работы по продовольствию, впоследствии отряд влился в 6-й Пензенский продполк, в котором т. Михайлов исполнял должность политкома батальона до 25 сентября. На бригадной конференции коммунистов, он с 10 товарищами был послан для организации политической работы политкомом в N-й батальон, где совершенно не было ни одного коммуниста. Благодаря проявленной инициативе и кипучей энергии тов. Михайлова, батальон быстро выделился по постановке политической и культурно-просветительной работы. 4 декабря тов. Михайлов для пользы службы был отозван на должность помощника политкома бригады. 22 декабря был командирован для проверки и инструктирования политической и культурно-просветительной работы в N-й батальон, штаб которого был расположен на станции Титово С.-В. ж. д. Вскоре по прибытии в штаб он заболел сыпным тифом и умер. («Бюллетень политотд. Саратовск. сектора войск Вохр» № 2 от 23/I 1920 г.)

МИХАЙЛОВ ** **Лев Федорович** — 36-ти лет, солдат 56-го полка 15-й роты, убит 30 октября 1917 г. во время Октябрьского перевота в Москве. (Сведения взяты из сб. Братская могила».)

МИХАЙЛОВИЧ Борис — см. **Барк. Поля.**

МИХАЙЛОВСКАЯ Маруся (Валентина Базарова) — многообещавшая молодая работница киевского подполья. В 1918 г. пошла добровольцем на фронт, где и погибла.

МИХАЛЕВ ** — комбриг 2 на Уральском фронте. Проявил чудеса храбрости и отваги, заражая своим примером красноармейцев. Погиб в 1918 г. в борьбе с уральскими казацкими бандами. (Сведения взяты из ст. Митарновского в «Красной были», № 1.)

МИХАЛЬСКИЙ — расстрелян чехами в Самаре в 1918 г. перед приходом советских войск. — См. **Паршин.**

МИЦКЕВИЧ — старый коммунист, омский работник.

МИШКА (артиллерист)—казнен в Севастополе в 1920 г.—См. **Дражинский.**

МИШНЕ — см. **Шаумян.**

МОДЕСТОВ * Сергей Васильевич — родился 25 сентября 1882 г., воспитывался в Тверской духовной семинарии, а затем в Ярославском лицее, где пробыл, однако, только год и почти мальчиком приступил к подпольной соц.-демократической работе. Первый раз был арестован в Твери в 1902 г. еще до поступления в лицей, а второй—во время студенчества, за что и был исключен. В 1904 г. он опять был арестован в Иваново-Вознесенске, просидел около года, освобожден революцией 1905 года. В 1905 г. за участие в вооруженном восстании в Москве он был приговорен к расстрелу, но бежал из манежа и... снова был арестован 7 мая 1907 г. уже по подпольному паспорту. Беспрерывная напряженная нелегальная работа, несмотря на молодые годы — 25 лет — сказалась. Сильное малокровие и общая нервная слабость его заставили его мать ходатайствовать о замене ему ссылки в Вологодскую губернию высылкой за границу. Выйдя из тюрьмы 14 июля 1908 г., Сергей Васильевич вместо того, чтобы уехать в Вержболово, куда был выслан заграничный паспорт, перешел на нелегальное положение и последние остатки сил отдал партийной работе. В октябре его снова арестовали в Уфе, и после ряда мытарств он был освобожден, переехал на Украину, где работал в Екатеринославе и в Одессе. 28 марта 1910 г. снова был арестован в Одессе под именем Адама Антоновича Шпановского. По процессу 22-х приговорен к 6 годам каторжных работ, без зачета предварительного заключения; отбывал их в Николаевской каторжной тюрьме. После четырех с половиной лет каторги, наградившей его разлитым туберкулезом и параличем левой половины тела, он был переведен в Тверскую тюрьму, где пробыл $2^1/_2$ года и затем отправлен в Сибирь.

С. Модестов.

Из Сибири тов. Модестова, физического калеку, влачащего за собою левую половину своего тела, пораженного туберкулезом, полузадушенного мучительным кашлем, вернула только февральская революция. И вот, крупный организатор по таланту, он вынужденно берется за перо, чтобы продолжать служить делу пролетарской революции до конца в той области, в которой он еще чувствовал себя способным трудиться. Но огромный политический опыт, знание жизни и колоссальная теоретическая подготовка, приобретенная им за годы пребывания в тюрьме и ссылке, принесли свои плоды, и статьи, подписанные С. Модестовым, С. Васильевым и Клементием (подпольное имя С. В.), не замедлили обратить на себя внимание. Один из знатоков аграрного вопроса, С. В., во всеоружии глубоко усвоенного им марксистского метода, с поразительными ясностью и тактом подходил к труднейшим злобам дня текущей земельной политики, разъясняя на страницах «Голоса Трудового Крестьянства» и отчасти «Красного Пахаря» широким крестьянским массам смысл новых реформ в области земельных отношений. С. В. умел, не поддаваясь увлечению крайностями, с поразительною логическою краткостью в своих статьях, более похожих по размерам на заметки, открывать широкие перспективы строительства социалистического земледелия, осуществляемого посреди сложнейшей обстановки, созданной старыми и новыми земельными отношениями в деревне. Централист по всему складу натуры и мышления, он превыше всего ставил общегосударственное понимание земельных задач при проведении в жизнь тех или иных форм землепользования.

Только за несколько недель до смерти тов. Модестов оставил редактирование «Голоса Трудового Крестьянства», чтобы переселиться в санаторию, но и там он до последнего момента продолжал работать, жадно следя по газетам за ходом событий. Умер 4 апреля 1919 г. 36 лет от роду. (Сведения

взяты из ст. М. С—гии в «Красном Пахаре» № 4 — 5 за 1919 г. и из сб. «Братская могила».)

МОДИН ** — 31 года, рабочий-красильщик, проработал на фабрике б. С. Морозова 15 лет. Член Р.К.П. с 1917 г. В 1911 г был призван на военную службу, в 1917 году отпущен из армии по болезни в чине офицера, возвратился в Орехово, где, вступив в партию, был членом Красной гвардии. В Октябрьские дни в Москве сражался против юнкеров. В 1918 г. мобилизован в Красную армию, служил в первом Московск. Революц. полку. На чехо-словацком фронте получил 3 легких раны, затем сражался под Петроградом против Юденича, на Украине и против банд Семенова, где получил 18 ран — 16 штыковых и две пулевых на вылет. Бандитами брошен в снег; под снегом пролежал 3 дня, найден красноармейской разведкой и отправлен в лазарет, где перенес 6 операций. В августе 1920 г. перевезен в Орехово-Зуево, перенес еще 4 операции и, наконец, 27 марта 1921 г. умер.

Лежа в больнице, он говорил, что когда поправится, то снова пойдет против контр-революционеров и бандитов, и глубоко верил в победу революции, хотя бы после его смерти. (Сведения взяты из сб. «Братская могила».)

МОИСЕЕВ — погиб смертью храбрых на Псковском фронте в начале декабря 1918 года.

МОИСЕЕВ Александр Ильич — коммунист Петроградской организации, погиб в бою под Новохоперском в декабре 1918 г.

В двадцатых числах декабря 1918 г. в Москве т.т. Лениным, Троцким и Свердловым получена следующая телеграмма: «2 недели тому назад, когда под Новохоперском создалось тяжелое положение, нами направлена была туда группа коммунистов из 14 человек, влившихся в качестве рядовых красноармейцев в... полк. По единодушному свидетельству командиров и комиссаров, доблестные действия ... полка обязаны больше всего стойкости, храбрости и выдержанности коммунистов. Последние три дня при новом наступлении врага ... полк выдержал натиск впятеро превосходнейших сил противника, при чем коммунисты умирали первыми на своих постах. Политком ... полка Поляков доносит, что из 14 командированных нами коммунистов 9 погибло в боях под Красненьким. Исключительную храбрость и героизм проявили товарищи: Хургин, Тюленев и Моисеев, которые на глазах политкома Полякова были окружены большими силами противника и до последнего момента выполняли свой коммунистический долг, личным примером ободряя окруженные части. Выдающиеся заслуги этой группы коммунистов перед социалистической республикой обязывают нам довести их имена до сведения всей Советской России: Гранкевич Фаддей Иванович и Дмитриев Степан Егорович—из Москвы, Лефортовского района; Калнин Отто Янович—из Москвы, Хамовнического района; Герке Август Эрнестович—из Москвы, Латышской секции коммунистов; Колбенов Михаил Михайлович, Ласточкин Иван Елисеевич и Спицын Алексей Иванович — из Московской окружной организации, Мытищинского района, Болшевского подрайона, фабрики Рабенек; Моисеев Александр Ильич — из Петрограда; Жумилкин Василий Иванович и Казакова София Федоровна из Серпухова; Тюленев Федор Романович и Побежимов Павел Акимович — из Усмани; Хургин Иван Александрович — из Карачева, Орловской губернии; Бурданов Константин Федоров — из Козлова. Пока установлено, что уцелели тов. Герке, Ласточкин и Казакова.

Заведующий Политотделом Южного фронта *Ходоровский*.

(«Изв. Наркомвоен» № 190 от 25 декабря 1918 г.)

МОИСЕЕВ * Алексей Сергеевич — старый испытанный партийный работник с большим революционным стажем. Впервые он принял участие в революционной работе в 1901 г. Это было в Саратове. Алексей Сергеевич был в то время еще гимназистом: ему исполнилось всего лишь 13 лет. Уже 14-ти лет, в 1902 г., он вступил в ряды соц.-дем. партии и был активным ее членом. Обладая неисчерпаемым запасом энергии, будучи храбрым, смелым и решительным, «Леня», — как в то время называли т. Моисеева,—выполнял самые ответственные поручения. 15-ти же лет тов. Моисеев был впервые арестован. Просидев год в саратовской тюрьме, был прису-

жден к 15 годам каторги, но после обжалования и ходатайства защиты, каторга была заменена ссылкой на вечное поселение в Сибирь. В ссылке Алексей Сергеевич пробыл два года, продолжая и там вести революционную работу. Он устроил смелый и отважный побег: убил сопровождавшего его жандарма и пробрался в Россию, откуда вскоре эмигрировал во Францию. Здесь тов.Моисееву пришлось испытать все тяжести и трудности эмигрантской жизни. Чтобы добыть средства к существованию, а главное, чтобы скрыться от преследований проклятой царской охранки, тов. Моисееву приходилось быть носильщиком и исполнять всякую черную работу: он таскал тяжелые клади, чистил экипажи, мыл стекла окон в магазинах и т. д. Позже Алексей Сергеевич стал работать на литературном поприще. Будучи недурным журналистом, он состоял сотрудником многих европейских левых социалистических изданий. За это время жизни за границей Алексей Сергеевич никогда не переставал работать в партии, примыкая к «нашесловцам»,— группе русских социал-демократов, возглавлявшейся тов. Троцким. В эмиграции тов. Моисеев пробыл 10 лет.

В февральскую революцию 1917 г. Алексей Сергеевич, в числе многих других эмигрантов, прибыл в Петербург. Здесь он сразу твердо стал на точку зрения пролетарской революции и жестоко бичевал в печати, на митингах и собраниях соглашателей - меньшевиков и эс-эров. Но в силу традиций он не мог порвать со своими заграничными товарищами и друзьями и организационно не был связан с нашей партией. Он был членом межрайонной организации с.-д.-интернационалистов и сотрудником издававшегося в то время, при ближайшем участии т.т. Троцкого и Луначарского, журнала «Вперед».

Центральным комитетом межрайонцев тов. Моисеев был командирован в провинцию для налаживания взаимоотношений между большевиками и с.-д.-интернационалистами. В числе многих городов Алексей Сергеевич посетил и Воронеж. Это было в июле 1917 года. Помню, как однажды на многочисленном партийном собрании выступил никому в то время в Воронеже не известный тов. Моисеев. Своей блестящей по красоте и содержанию речью он обратил на себя внимание всех присутствовавших. На другой же день комитет партии уполномочил меня и тов. Кардашева вести переговоры с Ал. Серг. о совместной с нами работе. Несмотря на принадлежность к другой организации, в то время еще не вошедшей в нашу партию, тов. Моисеев наше предложение принял. Мы добились согласия Петербургской организации межрайонцев на оставление Моисеева в Воронеже. И Алексей Сергеевич со всей присущей ему энергией отдался работе. На следующем же общем собрании он был избран в члены комитета партии, позже— в члены Сов. Раб. и Солд. Деп. На него и пишущего эти строки была возложена обязанность по издательству и редактированию газеты «Воронежский рабочий», позже «Путь жизни». Блестящий оратор, великолепный журналист и превосходный организатор, тов. Моисеев сразу же завоевал симпатии воронежских большевиков рабочих и солдат. А затем, благодаря удачным выступлениям на митингах и других публичных собраниях, Ал. Серг. стал самым популярным в Воронеже и во всей губернии.

Наступили исторические дни Октября. В эти дни тов. Моисееву пришлось сыграть самую выдающуюся роль. Он воистину был душой и вдохновителем Октябрьского переворота в Воронеже. Это именно он предотвратил выступление белогвардейских офицеров, уже приступивших было к разоружению революционного воронежского гарнизона. Это он в одну ночь сорганизовал весь воронежский гарнизон, переарестовал контр-революционных офицеров, обезоружил белогвардейский штаб и, захватив все правительственные учреждения, предоставил город в распоряжение уже образовавшегося революционного комитета. Вскоре тов. Моисеев единодушно был избран председателем этого комитета. И тут у него открылось широкое поле для проявления творческих и организаторских способностей. Ал. С. оказался талантливейшим организатором. Он быстро создал вооруженную силу, на которую опирался революционный комитет.

Всякий, кому приходилось наблюдать тов. Моисеева, мог только удивляться его неиссякаемой энергии. Он работал, в полном смысле слова, день и ночь.

Вечно живой, горящий ярким пламенем революционного энтузиазма, с твердой волей и непреклонной верой в победу октябрьского восстания, он для многих наших товарищей, не понявших всей силы и величия Октября и потому колебавшихся, являлся заразительным примером. Я был ближайшим сподвижником и помощником тов. Моисеева и всегда немало удивлялся его огромной энергии. Помню, бывало, ночью в революционном комитете, измученный и голодный (в первые дни нам некогда было даже пообедать), я засыпал, сидя в кресле; другие товарищи уходили домой или тут же устраивались спать, лишь один Ал. Серг. неустанно работал до самого рассвета, после чего, проспав тут же два-три часа, снова принимался за работу. Всем, видевшим Моисеева в те исторические дни, он запечатлелся в памяти навеки. Сколько чисто спартанского мужества, благородства и, я сказал бы, пролетарского рыцарства было в его речах, манерах, движениях. Это признавали за ним и его враги из буржуазного стана. Воронежские буржуа прекрасно помнят тов. Моисеева... Много, очень много пришлось поработать Ал. Серг. Главное внимание он уделял работе по организации боевых сил. В этом деле он много преуспевал. Тов. Муралов, бывший в то время командующим моск. воен. округом, очень хорошо ценил работу тов. Моисеева и не раз порывался перевести его в Москву. Тов. Моисеев принял деятельное участие в организации так называемой «Первой Южной армии» — партизанских отрядов, положивших начало 8-й армии.

Мне не удалось выяснить, в силу каких обстоятельств тов. Моисеев остался в Воронеже при занятии его белыми. 4 октября 1919 г. он был арестован. Слуги контр-революции знали, кто к ним попал. После комедии «суда» тов. Моисеев был приговорен к смертной казни через повешение. Передают, что Ал. Серг., как и подобает революционеру, спокойно выслушал приговор и, обращаясь к судьям, заявил: «Я требую от вас расстрела, в противном же случае я разобью свою голову о стену, но не допущу быть повешенным от рук сволочей».

И генерал Шкуро распорядился повешение заменить расстрелом. 12 октября Алексей Сергеевич Моисеев был расстрелян.

И. Врачев.

(«Пролет. революция» № 6.)

МОКИЕВСКАЯ — нежная, застенчивая, скромная и в то же время твердая, смелая, гордая, тов. М. была самым надежным, самым преданным революционным борцом. В 1917 г. на Украине она начала советскую работу как уполномоченная по продовольственным делам в Екатеринославской губ.

Война с екатеринославскими саботажниками не удовлетворяла ее, она рвалась в подлинный, дышащий огнем бой. С обычной своей энергией она взялась за организацию бронепоезда, и была комиссаром на этом поезде, а впоследствии командиром другого поезда, сооруженного ее усилиями. Вся ее работа была полна революционной сознательности и героического самопожертвования. В т. Мокиевской глубоко жила революционная совесть — сознание революционного долга и святой товарищеской солидарности. И это сознание она сумела привить всей своей команде. Поэтому она была воистину лучшим из всех командиров бронепоездов Украины. («Коммунист» 1919 г., № 26).

МОКРЯК ** — командир артиллерийской батареи, убит тяжелым артиллерийским снарядом неприятеля 26 октября (1919 г.), когда он в первой линии бойцов на р. Соже в Севском районе командовал своей батареей, захватившей у неприятеля 4 броневика. За целый ряд боев он был представлен к ордену Красного Знамени. Тов. Мокряк — молодой воин, вышедший из низов, пал как честный сын трудового народа. («Правда» № 252 от 11 ноября 1919 г.)

МОЛИТВИНОВ Тихон — см. **Подтелков.**

МОЛИТВОСЛОВ — студент Лазаревского института и член Р.К.П., погиб в 1921 г. от тропической малярии в Хиве, куда он, по поручению Н.К.И.Д., сопровождал делегацию Вел. Нац. Собр. Турции.

МОЛЧАНОВ ** **Николай Андреевич** — 19-ти лет, из крестьянской семьи, Линиевской волости, Орехово-Зуевского уезда; с 9-ти лет учился в церковно-приходской школе, с 13-ти лет поступил на фабрику Солонина, через некоторое время

был уволен и поступил на фабрику «Катушка», где проработал до Октябрьской революции. 18-ти лет он вступил добровольцем в Красную армию и был назначен в г. Покров в 1-ю караульную роту, где, вступив Р.К.П., начал вести работу по организации красноармейского клуба. На уездной партийной конференции избирается членом военного гарнизонного комитета Р.К.П., занимает должность казначея. Был откомандирован на командные курсы в г. Владимир. В дни напора Юденича на Петроград отправился на фронт; 23 июня 1919 года был убит в бою. («Братская могила».)

МОНН Юлий Львович — ответственный работник Московского Губернского Совета Профессиональных Союзов. Умер 19 июня 1921 года.

МОРДОВЦЕВ — губвоенком и член губисполкома в г. Воронеже с 1919 г. В Воронеж он был переведен из Нижнего-Новгорода. Это был энергичный, высокообразованный работник. Он был мобилизован губкомом для борьбы с бандитами и назначен начальником боевого отряда. Убит бандитом Колесниковым в 1921 г.

МОРДОВЦЕВ ** Иван Игнатович — член Р.К.П. (б.) Красноярской организации, расстрелян в октябре 1921 г. бандами в калмыцкой степи во время выезда сессии Ревтриба. («Из истории Красноярской орг. Р.К.П.», стр. 15.)

МОРДОВЦЕВ ** Константин Игнатьевич—член Р.К.П. (б.) Красноярской организации, преждевременно погиб на революционном посту от болезни, полученной в царской тюрьме. («Из ист. Красноярской орг. Р.К.П.» стр. 15.)

МОРЕВ ** Антон.—В последних числах июня 1918 г. на организационном собрании коммунистической ячейки в сельской школе с. Рогатова, Лямской вол., Елецкого у., тов. Морев заявил: «За дело освобождения рабочих и крестьян от векового рабства фабриканта и помещика я отдам все свои силы, энергию, ум и жизнь». После этого заявления тов. Морев записался в коммунистическую партию. Через 3 года, в средине июля 1921 г., тов. Морев, явившись в ту же школу на заседание, был убит выстрелом через окно найманитами белогвардейцев. («Соха и Молот» № 163 — 707 от 22 VII 1921 г., г. Елец.)

МОРОЗОВ ** —Начдив 11. Погиб на Врангельском фронте. Тов. Морозов — казак Донской области. Старый командир-боец Красной армии. Энергичный, отважный, упорный, он был примером для других. Тов. Морозов являлся участником всех главнейших боев конармии. Был награжден золотыми часами и орденом Красного Знамени. В день своей смерти он смело ринулся в ряды противника и выстрелом из нагана убил двух белогвардейцев. Но пуля врага скосила этого сильного, преданного делу революции народного героя. («Конная армия, ее вожди, бойцы и мученики» — изд. I Кон. Красн. арм. 1921 г. Екатеринослав.)

МОРОЗОВ ** —рабочий с завода Бромлей, был на каторге с 1905 года до февральской революции. Убит в Октябрьские дни 1917 г. в Москве. (Сведения взяты из сб. «Братская могила».)

МОРОЗОВ — видный коммунист Новгородской организации, 11 ноября 1919 г. попал в плен к деникинцам и был ими расстрелян.

МОРОЗОВА Соня — молодая девушка, только что окончившая гимназию, 17 лет. При эвакуации Екатеринбурга ей была дана связь с т. Тверитиным для подпольной работы. Весной (кажется, в марте) 1919 г. была расстреляна до суда.

МОТОВИЛОВ ** — учитель. — См. **Некрасов.

МОТОРИН Василий — был председателем Совета Народного Хозяйства в Тюмени. Эвакуировавшись, он остался в Екатеринбурге, где и был арестован. Потом, при отступлении, расстрелян белыми. («Октябрьск. Вестник»).

МОТТЕ Анна Карловна — секретарь центрального бюро латышской секции Р.К.С.М. и член Ц.К.Р.К.С.М. Умерла 16 февраля 1920 г. («Изв. В.Ц.И.К.» № 40 от 21 февраля 1920 г.)

МОЧАЛОВ**—зарублен бандой полка Шкуро в окрестностях Кисловодска 27 сентября 1918 г.

МОЧАЛОВ Емельян Викулович. — Сын крестьянина-хлебороба, уроженец гор. Пугачева, тов. Мочалов еще в юные годы поступил на Путиловский завод в Петербурге. В 1914 году он был из Питера выслан в административном порядке с запрещением проживать во всех крупных городах России. В этом же году тов.

Мочалов вступил в Р.С.Д.-Р.П. (б-ов) и с тех пор принимал самое активное участие в ее рядах. Во время Октябрьского переворота Е. В. работал в ставке главковерха, потом состоял членом коллегии по формированию Красной армии, а в последнее время был комиссаром организационного управления Всероглавштаба, где выполнял большую работу по организации Красной армии. Самородок, с удивительно широким кругозором, выдающимися способностями, исключительным трудолюбием, глубоким интересом к делу, прямой и твердый, тов. Мочалов пользовался всеобщей любовью и уважением и с редким тактом и выдержкой руководил работой целого учреждения. Он умер 16 апреля 1920 года на 27 году своей жизни от испанки. («Правда» № 81 от 17 апреля 1920 г.)

МРЫХИН Константин. См. — **Подтелков.**

МУЗИЛЬ ** Игнатий Игнатьевич—австрийский поданный, родился 16 декабря 1884 года. Воспитывался в Скопинском реальном училище. Привлекался при Рязанском Губернском Жандармском Управлении к дознанию по 2 ч. 251 ст. Улож. о наказании. По Высочайшему повелению от 24 янв. 1904 г. был подвергнут тюремному заключению сроком на один год, а затем подлежал высылке как неблагонадежный иностранец безвозвратно за границу, каковая высылка, ввиду невозможности документально установить принадлежность Музиля к австрийскому подданству и отказа со стороны Австро-Венгерского Консульства в Варшаве о выдаче Музилю дорожного вида на следование за границу, не могла быть осуществлена. Вследствие этого Музиль, согласно общему высочайшему повелению (об иностранцах, не принятых иностранными пограничными властями), был выслан под гласный надзор полиции в Вятскую губ., от какового надзора, на основании манифеста от 11 августа 1904 г., был, как не достигший совершеннолетия, освобожден. В апреле 1905 г. привлекался к дознанию при том же Жандармском Управлении по 126 ст. Угол. Ул.; дело это было производством прекращено. В апреле 1906 г. Игнатий Музиль был арестован с женою брата своего Николая—Ольгой Музиль (урожденная Малицкая) в с. Сормове, Нижегородской губ., где предполагали организовать группу анархистов-коммунистов, ввиду чего были привлечены к дознанию при Нижегородском Жандармском Управлении по 132 Ст. Угол. Улож. Приговором Московской Судебной Палаты от 3 ноября 1906 г. были присуждены к заключению к крепости сроком: Игнатий Музиль— на 1 год, а Ольга Музиль — на два года. Приговор этот был обращен к исполнению 13 февраля 1907 года. Проживая в 1902 году в Скопине, Игнатий Музиль находился в оживленной переписке с проживавшим в то время в Болгарии братом своим Николаем, посылая ему распространяемые в России прокламации и сообщая ему о ходе революционного движения и о беспорядках, происходивших в мастерских и фабриках в районе Рязанской губернии. Поселившись в Женеве, Игнатий Музиль вошел в состав анархистской группы «Буревестник», принимая весьма деятельное участие по выполнению преступных замыслов членов группы, при чем явился организатором ограбления 17 октября 1908 г. 79.700 руб., пересылавшихся почтою из гор. Хотина, Бессарабской губ., каковое ограбление было совершено боевиками состоявшей при «Буревестнике» группы анархистов-синдикалистов. (Справка № 17 из Архива Деп. Полиции за 1909 г. — альбом розыска по делам анархистов-коммунистов.)

Деятельность т. Музиля с 1909 г. протекала между эмиграцией и подпольем в рядах анархистов-коммунистов. В 1908 г. он был выслан из Швейцарии (постановление Союзного Совета в Берне), предварительно посидев в Женеве в тюрьме St. Antoine, за участие в «подпольной типографии», выпускавшей воззвания, «призывавшие к разрушению государственного и капиталистического строя». Жил некоторое время во Франции, затем в Галиции (Львов и Коломия). Дальнейшая деятельность его проходит в нелегальной работе по рудникам и заводам Урала. Сгав профессионалом-типографом, т. Музиль работал под чужими именами в типографиях Перми и Екатеринбурга. Снова возвращается во Францию. Работает в Париже в типографии «Буревестник» и организует транспорты. Кончает шоферские курсы в Тулузе и служит шофером в Париже. За год до мировой войны нелегально снова едет на Урал. Работает на заводах, ведет пропаганду.

Там его застает февральская революция. Легализовавшись, он поселяется в Екатеринбурге и является организатором и руководителем уральских анархистов-коммунистов. По предложению губ. зем .отд. был организатором большой сельско-хозяйственной коммуны возле Екатеринбурга, где работал все время вплоть до прихода белогвардейцев. Все члены коммуны эвакуируются в Москву; т. Музиль остается на Урале, говоря: «Меня хорошо знают крестьяне, — они меня не выдадут». Он скрывается среди них. Наступают колчаковцы. Для обороны Екатеринбурга он поступает добровольцем в партизанские отряды под начальством Жебенева (Уральского). В июне-июле 1918 года во время одной разведки, когда он с двумя тов. революционерами едет верхом лесом, их окружают белогвардейцы. Здесь они все и гибнут.

Оставаясь анархистом, И. Музиль работал в тесной компании с уральскими коммунистами, — они его хорошо знали, особенно рабочие типографий. Вся его жизнь была отдана пролетарской революции и в его лице она потеряла верного и стойкого борца.

Н. Музиль.

МУМИЧЕВ ** — гнусная контр-революция махновщины вырвала его из рядов 55-го полка 7-й Владимирской Краснознаменной имени Югостали дивизии. В январе 1921 года он с тремя другими товарищами получил приказание отправиться за подводами для хозяйственной части в с. Скоруховку. Во время выполнения ими порученного дела, на них налетела банда Махно, обезоружила всех, раздела и решила всех расстрелять. Первым окружили тов. Мумичева и шашками стали колоть живого. Когда же он не в силах был держаться на ногах, ему выкололи глаза, после чего ударили шашкой, перерезали горло и отрубили голову. («Владимирец на боевом посту», изд. Политотд. 7-й див. к 4-летнему юбилею, 7-й Владимирской Красно-знаменной имени Югостали дивизии. Полтава 1922 г).

МУНШАК — родом из Ростова-н.-Д., молодой человек пролетарского или полу-пролетарского происхождения. С конца 1917 г. он стал работать в газете «Известия Московского Совета», затем перешел к обслуживанию прессы профессиональных союзов. В В.Ц.С.П.С. он впоследствии играл довольно крупную роль по изданию профессиональных органов. С 1917 г. он состоял в московской организации партии интернационалистов, где был одним из самых активных работников.

Летом 1919 г., когда стала обрисовываться угроза наступления Деникина, и партия коммунистов начала мобилизовать своих членов на фронт, Московский Комитет интернационалистов тоже объявил мобилизацию. Вначале было решено ограничиться теми, кто добровольно заявит о своем желании итти на фронт. Одним из первых заявил о своем желании т. Муншак; его не хотели отпускать от работы в В.Ц.С.П.С., и ему стоило большого труда быть мобилизованным. На фронте он был агитатором в одном из полков, дравшихся около Царицына. Окруженный белогвардейцами с небольшой частью, он был изрублен саблями.

Г. Крамаров (М. Исакович).

МУРАВЬЕВ Харлампий Тимофеевич — из рабочей семьи Екатеринославской губ., Александровского уезда. 14-летним мальчиком поступил на один из заводов г. Екатеринослава. Стал слесарем. Благодаря старшему брату, тершемуся в эс-эровских и анархистских кругах, вошел в кружок, начал читать революционную литературу. В 1908 или 1909 году был арестован с группой анархистов за экспроприацию и убийство полицейского. Судился в Екатеринославе и был приговорен к смертной казни, но по молодости (16 лет) получил замену 20-летней каторгой. 6 лет был закован в кандалы. Каторгу отбывал в Рижской, Владимирской и, больше всего, в Ярославской тюрьмах. В тюрьме все время находился под влиянием анархистов. В 1917 г. при освобождении политических заключенных из Ярославской тюрьмы комиссией т. Полидорова был забракован. Тогда он решил бежать. Побег удался, и в апреле того же года т. Муравьев появился в Москве с адресами двух эс-эров, живших на квартире большевика С. Н. Петрова. Эс-эров на квартире не оказалось, но семья т. Петрова отнеслась тепло к бежавшему, и вскоре, благодаря участию С. Н. Петрова,

т. Муравьев был признан политическим каторжанином и, как таковой, подлежащим освобождению.

Со всей пылкостью молодой натуры, насильственно оторванный в течение 8 лет от жизни, Муравьев сразу окунулся в самую гущу революции. Здоровый инстинкт подсказал ему, что наиболее революционная и жизненная партия — это партия большевиков, и в критические дни 3 — 5 июля 1917 года он уже выступал как активный член партии. Работа в Центросоюзе не удовлетворяла т. Муравьева, и он перешел на завод «Проводник» в Благуше-Лефортовском районе. Природные способности быстро выдвинули т. Муравьева и на заводе и в райкоме партии. В Октябрьские дни ему давали ответственные поручения. Это он прошел с отрядом из Лефортовского района через всю Москву к Смоленскому рынку на помощь нашим против юнкеров. Он же бился и под кадетскими корпусами. Кончились бои. Началась организационная работа. Муравьев бегает по заводам и фабрикам Благуше-Лефортовского района то как оратор от парткома, то как инструктор Отдела Труда. На фабриках и заводах его всегда слушают с удовольствием, хотя он никогда не гладит рабочих по головке. Наоборот, он их всячески ругает за косность, неорганизованность и пр., и чем больше ругает, тем большим успехом пользуется. В середине декабря того же года — призыв на гайдамаков. Тов. Муравьев вместе с А. Знаменским организует в несколько дней отборный отряд и отправляется на Украину. После блестящих успехов отряд в конце января возвращается в Москву, потеряв одного красноармейца—женщину, убитую при взятии ст. Ворожба. Муравьев назначается членом коллегии районного военного комиссариата. Через некоторое время он формирует отряд на германский фронт и едет вместе с ним в Оршу. Нужно отметить, что на Украине с гайдамаками Муравьев воевал больше словом, чем винтовкой, и это давало поразительные успехи (он хорошо говорил по-украински). Но когда он попробовал такой же способ борьбы с немцами под Оршей, то чуть не был посажен на пику, уцелев лишь благодаря товарищу, успевшему застрелить противника в тот момент, когда последний, не поддаваясь на агитацию, летел на Муравьева с пикой наперевес. После заключения Брестского мира и установления демаркационной линии, Муравьев с остатками отряда вернулся в Москву и снова начал работать в военном комиссариате, одновременно состоя членом райкома и энергично проводя всякие парткампании. Проходят май, июнь, июль,—на восточном фронте скверно. Чехо-словаки берут Казань. Тов. Муравьев не находит себе места. Нужно ехать на фронт и хочется подождать, пока родится ребенок. Сердце революционера не выдерживает, и он обращается в райком с просьбой при первой же мобилизации послать его на чехо-словацкий фронт. Мобилизованный 7 авг. 1918 г., едет с полусотней коммунистов под Казань. Под дер. Маркваши, через 2—3 недели, попадает в плен, но тут же, на глазах, благополучно удирает. Вливается в 5-ю армию и двигается вместе с ней на Симбирск. В сентябре он—комиссар ударной бригады Спижарного, переходящей из 26-й в 27-ю дивизию. Писем из дому не получает и между боями тоскует по семье. В октябре получает командировку в Москву за литературой. 5 дней добывает литературу и, простившись навсегда с женой и ребенком, отправляется в свою бригаду. Последние письма с фронта полны глубокой тоски и по семье и по культурной московской жизни. Отсутствие газет удручает. Неважные дела на фронте нервируют. Чтобы влить бодрость в замерзших, полуголодных красноармейцев, сам ездит с ними в разведку, носится из одного полка в другой и, наконец, в декабре того же года, уехав с 3 красноармейцами в разведку, налетает на чехословацкий разъезд в 25 чел. Патроны расстреляны, красноармейцы убиты, его

Х. Муравьев.

берут в плен. Раздевают догола и в треск учиморозь ведут голого в Уфу, сажают в тюрьму, пытают. Перед взятием Уфы нашими, 1 января 1919 г., чехо-словаки эвакуируются и увозят с собой всех заключенных. По дороге 70 из них зарубают и выбрасывают под откос, в том числе и тов. Муравьева. *Е. Штейнман.*

МУРАЛОВ Родион Иванович — скончался 6 марта 1919 г.

МУРАНОВ ** Алексей Никитич — родился в 1859 году в деревне Повеселки, Александровского уезда, Владимирской губернии, в крестьянской семье под фамилией Жохов. Украдкой от своих родителей учился грамоте самоучкой, за что к нему применялась палочная расправа. В 1880 году призван на военную службу пехотинцем. Благодаря грамотности, способностям и сообразительности произведен в фельдфебели и в это время меняет фамилию и именуется Мурановым. Прослужил пять лет на военной службе, освобожден по билету. Семья родителей и своя семья кормиться землей не в состоянии: Муранов уходит на побочный заработок на ф-ку Баранова в г. Александрове. В 1890 году перебирается с семьей в Орехово, поступает ткачем на фабрику С. Морозова. Тут Муранов узнает, что́ такое эксплоатация, что́ она дает фабриканту и что́ дает рабочему, и стал задумываться над вопросом освобождения труда от капитала.

В 1905 г., ближе познакомившись с т. Бугровым, он вступает в Р.С.-Д.Р.П., придерживаясь большевистского течения. В конце 1906 года после обыска получил три месяца тюрьмы в административном порядке по предписанию владимирского губернатора. В начале 1907 года по выходе из тюрьмы рассчитывают с фабрики всю семью, исключают из членов Потребительского Общества и выселяют из фабричной квартиры. Муранов переезжает в Зуево, занимается портновским мастерством, все время не прерывает связи с партией, не считаясь ни с какими семейными трудностями. В 1908 году 9 мая, возвращаясь из лесу с партийной конференции, вместе с другими арестовывается, находится под следствием во Владимирской тюрьме до февраля 1911 года. Судится Московской Судебной Палатой в числе 30 человек Ореховской организации, приговаривается к лишению прав и ссылке на поселение. На место ссылки т. Муранова в Енисейскую губернию с ним пошла семья, состоящая из 7 человек. Там он прожил до февральской революции 1917 года. В 1917 году возвращается опять в Орехово́, занимает должность секретаря партийной организации и на третьих выборах Совета избирается членом Исполкома в качестве заведующего отделом юстиции, позднее—по работе в деревне Укома. В партии состоял 16 лет. Под влиянием всего пережитого и возраста организм т. Муранова ослабевает; легочные и желудочные болезни его свели в могилу. («Братская могила».)

МУРАТОВ Алексей — командир батальона, умер в гор. Луге в 1919 г. («Боевая Правда» № 14 от 23 сентября 1919 г.)

МУРЗИН **—учитель. — См. Некрасов.

**МУРЫГИН ** — помначагентуры ДОГПУ, был убит в момент ареста фальшивомонетчиков при захвате последних на фабрике «Седло». («Трудовой Дон» № 420 от 17/XII 1922 г.)

МУСАТОВ Алексей Павлович — утонул 3 мая 1919 года при переправе через Донец во время боя с красновскими бандами. Будучи комиссаром полка, всегда личным примером воодушевлял красноармейцев, часто спасая этим положение. Тов. Мусатов с 15 или 20 красноармейцами засел у переправы на правом берегу Донца и геройски отражал противника до тех пор, пока полк не переправился через реку. Когда он хотел переправиться с лошадью сам, он оторвался от лошади и утонул.

МУСАТОВ ** Стефан Федорович — род. в 1887 г., заводской рабочий в г. Златоусте. При царизме подвергался преследованиям за участие в забастовках, был членом боевой дружины. После революции — председатель волостной управы и комиссар лесного отдела. Арестованный чехо-словаками в 1918 г., был уведен 3 августа того же года из тюрьмы и пропал без вести.

МУСЛИМОВ ** Сулейман Аипович — член Р.К.П. (б) Красноярской организации, умер на революционном посту 24/X 1921 года. («Из ист. Красноярской орг. Р.К.П.», стр. 15.)

МУХИН **—см. Уткин.

МУХИН **—разведчик. Вот что рассказывает очевидец о смерти Мухина. Приблизительно в июле 1918 г., ночью, несколько советских кавалеристов, в том числе и Мухин, были посланы под село Болтуновку, Хвалынского уезда на разведку. Случайно Мухин отбился от своих товарищей; не зная дороги, он наугад добрался до самой Болтуновки. И, не падая духом, начал разведку. Выведав все, он хотел было старой дорогой возвратиться в отряд, но конный неприятельский разъезд заметил его, открыл огонь и ранил коня; конь упал и подмял под себя Мухина... Этим воспользовались белые, подскакали и, не говоря ни слова, стали хлестать его плетьми, а потом, скрутив руки назад, повели на веревке в штаб. В штабе бывший поручик Бугаевский и прапорщики Шугайло и Якушкин (вольские жители) долго издевались над ним. Лаской и угрозой распрашивали его, где артиллерия, где штаб и т. д., на все Мухин твердо отвечал: «не знаю» или «знаю, но не скажу». Ему обещали награду, обещали свободу. И на это тов. Мухин лишь улыбался... Потом его избили и повели за село. Дали в руки лопату и велели рыть яму, продолжая издеваться и ругаться над ним. Когда яма была готова, Будаевский приказал: «А ну-ка, примерь, как раз ли?». Мухин лег.—«Нет, еще постой». Наконец, яма готова. Прапорщики позвали опять мобилизованных крестьян из села Сосновая Мара, Хвалынского у., и махнули рукой. И эти пятеро поняли, им не в первый раз было выполнять роль палачей. Они окружили Мухина. Он отбросил лопату, провел нервно рукою по волосам и приготовился, из груди вырвалось лишь несколько слов: «А все-таки Советы победят!». Пять острых штыков пронзили его тело. Сбросили в яму и стали зарывать торопливо, как воры. А когда ушли, то из бугорка торчала незарытая рука... (Из «Золотой доски», изд. Товарища красноармейца.)

С. Мусатов.

МУХИН* **Федор Никанорович** — был и вождем, и солдатом, и чернорабочим пролетарской революции на Амуре. В течение нескольких лет до 1917 года Ф. Н. Мухин служил машинистом ст. Ульмин, куда перебрался с Китайской Вост. ж. дор. В 1917 году, по приказу Керенского, Ф. Н. Мухин был в числе прочих мобилизован и назначен в благовещенский гарнизон. После Октябрьской революции, когда по всей России была провозглашена Советская власть, в Благовещенске стал конструироваться Сов. Р., С., К. и К. Депутатов, куда от военной организации был избран тов. Мухин, который, благодаря своей энергичной деятельности, быстро выдвинулся вперед, приобрел много сторонников и был выбран председателем Совета Р., С., К. и К. Депутатов. В 1918 г., когда контр-революционная гидра подняла голову и захватила на несколько дней власть в городе в свои руки, Ф. Н. был арестован и препровожден в тюрьму, но спустя неделю Красная народная армия вновь заняла город и во главе Совнаркома стал освобожденный из тюрьмы Ф. Н. Мухин. После падения Советской власти Ф. Н. вынужден был скрыться в подполье, где и принимал самое живейшее участие в организационной работе по созданию партизанских отрядов и играл выдающуюся роль в партизанском движении на Амуре. Начиная с октября 1918 года, он создает в гор. Благовещенске и в области организацию, называвшуюся «Военно-революционный коллектив», насчитывавшую около 10.000 человек. Революционная работа ввиду общего сочувствия населения вскоре теряет характер подпольной работы и выли-

вается в открытое восстание по всей области. Это восстание произошло в феврале 1919 года. Восстание в городе было обречено на неудачу и через несколько часов было ликвидировано, а восстание в области вылилось в форму борьбы восставших с японскими отрядами. Произошли крупные бои под деревней Андреевкой и Юхтой. Несмотря на то, что партизанские отряды были еще молоды и плохо обстреляны, бои были настолько удачны, что японские регулярные войска потеряли в них 1000 человек убитыми, 2 пулемета и 2 орудия. Однако, несмотря на такие отдельные успéхи, восстание в силу целого ряда причин было к апрелю ликвидировано. 10.000-ая армия распалась. Участники ее, большей частью разбившись на маленькие отрядики, отправились в глухую тайгу Амурской области, а меньшая часть разбрелась по домам. Работа и популярность т. Мухина не давали покоя колчаковцам, и они назначили крупную сумму за его голову. 8 марта 1919 года в контр-разведке были получены сведения, что Ф. Н. скрывается в школе Отечественной войны по Иркутской улице. За школой с 3 час. дня было установлено наблюдение, а в 6 час. сыщиками, в количестве 8 чел., были заняты выходы у здания школы и произведен обыск. Т. Мухин попытался скрыться в одной из ниш машинного отделения, так как выйти совсем из здания было абсолютно невозможно. Палачи, учитывая это обстоятельство, тщательно обшарили каждый уголок и, приблизившись к нише, крикнули: «Выходи, кто там есть, или будет брошена бомба!» Таким образом, тов. Мухин оказался в руках «героев»—народных палачей. Они устроили на другой же день, 9 марта, комедиантский военно-полевой прифронтовой суд и приговорили Ф. Н. к смертной казни. Но, опасаясь восстания и попытки со стороны рабочих освободить т. Мухина, они решили сразу покончить с ним, и, при выходе из застенка, одним из офицеров Ф. Н. был убит. (Сведения взяты из ст. З. Мокина в сборн. «Красная Голгофа», стр. 27—28, и из сборн. «Беседы политчаса. Борьба с контр-революцией в Сибири и на Д. Востоке». Изд. воен.-ред. совета Н. Р. А и Ф. Д-В.Р.) 1922. г.).

Ф. Мухин.

Воспоминания о т. Мухине.

Встретиться мне пришлось с Ф. Мухиным в 1905 г. на Забайкальской жел. дор., ст. Борзя, где мы и проработали с ним около полумесяца. В июне 1905 г. произошло столкновение двух паровозов в пути, и так как в России при монархическом правлении всегда бывал «виноват стрелочник», то и неудивительно, что подозрение и в умышленности столкновения пало на Ф. Мухина, который был арестован и посажен в иркутскую тюрьму, откуда через $1^1/_2$ месяца освобожден и по суду оправдан. В это время т. Мухин и занялся подпольной работой. Он и его несколько товарищей в сопках устраивали митинги, вели пропаганду среди рабочих, снабжали их брошюрками, прокламациями и пр. Тов. Ф. Мухин являлся всегда центральной фигурой среди остальных, немногочисленных правда, рабочих и всегда умел уладить возникавшие между рабочими конфликты, завоевывая этим все бóльшую и бóльшую симпатию. В сентябре 1905 г. Ф. Мухин устроил митинг рабочих депо и вскоре целый ряд других собраний, на которых, были выработаны требования рабочих из 27 пунктов, из которых администрацией, однако, было удовлетворено всего 7, но и этого было достаточно для самосознания рабочих. Дальше дело шло успешнее. Манифест 17 окт. 1905 г. застал тов. Мухина уже на ст. Маньчжурия,—к манифесту т. Мухин отнесся отри-

цательно. С этого момента Ф. Н. посвятил себя исключительно политической работе, бросив свое дело.

9 января 1906 г. было решено устроить манифестацию, несмотря на то, что реакция надвигалась быстрым темпом и манифестации уже были запрещены. Манифестантам не удалось даже дойти до станции, где находились эшелоны солдат, как полиция напала на них, сорвала флаг, при чем были жертвы. Мухин же, сбрив бороду и усы, первое время прожил нелегально на станции, а затем, запасшись паспортом, нарядившись кавказцем, с голубыми очками, прогуливался по перрону станции, «испытывая судьбу» — узнают его сослуживцы или нет. Между тем полиция разыскивала его, и на станции Манчьжурия, красовался плакат с надписью: «Кто укажет местопребывание Ф. Н. Мухина, тот получит 1000 руб.». На ст. Борзя вместо Ф. Мухина по ошибке был убит т. Лесниченко, который имел несчастье быть похожим на Ф. Н. После этого т. Мухин выехал в Харбин, при чем на ст. Цицикар с ним произошел следующий инцидент. В вагон, где сидел Мухин, вошел жандарм и пригласил его на станцию, куда и повел в сопровождении двух конвоиров. Когда Мухина подвели к начальнику станции, последний подал ему руку и произнес: «Здравствуйте, госп. Мухин»! Ф. Н. не подал ему руки и хладнокровно ответил: «Что вы навязываете какого-то Мухина, я с вами прежде всего не знаком, что же вам от меня нужно?». Начальник станции впал в сомнение и после поверки документа извинился перед Мухиным, и Ф. Н. удалось выехать дальше и уже через Харбин приехать на Амур. *Анищенко.*

(«Из сборн. «Красная Голгофа»: стр. 29, 30.)

МУХОРТОВ **—см. **Уткин.**

МЯГИ ** — политический комиссар 4-й армии, бывший председатель Самарского Губернского Совета Народного Хозяйства, погиб на Уральском фронте вместе с товарищами Линдовым и Майоровым в январе 1919 г.—См. **Линдов.**

МЯГКОВ П—см. **Ремтер.**

МЯСНИКОВ Борис—командир роты, коммунист 2-го Городского района, убит в 1919 г. на Лужском участке. («Боевая Правда» № 14 от 23 сентября 1919 г.)

Н.

НАЗАРОВ ** **Василий Михайлович**—45-ти лет, рабочий (ткач), в партию вступил в 1917 году. В. М. еще до революции 1905 года относился к революционному движению сочувственно и принимал горячее участие в партийной работе распространением литературы, сбором денег и агитацией среди рабочих на фабрике, в казарме, на улице и даже в уборной,—одним словом, на каждом шагу. В 1915 году за первомайскую агитацию и остановку фабрики уволен. Работал поденщиком в разных местах и у разных торговцев. Неоднократно производились жандармские и полицейские обыски. Семья состояла из девяти человек, и при одном работнике положение было ужасное; так продолжалось до февральской революции. С первых дней революции 1917 года поступил милиционером и через короткое время—на фабрику. В третьи выборы Ореховского Совета был отозван с фабрики, выполняя задания Совета. Особенно обращал внимание на санитарную сторону, очистку выгребных и мусорных ям и уборных. В 1918 году пошел добровольцем в Красную армию (два сына ушли добровольцами: старший—в 1917 и младший—в 1919 г.). В первое время служил в одной из частей, находившихся в Москве, в отделе снабжения. Был демобилизован, возвратился в Орехово. В 1919 г. вторично пошел добровольцем на фронт, прикомандирован к 9-й армии в отдел снабжения. После короткой побывки, пишет в последнем письме 17/XI 1919 года: «Нахожусь в хуторе Ермаково, Донской области, слышны раскаты пушек; наши войска переправляются через Дон. Настроение армии хорошее. Меня назначили заведующим санным пунктом 297-го полка. Возможно, что мне писем получать больше не придется, но все-таки пиши. Адрес: 38-я особая Продкомиссия 297-го полка».

Это было последнее письмо. Дальнейших сведений о нем нет. («Братская могила», стр. 119.)

НАЗАРОВ ** **Михаил Васильевич** — родился в 1903 г., сын рабочего, образование начальное. В партию вступил в 1919 г. и в мае того же года пошел добровольцем; прикомандирован к 1-му Московск. Револ. полку и в первом же бою был смертельно ранен. Отец его, Василий Мих. Назаров, также погиб на фронте (см. выше). (Свед. взяты из сб. «Братская могила».)

НАЗУКИН * (**«Дядя Ваня»**)—матрос Балтийского флота, член Р. К. П. В 1919 г. занимал пост Наркомпроса Крыма. Пользовался большой популярностью в Крыму как работник-организатор и руководитель подпольной Феодосийской организации, подготовлял вооруженное выступление с целью захвата Акмонойского перешейка и для соединения с Красными войсками. Казнен в конце 1919 года.

Воспоминания о т. Назукине.

Как сейчас, вижу эту крепко сколоченную фигуру «дяди Вани», ровный голос, спокойный твердый взгляд серых глаз и одна мысль в них: как бы собрать силы, подготовить дело восстания, чтоб произвести переполох в тылу белых. За день до его ареста пишущему эти строки пришлось совещаться с дядей Ваней, намечая людей в подпольный Ревком в случае восстания и захвата власти. В случае неудачи мы все должны были уйти к зеленым в горы. Мне, как типографу, было поручено взять на себя выпуск приказов, воззваний, одним словом, всю печатную часть работы. Но начатое дело довести до конца не удалось из-за провала солдатом-участником, и дядя Ваня был арестован. Благодаря конспирации (он не допускал, чтоб на явку приходили одновременно двое лиц и таким образом узнали друг друга) других установить контр-разведке не удалось.

Контр-разведка пыталась шомполами заставить его говорить подробнее насчет связей. Как передают, вся спина его была превращена в сплошную кровавую рану, но ни звука, ни стона белые звери не выбили из железного сердца дяди Вани, и лишь для того, чтоб скорей наступил конец, он им сказал, что он матрос Иван и что больше он никого и ничего не знает. Повторные попытки шомполом вызвать признания дали те же результаты, и дяди Ваня был расстрелян, унеся с собой в могилу все нити восстания.

Все рабочие г. Феодосии помнят и чтят память своего любимого «дяди Вани». Когда Врангелевская банда была вышвырнута за море, они разыскали его труп на свалке и с большой теплотой и торжественностью похоронили в центре города на площади в братской могиле.

И. Коганицкий.

НАЙДЕНОВ **—агент ДОГПУ, убит бандитами («Трудовой Дон» № 420 от 17/XII 1922 г.)

НАРБУТ ** **Петр Васильевич** — пролетарский поэт, сражался в рядах 9-й армии и умер от сыпного тифа в станице Константиновской в марте 1920 г. («Изв. В. Ц. И. К.» № 48 от 23/II 1922 г.).

НАРЧУК * **Виктор Николаевич**—питерский рабочий-металлист с завода Эриксон. В 1918—1919 г.г. заведывал Губ. Отделом Труда в г. Воронеже, был членом президиума Губисполкома, членом Губкома и пр. Осенью 1919 г., после захвата Воронежа белыми, отправился в армию на Южный фронт, где и умер от сыпного тифа 6 февраля 1920 года.

НАТАНСОН М. А.—родился в районе Риги, должно быть, в 1844 или 1845 году. По окончании гимназии переехал в Петербург, где сейчас же вступил в один из первых возникших тогда революционных кружков. Это было в начале 60-х годов. Вскоре он был арестован в связи с студенческими волнениями и, просидев недолго, был освобожден. По делу Нечаева он опять был арестован и освобожден без последствий; затем был арестован по делу кружка Чайковского и, освобожденный после довольно продолжительного сидения, перешел, вместе со своей первой женой, известной Ольгой Натансон, на нелегальное положение.

С тех пор он весь ушел в революцию; он был одним из основателей «Земли и Воли»; после разгрома этой организации и раскола среди уцелевших участников, он примкнул к народовольцам. В начале 80-х годов он был арестован и, после 2-х лет сидения, отправлен в Восточную Сибирь в административном порядке. В 1891 г. он вернулся из ссылки в период полного затишья в революционном движении. Все старые революционные организации были разгромлены, а социал-демократы только-только начинали свою организационную работу, не выходившую за пределы небольших кружков чисто местного, главным образом, пропагандистского характера.

Возвращаясь из ссылки, М. А. немедленно предпринимает объезд России, всюду подбирает обломки старых революционных организаций, связывает разрозненных, разбросанных по всем концам России своих старых товарищей, будит уснувших, привлекает новых и организует партию «Народного Права» с очень скромными задачами. Но это было все, что можно было сделать в то глухое время, стоя не на классовой марксистской точке зрения.

В 1894 году последовал разгром «Народного Права» и арест М. А. Просидев в тюрьме более 2-х лет, М. А. был сослан в восточную Сибирь на 5 лет. Здесь в Сибири, в конце 90-х годов, он вошел в партию соц.-революционеров, тогда только образовавшуюся из остатков всех народнических течений при самом активном участии Марка Андреевича в организации этой партии. В этой партии М. А. оставался до самой своей смерти. При расколе партии в 1917 г. он был в числе левых. Лево-эс-эровское восстание застало его больным за границей, он осудил это восстание и остался верным сторонником Советской власти.

М. Натансон.

Всю свою долгую жизнь (ему было далеко за 70 лет) М. А. был революционером и никаких других интересов, кроме революции, не имел. В молодые годы он женился, имел 2-х детей, погибших от дифтерита, когда он и жена его Ольга были в тюрьме. Вскоре умерла и Ольга, и он остался одиноким. Впоследствии он вторично женился на В. И. Александровой, до конца его жизни неотлучно бывшей при нем; она была его товарищем по делу, другом, секретарем и опекуном, без нее он не всегда вспомнил бы, что надо есть, пить и вообще заботиться о сохранении своего здоровья.

Где бы он ни был, на воле или в тюрьме, в России—на работе, в ссылке или эмиграции,—всюду все свои силы он отдавал делу революции, организовывал, агитировал, вел пропаганду; никогда сам не терял бодрости и надежды на конечный успех, поддерживал то же настроение среди окружавших его товарищей, не давая им распускаться и превращаться в обывателей.

Особенно это было заметно в ссылке, где невольное безделье развращало многих товарищей; они понемногу погрязали в повседневной будничной борьбе за существование, проникались обывательскими интересами и забывали свое прошлое. Стоило появиться М. А., и картина сразу менялась: начинались собрания, живые беседы, организовывались кружки, и люди вновь оживали для борьбы. Не один десяток таких оживившись с помощью М. А., не дожидаясь окончания срока ссылки. бежали для продолжения революционной работы. Вообще, где жил М. А., легче было жить остальным товарищам. Обаятельный человек и прекрасный товарищ, он всегда находил и время и, главное, нужное слово или дело, чтобы поддержать товарища в беде, в нужде или каком-нибудь другом затруднении. И к нему шли все за советами, за помощью или за утешением.

Народник по своему воспитанию и по периоду выработки своего миросозерцания, личный друг и единомышленник Н. К. Михайловского, он не мог никогда вполне усвоить марксистскую точку зрения, но здоровый природный

ум и революционное чутье всегда толкали его к нам. Он чувствовал, что идет по правильному пути, и долгое время носился с мыслью об объединении с.-р. и с.-д. партий. Как раз в это время (1901 г.) я впервые встретился с ним лично, заехав к нему в Лиственничное на озере Байкале. Мы слыхали друг о друге ранее, и я был встречен им чрезвычайно радушно. 3 дня я провел у него, и главной темой нашей беседы было объединение. Он все старался (без успеха) убедить меня в том, что принципиальные разногласия имеют второстепенное значение, а главное—это единство цели, стоящей пред той и другой партией. Мы так и расстались, не придя к соглашению, но расстались друзьями.

В следующем году он заехал, возвращаясь в Россию из ссылки, в Красноярск, где я работал в «Сибирском Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Мы издавали тогда прокламации на самодельном мимеографе,—он дал мне средства на оборудование типографии, и, благодаря ему, красноярский комитет стал печатать свои листки на станке.

В 1903 г. я застал его в Баку, он принял сам и подбил своих друзей к участию в материальной поддержке типографии, которую мы там оборудовали для нужд Ц. К. нашей партии. В последний раз я видел его в Питере уже после Октябрьского переворота, когда он, больной и разбитый, участвовал от имени левых с.-р. в переговорах об участии их в советской работе. Больным переехал он в Москву, а затем за границу для лечения, надеясь еще вернуться к работе, но не вернулся... Умер. Всю жизнь мечтал и работал для революции, а когда осуществилась мечта—получилась возможность во всю ширь работать, был уже бессилен и вынужден жить и умереть вдали от всего, питаясь только случайно доходившими до него весточками из России...

Историки русской революции сумеют, вероятно, выяснить роль и значение М. А. во всем революционном движении последних 50—60 лет, т.-е. в сущности во всей русской революции. («Правда» № 198 от 7 сентября 1919 г.)

И. Гуковский

НАТОЧИЕВ Иван Петрович.—В минуту опасности для Красного Петрограда тов. Наточиев один из первых поехал на фронт. 24 октября 1919 года тов. Наточиев получил приказание двинуться в атаку со своим батальоном на укрепленную позицию белых у деревни К. и, ведя свой батальон, был сражен белогвардейской пулей.

Тов. Наточиев—крестьянин Тобольской губ. В 1915 г., скрываясь от преследования, он эмигрировал во Францию. Когда туда проникла весть о революции, тов. Наточиев с другими устраивает братание с немцами. Его сажают в тюрьму как «изменника». Наконец, в мае 1919 г. тов. Наточиев, после $2^1/_2$-летней каторги в «свободной» Франции, попадает в Россию. За время пребывания за границей тов. Наточиев много пережил и много передумал. Он всей душой стремился в родную по духу Советскую Россию и, когда после долгих мытарств попал в нее, тотчас же вступил в Красную армию. Он хотел показать белой своре, как дерется тот, кто защищает Советскую власть, и он это показал. («Боевая Правда» № 96 от 29 октября 1919 г.)

НАХАМКИН Яков Борисович (Никитин)—в 1919 г. был фактически редактором газеты «Путь Советов». Он имел весьма солидное революционное прошлое. Некоторые сведения о его подпольной работе имеются в сборнике «Революционная борьба в Гомельской губернии», изд. Гомельского бюро Истпарта к 4-й годовщине Октябрьской революции.

Як. Бор.—главный организатор в 1903 г. в Гомеле Полесского Комитета Р. С.-Д. Р. П., руководившего соц.-демократической работой в районе железнодорожной линии Брянск-Речица. Своей революционной работы он не оставлял и в годы реакции; вся его семья—жена, тов. Лесная, и дети—с малых лет рука об руку с ним участвовали в революционной борьбе.

В 1917 г. он временно состоял во фракции меньшевиков. Однако период немецкой оккупации и крушение германского империализма открыли ему глаза, и в 1919 г. он вступил в ряды Р. К. П.

Несмотря на сильнейшую болезнь сердца, он с юношеской кипучестью (ему уже было за пятьдесят лет) продолжал свою работу в редакции и в то же время читал лекции в различных местах. Весной 1920 г. он перешел на работу в губнаробраз и стал подготовлять издание педагогического журнала. Одновременно он принял самое горячее участие в начавшейся дискуссии о коллегиальном или единоличном управлении производством.

Вечером 31 марта он обсуждал с сыном содержание завтрашней статьи в защиту единовластия. А через несколько минут после обсуждения сердце его перестало работать, и он внезапно скончался. (Из статьи Г. Лелевича «Четыре могилы».)

НАХАНОВИЧ Исай Леонтьевич — подпольная кличка «Владимир»; родился в 1889 г. Сын крестьянина Забайкальской обл., по профессии—наборщик. В партию вступил в 1907 г. В первый раз он был арестован в Чите в 1910 г. и присужден к одному году крепости. В 1913 г. вторично арестован за распространение прокламации-протеста против избиения на Нерчинской каторге. Наханович сослали в Киренск, откуда при содействии «бабушки» Брешко-Брешковской он бежал. Заметая следы, Наханович оказался в другом конце России—в Баку, где 18 июля 1914 г. был снова арестован за участие в забастовке нефтяных рабочих. Последовала вторичная ссылка в Киренск и вторичный побег оттуда, на этот раз в Томск, где, работая в качестве наборщика, он проживал под фамилией Очередина. В Томске он принимал деятельное участие в работах военно-социалистического союза, который был организован бывшими нарымскими ссыльными, взятыми во время войны в солдаты. С прокламациями этого союза Наханович был арестован 10 января 1917 г. Февральская революция освободила его из Томской тюрьмы, и он в тот же день помчался в типографию, чтобы собственными руками набрать первую в свободном Томске прокламацию, разъяснявшую населению о том, как и почему рухнул царский трон.

После февральской революции Наханович занялся организацией горнорабочих. С этой целью он объехал все сибирские шахты и приски. Октябрьский переворот застал его в Петрограде, куда он был делегирован на съезд Советов. Он, конечно, голосовал за то, чтобы власть была взята рабочими и крестьянами. Возвратившись в Томск, он немедленно, со свойственной ему последовательностью, принялся за организацию Советской власти на месте. Его назначили комиссаром юстиции. Это обстоятельство вызвало большое неудовольствие местной интеллигенции, так как он окончил только двухклассное училище. Но этот «недоучка» по своему уму, знаниям, способностям, благородству, честности и нравственному укладу стоял много выше всей этой буржуазной интеллигенции.

Для характеристики Нахановича считаю не лишним привести следующий факт. Когда эс-эр Павел Михайлов, бывший некогда самым лучшим другом Нахановича, стоял у власти, то он просил указать, чем он может быть полезен Нахановичу, томившемуся после чехо-словацкого переворота в тюрьме. «Ничем,—ответил Владимир,—от партийных врагов, от правых эс-эров, хотя бы и бывших друзей, не желаю ни помощи, ни подачек». Перу Нахановича принадлежит очень много публицистических статей, стихотворений и остроумных сатирических и до крайности язвительных очерков. Бóльшая часть из них была в свое время напечатана в томских газетах: «Знамя Революции» и «Рабочее Знамя». Свою фамилию Наханович подписывал редко. В печати он выступал под псевдонимами: Очередин, Навич, Санкюлот.

Чехо-словацкий переворот застал Нахановича в пути: он возвращался в Томск из Омска, где участвовал на съезде сибирских комиссаров юстиции. По дороге чехо-словаки арестовали его. Когда поезд, замедляя ход, приближался к Ново-Николаевску, Наханович, улучив удобную минуту, соскочил и пешком направился в Томск, куда он прибыл в тот день, когда совет успел уже эвакуироваться, а город находился в руках белогвардейцев. По доносу он был арестован. В тюрьме Нахановича держали в одиночке под самым бдительным надзором. К своему незавидному положению он относился крайне равнодушно, чем еще более озлоблял своих тюремщиков. В ночь на 17 октября 1918 г. Нахановича

неожиданно вывели из тюрьмы. Вместе с другими 12 товарищами его посадили на грузовой автомобиль и отправили на вокзал, где находился готовый к отъезду поезд генерала Пепеляева. Арестованных поместили в вагоне и дали им понять, что скоро повезут на расстрел. Меня, бывшего невольным свидетелем этих тяжелых минут, поражало то стоическое спокойствие, с которым Наханович относился к ожидавшей его участи. Улыбка все время не сходила с его лица. Все то же беззаботное веселье, все те же шутки да прибаутки, на которые он был большой мастер.

Арестованных, однако, не расстреляли. Их доставили в Екатеринбург и препроводили в качестве заложников в тюрьму, где поместили в подвальном этаже, в сырой, холодной камере. Тяжелы были тюремные условия, и если уныние и отчаяние не охватили всех его сокамерников, то только потому, что Наханович поддерживал их бодрость и никому из них не давал падать духом.

Он был уверен, что белые долго не удержат Сибирь и Урал, и эту уверенность вселил всем. Когда по тюрьмам разнесся слух, что перед эвакуацией Екатеринбурга тюремная администрация, согласно данному ей распоряжению, расстреляет томичей, Наханович заметил: «это не важно, пусть мы умрем, но коммунизм восторжествует».

10 июля эвакуировали Екатеринбургскую тюрьму. Я не стану описывать все те мучения, страдания, испытания и мытарства, которые выпали на долю эвакуированных. Сыпной тиф, перенесенный в тюремных условиях, надломил этот мощный духом организм. Еще слабым, неокрепшим, еле волочившим ноги, его сначала пешком, а затем в вагоне белые угнали вглубь Сибири. Около станции Иннокентьевская он умер в вагоне от дизентерии на глазах товарищей, которые ничем не могли ему помочь.

Труп его, как уверяют, сожгли.

В. Вегман.

(Из книги «Три года борьбы».)

С. Нахимсон.

НАХИМСОН Семен Михайлович—родился в г. Либаве (Курл. губ.) в 1885 г. Там он получил среднее образование, а высшее закончил затем за границей—в Берне (в Швейцарии). С самых юных лет т. Нахимсон отдался служению революции. Еще учеником, он принимал активное участие сначала в либавской организации «Бунда», а затем в латышской соц.-дем. партии, ведя энергичную работу в ученических, рабочих и солдатских кружках. В 1905 г. т. Нахимсон играл видную роль в революционном движении в Либаве. Разгром революции заставил его скрыться за границу от карательных отрядов, приговоривших его заочно к смертной казни. Но вскоре он возвращается в Россию, уже летом 1907 г. входит в комитет соц.-дем. партии в Ковне и отдает все силы ковенской военной организации, работая под кличкой «Павел». Ковенская организация делегирует его на партийный съезд в Лондон, и там т. Нахимсон фигурирует под именем «Салин».

После разгрома Ковенской организации, он переносит свою деятельность в Брест-Литовск, ведя как там, так и в других городах деятельную подпольную работу. Вынужденный снова эмигрировать, он занялся за границей приобретением теоретических познаний, изучая в различных университетах интересующие его предметы. В г. Берне он получает диплом доктора философско-экономических наук. По окончании университета т. Нахимсон снова возвращается в Россию и принимается за партийную работу в Петрограде, входя в организацию большевиков. Одновременно он сотрудничает в «Правде», где его статьи появляются за подписью «Михальчи» и «Павел Салин».

Во время съезда торгово-промышленных служащих в Москве он является активным деятелем и на этом съезде. Предательство провокатора Малиновского выдает в руки полиции т. Нахимсона вместе с другими участниками съезда во время собрания на Воробьевых горах. Он попадает в тюрьму, затем высылается на родину, в г. Либаву, на 2 года под надзор полиции. Там он работает в латышской группе соц.-дем., снова попадает в тюрьму, где обвиняется в принадлежности к соц.-дем. партии и в подготовке выступления по поводу процесса Бейлиса. После тюрьмы т. Нахимсон продолжает свою партийную и газетную работу в г. Петрограде. В то же время он читает ряд лекций по рабочему вопросу в Народном университете. В начале войны он попадает в Кременчуг, где более года ведет самую широкую общественно-политическую деятельность.

В 1916 г. он уже на фронте в качестве помощника, а затем начальника санитарного отряда Всероссийского Союза Городов. В половине февраля 1917 г. он арестовывается на фронте контр-разведкой и предается военно-полевому суду. Но февральская революция его освобождает, и он едет в Петроград в качестве делегата. Здесь он весь уходит в партийную работу. Он избирается председателем 1-го Городского района, а затем делегируется в оборонческий тогда Совет 1-го Гор. района. В Совете он проявляет свои огромные организаторские способности в самом ярком свете, тотчас он организует при Совете фракцию большевиков, в несколько месяцев добивается большинства левого течения над соглашательскими элементами Совета и занимает в нем место председателя. При этом он попрежнему деятельно работает в партии, состоя представителем ее в Районной и Центральной Городской Думе, входя в Петроградский Комитет партии, в военную секцию Петроградского Совета; состоит членом Ц. И. К. После июльских дней он возобновляет прежние связи с латышскими стрелками XII армии, которые избирают его комиссаром, однако соглашательский Ц. И. К. его не утверждает, и он делегируется партией в XII армию, как партийный агитатор. Вскоре он избирается председателем Искосола и комиссаром XII армии. Германское наступление вынуждает его вместе с армией покинуть Валк и переехать в Рыбинск. Здесь старая армия расформировывается, а т. Нахимсон, работая одновременно в местной организации большевиков и в Ярославском Совдепе, деятельно отдается организации новых кадров Красной армии. Эта деятельность вскоре приводит его на пост военного комиссара Ярославского округа. В деятельной работе по военной организации в Ярославском Совдепе и в партии протекают последние месяцы его работы. В самом начале белогвардейского восстания в Ярославле он был схвачен у себя на квартире тотчас по возвращении домой с заседания губернского съезда и расстрелян без суда и следствия черносотенными офицерами XII армии. Расстрелянного и растерзанного тов. Нахимсона взвалили на дроги и в течение нескольких часов возили по улицам Ярославля, а затем бросили во дворе земской больницы, где труп провалялся несколько дней. После подавления восстания труп его был найден и отправлен в Петроград, где и похоронен на Марсовом Поле.

Товарищу Нахимсону посвящен целиком № 28 за 1918 г. «Вестника Совета 1-го Городск. района». Приведенные выше биографические сведения взяты оттуда.

НЕВЕРОВ ** —в декабре 1917 г. был избран в комитет большевиков в Тюмени, а при выборах нового Ревкома прошел в члены его. Умер в г. Троицке в 1919 г. («Октябрьский Сборник», из ст. «Советская власть в Тюмени и ее падение» В. Кармашева.)

НЕЙБУТ * Арнольд (партийная кличка «Петр») — старый революционер, долгие годы проведший в эмиграции, в Америке. Там он работал на революционном поприще в единственной американской боевой пролетарской организации — «Ай Доблью-Доблью» (I.W.W.—Союз Индустриальных Рабочих Мира). После февральской революции он возвращается в Россию, во Владивосток, в котором сразу же с головой ушел в революционную работу. Там при его деятельном участии создается мощная организация большевиков; он редактирует газету «Красное Знамя», руководит деятельностью Владивостокского Совета, избирается в Учредительное Собрание от Приморской области. С переходом власти к Советам т. Ней-

бут ведет во Владивостоке мудрую, достойную и спокойную внешнюю политику местного Совета. К открытию Учредительного Собрания он едет в Петроград и там начинает энергично работать во Всероссийском Центр. Исп. Комитете. Перед Брестским миром он организует в Петрограде красный легион, в состав которого входят и американцы и англичане. Незадолго до падения Советской власти в Сибири он назначается во Владивостоке комиссаром по иностранным делам Дальнего Востока. В Омске его застает сибирский переворот, и он входит в Штаб Зап.-Сибирской Советской Красной армии, затем уходит в подполье и работает над созданием тайных партийных организаций. В конце 1918 г. избирается председателем Сибирского партийного Центрального Комитета. Затем принимает самое деятельное участие в омских восстаниях 22 декабря 1918 г. и 1 февраля 1919 г.

Во время ликвидации февральского восстания он попадает в руки колчаковцев, которые убивают его после продолжительных жестоких пыток. (Сведения взяты из книги «Три года борьбы».)

К характеристике тов. Нейбута.

Председатель 2-го Областного Комитета Р. К. П. в Сибири, крупный партийный работник—т. Нейбут пал в бою с колчаковщиной. 3-я Областная Сиб. Конференция, собравшись в марте, признала ошибку прошлого и в своем протоколе записала: «2-й Областной Комитет Партии согласно директивам 2-й Областной Конференции, избиравшей его, видел главную задачу работы в подготовке восстания рабочих, крестьянских и солдатских масс Сибири как в общесибирском, так и в местном районном масштабе. Подготовив оба омские восстания Обл. К-т потерял своего председателя т. Петра Нейбута, как одну из жертв белого террора, свирепствовавшего после 1 февраля (2-го восстания в Омске)». Партийной кличкой товарища Нейбута была Большой Петр. Это до некоторой степени характеризовало его как человека. Высокого роста, широкоплечий, с большим умным лицом, на котором выделялся широкий лоб, т. Нейбут был большим человеком по своему уму, своей энергии, теоретическим знаниям. Многие годы отдал он партийной работе то в качестве члена партийных К-тов, то в качестве редактора газет, агитатора и т. д. Однако у него была одна характерная для него черта—это мягкий красочный юмор, который сверкал в его словах на митингах, выступлениях и, особенно, в частной жизни.

Большой и сильный человек в то же время был мягким и добрым в частной жизни. Во время уже самого дикого разгула колчаковщины, в перерывы лихорадочной партийно-боевой работы, собравшись в маленьком кругу друзей и товарищей по работе, он начинал иногда вспоминать о юге, о солнечной красавице-весне с синим небом, яркими красками. Это бывало в редкие передышки работы. Остальное же время все у него было занято работой тревожной, лихорадочной. Он умер на своем месте, сказав перед смертью в лицо палачам прекрасное, полное ненависти к врагам рабочего класса и полное веры в победу коммунизма последнее «прости» оставшимся в живых и на работе друзьям-товарищам. (Из книги Конст. Молотова «Контр-революция в Сибири и борьба за Советскую власть», стр. 41).

НЕКРАСОВ ** — студент Владивостокского Института восточных языков, расстрелян по распоряжению генерала Анненкова в Славгороде в двадцатых числах сентября 1918 г. Вместе с ним из числа «заподозренных» были также расстреляны: московский инженер **Щербин**, учителя **Кузнецов**, **Ляпустин**, **Мурзин**, **Мотовилов** и друг. (Взято из ст. П. Парфенова «Сибирские эс-эры и расстрел славгородских крестьян в августе 1918 г.». «Пролет. Револ.» № 7.)

НЕМИРИЧ.** — С начала 1917 года он начал работать в правление союза швейников гор. Харькова. Всегда спокойный и тихий, выдержанный и неутомимый работник, он принимал очень деятельное участие в работе большевистского коллектива союза. Через девять месяцев после вступления его в союз на Украину стали наступать немецкие полчища. Для обороны города быстро сорганизовался

боевой отряд рабочих—швейников, печатников и других. В этот боевой отряд вступил и т. Немирич.

Наступили решительные минуты, немцы стали подходить к городу, наш отряд выступил и принял первый бой с немцами. Вскоре нам пришлось оставить город и отступить далеко от родных полей нашего Харькова. В это время некоторые товарищи поодиночке стали перебираться обратно в Харьков для подпольной работы, в числе их был и тов. Немирич. Восемь томительно-тяжелых месяцев упорной подпольной работы пришлось провести на Украине, пока снова восставший украинский рабочий не свергнул иго немечины и других «щирых украинцев». Но вскоре началось наступление банд Деникина. Опять старые борцы взяли свои винтовки и стали отстаивать свою свободу. В этой борьбе мы снова в своих рядах увидели т. Немирича. На этот раз наш северный отряд был окружен деникинцами, и в продолжение 5 дней ему пришлось пробиваться. В деревне Большая Полевая, в 35 верстах от Харькова, нас снова окружили казаки. Утомленные части напрягали последние усилия, в обозе патроны были на исходе, но быстрой контратакой отряду удалось отбросить казаков и захватить часть их обоза. Во время этой атаки пулей в лоб был убит тов. Немирич. *Борис Аннин.*

НЕМИЧ ** **Антонина**—член партп с 1905 г. Была членом Евпаторийского ревкома и член коллегии комиссии собеза.—См. **Кебабчьянц.**

НЕМИЧ ** **Варвара** (Гребенюк). — Была членом Евпаторийского ревкома в 1918 г.—См. **Кебабчьянц.**

НЕМИЧ ** **Семен**—юноша 19—20 лет. Прапорщик, член Р. К. П., был начальником евпаторийской красной гвардии в 1918 г.—См. **Кебабчьянц.**

НЕМИЧ ** **Татьяна**.—До октября—левая эс-эрка, потом коммунистка.—См. **Кебабчьянц.**

НЕПОМНЯЩИЙ ** **Исай**—тов. председателя Канского исполнительного комитета и председатель подрайонного комитета по кожевенным делам. Принимал деятельное участие по организации кожевенной монополии в Канском уезде. При его деятельном участии была создана народная мастерская, с отделениями: шорным, сапожным, ичижным, пимокатным, кочмовальным и т. д. В этом предприятии работало 407 рабочих. В июне 1918 года на кожевенном съезде в Красноярске он был избран председателем. По окончании работ съезда избран в члены управы районного комитета по кожевенным делам. При эвакуации Красноярска Советской властью 18 июня 1918 года он остался на месте и был арестован; сначала сидел в красноярской тюрьме, а в начале 1919 г. препровожден в гор. Канск, Енисейской губ., где и был расстрелян. По убеждению—меньшевик-интернационалист. Покойному было около тридцати лет. (Из сборн. «Красная Голгофа», стр. 111).

НЕРОНОВИЧ ** — стоял во главе Украинского соц.-демократической группы. Убит немцами вблизи Полтавы в 1918 г.

НЕРРИС ** **Василий**—юноша с бледным детским лицом, с вдумчивыми голубыми глазами, живой, энергичный общительный, жизнерадостный—таким представляется мне Василий Неррис,—Вася, как звали мы его. Полуребенок с душой героя... Сын сибирского еврея-кантониста, Вася, кажется, насколько помню из его слов, осиротел довольно рано. Судя по отрывочным его рассказам, детство его протекло не в особенно радужной обстановке. Когда и где он выучился грамоте и где учился—не знаю, но из его споров со своими политическими противниками, а также и по тем небольшим речам, которые он писал, выступая в качестве агитатора среди крестьян и солдат, я заключаю, что он был хорошо развит, много читал и разбирался в прочитанном. Когда и каким образом он появился в нашей среде—не помню, но познакомился я с ним при следующей обстановке.

Лето 1918 года было особенно бурным и тревожным в жизни Забайкалья—вообще и Читы в частности. На востоке появился японский содержанец—Семенов, угрожавший нашей рабоче-крестьянской власти и всем революционным завоеваниям. Трудовое население готовило отпор бандиту, происходили съезды, митинги, собрания, где пропагандировалась вооруженная борьба с узурпатором. Спешно

шла организация красной социалистической армии и гвардии. Коллегия агитаторов и пропагандистов несколько раз обращалась при помощи газет к революционной молодежи с призывом ехать в область в качестве агитаторов и информаторов населения о текущем моменте. Часть молодежи откликнулась, и среди них был Вася Неррис. После некоторой проверки знаний, Вася был принят нами в качестве агитатора и пропагандиста и вступил в нашу товарищескую семью. Вася стал постоянным членом агитаторской коллегии и оказался одним из лучших пропагандистов. Он посещал собрания в городе и ездил несколько раз по деревням. В это время я близко сошелся с ним и узнал, какой это был прекрасный человек и стойкий революционер. На мои вопросы о его политическом credo, Вася отвечал, что считает себя большевиком, но к партии не принадлежит, потому что еще не решил для себя этого вопроса.

Наступала реакция. Выступили спровоцированные чехи, занявшие Западную Сибирь и Владивосток и вкупе с нашей буржуазией тесным кольцом сжимавшие то пространство Забайкалья и Приамурья, где еще жила Советская власть. Но мы еще не хотели сдаваться, мы думали о борьбе, о победе.

Вася уезжал в область, агитировал против чехов, а я с товарищем Бутиным делегировался на Дальневосточную конференцию Советов в город Благовещенск. Это было в середине августа 1918 г. С конференции мы приехали в день занятия Верхнеудинска чехами. Чита представляла из себя настоящий вооруженный лагерь; все были на ногах, происходила эвакуация города. Вася где-то в деревнях Забайкалья призывал трудовой народ к защите Советской власти. В Читу он приехал, когда город уже был занят бандами белогвардейцев, и был призван на военную службу. Начались казни, погиб В. М. Серов и ряд других товарищей. Чита превращалась в застенок. Началась жизнь в подполье. Организовалась революционная группа из представителей оставшихся советских партий, возникла боевая организация с.-р.-максималистов, во главе которой стал казак, тов. И. Григорьев. Готовилось покушение на палача Семенова и его сподвижников. В октябре или ноябре 1918 г., по постановлению организации, в больнице Красного Креста был убит несколькими выстрелами из револьвера главный сподвижник Семенова прапорщик Валяев; убийца скрылся.

Подготовка покушения на Семенова продолжалась усиленным темпом, и Вася принимал во всем этом самое горячее участие. Настало, наконец, роковое 20 декабря 1918 года. Вечером этого дня в Мариинском театре шла какая-то пьеса, на которой должен присутствовать сам самодержец—Семенов. Вот этим-то случаем и решили воспользоваться террористы. Вооружившись наганами и двумя бомбами (гранатами), Вася вместе с тов. А. Сафоновым проникли в театр, взобрались на галерку и расположились против ложи кровавого атамана, которая находилась внизу... Полупьяный атаман, пришедший, очевидно, из застенка, где только что наслаждался мучениями своих жертв, развалился в ложе среди патриотических кокоток и заплечных дел мастеров. Наконец, гаснет электричество... Приподнимается занавес и открывается сцена... мертвая, напряженная тишина... Вдруг среди этой мертвящей тишины, шипя, пролетели с верхней галлереи две бомбы, брошенные тов. Неррисом и Сафоновым в ложу кровавого атамана. Раздался страшный оглушительный взрыв, послышались стоны среди семеновской свиты, истерические вопли белогвардейских дам и среди всего этого бледный, перетрусивший, обрызганный кровью полулежит палач, раненый в ноги. Судьба сберегла его на этот раз.

Пользуясь суматохой, произведенной взрывом бомбы, Вася и его товарищ, пробившись с оружием в руках, скрылись. После покушения Вася некоторое время скрывался среди рабочих, на конспиративной квартире, а затем, снесшись с Благовещенской подпольной организацией через М. А. Филиппову, решил пробраться в Благовещенск.

24 января 1919 г. мы прочли в газете заметку, что в Чите арестован главный участник покушения на Семенова, который сознался в этом.

На экстренном совещании нашей фракции решено было, во что бы то ни стало, выяснить подробности его ареста, узнать об его судьбе, а если можно, то предпри-

пять шаги к его освобождению. Были отпущены средства, и Мария Афанасьевна спешно уехала в Читу. Но было уже поздно. Вася был казнен мучительной смертью, и в живых она уже его не застала. Возвратясь, она сообщила нам следующее: Вася пробирался в Благовещенск, но, благодаря предательству, был задержан в поезде около Нерчинска и доставлен в Читу. Первое время Неррис отрицал свое участие в покушении, но после адской пытки и очной ставки с солдатами, его выдавшими,—сознался в своем участии в покушении и дал следующие показания: «Покушение совершил по постановлению союза социал-революционер максималистов. За исполнение этого покушения взялся добровольно, желая отомстить Семенову за расстрелы, порки, издевательства и т. п. акты, которые совершались семеновскими отрядами. Организация дала мне снаряды и двух помощников, фамилии которых не знаю. Они присутствовали во время покушения и помогли мне скрыться после покушения».

О дальнейшей судьбе Васи существует много различных версий, но все они сходятся в одном, что его подвергали в продолжение многих дней самым жестоким средневековым пыткам и у живого сняли верхнюю часть черепа с головы. Насытившись пытками, господа доблестные офицеры казнили героя. (Из ст. Жуковского, помещ. в сб. «Красная Голгофа», стр. 77—84).

М. Несвижский.

НЕСВИЖСКИЙ ** **Моисей Борисович** — родился 1-го апреля 1898 г. в семье народного учителя. Рано началась его трудовая жизнь. Одаренный способностями, еще 14-летним мальчиком самостоятельно зарабатывает на жизнь дачей уроков и поддерживает материально семью, ввиду утраты отцом трудоспособности за время 25-летней преподавательской деятельности. 16-ти лет от роду Моисей Борисович успешно закончил среднее образование, уезжает в Питер для продолжения образования и поступает в Психо-Неврологический Институт. В Питере проходит тяжелую школу борьбы за существование и единственный источник жизни—случайные уроки и работа в порту грузчиком. В 1917 году мобилизуется в армию, в коей находится вплоть до Октябрьской Революции, после коей демобилизуется и едет домой на родину. Немецкое наступление и оккупация Белоруссии застает его дома, но через короткое время, не снесши гнета и насилия оккупантов, весною 1918 года бежит нелегально через фронт в Москву, где поступает на работу в советские органы. В конце 1918 года по освобождении Белоруссии возвращается на родину, вступает в ряды Коммунистической Партии и принимает активное участие в организации Советской власти. Работает в органах Чрезвычайной Комиссии, заведует Отделом Социального Обеспечения в г. Борисове.

Большая напряженная работа в обстановке фронта надламывает и без того слабый организм, и открывшийся активный процесс в легких принуждает уехать на юг. По дороге застревает в гор. Черкассах и помещается в санаторию.

Занимается город деникинцами и Моисей Борисович, больной в то время тифом, по доносу одной из служащих Собеза попадает в руки деникинской контр-разведки. На суде открыто и гордо заявляет о своей принадлежности к Р.К.П., не отрицает своей работы в Чрезвычайной Комиссии. По вынесении смертного приговора раздает свое белье, одежду и ботинки остающимся в тюрьме товарищам; не желая умирать от руки палачей, принимает яд, переданный ему друзьями, но неудачно, и в сентябре 1919 года после мучительных издевательств вместе с другими 8-ю товарищами был замучен. После разгрома деникинских банд и занятия города Красной армией изуродованные трупы казненных товарищей были обнаружены и похоронены в братской могиле на площади.

В своей предсмертной записке, передавая свой последний привет родным и друзьям, просил не оплакивать его смерть, а продолжать бороться за начатое дело освобождения трудящихся масс.

Так трагически-нелепо оборвалась жизнь молодого 21-летнего коммуниста, погибшего, как герой, с революционной песней в устах, когда его по улицам города вели к месту казни. *И. Н.*

НЕФЕДОВ **—член Р. К. П., отправленный в одну из волостей Бузулукского уезда для ликвидации комбедов, был зверски убит кулаками; бабы садились на его труп и выкололи ему глаза. (Сведения взяты из статьи Лизы Вольштейн в «Пролет. Рев.» № 9, стр. 180.)

НЕФЕДОВ ** Алексей — Пермской г., Осинского у., Богоявленской в., д. Голяны. Убит 2 мая 1920 г. под Чернышевскими копями. («Боец», фронтовая газета, № 34 от 23 июня 1920 г.)

НЕЧАЕВ.—С января 1921 г. наша дивизия билась в горах Дагестана, освобождая таковой от банд шейха Гацинского и полковника Алиханова. 4 марта, во время боя за одну из высот Дагестана, убит тов. председателя бюро ячеек 124-го стрелкового полка 14-й стр. дивизии тов. Нечаев.

Когда началась первая организационная работа во вновь сформированном 124-м полку, тов. Нечаев выдвинулся как самая популярная личность среди всех красноармейцев полка. Это произошло только потому, что не было равного ему по исключительной работоспособности и безграничной преданности великому делу, за которое он боролся. Его помнят как первого организатора все политические и культурно-просветительные организации полка. Без дела он не сидел ни минуты. Красноармейцы полка знали т. Нечаева больше, чем своего командира. На фронте т. Нечаева знали все те полки, которые были боевыми соседями с 124-м полком. Во время боев, в самых опасных местах, везде, где необходимо бодрое слово и личный ободряющий пример, тов. Нечаев был первым. С горстью храбрецов-разведчиков он вбегает в аул Аймаки (27 янв. 1921 г., аул Аймаки—центр дагестанской контр-революции). Тов. Нечаев первый бросается занимать сакли аула Кодутли (2 февр. 1921 г.). Тов. Нечаев бросается и вскакивает на господствующую сопку над Иосалими и вместе с подоспевшей в нему 9-й ротой расстреливает растерявшихся алихановцев (27 февр. 1921 г.). 28 февраля он первым влетает в аул Ихали. Со 2 марта он заступает заместителя командира полка. Во время боев 3 и 4 марта он не мог усидеть на наблюдательном пункте. Опять впереди всех, ободряя красноармейцев, полез он на занятую неприятелем сопку. И здесь пуля врага—белогвардейца или темного одураченного горца—сразила этого бесстрашного неутомимого бойца за свободу, силу и величие восставшего пролетариата. (Сообщила комячейка 124-го стр. полка 14-й стр. дивизии.)

И. А. Черномашенцев.

НЕЧАЙ-ГАЙКОВСКАЯ ** Вера Андреевна—была одним из тех товарищей, которые, порвав с прошлым, дают яркий пример самоотверженности для партии до конца. Тов. Гайковская вступает в Р. К. П. в славные дни Октябрьской революции. Работая в Смольном (до того в рядах левых эс-эров), она увидела всю наготу обманной политики эс-эровщины и, отвернувшись от них, идет в наши ряды и работает, не покладая рук, в качестве политработника на Юденическом фронте. В начале 1919 г. тов. Гайковская получает поручение агитработы на линиях жел. дор., где одновременно работает в качестве рабочего по ремонту путей. В то же время она состоит комендантом дворцов. В начале 1920 г. при стихийном разгаре сыпняка тов. Гайковская назначается военным комиссаром транзитного госпиталя, где проявляет особенную внимательность к красноармейцам. Ухаживая за больными красноармейцами беспрерывно дни и ночи без отдыха и сна недели полторы, тов. Гайковская на все наши увещевания отдохнуть отвечала: «Не могу, больные ждут меня». В результате сама заболевает сыпняком и в течение 3—4 дней сгорает от него. Она умерла в конце марта 1920 г. Что сказать о ее прошлом и, кто она? Едва ли кто из нас скажет. Интеллигентка, художница—вот и все.

М. Тимофеева-Рейнгольдц.

НИДОВ ** — 22-х лет. Дельный, стойкий коммунист. Подпольный крымский работник. В 1921 г. -секретарь Керченской организации Р. К. П. Убит пулей бандитов в Крымских горах во время поездки на областную партконференцию.

НИКИТИН ** — преданный Советской власти коммунист, пал жертвой долга при подавлении восстания в Демянском уезде, Полховской волости. Был начальником отряда, во время разведки получил рану в грудь и умер. Похоронен в городе Демянске на братском кладбище.

НИКИТИН ** **Вавила** — коммунист старо-русской организации. Попав в плен к белогвардейцам под Нарвой, он был зверски изуродован и обезображен, но не выдал стратегической тайны.

А. Иванов.

НИКИТИЧ ** — сербский коммунист и **ВИШЕР** — французский коммунист. Эти товарищи попали к нам в Россию во время войны, принимали самое живое участие в организации французских и сербских коммунистов. Порвав всякие связи с своей буржуазией, они пошли к своим обманутым братьям-пролетариям, сражавшимся против русского рабочего класса. Они шли разъяснить им, что, защищая капиталистов, помещиков, буржуазию, они предают этим самым дело пролетариата, и оба погибли. («Звезда» 1919 г., №51.)

А. Николаева.

НИКИФОРОВ Владимир Константинович — заведующий медико-санитарным отделом Московско-Курской, Нижегородской, Муромской и Окружной жел. дор. Скончался от сыпного тифа 27 мая 1919 г. («Правда» № 114 за 1919 г.)

НИКИФОРОВА Мария Ефимовна — 22-х лет, расстреляна в Томске.

НИКОТОВ, «Ваня»,—26-ти лет, поручик Врангелевской армии, сочувствующий Советской власти, принимал активное участие в подпольном информационном бюро оперативного штаба. Давал военные сведения по армии Врангеля. Казнен за участие в подпольной организации.—См. **Грановский.**

НИКОЛАЕВ — пал под Ямбургом в борьбе с белыми в августе 1919 года. Тов. Николаев был генералом старой царской армии. Он честно перешел в ряды борющегося пролетариата и честно погиб в его рядах. Он принимал деятельное участие в организации Красной армии и до последнего момента был одним из ее командиров. Николаев был захвачен под Ямбургом и после избиения белыми был выведен на площадь, недалеко от памятника Карлу Марксу, где белые облюбовали место для своих казней. По прочтении приговора, где говорилось, что Николаев лишается чинов, орденов и приговаривается за измену царствующему дому к смертной казни через повешение, в последнем слове, в присутствии смиренно стоявшего попа с крестом, Николаев гордо ответил: «Я теряю чины, ордена, вы отнимаете у меня жизнь, вы отняли все, но не отнимете веру в грядущее счастье людей». («П. Правда» № 188 от 15 июля 1919 г.)

НИКОЛАЕВА * Анфиса Федоровна — секретарь железнодорожного районного комитета, убита на заседании Московского Комитета Р. К. П. при взрыве в Леонтьевском пер. 25 сент. 1919 г. В партийной работе принимала участие с 1905 г. Работала в Рогожском районе. Николаева — скромный, застенчивый, но верный, преданный товарищ; пользовалась большой любовью и симпатией среди товарищей.—См. **Загорский.**

НИКОЛАЕНКО Ф. И. — командир корпуса войск Ч. В. У. К. 8 апреля 1919 г. во время экспедиции в село Ново-Петровцы, Киевского у., был окружен и, после отчаянного сопротивления, схвачен белогвардейцами. Избитый до полусмерти, он был расстрелян. Тело его не разыскано.

Неутомимый борец за идею всемирного коммунизма, т. Николаенко перенес всю тяжесть инквизиции тюремных застенков во время немецко-

гайдамацкого режима на Украине. («Коммунист» № 36 (64) от 15 апреля 1919 года.)

НИКОЛАШВИЛИ.—См. **Шаумян.**

НИКОЛЬКЕВИЧ—рабочий завода Лоренц гор. Петрограда, погиб как красногвардеец в борьбе с Калединым в начале февраля 1918 г.

НИКУЛИН. ** —См. **Уткин.**

НОВОСЕЛЬСКИЙ—наркомвнудел Тавриды.—См. **Слуцкий.**

НОДЕРМАН ** —заместитель начальника Особого Отдела в Армавире, один из лучших товарищей, крупный и ценный работник, погиб в борьбе с контр-революцией на юго-востоке России. («Трудовой Дон» № 420 от 17/XII 1922 г.)

НЫРКИН ** —сотрудник ДОГПУ по борьбе с бандитизмом, убит в Ростове на Старо-Почтовой ул. бандитами с целью мести. («Трудовой Дон» № 420 от 17 декабря 1922 г.)

НЫРНЕНКО ** **Федор**—сын донецкого шахтера, сам с детства работал в шахте и выносил тяжелую нужду. Февральская революция застает его на Кавказском фронте рядовым старой армии. Сразу он примыкает к левым эс-эрам, отдается весь работе в солдатской массе, избирается в комитеты, на съезды, где, увидав истинное лицо эс-эров, покидает их. После демобилизации тов. Нырненко вернулся в родную слободу Титовку. Титовка выставила целый полк для борьбы с белым казачеством, и тов. Нырненко быстро выдвинулся сначала в председатели полкового комитета, а затем в командиры полка. Дисциплинированный и закаленный в боях полк одерживает многочисленные победы над казаками и принимает деятельное участие в обороне Царицына. Под станцией Филоново тов. Нырненко присоединяется к т. Киквидзе. Ему дают бригаду, и т. Нырненко живет только ее интересами. Суровый, решительный, беспощадный в бою, но примерный товарищ вне боя, самоотверженный коммунист, он пользовался исключительной любовью красноармейцев. Тов. Нырненко погиб в боях с поляками в 1920 г. Его богатырское тело, изрезанное 15-ю пулями и осколками снарядов, не выдержало 16-й польской пули, поразившей его в самое сердце. Похоронен на берегу реки Нарева. («Правда» № 107 от 16 мая 1922 г.)

О.

ОБОЛЕНСКИЙ Валерьян Егорович—скончался 18 июля 1921 г.

ОБОРИН ** —по профессии рабочий-металлист, принимал участие в февральской революции, после занимал ответственные посты в Сущево-Мариинском районе, в Октябрьскую революцию был во главе Сущево-Мариинского Совета. В июле 1918 года он отправился с группой товарищей на восточный фронт. По приезде в гор. Саратов был назначен заведующим политотделом губвоенкома; наладив там работу, перешел в штаб 4-й армии п/завед. отделом формирования летучих отрядов, затем был командиром всех отрядов, выполняя безукоризненно свои обязанности. Потом был переведен в политотдел 4-й армии. В то время противник разбил наши части и занял гор. Новоузенск. Тов. Оборин был срочно послан собрать части, организовать их и пустить в бой. Эту задачу он выполнил с честью, завязал бой за городом и, объезжая передовые окопы, был тяжело ранен. Части дрогнули и начали было отступать. Этим воспользовались казаки и изуродовали его, но при новом наступлении красных труп был отбит, и город Новоузенск занят. Труп т. Оборина с делегацией был отвезен в Саратов, а оттуда в Москву, где он и похоронен. В городе Новоузенске товарищи с гордостью вспоминают о т. Оборине, как об освободителе города, и его портрет повешен во многих учреждениях г. Новоузенска. *Я. В. Матюшин.*

ОБУХ Николай Владимирович—член Росс. Коммунистической Партии, скончался 4 июня 1920 года. («Правда» № 121 от 6 июня 1920 г.)

ОБЫДЕНОВ ** **Поликарп Павлович**—35 л., солдат 85-го пехотного запасного полка, рабочий фабрики Шредера. Убит 31 октября 1917 г. в Москве у Никитских ворот на охране. (Сведения взяты из сб. «Братская могила».)

ОВСЕЙЧИК—член правления Моск. Губ. Отд. Союза Всемедикосантруд, погиб от тифа 23 апр. 1920 г. («Правда» № 92 за 1920 г.)

ОВЧИННИКОВ Михаил.—См. **Подтелков.**

ОГУРЦОВ. ** —См. **Уткин.**

ОДИНЦОВ Василий.—11 апреля 1919 г. в местечке Воронькове Золотоношского уезда бандою Зеленого расстрелян красноармеец-коммунист Василий Кузьмич Одинцов. Рабочий, он уже в 1905 г. принимал участие в революционно-партийной работе. Всей душой он был предан делу революции. Как очень хороший работник и коммунист, он был прикомандирован к политическому отделу высшей военной инспекции для ответственной работы. 8 апреля он был послан вместе с другими товарищами в Золотоношский уезд Полтавской губернии для борьбы с контр-революцией и с бандами Зеленого. 11 апреля в 9 час. вечера он был предательски схвачен шайкой Зеленого в местечке Воронькове и расстрелян.

Одинцов работал только ради счастья рабочих и крестьян, никогда не думая о себе. И по своей темноте его расстреляли те крестьяне, ради которых он проливал свою кровь. («Красная Армия», № 21, 1919 г.)

ОЗОЛ ** —брат и сестра, погибли у Матвеева кургана в бою, происходившем между калединцами и юзовскими углекопами в 1918 г. Озол-брат погиб в цепи, мужественно прокладывая дорогу для товарищей, а сестра—у пулемета, прикрывавшего правый фланг. Оба похоронены в братской могиле в районе завода «Русского Общества». На другой день после похорон в поредевшем отряде углекопов появился новый борец—старик Озол.—«Я пришел на смену своим погибшим детям», заявил старик. («Будем помнить», ст. А. Метелева в «Пролет. Рев.» № 3)

ОЗОЛЬ Артур—рабочий завода «Струк» (Петербург); убит, будучи красногвардейцем, в Финляндии под Вильпуло в начале марта 1918 года.

ОКМИНСКИЙ—погиб 26 мая 1919 года в боях под Сосновкой (на берегу реки Вятки у с. Вятских Полян). Состоя в рядах Медынской организации коммунистов, тов. Окминский до партийной мобилизации был членом Медынского уездного исполкома и занимал в то же время должность председателя Медынского уездного совнархоза. Во время партийной мобилизации тов. Окминский отправился на фронт. Как старый офицер, он был отправлен в распоряжение штаба дивизии, который назначил его командиром роты и вскоре командиром батальона. На фронте тов. Окминский принимает живое участие в партийной работе, избирается на партийную конференцию бригады и входит в президиум этой конференции.

25 мая началось наступление армии. Тов. Окминский, впереди своей части, ведет свой батальон. Тут он был сражен пулей, попавшей ему в голову.

ОЛЕННИКОВ В. С.—умер в начале марта 1920 г. Член Р. К. П., комендант Совета Хамовнического района гор. Москвы.

ОЛИМПИЕВ Д.—моряк Балтийского флота, погиб в бою с белыми под Везенбергом в декабре 1918 года.—См. **Вотчунский.**

ОЛЬКЕНИЦКИЙ ** **Гирш Шмулевич**—сын небогатых родителей-евреев из Бердичева. Родители хотели сделать из него раввина и отдали его в специальную школу. При помощи сестры ему удалось бросить эту школу и поступить в гимназию. В 1914 году он эвакуировался вместе с матерью и младшим братом из города Лиды Виленской губ. в Уфу. Олькеницкому с большим трудом после долгих мытарств удалось попасть в Казанский университет и то не на медицинский факультет, куда он стремился, а на юридический,—царские законы не давали возможности еврею свободно поступать в университет. Будучи в Казанском университете в период самой мрачной реакции — империалистической войны 1914 года,—он не подвергся влиянию шовинистической волны, захватившей все студенчество, и примкнул к революционной части, стоявшей на интернационалистической точке зрения и объединившей целый ряд политических кружков.

Весной 1916 г. тов. Олькеницкий в числе трех был командирован организацией в Уфу, где у них сразу завязались крупные связи с рабочими. Работа пошла хорошо, но внезапно тов. Олькеницкий и еще 8 человек были арестованы. Впоследствии (после февральской революции) выяснилось, что в организацию входил провокатор—рабочий Давыдов. После трехмесячного заключения т. Олькеницкий по распоряжению министра внутренних дел был выслан из пределов Уфимской губ. под надзор полиции на 2 года. Он поехал в Казань, но оказалось, что из университета его уже исключили, а губернатор предложил ему выехать из Казани в один из уездных городов. Олькеницкий и два его товарища выбрали г. Чистополь Казанской губ. Перед отъездом из Казани был еще раз арестован, но вскоре освобожден. В Чистополе он оставался до февральской революции. С началом февральского переворота он быстро вернулся в Казань и принял деятельное участие в том предварительном совещании студентов-большевиков, на котором по настоянию Виктора Тихомирнова было решено немедленно совсем отмежеваться от группы с.-д. доктора Шергова, Нелидова и др. и создать свою легальную большевистскую организацию в Казани.

Г. Олькеницкий.

Гирш Олькеницкий — чрезвычайно скромная, незаметная фигура, вынесшая на своих плечах громадную ношу в процессе революции в Казани. Его всегда можно было видеть на Рыбнорядской улице в той жалкой лавочке, где помещался комитет партии. На его долю выпала работа по собиранию скудных средств, продажа газеты «Рабочий» и расплата за типографию. Личность т. Олькеницкого заслуживает самого светлого к себе внимания. Это был великолепный товарищ, отказывавший себе во всем и отдававший свою последнюю копейку другому. Работа в комитете поглощала у него все время. Он не мог больше нигде служить. Получать жалованье из наших скудных партийных средств он тоже не мог. И как же он жил? Ночевал он в одной квартире группы наших курсисток, спал на ящиках, на которых были положены газеты и всякий хлам. Питался он чем придется, беря из партийной кассы на свою жизнь гроши. Вечно оборванный, не имевший лишней смены белья, не всегда сытый, но довольный обстановкой и развивающейся работой, он не унывал. Правда, курсистки старались ему помочь — стирали белье, кормили, когда было что есть у самих, и т. п.

В дни Октябрьской революции т. Олькеницкий выбирается членом революционного комитета и затем становится секретарем военно-революционного штаба. Здесь он ведет работу, которую описать словами нельзя, но которая понятна товарищам—активным участникам Октября. Это сплошное, беспрерывное напряжение всех нервов, всех душевных и физических сил, без отдыха, буквально без сна, часто без пищи. Идут дни, Октябрьские дни, каждый из которых равен году обычной мирной жизни. Советская власть еще слаба, но она крепнет с каждым днем. Проходит нечеловеческая напряженность вооруженной борьбы за власть. Наступают дни постепенного укрепления этой власти. Борьба с поголовным саботажем служащих во всех учреждениях. Военно-революционный штаб уступает дорогу переизбранному Совету. В это время т. Олькеницкий—секретарь комитета партии большевиков. Кроме того он занимает последовательно ряд ответственных постов: он идет туда, где всего нужнее быть в каждую данную минуту.

Он—секретарь Совета. Он—комиссар банка. Он—член революционно-следственной комиссии. Он—член чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-ре-

волюцией, только что организующейся. Он всегда на передовом посту встречает грудью первую опасность советскому строю. Как следователь, как работник Ч. К., т. Олькеницкий проявлял замечательную проницательность и умепье ставить вопросы при производстве следствия. Он принимает самое деятельное участие в раскрытии первого белогвардейского заговора против власти Советов в Казани и руководит следствием. Он раскрывает целый ряд уголовных преступлений. Имевший в своих руках все нити по раскрытому первому белогвардейскому заговору, он был опаснейшим врагом и для местных контр-революционеров. И в результате—трагическая смерть.

Как-то в июне 1918 г. тов. Олькеницкий, впервые за время революции решил дать себе день или два отдыха и вместе с тов. Шейнкманом, его женой Софьей Альфредовной Шейнкман и Коршуновым поехал в один из праздников в деревню Займище по М.-К. ж. д. к Коршунову. Недалеко от деревни—Волга. Решили прокатиться по Волге на лодке. Возвращались в деревню вечером, когда начало уже смеркаться. Недалеко от деревни встретилось 5 человек, частью в форме матросов. Неожиданно скомандовали «руки вверх», угрожая бомбами. Обезоружили. Привели в деревню. Инсценировали обыск от имени якобы Казанского губисполкома, предъявили даже подложный мандат. Объявили всех арестованными и повели к Волге, якобы к моторной лодке для доставки в Казань. По дороге к Волге освободили Коршунова. Шейнкмана хотели расстрелять, но почему-то раздумали и освободили вместе с женой. Олькеницкого повели дальше. По рассказу ныне покойного т. Шейнкмана, когда он отошел шагов на 100 от бандитов, то услышал 5 выстрелов.

Коршунов с первым же поездом приехал в Казань и рассказал о случившемся. Тотчас же был отправлен в Займище автомобиль с несколькими товарищами и часов в 11 утра тело т. Олькеницкого привезли в Казань. Убийцы впоследствии были арестованы и расстреляны. Их было 5 человек. Убийство они объяснили тем, что тов. Олькеницкий знал в лицо одного из них и по фамилии, как бандита, так как вел его дело в качестве следователя рев.-следственной комиссии. (Сведения взяты из ст. К. Шнуровского, помещ. в № 3 журнала «Пути Революции», изд. Татбюро Истпарта, и из рукописи Конст. Машкина).

ОРЛОВ — телеграфист Казанской ж. д. Один из немногих телеграфистов, принимавших активное участие в дни Октябрьской Революции. Участвовал в организации Красной Гвардии. Был послан по партийной мобилизации на южный фронт, где и погиб. («Красный транспортник» № 6 за 1923 г.).

ОРЛОВ Александр Иванович — расстрелян вместе с экспедицией Подтелкова. Этот милый и славный «дедушка Орлов», как, шутя, его называли, был старым, поседевшим в кропотливой работе, весьма способным статистиком и столь же старым революционером. Уже шестнадцати лет от роду он поехал на Украину народным учителем. Став вскоре статистиком, он 36 лет беспрестанно кочевал по России и мытарствовал, имея постоянно неприятности «от начальства» и не будучи в состоянии унять свой вечно беспокойный дух, не мирившийся с царившими в затхлой царской России мерзостями. Горячо и искренно боролся он за дело трудового народа.

В конце 1917 года, когда Каледин стал обстреливать Ростов, находившийся там, никому еще неизвестный, седой товарищ Орлов берет винтовку в руки и идет в цепь сражаться вместе с рабочими; но ревматизм, которым он страдал, выбил его из строя. В апреле 1918 года, когда белогвардейцы опять внезапно подходят к Ростову, он, будучи уже управляющим делами Донского Совета Народных Комиссаров, опять берет винтовку в руки, одевает шинель красноармейца и идет на подмогу в ряды сражающихся красных. И оттуда он уходит только тогда, когда простуда одолевает его старое тело и сваливает его с ног.

Во все время движения экспедиции Орлов упорно и упрямо отказывается участвовать в обсуждении предпринимаемых шагов, твердя, что он—только солдат и всецело подчиняется комиссии пяти. С таким же твердым упорством шел, вероятно, этот скромный, но геройский старик, с душой юного революционера,

и на смерть, открыто и презрительно бросая взоры ненависти и проклятий прямо в лицо своим палачам.—См. **Подтелков.**

ОРЛОВ ** **Иван Григорьевич**—родился в 1886 г., рабочий-прядильщик, в Р.К.П. вступил в 1917 г. Мобилизован в 1918 г., 26 ноября отправлен на Южный фронт и пропал без вести. («Братская Могила».)

ОРЛОВ * **Прокопий Максимович**—рабочий, член В. Ц. И. К. 1-го созыва, кандидат в Учр. Собр. (Р. С.-Д. Р. П.-объедин.) от Екатеринославской губ.—См. **Подтелков.**

ОСЕН * **Августилия**—делегат II Конгресса Коммунистического Интернационала, представитель шведских революционных рабочих. Погибла в августе 1920 года в Москве. («Правда» № 171 от 5 августа 1920 г.)

ОСЕПЬЯН Сурен *—погиб в числе 26-ти бакинских комиссаров, редактор «Известий Бакинского Совета». Т. Сурен Осепьян родился в г. Гандже в 1890 г. Сын бедного чиновника, с малых лет выказал большие умственные способности, и местную гимназию кончил с блестящим успехом в 1909 г.

В гимназии же, еще 15-летним мальчиком, он поступил в ученическую большевистскую организацию. Не в пример многим своим школьным товарищам, которые марксизмом увлекались, как модным учением, Сурен Осепьян принялся за серьезное изучение марксистской литературы и гимназию окончил хорошо подготовленным марксистом. В 1909 г. Осепьян приезжает в Москву для продолжения учения в университете. Предавшись всем пылом своих молодых лет наукам, он одновременно работал в Московской большевистской организации. Вскоре он становится членом московского комитета партии и его ответственным пропагандистом. Но недолго Сурен работал в Москве. Вскоре он провалился, был посажен в тюрьму и затем выслан в Ганджу без права поступления в университет. Через год он вернулся в Россию, сперва в Харьков, потом в Петербург, где усиленно занимался своими любимыми науками—историей, философией и психологией.

В 1913 г. тов. Осепьян под псевдонимом Н. Сурин сотрудничал в «Правде» и марксистском журнале «Просвещение». В последнем он поместил ряд библиографических заметок. В том же году т. Осепьян был принят обратно в Московский университет (он попал под амнистию по случаю 300-летия дома Романовых), но война прервала его научные занятия. Осепьян был призван на военную службу и отправлен в Персию. Тут он сидел на фронте до самой февральской революции.

В апреле 1917 г. т. Осепьян вернулся в Ганджу и принимал самое близкое участие в партийной (тогда еще единой) организации. Через три месяца т. Осепьян провел раскол в организации и большинство членов привлек во фракцию большевиков. Вскоре происками местных эс-эров и меньшевиков т. Осепьян был выслан обратно в Персию, на фронт. Октябрьская революция застала его в Персии. Там был организован военно-революционный комитет и тов. Осепьян был одним из его руководителей. Вместе с армией он вернулся в Баку (в апреле 1918 г.) и был привлечен на работу в качестве ответственного редактора органа Совета («Известия Бакинского Совета»). Вместе со славной плеядой бакинских коммунистов был арестован и с ними же вместе погиб в степях Закаспия.

В лице тов. Осепьяна наша партия потеряла талантливого товарища, который мог бы при лучших условиях жизни сделаться работником-теоретиком. Для этого у него были все данные—блестящие способности, поразительная усидчивость, солидная подготовка. Но,—увы!—набежавшая волна англо-эс-эровской контр-революции проглотила его. Тов. Осепьян оставил ряд ценных рукописей, в число их—критический этюд о творчестве армянского пролетарского поэта Акопьяна и начало большого труда «О системе народной психологии».

А. Мравьян.

(«Бакинский Рабочий» № 211 от 20/IX 1922 г.)—См. **Шаумян С.**

ОСОКИН ** **Иван Петрович**—погиб во время занятия Тихорецкой генералом Алексеевым в 1918 году.

И. П. Осокин—уроженец Пермской губернии; до 1909 года его революционная работа протекала на Урале. Помню, в личных беседах он вспоминал Донбасс,

где он одно время работал на Краматоровских заводах. Впервые мы познакомились в Кизил-Арвате Закаспийской области, куда я прибыл из Баку, а он после побега из тюрьмы с Урала. В первых числах февраля он поступил в главные мастерские под именем Павла Утробина, я же поступил неделю спустя. С первых дней совместной работы Иван Петрович занял в нашем кругу руководящее положение. Рабочие сборного цеха быстро подпали под наше влияние; имея во всех отделениях своих товарищей, мы проводили с успехом начинания революционного характера. Иван Петрович, будучи человеком железной воли с непреклонной решительностью в моменты обострения отношений рабочих с администрацией, несмотря на свое нелегальное положение, брал на себя руководство,—а выступления порой носили довольно бурный характер. В июле надзор со стороны жандармерии усилился, и мы, во избежание недоразумений, в средних числах июля покинули Кизил-Арват, а 21 октября 1909 года Иван Петрович был арестован в Самаре под именем Василия Шурупова. Из Самары он экстренным поездом был доставлен в Уфу, где и уличен одним из жандармов, как один из руководителей по делу Миас 2. По этому делу было арестовано восемьдесят слишком товарищей, бо́льшая половина из коих были уральцы, остальные приезжие. До суда все сидели в Челябинской тюрьме; военно-окружной суд был назначен в городе Троицке и после 30-дневной комедии суда при предрешенном приговоре Иван Петрович получил 15 лет каторги. Каторгу он отбывал в Тобольске. Я думаю, многие знают, что представляла из себя Тобольская тюрьма с ее режимом для политических каторжан. До 1917 года я поддерживал связь с Иваном Петровичем, а в 1917 году он, как амнистированный, прибыл ко мне в Ростов. Каторга сделала свое дело—его крепкий организм не выдержал ее условий; туберкулез—этот верный спутник каторги—уже подтачивал его здоровье. Из Ростова, на средства, полученные от комиссии по оказанию помощи больным политическим ссыльным, он выехал в Нальчик, но недостаток средств не позволил ему долго предаваться отдыху, да, кроме того, при его неугомонной натуре он не мог оставаться спокойным к событиям, которые назревали с каждым днем. В Нальчике Иван Петрович принимает живое участие в советской работе в качестве зампреда Совета (в то время председателем там был С. Р. Карпинский) и в то же время организовывает Красную гвардию и ведет борьбу с контр-революцией беков, мулл и т. д. В первых числах января 1918 г. на Тихорецкой было сосредоточено все внимание, отсюда начиналось собирание Советского Кавказа, здесь был стойкий, хорошо организованный Совет без чуждого нам элемента, объединенный с 39-й дивизией, военно-революционный комитет и организованный штаб армии С. Кавказа. Тихорецкая нуждалась в способных, энергичных товарищах и на одном из заседаний штаба по нашему предложению было решено вызвать Ивана Петровича и назначить комиссаром судебной части штаба армии и председателем Тихорецкого военно-революционного трибунала. Иван Петрович, сам человек кристаллической чистоты, был по отношению к другим весьма требователен. В борьбе с контр-революцией он был человеком чрезвычайно твердым и непреклонным. На этом посту он проработал шесть месяцев и за этот период не мало контр-революционеров нашло свое успокоение на так называемой «Козловой Балке».

С раннего возраста и до последних дней Иван Петрович был верным стражем революции—личной жизни у него не было. *Г. В. Подшивалин.*

ОСТАШЕВ ** **В.** — молодой тульский рабочий (лет 25-ти), в партию вступил во время войны еще до революции, погиб на фронте в конце лета 1920 г. Суровый, кряжистый, с настойчиво стремившимся к знанию умом, тов. Осташев, пришедший в партию почти совершенно неграмотным, сумел развить себя до степени недюжинного работника, которого организация знала и выдвигала на самые ответственные посты. Бессменный член Тульского Совета и завкома, тов. Осташев все время работал и в партии, был членом парткома, работал одно время и в деревне в качестве председателя комбеда. Месяца за два до трагической смерти он был мобилизован и отправлен на фронт («Правда» № 208 от 19 сент. 1920 г.)

ОСТРОВИДОВ ** **Василий Андреевич** — сын бедного сельского дьячка, родился в Саратовской губернии, в с. Копены, Аткарского уезда. 7-ми лет от роду бежал из деревни в Саратов к отцу, который там в то время находился. Окончив духовное училище в Камышине, В. А. Островидов поступил послушником в монастырь. Но монастырская жизнь его не удовлетворяла. Он оставил монастырь и стал добывать средства к жизни тяжелым трудом. Много служб и занятий пришлось ему перепробовать. Был он и конторщиком на пароходной пристани, был и учителем для заключенных в арестантских ротах. Потом стал сельским учителем в Балашовском уезде, Саратовской губ. Как и многие учителя-народники, он преследовался царской полицией и, в конце концов, был уволен со службы за чрезмерную близость к народу. Тогда он стал сам учиться дальше, поехал в Харьков, где стал готовиться к экзамену на аттестат зрелости. Было это в 80-х годах. Во время студенческих беспорядков Островидов видел как казаки и жандармы жестоко избивали студентов. Под влиянием этого зрелища он нервно заболел. Оправившись, юноша Островидов в поисках заработка поступил в духовный хор. Обнаружилось, что у него прекрасный голос—бас. В 1887 г. он поступил в московскую консерваторию и после долгих мытарств и лишений окончил ее в 1892 г. Еще будучи учеником консерватории, он добывал себе хлеб игрою на сцене. После окончания консерватории он под именем Островидова-Тассина делает блестящую театральную карьеру, выступает в столицах и провинции (главным образом на севере), всюду с громадным успехом. Он поет в Москве, Киеве, Харькове, Тифлисе, Екатеринбурге, Казани, в родном Саратове. Едет за границу совершенствоваться, с успехом поет в Италии. Но не остается там,—его тянет на родину. Опять кочует он из города в город, покоряя зрителей голосом и игрой. В 1902 г. он поет и в Одессе, но сценическая карьера его протекает, главным образом, на севере.

После 17-ти лет работы на сцене, после успехов и поклонения, В. А. Островидов-Тассин переживает глубокий душевный кризис. И выход из этого кризиса, из этой душевной борьбы искателя правды—резкая перемена в жизни. Он бросает сцену и принимает священство. Сын сельского дьячка и оперный певец становится священником. И если на сцене ему пришлось вести упорную борьбу с эксплоататорами-антрепренерами, если в этой борьбе он всегда отстаивал не только себя, но и права и достоинства меньшой актерской братии, то и в священстве он стал редким типом пастыря, защитником «меньшого брата»—народа. 6 лет прослужил он на Дальнем Востоке и там учредил «1-й Дальневосточный рабочий экономический союз». Затем он был переведен в Одессу, где до войны был протодиаконом кафедрального собора. В 1914 г. отправился на войну полковым священником 245-го Бердянского полка, провел много месяцев на позициях Западного фронта. Впереди солдат своего полка шел в атаку, награжден за это георгиевским крестом. В 1919 г. священник Островидов назначен в Одессе настоятелем церкви Св. Духа. Его деятельность протекала среди трудового населения окраин, на Бугаевке. Среди прихожан он пользовался большой популярностью и любовью. При содействии прихожан он учредил первую народно-персональную общину верующих, независимую от государства. Он был избран председателем этой общины.

Деникинцы преследовали его за его независимость, вольнолюбие, близость к народу. Он, в свою очередь, платил деникинцам презрением. Духовенство, опора угнетателей, не могло простить священнику Островидову его независимости и преданности народу. Черная стая пыталась его «ошельмовать», добивалась лишения его сана, но добиться этого ей не удалось. Тов. Островидов продолжает быть и христианином и священником, и все больше начинает становиться коммунистом. Он—не партийный человек, но становится искренним и честным советским работником. Ответственный работник гублескома, член лекторской коллегии райкультвода, 56-летний старик, он ищет еще более кипучей деятельности, еще более революционной работы в самых опасных местах. Он по собственной инициативе едет в Балтский уезд на посевную кампанию, на широкую политическую работу. Под конец жизни, на старости лет решительно и бесповоротно пришедший к народу,

а это значит к революции,—он целиком отдаст свою жизнь революционной борьбе. Не для карьеры, а для жертвы пришел он к советской власти, на помощь коммунистическому движению. И до конца выполнил свой революционный долг.

В 1919 г. он сблизился с союзом строительных рабочих в Одессе и деятельно помогал в государственной работе Комгосора. Кошмар деникинской власти еще больше революционизировал священника Островидова. В 1921 г. он добровольно едет на лесные разработки как ответственный представитель Гублескома, а весною—его тянет на посевную кампанию.

Приехав в Балту, он стал проповедывать организацию свободных церковно-православных общин, имея в виду провести ряд собраний духовенства и прихожан всех религиозных культов по вопросу об отделении церкви от государства, а затем выехать в уезд, чтобы повести проповедь среди селянства о посевной кампании. В Балте он созвал все духовенство города—православное, еврейское, католическое и старообрядческое—и при громадном стечении местного населения выступил с речью об отделении церкви от государства. Речь его вызвала большое оживление, расшевелила Балтское болото... На другой день к вечеру, получив полномочия от упосевкома, выехал он в Мошпягскую волость, где выступил перед крестьянами по вопросу о посевкампании, о продналоге, продразверстке, новом земельном законе, о положении республики, призывал селян пойти дружно навстречу Советской власти. Его речи произвели ошеломляющее впечатление на селян... Пытаясь ослабить это впечатление, кулацко-бандитская провокация пустила слух, будто он—переодетый коммунист. К вечеру священник Островидов выехал в с. Обжил, родину бандита Заболотного, отслужил вечерню и остановился переночевать в селе, чтобы с утра повести свою работу дальше. В с. Обжиле стоял небольшой продотряд, производивший спешную продработу. Ночью (4 апреля 1921 г.) на село внезапно наскочила банда, зверски растерзала 4-х красноармейцев и священника Островидова. Разыскав дом, где он ночевал и где крестьяне пытались спрятать его, бандиты сразу потребовали именно его, назвав его переодетым коммунистом. Они зарубили его, раздели и скрылись. (Сведения взяты из брошюры «Красный венок на могилу священника-революционера», из статей Д. Суслова и В. Блока.)

ОСТРОВИДОВ ** **Яков.**—См. **Блоштейн.**

ОСТЯКОВ ** —молодой командир Тобольского отряда, организованного в 1918 г., отличался большой храбростью в борьбе с белыми. По слухам, он пал в боях и заслужил себе славу героя. Как передавали, его именем впоследствии был назван один из революционных полков, организованный из остатков Тобольского отряда. Знаменательно в этом человеке то, что он был сын свирепого полицейского, заядлого монархиста, которого по его делам тоже помнят, но только с проклятием. Вышло так, что сын отдал свою жизнь на свержение того строя, который поддерживал и укреплял его отец. («Пролетарская Революция» № 9, стр. 303.)

ОУППУ. ** —См. **Линдер Леопольд.**

ОШКАЛИС Эрнест—юный художник, коммунист. В ярких и сильных образах претворял он, чуткий, окружающую действительность. Революционным даром горят его плакаты, властно зовут в грядущее царство свободы. Искрятся тонким юмором, злой иронией дышат его карикатуры на белых, на злобу дня. Талантливый и сильный, он не ограничивается работой у мольберта. Ненависть к врагам революции зовет его с оружием в руках защищать пролетарскую революцию. Ошкалис едет на Западный фронт. Здесь, лежа в болотах, попадая под удушливые газы, он получает туберкулез и больным возвращается в тыл.

В 1918 г. он в Туле. Оправившись, с жаром принимается за работу. Работает в союзе работников искусств, ведет студию живописи в Пролеткульте. Своими беседами он вносит светлую струю, революционным порывом звучит она, рвет паутину обыденщины. С любовью прислушиваются к нему молодые пролеткультовцы, учатся, ловят на-лету указания юного учителя. Снова поют его полотна, но... скоро угасла эта молодая, красивая жизнь. Надломленный организм сломился. Проклятый недуг, усиленная работа, голодовка—сделали свое дело.

Ошкалис заболел цынгой, воспалением легких,—и через две недели его не стало. Сгорел художник-революционер, один из немногих в своих полотнах воспевший красоту и мощь пролетариата, своими красками согревший и скрасивший его трудовую суровую борьбу.

ОШКО * Иван — рабочий Забайкальской ж. д., был пионером чисто классовой кооперации в Забайкалье—Общества потребителей рабочих и служащих Забайкальской ж. д. Задолго до октябрьского переворота, он, несмотря на свою формальную принадлежность к эс-эрам, стал в ряды коммунистического пролетариата и вел в Чите энергичную борьбу с соглашателями. Тов. Ошко был инициатором перехода управления Забайкальской ж. д. в руки рабочих и ревностным практиком рабочего управления этой дорогой.

Он был одним из первых борцов с семеновскими бандами тотчас после октябрьского переворота. После падения Советской власти в Сибири он ушел в подполье, где занялся подготовлением к борьбе с белогвардейцами. Попав к ним в руки, т. Ошко был ими замучен пытками. (Сведения взяты из книги «Три года борьбы».)

II.

ПАВЛОВ ** —17-летний веселый, энергичный юноша, ученик учительских курсов, убит разорвавшейся гранатой в бою на Пинских болотах в октябре 1920 г. Идя в цепи, тов. Павлов все время шутил и, прицеливаясь, брал на мушку исключительно офицеров. После ранения он только успел сказать: «Умираю за революцию» и скончался. («Правда» № 241 от 28 октября 1920 г.). — См. **Шугалей**.

ПАВЛОВ Борис — известен своими стихами и рассказами на страницах наших газет: «Правда», «Известия», «Красная Армия» и др. Но, как человек, он немногим известен.

Лично мне совершенно случайно удалось столкнуться близко с ним.

Это было в те дни керенщины, когда на нас, большевиков, посыпались суровые кары со стороны «Временного Правительства». Тогда я был посажен в Москве на гауптвахту по Неглинному проезду в доме Государственного Банка. Там я очутился в одной камере с тов. Павловым, с которым сразу же сдружился гораздо крепче, чем с остальными заключенными. Из разговоров с Павловым я узнал, что он—сын бедных родителей, живущих в Харькове, и что вся жизнь его—сплошное скитание. Во время войны Б. Павлов стал морским прапорщиком и, будучи хорошим техником, служил в Серпухове в морской бригаде. Человек с мягкой, полуженственной, полудетской душой, с горячей головой бойца-революционера, т. Павлов не мог вынести царских тисков военной службы и бежал за границу. Поскитавшись там, Б. Павлов стал подумывать о возвращении на родину. К этому времени разразилась мартовская революция, и Б. Павлов быстро и без колебаний бросился сюда, в Россию. Он жил одной мечтой, одним желанием—стать в ряды бойцов-революционеров. Но правительство Керенского вдребезги разбило мечты пламенного мечтателя: как только Павлов явился в свою часть, так сейчас же был арестован по обвинению в дезертирстве, и началась долгая, нудная судебно-следственная процедура. Время шло, золотые революционные дни катились один за другим, а Павлов сидел за решетками. Прошло полтора месяца. И когда наступили так называемые корниловские дни, то я, как «политик», был освобожден, а Павлов остался за решеткой, как дезертир.

И уже в самом начале Октябрьской революции решением Военно-Революционного Комитета тов. Павлов был освобожден из своего заключения. Через пять минут после своего освобождения Борис Павлов стоял передо мною в Центральном Штабе и просил дать ему боевое назначение. Я дал ему участок Страстного монастыря с тем, чтобы он одновременно командовал и батареей и отрядом пехоты. Прошло не более полчаса, как в штаб прибежал солдат из отряда Павлова и, запыхавшись, сообщил:

— У нас ранили прапорщика Павлова.

Из разговоров с солдатом я узнал вот что: Борис Павлов перебежками повел свой отряд к Никитским воротам и, чтобы обеспечить своему отряду тыл, он обошел все прилегающие дома, взяв честное слово с домовых комитетов не стрелять в наших солдат. Но когда отряд рассыпался цепью, и Павлов лежал вместе с другими, какая-то предательская пуля из подворотни ранила его в нижнюю часть ноги. Рана была настолько незначительной, что Павлов, перевязав ногу носовым платком, продолжал ползать на мостовой Тверского бульвара, отстреливаться и командовать. И только немного спустя товарищи-солдаты почти насильно уложили Бориса Павлова в автомобиль Красного Креста, который увез его в лазарет Купеческого клуба. В лазарете отнеслись к нему очень скверно: не хотели перевязывать рану, не хотели заботиться об удобствах и пр., и пр. Все свои заботы сестры отдавали юнкерам. И вот осенняя грязь, просочившаяся в рану, плохой уход сделали то, что произошло заражение крови, и Павлову пришлось отнять ногу значительно выше колена.

После нашей победы я и т. Янушевский не раз заходили к т. Павлову, который все еще нервами ощущал свою отрезанную часть ноги и все говорил, как ноет пятка, которой нет, как болит коленка, которая была давно отрезана.

Как только т. Павлов немного поправился после операции и смог выходить, он явился в штаб и предложил снова свои услуги. С тех пор, по день своей кончины, Б. Павлов работал у нас в политическом отделе. Встречаясь каждый день с тов. Павловым, я узнал, с каким большим душевным подъемом он писал свои стихи. Очень часто после работы в штабе, часов в 6 вечера, я заставал его одного в канцелярии за столом; перед ним лежали листочки со строками стихов, над которыми склонялся Павлов, и нередко чернильные строки стихов расплывались звездочками от слез, капавших из глаз т. Павлова. Роняя слезы, Павлов творил свои сильные стихи, свои сочные рассказы. Но и это его не удовлетворяло. За две недели до самоубийства Павлов ушел из штаба и решил отправиться на фронт. В нем, видимо, все время кипел неустанный боец. Я и другие товарищи категорически высказывались против его поездки, ибо нога его еще не зажила, как следует. Неудержимое стремление ринуться в бой, положить свою жизнь на алтарь революции и отрезанная нога, невозможность быстрого передвижения, и пр., и пр., очевидно, вызвали тяжелый душевный разлад: не выдержал горячий боец этого разлада и пустил себе пулю в рот. Это было в ночь на 14 апреля 1918 г. Б. Павлов похоронен с революционными почестями, его хоронил штаб Московского Военного Округа.

А. Аросев.

ПАВЛОВ ** **Дмитрий Александрович** — военком 3-й бригады 14-й стрелковой «имени Степина» дивизии, умер 1 марта 1920 года от сыпного тифа в донской глуши (в ст. Раздорской). Тов. Павлов родился в 1879 году. Родители не дали ему никакого образования, и весь багаж своих познаний Д. А. приобрел впоследствии, во время тюремных отсидок, предоставлявших ему досуг для самообразования. Рабочий от станка, мастеровой модельного цеха и сборщик аэропланов на Балтийском заводе, тов. Павлов, являясь одним из старейших членов Р. С.-Д. Р. П. (с 1899 г.), все время шел в рядах большевиков-коммунистов. Д. А. начал свою партийную работу в душной атмосфере подполья, около 20 лет тому назад (в 1900 году); он был одним из первых партийных организаторов-пропагандистов. С проповедью марксизма на устах он пошел впервые к московским рабочим. С этого начался его революционный стаж. Нелегальные условия последующей жизни тов. Павлова ничем не отличаются от тех, в которых находились все старые революционеры: лишения, жандармские преследования, тюрьмы, аресты на каждом шагу. Не было почти ни одной «приличной» тюрьмы в Российской Империи, почетным гостем которой не являлся бы т. Павлов. Сидел он в 1901 году, 1903 году, в 1904 году и в 1909 году, сидел в Нижнем, и в Москве, и в Ярославле, в Питере и в других городах. В 1917 году тов. Павлов принимает живейшее участие во всех отраслях строительства рабочего социалистического государства... За двухлетний период пролетарской диктатуры он перебывал на постах и члена коллегии Народного Комиссариата Торговли и Промышленности, и члена коллегии отдела

металла В. С. Н. Х., и лектора-организатора продотрядов и военпродбюро Всер. Центр. Совета профсоюзов, и члена Рабочего Комитета Содействия (Рабкомсода) при Наркомземе, и заведующего отделом военного транспорта на Украине. В марте 1919 г., на 1-м Всероссийском съезде рабочих водного транспорта, Д. А. был избран в члены Ц. К. (Цекавода). Будучи все время завален ответственной советской работой, тов. Павлов принимает также живейшее участие в партийной работе. Он умел побывать в качестве рядового партийного работника-агитатора в деревнях Орловской губернии, и на посту председателя Елецкой организации Р. К. П., и члена коллегии по работе в деревне при Ц. К. Р. К. П., а также выполнял целый ряд ответственных поручений Ц. К. партии. Во всякое дело, за которое он брался, Д. А. умел вложить живую душу и неиссякаемый запас своей энергии и опыта, на всяком поприще Д. А. умел развернуть свои недюжинные организаторские способности, и в его лице российский пролетариат потерял редкого партийного, советского и профессионального работника. В июльские дни 1917 года в рабочей квартире тов. Павлова спасался от опасности быть растерзанным улюлюкавшей буржуазией наш великий вождь Владимир Ильич Ленин. В самый критический для Советской Республики момент, когда, казалось, пробили последние часы ее существования, в октябре 1919 года, тов. Павлов, мобилизованный Всероссоветом профсоюзов от Цекавода, отбыл на фронт. Получив назначение на пост военкома 3-й бригады 14-й дивизии, тов. Павлов с юношеским энтузиазмом целиком отдался военной партийной работе. Тов. Павлов в течение двух недель быстро ориентировался, проникнул во все тонкости военного аппарата. Как политический руководитель красноармейской массы, т. Павлов был несравненен. Он являлся кумиром красноармейцев. Природный «массовик», Д. А. своим простым обхождением, искусным психологическим подходом и личным примером умел, как никто, привлекать симпатии красноармейских масс и овладевать их умами и сердцами. В лице тов. Павлова Красная армия лишилась идеального военкома. («Краткий очерк истории 14-й стрелковой «имени Степина» дивизии 1918 — 1921 г.г.». Действующая Красная Армия. Подив. 14. 1921 год.)

ПАВЛОВ Матвей Павлович — член Р.К.П., сотрудник В.Ч.К., геройски пал в бою с белыми в конце октября 1919 года.—См. **Денисов Ф. Н.**

ПАВЛУНОВСКИЙ * **Никита Сергеевич** — старый испытанный партийный работник, активный участник Октябрьского переворота в Петербурге. Там, во время восстания Владимирского юнкерского училища, он одним из первых подъехал на броневике к училищу, а когда было привезено орудие, то, выйдя из броневика, занялся постановкой орудия и без всякого прикрытия, несмотря на сильный пулеметный огонь противника, наводил орудие в ближайшее окно училища. (Из статьи П. Поздева в «Пролет. Рев.», № 4.)

После октябрьского переворота был комиссаром Воронежского государственного банка, в 1918 г. председателем Губ. Ч. К. При наступлении Краснова, поехал добровольцем на фронт (проходивший через Воронежскую губ.), где и погиб (в 1919 г.).

ПАВЛУХИН. — См. **Шаумян.**

ПАЛЕЙ. — 16 апреля в бою под Шепетовской убит доблестный командир—коммунист II Советского полка, тов. Палей. Лично руководя своим полком в бою против втрое превышавшего численностью противника, подавая достойный пример своим товарищам-красноармейцам, он упал, сраженный вражьей пулей. Тов. Палей—один из красных командиров, выдвинутых рабоче-крестьянской армией. Он погиб смертью коммуниста — борца за мировую социалистическую революцию, борца за счастье пролетариата. («Красная Армия», № 21, 1919 г.)

ПАЛЬЯНОВ ** **Емельян Павлович** — крестьянин. Мобилизованный в в 1914 г. на фронт, он в 1916 г., раненый, попадает в Москву и по выздоровлении оказывается в славном 85-м запасном полку, известном по своему деятельному участию в борьбе с юнкерами. В дни Октябрьской революции т. Пальянов был с полком на Скобелевской площади, ведя наступление на Кремль, затем участвовал во взятии Алексеевского юнкерского училища. После демобилизации занимал должность начальника Ново-Андроньевского комиссариата, затем заведующего

уголовно-следственного отдела. В 1919 г. был комиссаром 2-го Рогожско-Симоновского комиссариата, а с мая 1919 г. по сентябрь 1920 г.—народным судьей Покровского участка.

В сентябре 1920 г. по партийной мобилизации был отправлен на польский фронт в 17-ю стрелковую дивизию. 16 октября 1920 г. в бою под г. Слуцком тов. Пальянов был смертельно ранен пулей в грудь и умер тут же подле окопа, едва успев сказать несколько слов. (Сведения взяты из сб. «Братская могила».)

ПАНАСЮК Александр — красноармеец 2-го Коммунист. Интернационального пехотн. полка, убит в бою в 1919 г.

ПАНТЕЛЕЙМОНОВ Василий. — См. **Подтелков.**

ПАНШИН — командир полка, бывший офицер, убит на Северном фронте в 1919 г. Тов. Паншин, один из первых офицеров царской службы, добровольно пошел в Красную армию. («Боевая Правда» № 11 от 19 сентября 1919 г.)

ПАНЬКОВ Лука Тимофеевич — был третьим сыном крестьянина Петроградской губ., Гдовского у., Добручинской вол., д. Булатовщины, Тимофея Козьмича Панькова и его жены Василисы Гавриловны. Их старший сын Семен умер в 1906 г., второй — Аниси́м Тимофеевич—во время революции 1917 г. находился на Шлиссельбургских пороховых заводах в качестве рабочего и принимал участие в свержении самодержавия. Лука Тимофеевич до 18 лет жил в деревне, занимаясь крестьянским хозяйством, потом работал на петроградских кирпичных заводах. В 1914 г., уже во время войны, он был призван на военную службу. Первое время он служил в г. Гдове, спустя некоторое время был переведен в Петроград и зачислен в 1-й запасный пехотный полк на Охте, где служил ротным писарем во 2-й роте. Иногда он приезжал ко мне на Шлиссельбургские пороховые заводы и при свидании возмущался отношением начальства к своим подчиненным и разнузданностью офицерства. — «Если так будет дальше, то у нас в войсках вспыхнет восстание против начальства»,—говорил он при этом. И он с одушевлением рассказывал, как кто-то из солдатиков сказал их ротному или офицеру: — «Ваше благородие! Такие скверные начальники первую пулю получат от своих же на фронте». Простой и добрый, Паньков был истинной находкой для солдат 2-й роты: каждому приходилось бывать в канцелярии, и здесь они у Панькова постоянно находили и совет, и справку, и ответ на их вопросы. Без преувеличения можно сказать, что он был любимцем роты. Это подтверждается тем, что лишь только началась февральская революция, как тов. Паньков, выступивший, как активный работник, был единогласно избран в состав комитета 2-й роты, а потом через самое короткое время — и в комитет полка.

В один из самых критических моментов, когда население Петрограда фактически голодало, Лука Тимофеевич был избран членом продовольственной управы на Охте. Здесь он, с обычными для него энергией и старанием, поработал для более или менее сносного урегулирования такого огромной важности вопроса, как продовольственный. Но вот на Урале начала наступать контр-революция во главе с Колчаком. Лука Тимофеевич, будучи уже членом коммунистической партии, добровольно отправился на Урал в качестве агитатора и политического работника. Там он был прикомандирован ко 2-й бронированной Камской флотилии, а через некоторое время назначен политическим комиссаром 83-го пехотн. полка; затем—в распоряжение, ныне тоже покойного, тов. Семена Воскова. Спустя еще некоторое время он принимал активное участие в отражении банд, наступавших в то время на Петроград. Зимою 1919 г. Лука Тимофеевич был назначен на один из важнейших постов Красного Петрограда, а именно на форт «Красная Горка», комиссаром форта «Передовой», как один из вернейших и беззаветно преданных революционеров.

— «Вот, брат, приезжай к нам на форт, и я покажу тебе, какими гостинцами мы встретим всякого, кто захочет посягнуть на власть Советов», — говорил он мне, приглашая к себе.

1 июля 1919 г. я приехал к нему на форт. Лука Тимофеевич с радостью встретил меня и тотчас же познакомил со своим товарищем, комиссаром Федоровым

(тоже расстрелянным). Мы все трое отправились на их общую квартиру ужинать. Во время ужина разговор велся на тему об отношении рабочих к революции. Я говорил, что настроение рабочих и их отношение на наших заводах не оставляет желать ничего лучшего, и что наши рабочие при первом зове пойдут все до последнего защищать власть советов (что впоследствии, во время нашествия Юденича, и оправдалось).—«Ну, тогда если так, то конец буржуям, и окрепнет Советская власть!»—вскричал с большим воодушевлением Лука Тимофеевич. На утро он повел меня по форту, показывая башни, орудия, бетоны, и говорил: «Горе тому, кто посягнет на власть трудового народа,—сметем мы их с лица земли!». И по его воодушевленному голосу и горящим глазам ясно видны были решимость, твердая воля и вера в то дело, для которого он отдал всего себя.

Когда мы проходили мимо сравнительно большого огорода, с хорошо взошедшим картофелем, мой спутник мгновенно переменил голос и мягко сказал, что это—их огород, что они сами вспахали и засадили его; объяснил, какая здесь почва, и какое нужно удобрение и обработка, — сразу из его слов видно было, к какой кости принадлежит комиссар Паньков. Впоследствии его товарищи передавали, что он был организатором огорода и первым работником. Затем он провел меня в новостроящийся театр, где, как он говорил, будут зрители не г.г. офицеры, а все граждане великой, свободной Российской Республики. Далее провел в библиотеку, где особенно обратил мое внимание на диаграмму по химической выработке сахара из свеклы. Диаграмма была вывешена на стене библиотеки. При этом он говорил: «Знаешь, брат, сердце мое радуется, когда подумаю, что теперь наука, искусство, право, свобода,— все, все у нас теперь есть; нет рабов, нет господ, а есть свободные граждане, равные все перед законами. Я верю, глубоко верю, что русскому народу принадлежит великая, славная будущность». Тут же он напомнил мне, как мы с ним раньше просили работы у разжиревшего буржуя, хотя бы за 90 к. в день, сколько нужно было поклонов и упрашиваний, чтобы каторжным трудом заработать денег и послать отцу в деревню. «Нет, этого теперь не будет!» — заключил он. Я спросил его об отношении к ним старых офицеров, которые остались в форту и наружно подчинились власти советов. Он ответил, что молодые офицеры лучше свыклись с мыслью о перемене власти; старые же спят и во сне видят, как бы сразить ненавистную для них власть трудового народа; но за ними зорко следят, и, вероятно, многие из них скоро будут устранены от должности.

Л. Паньков.

Но гадость они сделали раньше, чем их сменили... Провожая меня, Лука Тимофеевич обещался приехать ко мне на завод в скором времени. Я уехал, а через две недели на Красной Горке случилась измена, и Лука Тимофеевич погиб смертью героя за ту идею, в которую он верил и которой служил, как истинный коммунист.

Враги не дремали: они высматривали свои жертвы. И вот, в ночь с 12 на 13 июня старое николаевское офицерство спровоцировало несознательную часть гарнизона; ночью они набросились на спящих коммунистов и арестовали их. Одним из первых был арестован Лука Тимофеевич. Все арестованные были заперты в бетонные башни на форту. В то время, когда белогвардейцы составляли план дальнейших действий, т. Паньков вместе с т. Мартыновым (бывшим председателем Кронштадского Совета) составляли план освобождения себя и товарищей из заключения

и захвата всех заговорщиков. Но они, т.-е. Лука Тимофеевич и т. Мартынов, были уже на счету у белых, и их протест против изменников был только предлогом для их гибели. В тот же день, 13 июня 1919 г., под вечер их расстреляли. По сообщению «Красной Газеты», в этот день были расстреляны: т.т. Паньков, Мартынов, Федоров, Степанов. По словам газеты «Деревенская Коммуна» (за 1919 г.) и очевидцев, перед смертью Лука Тимофеевич проявил изумительную твердость духа и ясность мысли: под дулами винтовок он моментально сорвал с себя гимнастерку и бросил ее в лицо находящимся при казни офицерам, громко крикнув: «Это вам на погоны! », и тут же пал, сраженный несколькими пулями.

После взятия обратно форта, трупы найдены раздетыми и изуродованными. Они были с почестями перевезены в Кронштадт и похоронены на площади в братской могиле.

А. Паньков.

Редакцией «Памятника борцам пролетарской революции» получена в конверте собственноручная рукопись тов. Панькова, которая приводится ниже без всяких изменений и поправок. На конверте надпись, сделанная рукою покойного товарища: «Хранить по 7 февраля 1922 и не открывать. Открыть лишь самому лично и в вышеуказанное время. Хранить с сего 10 мая 1916 года. Л. Паньков». На обратной стороне конверта: «Хранится Завет. 10 число мая 1916 года».

«Описание собственного мнения.

Война с Германией в полном разгаре, миру не видно конца, дрожать приходится каждую минуту за безопасность, — начинаю болеть, кашель, небывалая в полном нашем поколении, треплет мое здоровье, разбивает до сего времени так твердую грудь и дробит мою бедную голову, да и тяжело же жить бедным солдатикам на военной службе, да еще в такое жаркое воюющее время. Временами приходится задумываться и в нехорошую, как говорят, сторону, т.-е. является мысль покончить с собою и их — как хочется умереть, если только не вдуматься и не взять обсуждение всей природы, которую поставил Бог такою прекрасною и резвою, вот и невольно приходится вспомнить Русскую пословицу «Не на горе, а на радость жизнь от Бога нам дана» и вот тут-то и увидишь все и так опять хочется жить, жить, но не горевать, и приходится опять невольно задуматься, бороться за самосбережение и опять приходится работать руками, головою и всем, чем только можешь до изнеможения. Смотришь, и опять болит голова, является хрип в груди и треплет еще сильнее кашель.

Невольно приходится просить у Бога о послании смерти, смерти спокойной и неболезненной, а то и родителей вспомнишь за то, что вдунули мне жизнь и невольно приходится нервничать и злиться, а злиться на кого? да на свою горькую долю, а почему не на родителей? да потому, что оне тоже, как и я, да еще хуже, мало знают жизнь и радость всей природы, которую отняли у нас в сие время наши враги, а будь оне прокляты и опять приходится сердится и теперь в себе вижу начало «чахотки» ох, дай, Боже, мне смерти, я хочу умереть.

И умереть хорошо ведь я крестьянин и в будущем мало, так мало вижу утешения и что же меня будет манить к будущему, подумаешь, — земли нет, средств тоже, а про образование и говорить нечего и вот в честь чего я буду жить, укажите мне кто-нибудь, где для меня радость и на что мне уповать и надеяться, укажите мне из этого выход. Прошу, слезно прошу, дайте наставление, дайте нить, к чему прицепиться и чтобы меня повезло к счастью и радости. Правда я жить могу, но как? как все, а я так не хочу и не буду, а вот поживу и увижу, хорошо, — буду жить, а не хорошо, — умру и умру все равно хотя позорно, и жизнь которую для нас всех Бог создал равную, я для блага других влачить свое существование не буду.

Завет! об 1-м клянусь.

Заключение. Если буду жив и все благополучно, — не жениться до 30, а то и больше лет, и если на роду до 35 лет не буду счастлив или до 40 — умру от самоубийства.

Л. Паньков. 10 мая 1916 года.

Не вскрывать, если жив буду, до 1922 года 7 февраля Петроград, 1 зап. полк, канцелярия 2 роты, 23 часа».

ПАПКЕВИЧ * Ян Янович. — 1) Служебный стаж: с 1896 г. служба на постройках разных железных дорог: Занеманских, Полесских лесовозных, Богословской, Пермь-Екатеринбургской, Соединительной Финляндской, Одесса — Бахмач и Казань — Екатеринбург в качестве старшего рабочего,

десятника, техника, старшего техника, помощника производителя работ, начальника изыскательской партии и заведующего технической частью на работах у построечных контрагентов.

2) Образование: окончил Виленское техническое училище в 1896 г.

3) Партийная и общественная деятельность: в партийных подпольных организациях начал работать с 1895 г. (с тов. Дзержинским, Козловским, Залевским-Трусевичем и др.), где, состоя членом Виленского рабочего комитета, занимался в кружках рабочих над подготовкой агитаторов, изданием и распространением воззваний и нелегальной литературы, организацией стачек и массовых майских выступлений. С 1900 по 1903 год, состоя членом и Виленского рабочего комитета и членом Главного Управления Социал-демократии Литвы и Польши, участвовал во всех партийных съездах с.-д. рабочих организаций в Вильне, Белостоке и Варшаве, где и состоялось объединение рабочих Литвы и Польши и создание одной общей партийной организации под названием: «Социал-Демократическая Партия Польши и Литвы». Далее, из конспиративных соображений вынужден был из Вильны выехать, и с 1903 г. находился на Урале, откуда выезжал по поручению партии в Москву, Вильно, Варшаву для организации и подготовки всеобщей железнодорожной забастовки. Вернувшись с поездки в 1905 году на Урал, был за воззвание к уральским рабочим, изданное по поводу расстрела рабочих 9 января, и за пропаганду всеобщей забастовки арестован в г. Верхотурьи и заключен в Николаевские арестантские роты в Н. Туре. События 1905 г. раскрыли двери тюрьмы, но по проходному свидетельству разрешено было жить только в глухих местах Сибири и Урала под гласным надзором. К 1910 году надзор был снят. По 1914 год был в разных местах России, а с 1914 г. опять на Урале, где с Октябрьского переворота, участвуя во всех местных рабочих организациях, вел борьбу с соглашателями: организовав рабочих, отстранил подрядчиков и, реквизировав все построечное имущество и инвентарь, передал все дело постройки железнодорожного участка в руки самих рабочих в лице избранного ими рабочего комитета. В состав этого комитета был избран товарищем председателя, затем избран депутатом на Всероссийский съезд построечников в августе 1918 г. в Москве, где избран членом «Центростроя» — Всероссийского Центрального Комитета построечников-железнодорожников. На январском Всероссийском съезде строительных рабочих в 1919 г. избран членом Ц. К. Всероссийского Союза строительных рабочих и членом Коллегии Управления по сооружению ж. д. К. Т. С.

Кроме того, после Октябрьского переворота на Урале, одновременно с работой на постройке ж. д. в рабочих организациях, состоял в советских учреждениях членом Красноуфимского Исполкома, тов. председателя местного комитета Р. К. П., уездным комиссаром по постройке ж. д., а с появлением чехо-словацких банд — членом Военно-Революционного Комитета, которым делегирован был депутатом на VI Всероссийский Съезд Советов.

Киев 4/VI 1919 г. *Папкевич*, член Р. К. П.

(Примечание Истпарта. Настоящий документ представляет копию с собственноручного заявления покойного, имеющегося у его жены. На оригинале—собственноручная надпись карандашом: «Президиуму Укр. Совнархоза, копия Киевск. Союз Стр. раб.»)

Воспоминания о тов. Папкевиче.

Впервые мне пришлось встретиться с тов. Папкевичем на Всероссийском съезде построечников-железнодорожников в 1918 году в Москве, куда он приехал в качестве делегата из Красноуфимска с постройки железнодорожной линии Казань — Екатеринбург. Всем еще памятны те тяжелые дни после Брестского мира, когда кайзеровские генералы искали случая для того, чтобы двинуться вглубь Р.С.Ф.С.Р., на Украине воссел на престол гетман Скоропадский и собирался в поход на Москву, на Дону и Кубани подняли мятеж и воевали поочередно

Корнилов, Богаевский, Каледин и Краснов, выращивавшие достойных для себя наследников—Деникиных, Врангелей и др. В Архангельске и Ярославле — мятеж и авантюры «лояльнейших» послов Англии и Франции, на Востоке и в Сибири эс-эровско-меньшевистско-чехо-словацко-белогвардейские авантюры и, наконец, московское лево-эс-эровское восстание. Отбиваясь на всех фронтах от нападений, построечники-железнодорожники спешно собирались для разрешения профессиональных и производственных вопросов, так как тогда крайне необходимо было в наискорейший срок закончить постройку важнейших ж.-д. линий, каковых тогда было в постройке до 10.000 верст. В такое время от съехавшихся делегатов нельзя было ожидать академически разработанных и строго проверенных планов железнодорожного строительства. В то время нужно было выбирать то, что́ можно строить и чего нельзя, — что́ строить в первую очередь и что́ отложить.

На съезде тов. Папкевич выделялся своими деловыми докладами. Был в президиуме съезда, был выбран в Ц.К. Всерос. Союза построечников-железнодорожников, последним был делегирован в коллегию управления по сооружению железных дорог членом коллегии. В январе 1919 года, когда состоялось объединение железнодорожников-построечников с Союзом строительных рабочих, т. Папкевич был выбран членом Ц.К.В.С.С.Р. и в коллегию Ужелдорстроя, был членом коллегии Укркомгосора. При наступлении Деникина т. Папкевич через Ц.К. В.С.С.Р. и В. Ц. С. П. С. Политуправлением Реввоенсовета был мобилизован для работ на Южный фронт, где он и находился до конца 1920 года, до общей демобилизации.

Я. Папкевич.

Т. Папкевич окончил техническое училище, более 20 лет работал на разных постройках ж. д., имел большой практический стаж и считался хорошим организатором. Отец его был стрелочником, поэтому он с детства уже знал, что такое нужда и голодовки. В 1895 г. он уже работает в гор. Вильно в подпольной организации С.-Д.Р.П. Литвы и потом был членом комитета объединенной Рабочей С.-Д.П. Литвы и Польши. 1900, 1903, 1905 и 1906 г.г. — преследования, репрессии, заключения в тюрьмах: в Верхотурье, в Нижней Туре и Николаевской каторжной тюрьме. После того он принадлежал к Р.С.-Д.Р.П. (больш.) и затем стал членом Р.К.П. с момента переименования Р.С.-Д.Р.П. (больш.) в Р.К.П. Весьма последовательный коммунист, он всегда стремился полностью провести коммунистическую программу. Трудно было ему мириться с колеблющимися и шатающимися, не мог мириться с разгильдяйством. За это известные элементы отплачивали ему злобой, шипением, клеветой... Если он видел, что все усилия его не помогают делу, и борьба его не имеет успеха, он брался за перо и начинал хлестать своих врагов метко и сильно. Когда колчаковщина была тяжелой болезнью для Советской России, он серьезно обращал внимание товарищей на колчаковцев и в строительстве. Об этом были его статьи в «Известиях» и «Экономической Жизни» в мае и июне 1919 года.

Если бы тов. Папкевич при его богатырском росте жил в нормальных условиях и не чрезмерно много работал, то он мог бы прожить еще лет 30 — 40, но он в работе не знал меры и работал, сколько позволяли силы. Последнее время от переутомления и истощения сердце у тов. Папкевича совершенно отказалось работать и 13/VIII 1921 г. окончательно остановилось. Умер 42-х лет.

(«Красный Строитель», № 7, 1921 г.) *Андреев.*

ПАРАДОВСКИЙ — инженер, вступил в партию уже стариком, чтобы «весь остаток жизни и все свои знания отдать за дело пролетариата». Попал к чехословакам в плен после занятия Красноярска, где он работал. На-ряду с другими обвинениями — агитация, подготовка переворота и пр. — ему ставились в вину взрывы мостов. Расстрелян в ночь с 24 на 25 октября 1918 г. в Красноярске. — См. **Вейнбаум.**

ПАРАЩЕНКО Павел — происходит из крестьян Акмолинской обл., Бийского у., Баражинской вол. В 1914 г. он был отправлен на войну и взят в плен германцами. Из плена ему вскоре удалось бежать в Голландию, где в городах Амстердаме и Роттердаме прожил около 4-х лет. В 1917 г. вместе с другими русскими солдатами вступил в образовавшуюся в Голландии Коммунистическую партию. Работать приходилось в подполье. Тов. Паращенко был одним из лучших партийных работников; без него у голландских коммунистов не обходилось ни одно опасное дело; за его смелость и решительность его любили все товарищи. Всего проработать в партии ему пришлось год и два месяца. За это время было совершено с участием русских несколько удачных политических экспроприаций. Но после одной из попыток экспроприйровать перевозившиеся ценности, когда автомобиль с ними был уже захвачен, началось преследование полицейскими автомобилями; бросив автомобиль, пришлось спасаться бегством; в это время т. Паращенко был ранен 5 пулями и вскоре после ареста умер 25 августа 1918 г. в г. Роттердаме. *П. Зотов.*

ПАРГОНЕН — финский курсант, пал в боях с белыми под Петербургом в 1919 г. («Б. Правда» № 61 от 14 ноября 1919 г.)

ПАРМ Альфред — слушатель Академии Генерального Штаба, член Р.К.П., вырван из рядов революционных борцов руками бандитов во время следования его на выполнение государственной работы в мае 1921 г. («Изв. В.Ц.И.К.» № 101 от 12 мая 1921 г.)

ПАРСКИЙ ** Д. П. — умер 20 декабря 1921 г., генерал Генерального Штаба. Первый крупный военный специалист, сознательно примкнувший к Советской власти. До октября — командарм 3. Пробыв в этой должности до февраля 1918 г., с демобилизацией царской армии т. Парский переходит в организующуюся Красную армию, занимая должность начальника Нарвского отряда завесы, затем военного руководителя, а позже командующего Северным фронтом (до декабря 1918 г.). С этого времени до смерти—ответственный редактор Военно-Исторической Комиссии, председатель Уставной Комиссии, автор основного воинского устава Красной армии. Заслуги его в Красной армии велики. («Изв. В.Ц.И.К.» № 252 от 7/XI 1922 г.)

ПАРХОМЕНКО ** Александр Яковлевич — начальник 14-й кавдивизии. Сын бедных родителей. С малых лет должен был поступать в услужение к разным лицам. Работал в колбасном заведении за 3 руб. в месяц, был водовозом, дворником. С 14 лет работал в г. Луганске на заводе Гартмана. Под влиянием тов. Ворошилова в 1904 году вступил в партию, примкнул к фракции большевиков. Неоднократно сидел в тюрьме. В 1915 г. за проведенную забастовку был арестован и отправлен на фронт. Во время февральской революции в Москве принимал активное участие. В марте был вызван в Луганск, где был избран членом исполкома, начальником Красной гвардии, гласным городской думы. Занимал ряд ответственных военных должностей, в частности был харьковским губернским военным комиссаром, помощником окружного военного комиссара, воевал с Григорьевым. В Екатеринославе захватил и уничтожил помощника Григорьева Максюту. С июня 1920 г. командовал 14-й дивизией. 3 января 1921 г. махновская пуля сразила этого честного, преданного, отважного солдата революции. («Конная армия, ее вожди, бойцы и мученики». 17/XI 1920 г. Изд. Политупр. 1-й кон. Красной армии 1921 г.)

ПАРШИН — был посажен чехами в Самаре в одиночное заключение. При приближении советских войск к Самаре ему и еще 12 товарищам было предъявлено обвинение в заговоре. Т.т. Паршин, Михальский, Шукайло, Юзвяк

и Левашов были расстреляны; остальные осуждены на каторгу от 4 до 12 лет. (См. «В дни Самарской Учредилки» Г. Лелевича, стр. 33.)

ПАСТОРОВ ** **Владислав** — ротный командир и председатель полкового коллектива 159-го стрелкового полка, убит 23 января 1919 г. в бою с англо-американскими войсками на Северном фронте. («Правда», № 21, 1919 г.)

ПАШУКАНИС Софья Павловна — всегда близко стоявшая к революционной социал-демократии, окончательно присоединилась к партии социал-демократов (большевиков) после 2-го съезда в 1903 г. и деятельно принялась за работу. Поступив на службу в управление Казанской ж. д., она приняла деятельное участие в организации революционной работы, которая привела к знаменитым забастовкам в 1905 г. Она служила связующим звеном между действовавшими там организациями и не раз стояла под угрозой расстрела при последовавших вслед за тем карательных экспедициях.

Софья Павловна всегда была в центре большевистской организации того или другого учреждения и объединяла в общей работе все, что было революционного.

Скромный и терпеливый работник, она никогда не колебалась, не меняла своей позиции. С глубокой верой в светлое социальное будущее сошла в могилу. Умерла 6 июля 1918 г. («Изв. В.Ц.И.К.» № 142/1918 г.)

ПЕЛИХОВ * **Семен** — горячий, вспыльчивый, решительный и отважный матрос с честной революционной душой. Февральская революция застала его на каторге, где он очутился после одного из многочисленных процессов кронштадтских моряков. В царской тюрьме он надломил здоровье и, вероятно, оттуда вынес лихорадочный блеск глаз, впалые щеки, худое сложение и чахоточный кашель. В первые же дни революции он был выбран членом Кронштадтского Совета. Порывистый энтузиаст, он не мог ни одной минуты сидеть спокойно, когда обсуждался какой-нибудь животрепещущий вопрос. Он воодушевлялся, брал слово, произносил взволнованную речь, но, наконец, его голос срывался, он захлебывался и, чувствуя себя не в силах выразить всю полноту обуревавших его чувств, бессильно махал рукою с крепко зажатой матросской фуражкой и нервно садился на свое место. Тов. Пелихов перешел в Р.К.П. от партии левых эс-эров и считался одним из левых. (Из ст. т. Раскольникова, помещенной в журн. «Молодая Гвардия» № 6 — 7 за 1922 г., стр. 189.)

Тов. Пелихов принимал деятельное участие в подготовке Октябрьского переворота 1917 г. в Кронштадте. Погиб во время подавления Кронштадтского восстания в марте 1921 года.

ПЕНКО ** —расстрелян в числе 9-ти близ ст. Черная Речка Томской ж. д.— См. **Слободчиков В. Н.**

ПЕРЕВЕРЗЕВ **—член Р. К. П., предательски убит на одном из рудников вблизи Шперовки в декабре 1917 г.

ПЕРЕЛЬМУТЕР—был ранен на деникинском фронте и умер от ран.

ПЕРЕЛЬСОН ** **И. Л.**—комиссар дивизии, погиб на Польском фронте в конце 1920 г. в возрасте 25 лет. Осенью 1918 г., вместе с целым рядом других товарищей Петербургской организации Р. К. П., тов. Перельсон отправился на южный фронт, где был назначен комиссаром одного из отрядов штаба фронта и считался одним из лучших комиссаров штаба. В начале весны 1919 г. он был послан в Донскую область начальником Политотдела экспедиционных войск, направленных туда для подавления в некоторых станицах восстаний, организованных белогвардейцами с приближением Деникина. Повстанцам все-таки удается соединиться с Деникиным; части экспедиционных войск вливаются в соответствующие армии, а тов. Перельсон назначается заместителем начальника политотдела Южфронта. В ноябре 1919 г., когда организовался конный корпус Буденого, тов. Перельсон был назначен начальником политотдела этой армии и с первыми кавалерийскими частями вступил в Ростов-н/Д. Для поправления здоровья после перенесенного сыпного тифа тов. Перельсон направляется в месячный отпуск в г. Таганрог. Но и там он принимает непосредственное участие в местной партийной работе. Партийной конференцией он избирается членом Таганрогского Комитета.

Началась война с Польшей, и тов. Перельсон уехал на Польский фронт. Нашими войсками занимается город Янов; часть отправляется дальше, а тов. Перельсон организует митинг, чтобы разъяснить местному населению значение Советской власти. В это время польские войска врываются в город, и тов. Перельсон погибает, изрубленный озверелыми белогвардейцами.

Тов. Перельсон был славным, задушевным товарищем и пользовался любовью и симпатией всех, знавших его и работавших с ним. («Правда» № 296 от 31 декабря 1920 г.)

ПЕРИМОВ ** **Виктор Алексеевич** — казанский врач, хирург, очень популярный в свое время среди казанской бедноты вообще и в особенности среди рабочих, отдававший часто все то, что было при нем, рабочему-пациенту при посещении его на дому. В период 1905—1908 гг. очень активный член нашей партии, наш фракционный кандидат во вторую Государственную Думу. За выставление своей кандидатуры подвергся гонениям администрации. Во время войны на Кавказе получил заражение крови и, сам великолепный хирург, умер от неудачной операции своих коллег (летом 1917 г.). *С. Бакинский.*

ПЕРРИМОНД ** **И. К.** — доктор, расстрелян по приговору военно-полевого суда добровольческой армии во Владикавказе 19 февраля 1919 г. за то, что состоял комиссаром Красного Креста (принадлежал к партии с.-р.).

ПЕРШИН.—Впервые я встретил тов. Першина в 1909 году в Казалинске, где я тогда работал в депо слесарем, и куда тов. Першин приехал с группой товарищей из Уфы. Оттуда они были уволены как «бунтари». Случайно Першин поместился со мною в одном доме. Вскоре мы сдружились. Я узнал, что группа, приехавшая из Уфы, повесила там провокатора и, боясь провала, уехала в Казалинск. Казалинск всегда нуждался в слесарях высшей квалификации, и вся эта группа вскоре была принята в депо. Понятно, что думать о широкой работе в то реакционное время не приходилось; однако мы часто собирались и вели агитацию среди одиночек. Першин был вскоре назначен бригадиром в депо по текущему ремонту. Весной 1910 года я покинул Казалинск и потерял из виду тов. Першина.

Лишь в ноябре 1918 года, когда я приехал в Ташкент, я встретился с тов. Першиным; он и убедил меня вступить в члены Р. К. П., многих рабочих привлек тов. Першин в партию. Вскоре грянули январские события, и я с тов. Першиным очутились оба арестованными во втором полку. В ночь с 20-го на 21-е, перед уходом, белогвардейцы расстреливали гауптвахты с сидевшими в них арестованными. Злодейской пулей был убит и тов. Першин. В лице тов. Першина пролетариат потерял одного из лучших работников, вышедшего из гущи рабочего класса. Мастер высшей квалификации, прошедший богатую подпольную партийную работу, он на своем революционном посту принес громадную пользу рабочему классу. *Б. Пошерстник.*

(«19 января», изд. ред. «Костров»—«Осиповское восстание».)

ПЕСИН ** **Зоя**.—См. **Билецкий.**

ПЕТЕРКОП ** **Михкель**.—См. **Линдер Леопольд.**

ПЕТЕРСОН — солдат 6-го Туккумского революционного полка, погиб во время мятежа белогвардейцев в гор. Ярославле в июле 1918 г.—См. **Балод.**

ПЕТЕРСОН А.—старый революционер, не раз подвергавшийся преследованиям со стороны царского правительства, бывший в ссылке в Якутской обл. и перенесший не мало невзгод и лишений; умер в Новгороде 16 марта 1919 г. (Сведения взяты из газ. «Звезда» № 76 за 1919 г.)

ПЕТЛЯЕВ Михаил—комиссар 6-й роты, член Р. К. П., убит в бою у д. Соколок на Петроградском фронте в 1919 г. («Боевая Правда» № 23 от 3 октября 1919 года.)

ПЕТРЕНКО Василий.—См. **Барк Поля.**

ПЕТРИЧЕНКО Александр Григорьевич—начальник 2-го главного военно-хозяйственного вещевого склада, умер 25 апреля 1920 г. («Изв. В. Ц. И. К.» № 90 от 28 апреля 1920 года.)

ПЕТРОВ **—сельский учитель; будучи царской властью мобилизован, служил в 4-м авио-парке, где вместе с сослуживцем своим, рабочим-металлистом тов. Марцинкевичем, и другими не переставал распространять идеи большевизма. Сначала он это делал нелегально, но по свержении царизма, несмотря на все гонения, которые ему пришлось перенести от контр-разведки и контр-революционного офицерства, открыто присоединился к нашей партии, создав ячейку из солдат-рабочих авио-парка и руководя последней вплоть до Октябрьской революции. Он входил почти во все комитеты Витебской организации, после в Военно-Революционном Комитете состоял членом и секретарем его. По последним сведениям тов. Петров, изголодавшийся и надломленный большой и чрезвычайно ответственной работой, не выдержал, сдал. Он заболел туберкулезом легких и скончался где-то на Советской Украине. («Большевики в Витебске» Б. Пинсона.)

ПЕТРОВ *—представитель центральной власти в Баку, командир Московского отряда, левый эс-эр, погиб в числе 26 бакинских комиссаров 20 сентября 1918 года. Тов. Петров—бывший рязанский студент, ушел на фронт до революции и путем одной отваги и ран добился чина полковника, несмотря на свою молодость. Во время революции он весь был с нами, боевик и идеалист до мозга костей. Умел рисовать, декламировать, когда-то писал стихи и играл на скрипке. Зато и драться на фронте он был мастер вдохновенный и всегда был впереди всех. Его страшно любили, за него многие готовы были полезть в огонь и воду.

С декабря 1917 г. и в начале 1918 г. при образовании калединского фронта он командовал 1-й Донской Советской армией, состоявшей из нескольких красноармейских отрядов, общей численостью в 2—$2^1/_2$ тысячи человек, и оперировавшей по линии Новочеркасск—Воронеж. Весной 1918 г. т. Петров—участник борьбы за независимость Украины. Летом был переброшен в Баку, где и захвачен в плен англичанами. (Сведения взяты из ст. Зин. Чалой, помещенной в сборн. «Пролетарская Революция на Дону», стр. 56—60, и из «Изв. В. Ц. И. К.» № 252 от 7/XI 1922 г.)—См. **Шаумян Степан.**

ПЕТРОВ В. В. — рабочий-печатник, был старым партийным работником. Еще в 1907 г. он привлекался в Курске по делу эс-эров и получил архангельскую ссылку. В ссылке тов. Петров определился окончательно и с 1912 года все время работал в рядах большевиков. Во время революции партия поручала ему самые ответственные работы. Московский Комитет и Комитет Городского района накануне июльских событий поручают тов. Петрову организовать и вооружить Красную гвардию в районе. Возложенную на него задачу тов. Петров выполнил с честью. С этих дней до Октября он ведет всю подготовительную работу: создает отряды Красной армии, вооружает их. В Октябрьские дни он входит в революционный Комитет Городского района, который назначает его начальником Красной гвардии Городского района. Вскоре он просится на фронт. Там он занял пост комиссара 8-й дивизии. В мае 1919 года он заболел тифом. Ослабленный беспрерывной работой организм не мог бороться с болезнью, и через несколько дней т. Петрова не стало.

ПЕТРОВ Василий Васильевич — член Р. К. П. Сокольнического района гор. Москвы. Погиб в октябре 1918 г. во время исполнения своего долга.

ПЕТРОВ П.—См. **Ремтер.**

ПЕТРОВ ** Я.— В ночь на 12 марта в 3 часа в Николаевске японцы сделали нападение на штаб Красной армии, где находились советские деятели. Японцы подожгли здание и открыли по нем ураганный пулеметный и ружейный огонь. Многие товарищи были ранены и стали задыхаться в дыму. Решено было перебраться к соседнему зданию и бросаться в окно. Несмотря на огонь, успели перебежать: тов. Глушков, Нина Михайловна Лебедева, Княшко, Лехов, Стрельцов и др. Во время перебежки почти все были ранены, в том числе и член союза максималистов тов. Я. Петров, вскоре умерший от ран.

Тов. Петров во время диктатуры белогвардейцев работал в Благовещенске в подпольной организации советских коммунистических партий и как нелегальный работник был незаменим. Несколько раз был арестован. Последний раз—

вместе с тов. Повилихиным и Ерыгиным и, как фельдшер по профессии, работал в тюменьском лазарете, где во время свирепствовавшей эпидемии тифа спас от смерти многих товарищей. Одно время почти вся переписка тюрьмы с волей велась исключительно через товарища Петрова. Освобожденный из тюрьмы за недостатком улик, он снова взялся за нелегальную работу, поддерживая все время связь с тюрьмой, затем был взят на военную службу. Последний период своей жизни тов. Петров прожил в целом ряде городов Дальнего Востока, принимая горячее участие в революционной борьбе, пока не погиб смертью храбрых в Николаевске. (Сб. «Красная Голгофа», стр. 113.)

ПЕТРОВСКИЙ Нил Михайлович — родился в конце 70-х годов прошлого века. По окончании гимназии обучался, в конце 90-х годов, в Московском университете и, будучи юным студентом, впервые сталкивается с рабочим движением. В дни Октября и последовавшей затем борьбы с саботажем Н. М. развил огромную энергию в деле организации Народного Комиссариата Земледелия, был членом коллегии этого комиссариата и заместителем народного комиссара. Тяжелую борьбу пришлось вынести Н. М., отстаивая при эс-эровском составе Комиссариата линию Коммунистической партии, членом которой он состоял. Умер 5 октября 1918 г.

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ Владимир.—Большую роль сыграло во всероссийском движении коммунистическое юношество Питера, и одно из первых мест в нем занимал Володя Петропавловский. Юный, энергичный, смелый, не по летам развитой, он и в тылу и на фронте играл руководящую роль сплочения авангарда революции—питерской молодежи. С начала революции тов. Петропавловский нигде не работал, кроме Союза Молодежи, за исключением фронта. Сначала член райкома Петроградской стороны, затем член Петроградского Комитета—везде он проявил кипучую деятельность, по преимуществу как агитатор. На 1-м Всероссийском Съезде тов. Петропавловский в числе питерских делегатов был избран в Центральный Комитет.

В первое наступление Юденича Союз организует роты самокатчиков и разведчиков из членов Союза. Во главе одной из них становится Володя Петропавловский. И какая дисциплина, чистота и порядок были в его отряде! В момент наступления Володя показывает пример стойкости и отваги. Комиссаром, рядовым, затем опять комиссаром, до дивизии включительно,—кем только не был он на фронте! Накануне заключения мира с Эстонией Володя лежит в полевом лазарете с отмороженными ногами — результат стоянки на болоте. Последние месяцы Володя—комиссар допризывной подготовки и, как член Ц. К., заведующий спортивным отделом. Умер в октябре 1920 г. («Петроградская Правда» 1920 г. № 245.)

ПЕТУХОВ. **—См. **Уткин.**

ПЕЧЕРСКИЙ—погиб в 1918 г. в г. Красноярске при занятии его чехословаками.

ПЕЩЕРОВ Сергей — красноармеец 2-го Коммунистического интернационального пехотн. полка, убит в бою в 1919 г.

ПИК ** Гаврила Никанорович — крестьянин д. Екатериновки, Сучанской вол., Приморской обл., седовласый ветеран-партизан. Он благословлял партизан на бой с колчаковцами, инструктировал молодых партизан, находившихся первый раз в бою. Во время жаркой перестрелки ходил по рядам и, наблюдая за стрельбой, вносил поправки:—«Что же ты, дурачок, зря пулю гонишь?.. Бери хорошо на мушку. Вот так!» Его расстреляли колчаковцы вместе с Крыжановским в с. Владимиро-Александровском. Перед смертью он гордо и смело говорил врагам: «Я умираю за правду, за свободу и крестьян». Погиб в 1919 г. (Сведения взяты из ст. А. Яременко «Партизанское движение в Приморской обл.», № 7 «Пролетарской Революции».)

ПИКАЛОВ Иван.—См. **Подтелков.**

ПИЛЬЦМАН Михаил.—См. **Барк Поля.**

ПИНИК Вепант—красноармеец 2-го Коммунистического интернационального пехотн. полка, убит в бою в 1919 г.

ПИОНТКОВСКИЙ Алексей Августинович—эмигрант, вернувшийся из Америки, убит казаками Центральной Рады в г. Умани, Киевской губ., 5 января 1918 года.

ПИСАРЕВСКАЯ ** С. И.—См. **Писаревский Е. Л.**

ПИСАРЕВСКИЙ ** Евгений Леонидович и его жена **Софья Ивановна**—с.-д.-интернационалисты, бывшие ссыльные, оставшись со времен ссылки в Тобольске, оба активно работали в Тобольском Совете. Оставшись в Тобольске после эвакуации Советской власти, Евгений Леонидович открыто выступал в защиту Советской власти в печати и на собраниях, в то время, когда у власти стали местные белогвардейцы. Вскоре после прихода чехов Е. Л. был арестован, долгое время содержался в тобольской тюрьме, потом был переведен в Николаевск, где в тюрьме умер от сыпного тифа.

Софья Ивановна была во время эвакуации белых убита на барже; когда ее поставили на борт для расстрела, она лишилась сознания и упала в воду. Тогда белые звери штыками вытащили ее из воды и снова поставили на борт и, расстреляв, бросили снова в реку.

Оба покойные пользовались большой популярностью среди тобольских рабочих.

И. Коганицкий.

ПИЩИК ** —рабочий, уже пожилой, но энтузиаст и преданный делу; мотался с детства по «чужим людям». Тов. Пищик подорвал свое здоровье, чрезмерно нагруженный партийной и советской работой, и умер в г. Саратове. Смерть его была следствием рубки дров в лесу, где он в худых сапогах два дня показывал пример колоссальной работоспособности и сильно простудился. Тов. Пищик—член Саратовского Исполкома, участник Октябрьского переворота и первый дирижер и учитель массового пения «Интернационала». Т. Пищик умер также на фронте, но на трудовом, где вел показательную работу. («Пять лет пролетарской борьбы». Саратов.)

ПЛАТОНОВ Александр—командир 6-й роты N-го полка, убит в бою у дер. Соколок на Петроградском фронте в 1919 г. в момент взятия им белогвардейской пулеметной команды. («Боевая Правда» № 23 от 3 октября 1919 г.)

ПЛЕТНЕВ Михаил Осипович — как ответственный работник Ц. К. Р. К. П., был командирован в Рязань. Там он заболел брюшным тифом и умер 22 августа 1921 г. Тов. Плетнев, скончавшийся на 29 г. жизни, состоял в Р. К. П. не менее 10 лет. Знавшим его казалось, что 10 лет упорной борьбы за освобождение трудящихся совершенно не отразились на его организме. Его лицо дышало молодостью и здоровьем. А между тем его организм не выдержал сравнительно неопасной болезни.

Работая до революции слесарем на ряде заводов Выборгской стороны, тов. Плетнев был хорошо знаком многим рабочим заводов Нобель, Промет, Айваз и др. как партийный агитатор и организатор стачек рабочих против капиталистической эксплоатации. Вскоре после революции тов. Плетнев с головой уходит в новую работу по борьбе с хозяйственной разрухой и, состоя членом коллегии топливного отдела Петроградского совнархоза, организует торфяной комитет, принимает горячее участие в продвижении нефти для петроградской промышленности и ведет ряд других работ по снабжению Петрограда топливом. На этой работе его застает первое наступление Юденича. Тов. Плетнев вступает в ряды Красной армии и остается в них до разгрома Врангеля. Работая в ряде дивизий 7-й армии и в войсках Карельского боевого участка, он был внимательным и чутким начальником, милым и преданным товарищем, стойким и самоотверженным коммунистом-пролетарием. К моменту нашего окончательного наступления на врангелевском фронте М. О. с рядом товарищей перебрасывается на этот фронт, а по ликвидации Врангеля остается работать в Крыму членом коллегии Крымского совнархоза. В начале июня 1921 г. по постановлению Ц.К.Р.К.П. он назначается инструктором Ц. К., командируется в Рязань, где и расстается с жизнью. («Правда» № 187 от 25 августа 1921 г.)

Лесков.

ПЛЕХАНОВ Георгий Валентинович—родился в 1856 году, умер 30 мая 1918 г.

Плеханов умер. В близкой и вместе с тем теперь такой нам далекой Финляндии,—в стране, в которой буржуазия, победившая социалистический пролетариат, купается сейчас в горячей крови наших побежденных братьев, вдали от родных и близких, вдали от Петрограда, куда он страстно рвался в течение 30 лет эмиграции, отвергнутый и полузабытый рабочим классом нашей страны,—умер бывший учитель целого поколения русских марксистов... Это ли не трагическая смерть?..

С августа 1914 года, с того момента, как Плеханов благословил империалистическую войну, он больше не наш. Социалистический пролетариат вырвал из своего сердца того, кто в трудную, мучительно трудную минуту, когда решались судьбы Интернационала, оказался не с нами, а против нас. И все-таки—почему же грустно и так тяжело услышать теперь о физической смерти того, кто морально умер для нас уже четыре года тому назад?

Жорес, Вальян, Кейр-Гарди, Плеханов—один за другим в течение нынешней войны сходят в могилу представители старой гвардии 2-го Интернационала. Разные люди. Различна судьба этих людей. Жореса убили в день объявления войны, когда он со всей страстью великого трибуна боролся за предотвращение империалистической бойни. Кейр-Гарди умер, оказав бессмертную услугу английскому пролетариату тем, что на склоне своих дней приблизился к идеям интернационализма и протестовал против грабительской войны. Вальян, старый коммунар, благословил империалистскую войну и поддержал «свою» буржуазию так же, как это сделал в последние годы своей жизни Плеханов. Различные люди. Но почему-то в эту минуту четыре этих имени вспоминаются рядом. И становится жаль, бесконечно жаль, что этих людей нет больше между нами...

Что дал нам Плеханов? Товарищи, я знаю, что ожесточение борьбы сделало ненавистным для многих из вас это имя. Многие и многие из молодых рабочих, многие и многие из тех, кого революция только недавно привела в наши ряды, слышали от Плеханова только шовинистские призывы, только проповедь коалиции с буржуазией, только слова травли, направленные против идей интернационализма вообще. Да, много, много вреда принес рабочему делу Г. В. Плеханов в последние годы его жизни. Но, стоя перед свежей могилой учителя, мы стараемся хоть на минуту заглушить в себе чувство горечи, посеянное в нас переходом Плеханова в лагерь социал-шовинистов. И мы хотим хоть на один момент вызвать перед вами образ старого Плеханова, образ старого борца и учителя, образ того Плеханова, кто учил нас ненавидеть буржуазию, неумолчно звал к штурму твердынь капитализма, помогал нам усвоить вечные истины научного социализма.

Да, мы не можем забыть, что не кто иной, как Плеханов, в 1914 году объявил «справедливой войной» войну, которую от имени России вел Николай Кровавый. Но мы никогда не забудем и того, что тот же Плеханов не раз цитировал по адресу Романовых пламенный стих Пушкина:

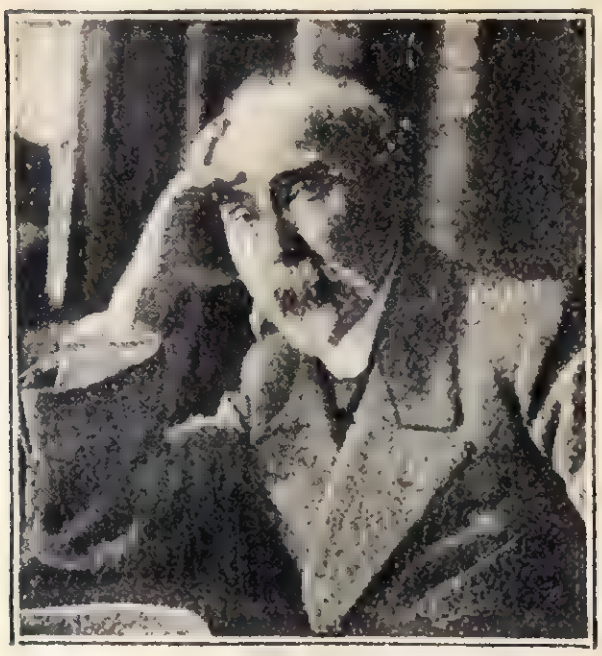
Самовластительный злодей,
Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
Я с злобной радостью увижу...

Что дал нам Плеханов?

Мы не можем дать здесь даже в самых беглых чертах биографии Плеханова. Плеханов—самый выдающийся популяризатор философских идей Маркса во всем Интернационале. Плеханов—организатор первой марксистской группы в России. Плеханов—автор первой марксистской программы в нашей стране. Плеханов—главный теоретический вождь в борьбе русского марксизма с народничеством вообще и с его наиболее блестящим представителем, Н. К. Михайловским, в частности. Плеханов—самый крупный литературный талант в нашей стране после Белинского, Герцена и Чернышевского. Плеханов—властитель дум и целого поколения русской социалистической молодежи и пролетарской интеллигенции.

Автора «Монистического взгляда на историю», автора «Наших разногласий», «Обоснования народничества», автора многих и многих блестящих шедевров марксистской литературы мы никогда не забудем.

С начала 80-х годов и до 1903 года Плеханов остается общепризнанным вождем всего революционного марксизма в России. На 2-м съезде партии в 1903 г., когда впервые намечается расхождение Горы и Жиронды в российской с.-д-тии, Плеханов сначала остается в наших рядах, в рядах большевиков. Но, увы, не надолго. Плеханов сначала протянул чорту оппортунизма только один палец, скоро чорт взял всю руку. В 1905 году Плеханов сначала опять приближается к идеям большевиков. Но после поражения декабрьского восстания в Москве выступает с пресловутым «не надо было браться за оружие». С 1909 года, когда начинается эпопея ликвидаторства, в Плеханове просыпается старый боец. Агенты буржуазии, называющие себя социалистами, хотят «ликвидировать» его нелегальную рабочую партию! Плеханов сближается с нами. Он становится певцом подполья. Он помогает нам ставить легальную «Звезду» в Петрограде, «Мысль» в Москве, он пишет в нелегальном «Социал-Демократе», выходившем тогда в Париже под редакцией непримиримых большевиков с Лениным во главе. Пишущий эти строки особенно близко общался с Г. В. Плехановым в эти годы. У меня сохранилось несколько десятков писем Плеханова, писанных в ту пору. Я опубликую их для того, чтобы вы могли видеть, товарищи рабочие, как старый Плеханов умел ненавидеть и презирать ликвидаторов, которые теперь стали оборонцами, для того, чтобы вы могли судить о том, какие слова Плеханов находил тогда для клеймения Данов, Либеров, Мартовых и К-о.



Г. В. Плеханов.

Идею гегемонии пролетариата в русской революции первый выдвинул и блестяще обосновал Г. В. Плеханов. Почти 30 лет тому назад (на Международном социалистическом конгрессе в 1889 году) Плеханов бросил историческую фразу:

«Русская революция победит, как рабочая революция, или же не победит вовсе».

Что иное означает это в переводе на нынешние отношения, как не диктатуру пролетариата в русской революции? Что иное означает это в переводе на нынешний язык, как не «вся власть Советам»?

Плеханов последних лет своей жизни так далек от нас, что иные и не подозревают, сколь многое мы взяли у Плеханова. А, между тем, многие из «якобинских» идей большевизма были выдвинуты именно Г. В. Плехановым в годы расцвета его деятельности. Разве не Плеханов учил нас тому, что «польза революции есть высший закон» и что, когда настанет революция, мы не должны остановиться и перед отнятием избирательных прав у буржуазии? Разве не Плеханов говорил нам на втором съезде в 1903 году, что любой буржуазный парламент мы должны стараться разогнать как можно скорее, если этого потребуют интересы пролетариата? Разве не Плеханов еще в 1901 году звал нас учиться военному делу и технике уличного боя? Разве не Плеханов напоминал нам, что когда дело идет о тиранах и буржуазных палачах, тогда «умерщвление не есть убийство»? И—последнее по счету, но не по важности—разве не Плеханов еще в 1905 году учил нас тому, что слова Маркса «пролетарии не имеют отечества» не только не устарели, но приобретают все большее и большее значение?..

Большевики никогда не скрывали того, что у Плеханова они взяли многое не только в обосновании теории марксизма, но и в обосновании тактических идей большевизма. Я не выдам большой тайны, если открою, что виднейший вождь большевизма Н. Ленин в течение долгих лет—даже после 1903 года—был «влюблен» в Г. В. Плеханова.

«Русская революция победит, как рабочая революция»,—эти вещие слова Плеханова начинают сбываться. Как ни трудны были «муки родов» рабочей революции, как ни тяжело то время, какое мы переживаем после того, как наша рабочая революция «родилась»,—великое историческое событие совершилось.

И как раз тогда, когда эта основная идея Плеханова начала облекаться в плоть и кровь, как раз тогда, когда дело жизни Плеханова начало сулить реальное осуществление,—Плеханов отошел от рабочей революции. Плеханов оторвался от рабочего класса и его борцов и остался с глазу на глаз с маленькой группкой буржуазных и соглашательских пигмеев. Тяжелая, горькая трагедия!..

«Оборонца» Плеханова чтит русская буржуазия. «Оборонца» Плеханова господа Керенские, Милюковы и даже Корниловы звали в министры. Но старый Плеханов принадлежит нам. И у могилы Плеханова, автора блестящих марксистских произведений, у могилы Плеханова, соратника Софьи Перовской и Степана Халтурина, у могилы старого бойца и великого «ученика» Маркса и Энгельса мы почтительно склоняем колени. Памяти старого Плеханова, у которого мы так многому научились и которого мы так горячо любим, поклонится всякий мыслящий рабочий и каждый честный социалист. («Петроградская Правда» 4 июня 1918 г.) *Г. Зиновьев.*

ПЛЕХОВ Семен Григорьевич—погиб при ликвидации Кронштадтского мятежа 17 марта 1921 года. Сын крестьянина, родился в 1888 году в одной из деревень Воронежской губернии. Шестнадцати лет в поисках заработка он попал в Москву и здесь работал слесарем. В 1909 году вступил в партию эс-эров, в которой работал до 1915 года. В это время он был арестован за революционную деятельность и приговорен к каторжным работам. Февральская революция освободила его. Он сейчас же вступил в партию большевиков. Около года тов. Плехов вел ответственную партийную работу в Кронштадте, после этого был на фронте, занимая различные ответственные посты. В октябре 1920 года он был зачислен в университет Свердлова, где и учился до Кронштадтского мятежа. Под Кронштадт в числе других свердловцев поехал добровольцем. Перед боем написал письмо к жене. Вот несколько выдержек из него:

«...Я один из сотен тысяч, готовых храбро и честно погибнуть за дело освобождения человечества»...

«... Может быть, мы не увидимся больше... Воспитай нашего сына, научи его любить революцию и ненавидеть врагов ее»...

«... За освобождение Красного Кронштадта я готов умереть»...

И он умер. (Из журнала «Свердловец» № 1 за ноябрь 1921 г.)

ПЛОТНИКОВ—15 сентября под деревней Липа погиб геройской смертью командир 9-й роты, член Р. К. П., тов. Плотников.

Когда противник сгруппировал против батальона полка значительные силы и повел решительное наступление, тов. Плотников, стоя у окна и командуя ротой, расстреливал в упор наступавшего противника, нанося ему значительные потери. В то время, когда враг был сломлен и бежал, роковая пуля сразила тов. Плотникова. («Боевая Правда» № 18 от 27 сентября 1919 г.)

ПЛУМИТЬЯН Ян—коммунист Рождественского района г. Петрограда, убит в бою на Лужском участке в 1919 г. («Боевая Правда» № 14 от 23 сентября 1919 г.)

ПЛЮЩЕВ ** — рабочий-слесарь Перовских вагонных мастерских Казанской ж. д. Организатор Красной гвардии на Казанской ж. д. В Октябрьскую революцию был начальником Красной гвардии Перовских мастерских и председателем Главного Военно-Революционного Комитета Казанской ж. д. С начала 1919 г. до конца гражданской войны пробыл на фронте. Истощенный, вернувшись с фронта, заболел тифом и умер 17 декабря 1920 года. («Красный транспортник» № 6 за 1923 г. и «Правда» № 286 от 19/XII 1920 г.)

ПЛЯСУНКОВ ** — командир 3-го Николаевского полка, затем комбриг, участвовал в борьбе с уральскими казаками в начале 1918 г., сподвижник Чапаева. В первый раз был ранен в руку в бою под Ивановкой, затем в бою под

Черновой ранен в ногу, но продолжал руководить боем; истекая кровью, на своих плечах вынес седло и пулемет и останавливал бегущих солдат. Благодаря его храбрости противник был отбит. (Сведения взяты из ст. Степанова в «Красной Были», орг. Самарского Бюро Истпарта.)

ПОБЕЖИМОВ Павел Акимович—коммунист Усманской организации. Погиб в бою под Новохоперском в декабре 1918 г.—См. **Моисеев А. И.**

ПОГУЛ—увезен из Златоуста чехо-словаками при отступлении. Доехав до Читы, умер от сыпного тифа в 1919 году.—См. **Ремтер.**

ПОДБЕЛЬСКИЙ * Вадим Николаевич—родившийся в ноябре 1887 года, происходил из революционной семьи. Отец его в 1881 году, будучи студентом Петербургского университета, нанес пощечину тогдашнему министру народного просвещения Сабурову, за что был сослан в Якутскую область. В 1889 году, во время первой якутской бойни, отец Подбельского был расстрелян в тот момент, когда бежал на помощь к осажденным товарищам. Мать Подбельского была осуждена в каторжные работы за участие в вооруженном сопротивлении полиции в Киеве. Вырос Подбельский в Сибири, среди бывших политических каторжан и ссыльных. Воспитание сделало свое дело: с юных лет он проникся ненавистью к полицейскому мундиру и глубоким уважением к борцам за великое дело освобождения. Уже во втором и третьем классе гимназии Подбельский тайком от старших по дому читает с трудом добытые прокламации и нелегальные брошюрки. В четвертом классе—уже систематические занятия в политических кружках. Весной 1905 года, будучи воспитанником 6-го класса Тамбовской гимназии, Подбельский принимает ближайшее участие в революционном движении учащихся. Еще за год до этого, в феврале 1904 года, он принимал участие от имени тамбовских учащихся в первом нелегальном съезде учащихся, состоявшемся в Москве.

В марте 1905 года Подбельский впервые был арестован во время демонстрации, но удачно бежал из полицейского участка. К октябрю того же года Подбельский вступил в ряды социал-демократической партии и, в качестве члена таковой, принимал активное участие в революционном движении этого периода. 9 января 1906 года он был арестован и с этого момента в продолжение нескольких лет не выходил из цепких лап охранников. В этом же году после рассмотрения в особом совещании тамбовской охранки дела о содержавшихся под стражей в тамбовской тюрьме, уволенных из Тамбовской мужской гимназии гимназистов, обвиняемых в подстрекательстве своих товарищей к забастовке, Подбельскому было запрещено в числе других жительство в Тамбовской и столичных губерниях сроком на один год. В 1908 году, как это видно из справки начальника Тамбовского губернского жандармского управления, Подбельский привлекался при тамбовской охранке за принадлежность к Р. С.-Д. Р. П., в результате чего был выслан в Вологодскую губернию сроком на три года.

В 1912 году, окончив срок этой последней ссылки, Подбельский приехал в Тамбов отбывать надзор полиции по двум новым статьям. Здесь он становится на путь журнальной работы, сделавшись редактором им же основанной газеты. Последняя была закрыта в начале войны за антимилитаристскую агитацию; после этого Подбельский переехал в Москву, где работал в Земском Союзе и в столичной прессе по вопросам агитации. Приезд его отмечен в делах московской охранки следующей телеграммой, полученной Московским охранным отделением 17 августа 1915 года: «Поездом № 1 в Москву выехал социал-демократ Вадим Подбельский. Прошу наблюдений. Начальник жандармского управления Волков». Телеграмма была отправлена из Тамбова. Эта телеграмма была получена за несколько минут до прихода поезда, вследствие чего московская охранка не успела встретить т. Подбельского на вокзале. Через некоторое время охранка получила точные справки о месте жительства своего нового клиента и установила полагающиеся наружные и внутренние наблюдения. На оборотной стороне сохранившейся в охранке регистрационной карточки т. Подбельского значатся следующие сведения провокатора, относящиеся к 1916 году: Секретный сотрудник под кличкой «Зоя» сообщает: «На собрании уполномоченных Общества «Кооперация» Подбельский выступал в защиту служащих». На собрании 20 и 21 ноября в помещении Хлебной

биржи уполномоченных О-ва «Кооперация» после обсуждения продовольственного вопроса собрание занялось своими внутренними делами. Выступление Скворцова и тот факт, что тезис о твердых ценах прошел значительным большинством 73 против 65, побудили Подбельского созвать в коридоре рабочих. По предложению Подбельского в целях защиты демократической тактики и резолюции образовалась демократическая рабочая группа, группа эта будет существовать не только во время собрания уполномоченных, но и постоянно. Сотрудник под кличкой «Андреев» сообщает: «Подбельский—социал-демократ-большевик и в настоящее время принимает активное участие в рабочем движении, при чем выражает желание поработать в подполье».

Как видно из приведенных материалов, Московское охранное отделение считало В. Н. Подбельского лицом, принимающим активное участие в рабочем движении. Эта характеристика влекла за собой определенные последствия... Можно с уверенностью сказать, что лишь нагрянувшие мартовские события спасли т. В. Н. Подбельского от «ликвидации» и всего, с нею связанного, если вспомнить, что на жаргоне охранки ликвидацией именовался обыск и арест представителей революционных организаций.

С самых первых дней революционного движения в Москве Подбельский уже принимает в нем активное участие. Когда 27 февраля 1917 года в Питере происходила вооруженная борьба рабочих с полицией, Москва еще ничего не знала. Московские газеты писали о чем угодно, но только не о начинавшейся в Петрограде революции, хотя редакции крупных газет имели сравнительно полную информацию о том, что творилось в Петрограде. По инициативе В. Н. Подбельского и К. П. Новицкого, было созвано экстренное совещание московских журналистов для обсуждения вопросов о петроградских событиях. На этом совещании участвовали: В. Н. Подбельский, К. П. Новицкий, В. Н. Фриче, А. В. Шестаков, Ф. Ш. Шапулинский и др. На совещание по предложению В. Н. Подбельского были приглашены представители наборщиков всех газетных типографий. Совещание постановило всем редакциям московских газет в очередных номерах напечатать подробный отчет о петроградских событиях. В случае, если редакции газет не подчинятся этому требованию, решено было воспрепятствовать выходу газет. Тов. Подбельскому и Шапулинскому было поручено собранием вести переговоры с редакциями. Поздно ночью, когда стало известно окончательное решение редакторов московских газет, наборщики по предложению совещания прекратили работу и рассыпали готовый набор. 28 февраля в силу этого не вышла в Москве ни одна газета. Это было первым революционным выступлением Москвы. Заслуга организации этого революционного протеста принадлежала, главным образом, В. Н. Подбельскому. По мере дальнейшего развития революционного движения, Подбельский всецело отдает себя активной работе по укреплению революции. С первых же дней энергично работая в качестве простого техника газеты «Социал-Демократ», органа Моск. К-та большевиков, он все свободное время отдает работе в районах. Вскоре на общегородской конференции его избирают в московский комитет, а затем в исполнительную комиссию. К этому времени относится и его работа как гласного Московской Городской Думы, в которую он был избран по списку большевиков.

В. Подбельский.

В Октябрьскую революцию 1917 г. Подбельский был послан московской организацией большевиков в партийную пятерку, руководившую восстанием через Военно-Революционный Комитет, избранный на заседании Московского Совета. Все дни восстания В. Подбельский бессменно провел на посту, руководя борьбой и прилагая все силы там, где этого требовала обстановка. В.-Р. Комитетом он был

послан с небольшим отрядом занять здание Московского Почтамта, захваченного юнкерами. Эта задача была им выполнена блестяще, и ему совершенно неожиданно пришлось сделаться комиссаром почт и телеграфа, сначала Москвы, а через некоторое время, с переездом правительства из Петрограда в Москву, окружным комиссаром, и, наконец, в мае 1918 года—Народным Комиссаром почт и телеграфа. На этом ответственном посту В. Н. Подбельский проявил необычайную энергию и деловитость. На его обязанности лежала непрерывная поддержка почтово-телеграфной связи по всей Республике, и не проходило почи, чтобы его не поднимали с постели улаживать то или иное недоразумение, исправлять тот или иной промах на местах. Не ограничиваясь работой в Москве, он часто выезжал на Украину, лично руководя работами по восстановлению телеграфной связи в освобожденных от белогвардейцев местностях. Частый докладчик и оратор в собраниях московских рабочих, постоянный председатель митингов и общегородских конференций партии, пока его от работы в массах не оторвала работа в С.Н.К., Подбельский был хорошо известен широким слоям московского пролетариата.

Умер т. Подбельский 25 февраля 1920 г. Небольшая царапина, полученная им во время работы на субботнике и последовавшее за ней заражение крови послужило причиной смерти. (Сведения взяты из сб. «Братская Могила», стр. 127—113.)

Воспоминания о В. Н. Подбельском.

С Вадимом Николаевичем Подбельским я познакомился в 1911 году в Тамбове, где он был тогда редактором местной газеты «Тамбовская Жизнь», издаваемой Бердоносовым. Несмотря на различие наших взглядов, мы скоро сдружились, полюбив друг в друге общие наши стремления к завоеванию царства правды на земле. На этой почве мы находили для себя общую работу в создавании общественных народных библиотек-читален с соответствующей, конечно, литературой и других доступных тогда общественных, кооперативных и других учреждений. Я должен отметить здесь феноменальную энергию и упорство, а в то же время и гибкость, с какими шел покойный В. Н. к достижению раз намеченной цели. Отмечу также и горячую веру его в правоту начатого им великого дела. Как интересный штрих, свидетельствующий о тактической гибкости В. Н., можно указать на факт привлечения им к делу создания общенародной библиотеки-читальни известного тогда в Тамбове богача князя Ишеева с его женою и прочих подобных им либерально настроенных людей, с целью извлечения из их карманов по нескольку сторублевок на пользу темного и обездоленного народа и для торжества идеи.

За резкие передовицы в газете, критиковавшие в частности губернатора и общую политику царского правительства, В. Н. нес кару за карой, отбывая в тамбовской тюрьме наказания, административно налагавшиеся губернатором. Такой прохладительный душ (как выражался сам В. Н.) составлял для него добрых четыре-пять месяцев в году и настолько подорвал здоровье В. Н., что я, опасаясь тяжелых результатов, дружески начал советовать последнему: или не допускать в газете резкостей, влекущих за собой для него тяжкие последствия, могущие вырыть ему могилу, или уехать из Тамбова, хотя бы в Москву, где также можно принести делу не мало пользы и с меньшей затратой здоровья, на что В. Н. отвечал: «Пусть, мол, эти всякие Муратовы измываются... будет и на нашей улице праздник». И когда я спрашивал, как скоро настанет этот праздник, он спокойно отвечал: «Надо верить» и добавлял: «Вот твоего-то праздника, пожалуй, не скоро дождется человечество».

В 1913 году губернатор Муратов был переведен в Курск, а на его место был назначен Ошанин, который, очевидно, предупрежденный своим предшественником, начал еще больше преследовать строптивого редактора. Издерганный и ослабевший явился ко мне как-то В. Н. и сказал мне о своем решении уехать в Москву, так как, действительно, он чувствует страшный упадок сил, и что, наконец, он вполне согласен с моими доводами, что если он останется здесь, то сей истребитель крамолы, Ошанин, его доконает. Как ни трудно было расстаться

с В. Н., как со своим искренним другом, я рад был такому его решению, и мы с ним распрощались, но, как оказалось,—не надолго. Вскоре я был приглашен на государственную службу в Петроград, с откомандированием в Москву, и здесь (в начале 1916 года) я посетил Вадима Николаевича, жившего со своей женой в скромной, как всегда, квартире в 2 комнаты, в доме по Козихинскому пер., и здесь узнал от него, что он служит сотрудником в редакционной семье газеты «Русское Слово» и что, кроме того, работает в кружке подпольно,—«но,—сказал он, шутя,—как ты в этом отношении «ни рыба, ни мясо», то для тебя, пожалуй, неинтересно в каком». Далее, вследствие частых служебных командировок, я долго не виделся с В. Н., и только в знаменательный день свержения Николая мы встретились с ним на Лубянке, и тут он, не сдерживая радости, бросился ко мне на шею со словами: «Я говорил тебе, что скоро и на нашей улице будет праздник». Трудно выразить восторг, каким горели глаза этого, воистину, великого борца за народное дело.

В дни Октябрского восстания, интересуясь результатами борьбы, под прикрытиями подворотных арок и выступов домов, я проник по Милютинскому переулку к телефонной станции и здесь увидел В. Н., с портфелем в руках, бесстрашно командовавшего отрядом рабочих, бравших названную станцию, а по взятии последней я видел его с черной от порохового дыма, страдальчески бледной, физиономией, с горящими фосфорическим огнем глазами, шедшим вслед за обезоруженными юнкерами и офицерами и отдававшим приказания конвоировавшим их рабочим.

Когда В. Н. был назначен комиссаром печати Московской области, я посетил его за работой в доме б. Об-ва «Жизнь», уг. Милютинского, во дворе, куда он приходил из дому пешком, не требуя себе автомобиля, и работал 24 часа в сутки, и далее в Наркомпочтеле, в должности Народного Комиссара, где он жаловался мне на палки в колесах его машины, которые совали саботажники, сотрудники его ведомства, и выражал надежду, что скоро его поймут эти безумцы и заработают с ним рука об руку.

Скромность и простота, героизм, кристаллическая честность, вера в правоту своего дела и преданность ему, неослабевающая энергия и недюженный организаторский талант—вот качества, какими был одарен этот безвременно погибший человек.

А. Кучеренко.

ПОДГЛАЗОВ ** **Илья Яковлевич**—житель города Иркутска, по профессии электро-монтер. Проживая в 1917 г. в городе Чите, Илья Яковлевич, под впечатлением вспыхнувшей февральской революции, вступил в ряды партии соц.-революционеров, тогда еще единой, но когда соглашательская политика партии пошла по пути уклонения от заветов революционного социализма—с.-р. максималисты ушли из партии и организовали союз максималистов. С ними ушел и Подглазов, принимавший самое деятельное участие в делах союза. Илья Яковлевич был одним из ярых сторонников Советской власти. Всегда серьезный, вдумчивый, он всякое решение строго обдумывал, душевно переживал его, разбирался, прежде чем принять его. Во время Советской власти он был назначен комиссаром электрической станции и состоял членом городского Совета Рабочих Депутатов. Всякие полумеры, всякие нерешительные действия он считал для себя неприемлемыми и все время боролся с тенденцией рабочего контроля, противопоставляя ему социализацию производства. При падении Советской власти тов. Подглазов, совместно с другими деятелями Советской власти, уехал из Читы, чтобы не попасть в руки кровавого Семенова. Большую часть своего скитания он прожил на ст. Ледяная, Амурской ж. д., имея тесную связь с партизанскими отрядами, по делам которых несколько раз приезжал в Благовещенск.

К середине лета 1919 года принужден был окончательно поселиться в городе и взял на себя роль хозяина конспиративной квартиры подпольного революционного оперативного штаба. Заведывал одновременно и доставкой перевязочного материала и медикаментов в область для Красной армии. После неудачной попытки восстания Илья Яковлевич был арестован на квартире вместе с анархистом Н. Степановым и через несколько дней был присужден к смерти бандой палачей-офице-

ров. 22 октября 1919 г. тов. Подглазов, в числе 16 товарищей, был казнен японцами среди белого дня. (Из ст. Жуковского, помещенной в сборн. «Красная Голгофа», стр. 99.) —См. **Степанов Н. Ф. (Галайкин Н.)**

ПОДДУБНЫЙ ** —член Юзовского комитета Р.К.П. В начале 1919 г. после отъезда комитета из Юзовки он остался там вместе с т. Лагутенко. Им было послано предложение выехать в виду того, что Юзовку вскоре должен был занять неприятель; т. Лагутенко выехал, а т. Поддубный остался, попал в руки врагов и был повешен. (Сведения взяты из ст. Ф. Зайцева в сб. «Октябрьская Революция».)

ПОДЗЕМЕЛЬНЫЙ—происходил из крестьян Тамбовской губ., кандидат Р.К.П. С 1918 г. он был сапером в инжчастях; в июле 1919 г. за преданность был назначен бригадным инженером на Красноярском участке Южного фронта. Его бесстрашная фигура всегда была впереди линии окопов, работая на фортификационных постройках; страха он не знал, честно служа делу революции. В августе того же года, когда мы шли от Балашова вторым походом на Дон, возле села Третьяки он выехал на передовую позицию, чтобы произвести инженерную рекогносцировку, и в это время белогвардейская пуля его убила. Тов. Подземельный был любим своими красноармейцами. Это был преданный коммунист, запечатлевший смертью свою преданность.

И. А. Черномашенцев.

ПОДСОЛОМКО-ЕРМОЛАЕВ—старый коммунист, работал в Особом Отделе в Евпатории в 1919 г. Был арестован и присужден к смертной казни. Расстрелян в сентябре 1919 г. («Изв. В.-Р. Комитета» г. Евпатории № 27 от 19 декабря 1920 г.)

ПОДТЕЛКОВ Федор — происходил из бедной казачьей семьи хутора Крутовского, Усть-Хоперской станицы, Усть-Медведицкого округа, Донской области; образование имел совсем малое—окончил хуторскую приходскую школу. Военную службу отбывал в Питере в 6-й лейб-гвардейской батарее; во время германской войны был произведен в подпрапорщики, имел боевые заслуги. В конце 1917 года по болезни был эвакуирован на Дон. По прибытии домой, он стал концентрировать вокруг себя демобилизованных и прибывших с фронта казаков, ведя среди них агитацию в пользу Советской власти и против атамана Каледина, открывшего войну с Ростовом.

10 января 1918 года созывается в станице Каменской съезд представителей казачьих воинских частей, станиц, волостей и др. организаций, куда прибыл и тов. Подтелков, который не только руководил съездом, но единогласно был избран в Военно-Революционный Комитет в качестве председателя последнего. Он оставался в этой должности до конца существования. Будучи председателем, тов. Подтелков одновременно участвует и руководит боями, в одном из коих он лично зарубил главаря партизанского отряда есаула Чернецова.

В апреле месяце 1918 года первый Донской областной съезд избирает тов. Подтелкова в Ц. И. К. Донской республики, с возложением обязанностей военного комиссара и командующего Донской советской армией. Когда белогвардейские банды с помощью немцев занимают Ростов, тов. Подтелков организует так называемую «экспедицию» по вербовке и мобилизации казаков северных округов для борьбы с контр-революцией и направляется в эти округа по железной дороге. Но взбунтовавшееся белогвардейское казачество преградило им путь, взорвав полотно и мосты ж. д., почему «экспедиции» пришлось выгрузиться и итти походным порядком. Уже на границе Усть-Медведицкого округа, в хуторе Каладниковом Поляково-Наголинской волости, их окружают восставшие казаки, при помощи предательски-наглого приема обезоруживают, а затем 11 мая 1918 года в хуторе Пономаревском Краснокутской станицы вся экспедиция расстреливается, а тов. Подтелков и Кривошлыков повешены. Когда его вешали, он вел себя изумительно спокойно и, держа петлю в руках, обратился к собравшейся толпе с речью, призывая не верить офицерам, атаманам и дворянам, сосавшим кровь трудового народа.

Так геройски погиб один из лучших борцов донского революционного казачества, Федор Подтелков, стойко и честно работавший за рабоче-крестьянское дело.

Ниже мы приводим постановление, которым т. Подтелков и его отряд приговорены к смертной казни:

«П о с т а н о в л е н и е. 1918 года 27 апреля (10 мая) выборные от хуторов под председательством В. С. Попова постановили:

1. Всех грабителей и обманщиков трудового народа, поименованных в списке ниже сего, в числе 80 человек, подвергнуть смертной казни через расстреляние, при чем для двух из них, Подтелкова и Кривошлыкова, как главарей этой партии, смерть применить через повешение.

2. Казака хутора Михайловского Антона Калитвенцова за недостаточность улик оправдать.

3. Бежавших из отряда Подтелкова и арестованных в Краснокутской станице: Константина Мельникова, Гавриила Мельникова, Василия Мельникова, Аксенова и Вершинина подвергнуть наказанию по пункту первому сего постановления (смертная казнь).

4. Наказание привести в исполнение завтра, 28 апреля (11 мая), в 6 час. утра.

5. В караул для наблюдения за арестованными назначить подъесаула Сенина, в распоряжение которого к 11 часам вечера сегодня выслать по два вооруженных винтовками казака; ответственность за неисполнение сего пункта возлагается на членов суда; наказание привести в исполнение караулу от каждого хутора: выслать на место расстрела по пять казаков.

С П И С О К

чинов отряда Подтелкова, приговоренных 27 апреля ст. ст. 1918 г. военно-полевым судом к смертной казни.

№№	СТАНИЦЫ.	ИМЯ и ФАМИЛИЯ	ПРИГОВОР.
1	Усть-Хоперской	Федор Подтелков.	Повешен.
2	Еланской	Михаил Кривошлыков	»
3	Казанской	Авраам Какурин	Расстреляны.
4	Букановской	Иван Лагутин.	
5	Нижегородской г.	Алексей Ив. Орлов	
6	Нижегородской г.	Ефим Мих. Вахтель.	
7	Усть-Быстрянск.	Григорий Фетисов.	
8	Мигулинской	Гавриил Ткачев	
9	Мигулинской	Павел Агафонов.	
10	Михайловской	Александр Бубнов.	
11	Луганской	Калинин.	
12	Мигулинской	Константин Мрыхин.	
13	Мигулинской	Андрей Коновалов.	
14	Полтавской г.	Константин Кирста.	
15	Котовской	Павел Позняков	
16	Мигулинской	Яков Болдырев.	
17	Мигулинской	Тимофей Колычев.	
18	Филим-Челб.	Дмитрий Володаров.	
19	Чернышевской	Георгий Карпушин.	
20	Филим-Челб.	Илья Калмыков.	
21	Мигулинской	Савелий Рыбников.	
22	Мигулинской	Поликарп Гуров.	
23	Мигулинской	Игнат Земляков.	
24	Мигулинской	Иван Кравцов.	
25	Ростов	Никифор Фроловский.	
26	Ростов	Александр Коновалов.	
27	Мигулинской	Петр Вихлянцев.	
28	Клецкой	Иван Зотов.	

№№	СТАНИЦЫ.	ИМЯ и ФАМИЛИЯ.	ПРИГОВОР.
29	Мигулинской	Евдоким Бабкин.	
30	Михайловской	Петр Свинцов.	
31	Дебринской	Иларион Челобитчиков.	
32	Казанск.	Климентий Дронов.	
33	Иловлинской	Иван Авилов.	
34	Казанской	Матвей Сакматов.	
35	Нижне-Курмоярск.	Георгий Пупков.	
36	Терновской	Михаил Февралев.	
37	Херсонской г.	Чин. Василий Пантелеймонов.	
38	Казанской	Порфирий Любухин.	
39	Клецкой	Дмитрий Шамов.	
40	Филиновской	Сафон Шаронов.	
41	Мигулинской	Иван Губарев.	
42	Мигулинской	Федор Абакумов.	
43	Луганской	Кузьма Горшков.	
44	Гундоровской	Иван Изварин.	
45	Гундоровской	Мирон Калиновцев.	
46	Михайловской	Иван Фарафонов.	
47	Котовской	Сергей Горбунов.	
48	Нижне-Чирской	Петр Алаев.	
49	Мигулинской	Прокопий Орлов.	
50	Луганской	Никита Шенк.	
51	Ст. механик Р. П. Т. К.	Александр Ясенский.	
52	Ростов	Михаил Поляков.	Расстреляны.
53	Раздорской	Дмитрий Рогачев.	
54	Ростов	Роберт Фрашенбрудер.	
55	Ростов	Иван Силендер.	
56	Самарской г.	Константин Ефимов.	
57	Чернышевской	Михаил Овчинников.	
58	Самарской г.	Иван Пикалов.	
59	Иловлинской	Михаил Корецков	
60	Кумшатской	Иван Коротков.	
61	Ростов	Петр Бирюков.	
62	Раздорской н-М.	Иван Кабаков.	
63	Луковской	Тихон Молитвинов.	
64	Мигулинской	Андрей Швецов.	
65	Мигулинской	Степан Аникин.	
66	Кременской	Кузьма Дычкин.	
67	Пономарев хут.	Михаил Лукин.	
68	Баклановской	Петр Кабанов.	
69	Михайловской	Сергей Селиванов.	
70	Ростов	Артем Иванченко.	
71	Мигулинской	Николай Коновалов.	
72	Михайловской	Дмитрий Коновалов.	
73	Краснокутской	Петр Лысаков.	
74	Мигулинской	Василий Мирошников.	
75	Мигулинской	Иван Волохов.	
76	Мигулинской	Яков Гордеев.	

Трое из них не заявили о личности.

Председатель Военн. Отдела В. С. Попов.

Секретарь А. Ф. Попов.»

Кто же из них эти революционные гордецы, эти «трос», нашедшие в себе и в эти минуты столько стойкости и ненависти к палачам, что «не заявили о личности?» Об этом хранит глубокое молчание каменный памятник, высящийся теперь над братской могилой в хуторе Подтелкове (б. Пономареве) Краснокутской станицы.

Так бесстрашно смертью храбрых пали мученически герои-революционеры, среди которых большинство только недавно приобщилось к революции. («Орлы революции» А. А. Френкеля.)

ПОЗДНЯКОВ — член Р.К.П. Саратовской организации, скончался 7 апреля 1921 года.

ПОЗДНЯКОВ ** **Андрей**—ротный фельдшер 154-го стрелкового полка. В бою 7 ноября 1918 г., находясь бессменно в передовой линии, он перевязывал раненых товарищей. Увидя раненого разведчика впереди наших цепей, он немедленно бросился оказывать ему помощь и во время перевязки был убит неприятельской пулей. («Красные герои», вып. I.)

ПОЗДЩОВ Михаил — красноармеец 2-го Коммунистического интернационального пехотного полка, убит в бою в 1919 г.

ПОЗИН Рувим — коммунист Мстиславской организации, взят в плен и расстрелян белогвардейцами на Лужском участке под Петроградом в 1919 г. («Боевая Правда» № 14 от 23 сентября 1919 г.)

ПОЗНАНСКИЙ — член Ревкома г. Евпатории в 1918 г. При первом большевистском перевороте в Крыму, как член комитета Р. К. П., стал во главе власти. Расстрелян в 1919 г. после падения власти большевиков.

ПОЗНЯКОВ Павел.—См. **Подтелков.**

ПОЗОЛОТИН И. В.—См. **Ремтер.**

ПОКАЛЬНИС ** **Иосиф Иосифович**—20 лет, окончив реальное училище, поступил в Коммерческий Институт. В 1917 г. начал принимать участие в революционной работе, член Р. К. П. В октябрьские дни в Петрограде он принимал деятельное участие в борьбе. Когда были разбиты банды Керенского и установилась Советская власть, на сцену выступил новый страшный враг пролетарской революции внутри самой Советской республики. Это были саботажники, которые состояли из буржуазных и интеллигентских элементов и думали, что своим саботажем они нанесут большевикам смертельный удар без всякого оружия. Они рассчитывали на то, что среди большевиков не найдется достаточно квалифицированных и интеллигентских сил, но их расчет оказался неверен... И этот внутренний враг в лице саботажников, продержавшийся 6—7 месяцев, был разбит в пух и прах, после чего голодные саботажники сдались и пошли к нам на службу... В этот период саботажа нам пришлось выступить в качестве организаторов своего собственного государственного аппарата. Нашлись и специалисты и квалифицированные работники из пролетарских элементов. В числе таких организаторов и передовых работников был и тов. Покальнис. Работая в Народном Комиссариате Почт и Телеграфа, он был одним из выдающихся агитаторов-пропагандистов коммунистических идей. Он также входил во все отрасли хозяйственных вопросов, организовал местком служащих Наркомпочтеля и вел агитацию по организации местных советов работников в каждом отделе; эти советы отделов действительно способствовали работе и организации самого аппарата Наркомпочтеля в целом. Он вел также организаторскую работу в первой коммунистической ячейке служащих почт и телеграфа. На всех почти собраниях голос его звенел... Он призывал... Он агитировал...

Мы с ним оба работали в Наркомпочтеле; и в работе и в дальнейшей судьбе у нас много было сходного. С переводом Наркомпочтеля в Москву, мы также переехали туда.

В 1918—1919 г. г., когда белогвардейцы окружили со всех сторон Советскую власть, пришлось бросать кабинеты и кинуться в бой с оружием в руках против шедших на нас врагов. Тов. Покальнис был в числе тех, которые кинулись на фронт против белогвардейцев и шли на борьбу с врагом, не щадя своей жизни и здоровья. В конце 1918 г. или в начале 1919 года по мобилизации Московского

Комитета Р. К. П. я был отправлен ПУР'ом в распоряжение поль-бюро Ц. К. Р. К. П. демаркационной линии в гор. Вильно. Организационная работа там была весьма тяжелая... Приходилось работать днем и ночью: там контр-революционеры вили свои гнезда внутри города и окружали его фронтовым кольцом; 19 апреля 1919 г., первый день Пасхи, белогвардейцы хотели использовать, чтобы задушить Советскую власть Литвы и Белоруссии. В 5 часов утра, волонтеры—кавалерия под командой ясновельможного пана Жолкевского и др. стала рубить направо и налево всех, стоявших на страже Советской власти. Разбуженный одним из служащих почты и телеграфов, я быстро обменялся с ним одеждой и вышел на улицу, обдумывая план обороны. Мне пришлось проходить среди рядов белогвардейцев, свистевших пуль и стонов падавших от ран... Я вышел быстро из линии огня и стал искать красноармейскую часть, чтобы дружными рядами ударить на врага. Вижу одного-другого разбегавшихся красноармейцев с оружием в руках. Я стал их собирать увещаванием, убеждая, что «скорее погибнем одиночками, чем стройными рядами». Присоединившись к части, мы вступили в бой с врагом в тысячу раз сильнейшим. В непосильном бою мы были взяты в плен с оружием в руках. Крик, стон, плач, свист пуль, рев снарядов, бичевание коммунистов—это все наполняло атмосферу гор. Вильно в первый день Пасхи 1919 года. Всех пленных, 2—3 тысячи, повели колонной из города Вильно по Лидскому тракту; верстах в 3—4 от города стали делать выборку; выборка состояла из выдачи ответственных коммунистов. Один из работников почты и телеграфов, интеллигент, выдал меня, несмотря на то, что я был замаскирован до неузнаваемости благодаря переодеванию. Началась расправа с коммунистами, избивали до полусмерти и раздели догола... После первых истязаний нас большой колонной погнали под сильным конвоем по Лидскому тракту, где в одной деревне нас всех остановили и поместили для ночевки. Здесь-то я снова встретился с тов. Покальнисом. С длинно-отпущенными по-марксистски волосами, он, еще неузнанный, подошел ко мне и сказал: «Откуда ты попал? Работали мы с тобой в Петрограде, Москве и оказались на фронте в плену».—«Да, — вздохнув, ответил я,—брось разговор, следи за моей судьбой и не подходи ко мне близко». Я сказал это из опасения, чтобы по разговору со мной не догадались, что он тоже коммунист. Я думал: с моей гибелью может погибнуть и он, а если он останется жив, то будет знать о моей судьбе и сообщит когда-нибудь о ней товарищам. Он меня великолепно понял, отошел от меня подальше и примкнул к другой колонне. После того мы с ним стали переглядываться, следя друг за другом глазами.

Через несколько суток, когда нас пригнали в г. Волковыск, снова начали полную перетасовку в колоннах, а всех коммунистов подвергли самым суровым бичеваниям, истязаниям и избиению; всех сфотографировали. Нет никакой возможности ни описать пером, ни рассказать языком о всех перенесенных и пережитых (как физически, так более всего и психически) ужасах нахождения в белогвардейском плену. В Волковыске тов. Покальниса я уже больше не видел. Из Волковыска по железной дороге нас довезли до Белостока, а оттуда стали отправлять большими партиями в Краковскую крепость для расстрела. Накануне отправки нашей партии мне удалось бежать и благополучно добраться до Советской России. Тов. же Покальниса я с тех пор не видел и ничего о нем не слышал. Другие товарищи подтверждают, что он погиб. *В. А. Михайловский.*

ПОЛЕЗНЫЙ **—политинспектор одного отряда 9-й армии. Тульский рабочий—он отдался делу революции, ненавидя всей душой своих классовых врагов. Он много сделал для революции.

Отряд в полтораста человек получил задачу проникнуть верст на 100 в тыл противника, поднять там восстание карачаевцев и ударить вместе с ними по тылам казачьих банд. Банды были раз в пятнадцать сильнее отряда. Убедившись на месте в невозможности довести свою задачу до конца, отряд ограничился общей политической работой и начал покидать тыл противника. Противник стремился перехватить отряд. Завязался бой. С одной стороны полтораста революционеров, с другой—до 2-х тысяч природных кубанских бандитов, знавших каждый камень

и уголок. «Эй вы... Берегите пулеметы!.. Держитесь лощинами... Не бросайте отстающих и раненых!»—эхом среди скал неслись оклики товарища Полезного.

В узком ущелье Индыша зловещая пуля пронизывает насквозь тов. Полезного. Не имея ни секунды для перевязки раны и обливая своею кровью лошадь, он еще долго был в боевом строю, но потом бледный, истекая кровью, начал валиться с лошади. Наскоро товарищи завернули его в бурку и бросили в кусты с надеждой, что, быть может, он еще останется жив... Полезный погиб. (Сведения взяты из ст. А. Метелева «Будем помнить», помещ. в «Пролетарской Революций», № 3.)

ПОЛЕТАЕВ ** **Михаил Михайлович** — крестьянин Московской губернии Богородского уезда, села Петровской слободы, Кузнецкой волости. Сын рабочего. Родился в 1883 году; на восьмом году лишился отца. Мать осталась с двумя малолетними детьми. Когда Полетаеву исполнилось 12 лет, мать определила его на фабрику С. Морозова ставильщиком с оплатой 3 рубля в месяц. В 1905 году в дни ноябрьской забастовки на фабрике С. Морозова т. Полетаев посещал партийные собрания. После разгрома 30-й казармы в январе 1906 года, после произведенного в квартире обыска, арестован, избит и отправлен в Богородскую тюрьму, а после—под надзор полиции в Зуево. Находясь под надзором, поступить куда-нибудь на фабрику не представлялось возможным. В 1908 году с одним из товарищей бежал в Венгрию, пробрался в Будапешт, работал в шахтах около 6 лет. Вернулся обратно в Россию в 1914 году в момент мобилизации. На службу царскую итти не хотел, из Орехова уехал в Петроград, поступил на Путиловский завод, работавший на оборону. Работал в подпольной организации с т. И. Е. Кулаковым. За две недели до февральской революции вернулся в Орехово, поступил на фабрику С. Морозова. В марте принимал участие в разоружении полиции. Был в Красной гвардии и добровольно был на Дону. По болезни вернулся обратно. В августе 1918 года партией мобилизован на Чехо-Словацкий фронт и там погиб. («Братская могила».)

ПОЛИВИН Василий — наборщик по профессии, с молодых лет принимал активное участие в рабочем движении и был старым подпольным работником Р. К. П. Его, поистине, можно причислить к корифеям нелегальной печатной работы в Петрограде. Такие работники, как Василий, как кроты, во всякую революционную непогоду и мрачнейший разгул царской реакции, нередко рискуя своей жизнью, рылись в погребах и на чердаках для постановки нелегального печатного станка, тем самым играя решающую роль в том или ином выступлении петроградского пролетариата. Мало заметны были такие товарищи в рабочей среде.

Эта работа постепенно подтачивала уже и так ослабевший от свинцовой пыли организм тов. Поливина. Совершенно больному, при наступлении банд, ему была поручена очень важная конспиративная работа. Как будто ожил он от этой работы. Такие люди, как он, будто бы рождены для подпольной работы и неразрывно связаны с ней. Это был милый, детски-наивный и всей душой преданный революции человек. Умер в гор. Ардатове, Симбирской губ., в октябре 1920 г. Ему было всего 35 лет. («Петроградская Правда» 1920 г. № 245.)

ПОЛОВОВ * **Иван Никандрович**—русский рабочий, по профессии булочник. Еще в 1904 г., когда начались революционные вспышки рабочих, он стал в ряды борющихся за рабочее дело. В 1905 г. при его ближайшем участии организовался Петроградский союз пекарей и кондитеров, где он был в его первом правлении. В декабре 1905 г. он примкнул к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Будучи солдатом, Половов всей душой ненавидел царскую военщину и знал, что для того, чтобы сломить самодержавие, нужно бросить эти грозные массы солдат против царизма, и потому при первом же вступлении в партию ему была поручена ответственная и опасная работа в военной организации. И «половой», так звали его в шутку друзья, эту работу выполнил с честью. Он занялся печатанием нелегальных листовок, прокламаций, нелегальных партийных журналов—«Казарма», «Солдатская беседа». Он же и распространял печатный материал среди войсковых частей, на заводах, пекарнях. Он любил свою работу, влагал в нее все свои силы и, не глядя ни на какие опасности, был всегда верен своему долгу.

В 1906 г., по доносу провокатора, Половова забрали жандармы; суд приговорил его к трем годам крепости. Проведя четыре года в заключении, он вышел из тюрьмы в тот момент, когда в России свирепствовала реакция. Тюрьма подломила Половова—он получил чахотку и заболел нервным расстройством. Но не прошло и 3-х месяцев, он вновь ушел в работу в профессиональном союзе пекарей и кондитеров, будучи членом правления и одно время секретарем, а также будучи выбираем на общественные съезды. Но опять арест и высылка заставили его уйти в подполье, и снова он взялся за партийную работу. Наконец, полицейские условия заставили его уйти из Петрограда в г. Выборг. В 1911 и 1912 г.г. он уже работал там, иногда наезжая в Петроград. Война бросила его в ряды войск, но по болезни он был освобожден от службы. В 1917 г. тов. Половов был в Петрограде на Северном Областном Съезде Советов. Это было накануне октября. А в октябре его уже не стало. Его знали немногие, он не любил выдвигаться в первые ряды, предпочитал работу славе и блеску. Для пролетариев России и Финляндии—его смерть большая утрата. («Изв. Центр. Исполн. Ком.», 1918 г., № 160.)

После 2-го съезда Советов т. Половов уезжает в Финляндию, где начинает работать среди войск и участвует в организации Красной армии. Погиб во время гражданской войны между финским пролетариатом и финской буржуазией.

Подробности о его смерти до нас не дошли. По одной версии он, раненый, был взят в плен и повешен, по другой—уже мертвым был изрублен белофиннами. Во время восстания он стоял во главе одной из крупных частей финских красногвардейцев, оборонявших подступы к красному Выборгу.

ПОЛОНСКИЙ ** — член Р.К.П., командир так наз. «Железной» Махновской дивизии, пользовался в армии популярностью, почти равной популярности самого Махно. В 1919 г., после вторичного занятия Махно г. Екатеринослава, военная организация Р.К.П. сконцентрировалась вокруг т. Полонского; был создан нелегальный армейский комитет, настроенный агрессивно по отношению к Махно и неоднократно добивавшийся у Губкомпарта разрешения произвести переворот. Неожиданно, в начале декабря, произошел провал военной организации. Тов. Полонский и целый ряд армейцев-коммунистов были арестованы контр-разведкой. 5 декабря тов. **Полонский, его жена, Азаров, Семенченко, Вайнер и Бродский** были расстреляны «Мишкой Левчиком», профессионалом-налетчиком, начальником махновской контр-разведки. (Сведения взяты из ст. Вл. Мирошевского «Вольный Екатеринослав» в № 9 «Пролетарской Революции», стр. 204 — 205.)

ПОЛТОРАЦКИЙ ** **Павел Герасимович** — погиб еще сравнительно молодым — около 30 лет. Наборщик по профессии. Павел Герасимович объездил много городов, и его знают очень многие «солдаты свинцовой армии» по революционной работе среди своих товарищей. В Туркестан т. Полторацкий перебрался еще до революции из г. Баку. Совершенно забывая о своей личной жизни, т. Полторацкий все силы и способности отдавал рабочему классу, выказывая большую стойкость и преданность в деле защиты рабочих интересов. Благодаря этому, П. Г. быстро завоевывает огромное уважение к себе со стороны окружающей его рабочей массы.

К моменту Октябрьской революции в Туркестане т. Полторацкий руководил профессиональной и партийной жизнью, насколько помнится, в гор. Копале. С организацией первого же краевого органа Советской власти в Туркестане после октября, тов. Полторацкий краевым съездом Советов избирается в Совнарком. Вот как характеризовали Павла Герасимовича. «Тов Полторацкий—это гениальный самородок-рабочий. В Совнаркоме он представлял очень большую силу — все важнейшие поручения и вопросы давались обыкновенно тов. Полторацкому, и он всегда их вполне целесообразно разрешал. Павел Герасимович одновременно выполнял несколько крупнейших обязанностей. Будучи по должности комиссаром труда, он был и один из главнейших организаторов вновь создаваемого центрального Совнархоза, он же редактировал и орган Совнаркома «Советский Туркестан». Надо помнить, что в тот период ни малейших руководств мы не получали из центра — были все время отрезаны «дутовской пробкой». Тов. Полторацкий особенно выделялся из всех современных ему работников

своей удивительной выдержкой и замечательным спокойствием. В самом горячем споре т. Полторацкий не терял своего хладнокровия.—«Его перебьют иногда, горячатся, а он спокойно выслушивает всех и, когда успокоятся, продолжает свою речь и ровным, спокойным тоном, убедительными доводами склонял спорщиков на свою сторону»—вспоминает о т. Полторацком бывший чарджуйский рабочий т. Тихонов.

Где и как вырос Павел Герасимович, первые его шаги на революционном поприще, другие подробности жизни не удалось до сих пор собрать. Тов. Полторацкий бесстрашно вызвался ехать на успокоение спровоцированных рабочих Закаспия, он безропотно погиб 23 июля 1918 г.

Город Асхабад, в котором зародилось безумное движение против рабоче-крестьянской власти, с захватом его Красной армией переименован в г. Полторацк, в память славного борца за торжество рабочего класса. В каждом городе Туркестана, особенно в Туркменской области, есть улица, школа, больница, библиотека, клуб или еще какое-либо учреждение «имени Полторацкого». Своей жизнью т. Полторацкий организовывал пролетарские ряды, своей смертью он еще крепче спаял их. В июле 1919 г. на открытие скромного памятника на братской могиле в Мерве, где схоронен т. Полторацкий, съехались представители от рабочих организаций почти всех городов Туркестанской республики, чтобы возложить венок от рабочих, последнюю почесть славно погибшему товарищу.

Карпыч.

ПОЛУКАРОВ И. — умер от тифа на фронте в начале 1920 г. Он был сыном крестьянина Рязанской губ. Полный веры в дело коммунизма, он увлеченно и страстно учился. Чувствуя пробелы в своем образовании (ему было около 25 лет), он жадно учился сначала в Социалистической Академии, а затем, как бывший военный, пошел в Академию Генерального Штаба. Наблюдая его около 2-х лет, я видел, как он духовно рос и умственно креп. В будущем из него обещал выработаться крупный и способный генштабист. *Гр. Закс.*

ПОЛЯК ** — большевик, расстрелян белогвардейцами в числе девяти вблизи станции Черная Речка, Томской жел. дор., 26 июня 1918 года. — См. **Слободчиков В. Н.**

ПОЛЯКОВ Абрам Львович — сотрудник иностранного отдела «Роста». Умер 5 декабря 1919 г. («Изв. В.Ц.И.К.» № 278 от 2 декабря 1919 г.)

ПОЛЯКОВ Михаил. — См. **Подтелков.**

ПОЛЯКОВ ** **Петр** — рабочий хозяйственного отдела Трехгорной М-ры, был на службе в старой армии, попал в плен в Германию и, пробыв там около 3-х лет, вернулся. По возвращении вступил в Р.К.П.; был назначен заведующим обозом; добросовестно исполнял все возложенные на него как партийные, так и административные обязанности. Во время партийной мобилизации против Врангеля был мобилизован и отправлен на фронт. Пробыв на фронте около 9 месяцев, заболел тифом и, не совсем оправившись, пожелал ехать в Москву; по дороге заболел возвратным тифом. На 3-й день по прибытии в Москву умер. («Братская могила».)

ПОЛЯКОВА ** **Таня**—швея-работница, молодой член Р.К.П., вступившая в организацию в 1918 г., член Тобольского Совета, была заведующей Рабочим Клубом. Осталась после эвакуации Совета в Тобольске. При белых делала попытку создать подпольную организацию. Была арестована бело-эс-эрами; когда Красная армия стала теснить белых, была эвакуирована и по дороге, в числе других товарищей, расстреляна на борту баржи. *И. Коганицкий.*

ПОНОМАРЕВ ** **Николай Иванович** — командир 1-й роты N-ского стрелкового полка. После операции снова добровольно отправился на фронт, где и был в третий раз тяжело ранен; умер 5 ноября 1920 г. на перевязочном пункте. (Сведения взяты из сб. «Великий Красный Новгород», ст. «Контрреволюция и наши жертвы».)

ПОПАНДОПУЛО ** — член Р. К. П. Член Симферопольского горсовета и Симферопольского окружисполкома. Отважный, бесстрашный боевик, необыкновенно популярный среди татар. Участник крымского подполья. Погиб в 1921 году в горах в битве с бело-зелеными.

ПОПОВ Александр — пал под Псковом в конце сентября 1919 г. («Б. Правда» № 35 от 17 окт. 1919 г.)

ПОПОВ ** Анатолий Александрович — юный коммунист, при первом призыве итти на командные курсы бросает гимназию и поступает на 1-ые инструкторские курсы артиллеристов. С одной из первых мобилизаций отправляется на Северный фронт, где вскоре становится командиром отряда. Затем он был назначен заведующим политотделом бригады. На этой работе проявил такую активность, неутомимость, такой политический такт, твердость и уменье подходить к массе и к отдельным товарищам, что вызвал всеобщее восхищение товарищей, командиров и комиссаров. С этого времени тов. Попов посылается во все опасные места.

Анатолий попал на Северный фронт в самый тяжелый момент. Работа в прифронтовой полосе и среди разрозненных, плохо дисциплинированных красноармейских частей была крайне тяжела. Темнота крестьянской массы, кругом—восстания, хорошо вооруженные, очень многочисленные; плохо обученная Красная армия, напуганная организованной силой противника; невыносимо тяжелые условия боя — невылазные болота, постоянная грязь, отсутствие снабжения; затруднительная перевозка снаряжения — все это, казалось, должно было убить энергию даже и в менее хрупком молодом работнике, чем Анатолий. Но он неустанно день и ночь бегал по деревням, устраивал митинги, выступал сам, посылал агитаторов. И крестьяне любили его: кое-где он покрикивал, терроризировал, арестовывал, но чаще всего с особенной лаской старшего или с веселостью ребенка обращал в нашу веру. При отступлении Анатолий был всегда последним. С винтовкой в руках, неустрашимый, он бросался в бой, показывал пример, уговаривал малодушных. На передовых линиях, как и в ближнем тылу, он был одинаково нужен. И поражала в нем тогда смесь твердости, даже жестокости, в отношении к врагу, к шпиону, к предателю и нежности, удивительной мягкости в отношении к своим товарищам, к бессознательным крестьянам, к пленным английским рабочим.

Когда положение на Северном фронте укрепилось и создалась более спокойная обстановка, Анатолий перебросился на Южный фронт, где в то время шли тяжелые бои. Там он был назначен комиссаром самого боевого передового отряда, шедшего все время по Донской области впереди нашей армии. Анатолий туда внес свою кипучую энергию. Прекрасный администратор, политический организатор, он, пламенный юноша, великолепно дополнял начальника отряда, очень заслуженного в Красной армии старого генерала. Когда начался повстанческий фронт в тылу нашей армии в Донской области, Анатолий был брошен туда, как в самое опасное место, в качестве комиссара экспедиционных войск. С каждым днем в нем вырастал крупный работник, но вместе с тем в его характере сохранились нетронутыми кое-какие детские черты. Он очень любил своего отца (А. А. Серафимовича), тосковал по нем и, как ребенок, в тяжелые для себя минуты почти плакал, когда вспоминал, что отец далеко. Тов. А. Попов погиб в начале лета 1920 г. («Правда» № 123 от 9 июня 1920 г., из статьи т. Землячки.)

ПОПОВ Алексей Михайлович—начальник хозяйственной части 1-го запасного стрелкового полка Московского военного округа, умер 4 февраля 1920 года. («Правда» № 25 от 5 февраля 1920 г.)

ПОПОВ Владимир Иванович — старый член нашей партии; в ряды ее он вступил в начале 90-х годов. Работа его началась в Нижегородской организации. В 1905 году, во время июльского черносотенного погрома интеллигенции, он едва не стал жертвой озверевшей толпы, направленной на него царскими шпионами. В октябре—декабре того же года он стоял во главе рабочей боевой дружины, ограждавшей Народный Дом,—место ежедневных митингов и собраний Нижегородской организации. В последовавшие годы реакции В. И. Попов, не порывая

с партией, уходит в работу по народному образованию, разрабатывает и проводит в жизнь, насколько это было возможно, план всеобщего обучения в Смоленской губернии, работает по организации сельских учителей в той же Смоленской, а затем и Московской губернии, создавая социал-демократические группы среди деревенской интеллигенции.

В 1918 году Московский Губернский Съезд Советов избирает его в Исполком, который поручает ему заведывание Отделом народного просвещения. Но В. И. не мог долго работать в Отделе; он хочет быть ближе к деревне и к непосредственной работе по организации сельских учителей, оставляет заведывание Губ. Отд. нар. просв. и уходит в «свой» Бронницкий уезд. Здесь работа по просвещению тесно связывает его с партийной работой, в которую он, в конце концов, и уходит всецело. Страдая болезнью ног, он в последнее время не мог уже ходить и его совершенно больного доставляли в уездный комитет партии, где он, прикованный к креслу, с утра до вечера занимался организационной работой в постоянной толпе приезжающих из деревень работников. Захваченный им здесь тиф быстро сломил его ослабленный организм, и 24 июля 1919 года он скончался.

ПОПОВ ** **Тихон Иванович** — старый партийный работник. После Октябрьского переворота — комиссар Госбанка в Москве. После смерти жены, С. П. Пашуканис, уезжает на фронт и в конце 1918 г. в астраханских степях погибает. Окруженный белогвардейцами, он застрелился, не желая сдаваться.

ПОПОВА ** **Альвина Ивановна**—активный член Р. К. П., работница ф-ки «Земгор»; мобилизованная 3 ноября 1919 г., умерла от сыпного тифа на ст. Грязи в январе 1920 г. («Правда» № 16 от 25/I 1920 г.).

ПОПРУГА. ** — См. **Аппельбаум.**

ПОСАЖЕННИКОВА. ** — См. **Холмогоров.**

ПОСПЕЛОВ ** **Н. И.**—убит в числе 17-ти революционеров офицерами и японцами в г. Благовещенске 26 март 1919 года. Подробности убийства—см. **Шумилов С. П.**

Н. Поспелов.

ПОТЕХИН ** **Лев** — секретарь Исполкома, впоследствии комиссар труда и промышленности в г. Ачинске, расстрелян белогвардейцами в числе девяти вблизи ст. Черная Речка, Томской ж. д., 26 июня 1918 г. — См. **Слободчиков В. Н.**

ПРИНЦЕВ ** **Иван Алексеевич** — пал геройской смертью в бою с белогвардейцами в апреле 1920 г., коммунист дер. Пустошки, Рабежской вол., Демянского уезда. Тов. Принцев добровольно пошел в числе мобилизованных от Рабежского коллектива весною 1919 г. и служил, как честный коммунист. (Сб. «Великий Красный Новгород», ст. «Контр-революция и наши жертвы».)

ПРИСЯГИН * **Иван Бонифатьевич** — крестьянин, родился в 1885 г. Это был типичный рабочий-интеллигент, вождь массы, вышедший из ее рядов. Он начал свою революционно-классовую работу еще в 1904 г. в Москве, где работал в качестве рабочего на кожевенном заводе. После 1905 г. для т. Присягина начались тюремные мытарства. В 1907 г., выйдя из тюрьмы, он снова принялся за революционную работу. Московской областной партийной организацией он посылается в Париж для прохождения курса агитации и пропаганды в партийной школе, открытой там Ц.К. партии. Знакомство с т. Лениным, руководившим вместе с т. Луначарским этой школой, еще более утвердило т. Присягина в правильности большевистских идей, и, по возвращении из-за границы, он становится наиболее страстным пропагандистом большевизма в рабочих массах Московской области.

Затем следует ссылка в Сибирь. Там он снова принимается за революционную работу, подвергается гонениям и новым арестам и освобождается от них лишь революцией 1917 года. С этого времени т. Присягин работает в Барнауле, организует там профессиональные союзы и объединяет их в Совет профессиональных союзов, состоит его председателем до падения Советской власти в Сибири. С августа 1917 г. он состоит также и председателем Барнаульской организации коммунистов. Тов. Присягин был выведен из тюрьмы белогвардейскими офицерами и убит. (Сведения взяты из книги «Три года борьбы».)

ПРИЩЕПЧИК Андрей Антонович — родился в 1898 г. в г. Минске в мелкобуржуазной семье мелкого чиновника. Это был необыкновенно порывистый горячий юноша, быстро все схватывающий и близко принимающий к сердцу. Эти его порывистость и горячность сказывались в нем еще в то время, когда он был почти мальчиком. В 1914 г., в начале империалистической войны, охваченный патриотическим чувством, он из 6-го класса гимназии добровольцем отправляется на фронт, откуда возвращается раненым. Это обстоятельство вызывает крутой переворот в его характере: он становится вдумчивее, серьезнее; начинает иначе смотреть на жизнь. В 1916 г. он знакомится с революционной литературой и начинает работать в небольшом подпольном кружке учащейся молодежи. К моменту революции у него уже складывается определенное марксистское мировоззрение. Во время февральской революции он принимает участие в различных собраниях, демонстрациях, выступает на митингах. С первых же дней революции вступает в Воронежскую организацию Р.С.-Д.Р.П. (б.).

Весь период революции и гражданской войны т. Прищепчику пришлось бороться на фронтах. В начале 1918 г. он направляется на Калединский фронт, в армию Петрова; по ликвидации этого фронта возвращается в г. Воронеж, где работает в только что организуемой еще Ч. К. Осенью 1918 г. он командируется парткомом на Южный фронт, где работает, в качестве комиссара бригады, в VIII армии. Здесь он пользуется всеобщей симпатией красноармейцев, участвуя наряду с ними во всех боях и воодушевляя их своей самоотверженностью. Во время наступления на Воронеж Деникина в 1919 г. он участвует в боях под Воронежем. Затем командируется Политотделом в Академию Генерального Штаба. По приезде в Москву заболевает сыпным тифом и вместо Академии попадает в больницу. Оправившись от болезни в январе 1920 г., он опять направляется на Южный фронт, где остается до апреля. Опять заболевает уже очень серьезно и болеет до июня того же года. Во время наступления поляков на Западном фронте т. Прищепчик, едва оправившись от болезни, отправляется туда в июне 1920 г. В декабре, уже совершенно потеряв здоровье, измученный, больной, он командируется Пуром в Коммунистический Университет имени Я. М. Свердлова. Здесь он накидывается на книги и, несмотря на страшную физическую усталость, весь отдается занятиям. Но недолго пришлось ему отдохнуть: в марте 1921 г., во время Кронштадтского мятежа, он с группой других товарищей-свердловцев направляется добровольцем на фронт, где и погибает в бою в ночь с 17-го на 18 марта, раненый в грудь и голову.

Сестра и товарищ *Марина Прищепчик.*

ПРОКОПОВ ** — рабочий-уралец, командир одной из рот сводного отряда, под командой т. Хохрякова отражавшего белых на подступах к Тюмени в 1918 г., смертельно ранен в грудь из пулемета в цепи во время обходного движения его роты вокруг села Покровского, Тобольской губернии. Истекая кровью, т. Прокопов не покинул наступавшей цепи и, лежа на земле, отдавал команду, стараясь избавить бойцов от убийственного пулеметного огня. Отправленный после первой перевязки в Тюмень, по прибытии туда скончался.

Это была первая жертва в нашем отряде и тяжелая потеря для отряда. Товарищ Прокопов был одним из наиболее сознательных и самоотверженных борцов за революцию, один из многих, молчаливо и скромно отдавших свою жизнь за освобождение рабочего класса, с которым он связан был кровно.

И. Коганицкий.

ПРОКОФЬЕВ Мирон Семенович — член коммунистической фракции Петроградского Совета. Отправившись с одним из первых отрядов на Псковский фронт, он был захвачен во время разведки 2 марта 1918 г. в плен и зверски убит неприятелем.

ПРОКОФЬЕВ ** Павел Михайлович—командир 1-го Путиловского Стального кавалерийского полка,—отличился во многих боях. В бою 4 апреля 1919 г. ему пришлось пробиваться через кольцо неприятеля, окружившего Песковский завод. Будучи уже ранен, он всеми силами старался вывести из кольца молодцов-кавалеристов. Когда последние пробили себе дорогу, тов. Прокофьев тронулся сам, но был убит. Награжден орденом Красного Знамени. («Красные герои», вып. I.)

ПРОСКУРОВСКИЙ Х. — расстрелян в 1919 г. деникинцами.

ПРОСМУШКИН («Исаак Спер», «Берновский») — уроженец Псковской губ., родился в 1887 г. в семье бедного учителя. В 1903 г. поступил в типографию в качестве наборщика; в 1905 г. принимал деятельное участие в подпольной организации союза графических искусств. Затем работал на нелегальной соц.-демократической газете «Дело»; во время революции 1905 г. участвовал в выпуске «Известий Совета Раб. Депутатов», во главе которых стоял Хрусталев-Носарь, и в выпуске «Выборгского воззвания».

Февральская революция 1917 г. застала его в Крыму, куда он приехал поправить свое здоровье. Здесь он организовал союз рабочих печатного дела в Евпатории, председателем которого он состоял до Октябрьского переворота. После раскола в с.-д. организации он стал активным борцом за коммунистические идеи — сначала делегатом в Совпрофе, а затем членом Исполкома. Неутомимый и живой по натуре, имея большие познания в области профессионального движения, он весь отдался рабочему делу, положительно удивляя товарищей по работе способностью совмещать и выполнять одновременно все те задания, которые на него возлагались как на члена Исполкома, председателя союза печатников и члена различных комиссий при Совпрофе. В 1919 г., при втором приходе Советской власти, Исаак Спер был секретарем Ялтинского Исполкома Сов. Раб. и Кр. Деп. После эвакуации из Крыма Советской власти он был оставлен для подпольной работы. Кто близко соприкасался с ним в этой опасной и нервной работе (он состоял тов. председателя Областкома Р.К.П.), тот видел, что этот человек мог ловко и умело выходить из самых опасных положений: его знала вся контрразведка Крыма, его разыскивали день и ночь, и, несмотря на это, он всегда точно и неуклонно выполнял все поручения, возложенные на него Областкомом.

Освобождение из арестного дома в Симферополе арестованных политических, смелый налет на участок, где содержались политические, в том числе его брат, взрыв у железнодорожного моста под Альмой, сотни и тысячи летучек и прокламаций, призывавших рабочих не падать духом,—это дело его рук. Увлекшись своей революционной работой, он попал, как и многие другие подпольники, в сети знаменитого «Акима» и в августе был арестован под фамилией Берновского. В контрразведке он подвергся ужасным пыткам. Несмотря на глумления и ужасные страдания, он держался стойко, не выдавал своей фамилии и никого из товарищей. Вследствие истязаний он не мог предстать перед военно-полевым судом по делу 13-ти, и дело о нем было выделено. (Суд мотивировал это его болезнью.) Через две недели после казни его товарищей, он был приговорен к повешению, но палачам не удалось привести в исполнение приговор, так как накануне казни он, приняв доставленный ему яд, покончил с собой. Палачи выкололи ему глаза и повесили его мертвым. («Известия Военно-Революционного Комитета г. Евпатории» № 27 от 19 декабря 1920 г.) — См. **Грановский.**

С. Лядов.

ПРОСМУШКИН Михаил (брат И. Спера) — родился в 1892 г. в Псковской губ. В феврале 1917 г., после революции, он вступил в соц.-дем. организацию в Евпатории и был избран в Комитет; баллотировался в члены Крымского сейма от с.-д. группы и состоял членом Сов. Р. и К. Д. Много сил и энергии им было положено на организацию союза печатников в г. Евпатории, где он был сначала тов. председателя. затем казначеем до второго прихода Советской власти. В 1919 г.

вступил в Р.К.П., организовал ячейку союза печатников и выполнял различные поручения партии. После ухода Советской власти он был оставлен для подпольной работы, которую он выполнял до октября, когда на него была возложена задача срочно отпечатать прокламации. Он отправился в Ялту, где вследствие неосторожности был задержан во время набора прокламаций вместе с владельцем типографии Зельгером. В контр-разведке его страшно пытали, стараясь узнать у него адреса товарищей. Ничего не добившись от него, над ним учинили «суд», приговоривший его и Зельгера к смертной казни через повешение.

Преданный рабочему делу и революционным идеям, отдавший все свои силы и жизнь за благо человечества, он так же, как и его брат, погиб на своем посту геройской и славной смертью. («Известия Военно-Революционного Комитета г. Евпатории» № 27 от 19 декабря 1920 г.)

С. Лядов.

ПРОТОПОПОВ ** **(Демьян)** — старый подпольный работник с меньшевистским уклоном. После революции 1905 г. был одним из членов редакции газеты «Самарская Лука», издававшейся короткое время в Самаре. Впоследствии отошел от политической работы. Но накануне взятия белыми Казани согласился взять на себя пост продовольственного инспектора и в момент переворота был убит белыми. («В огне революции», вып. I, ст. Сыромолотова «Самарская Лука».)

ПРОТОПОПОВ ** — заслуженный комиссар военно-инженерной школы, преданный старый партийный работник, умер в конце 1921 г. («Изв. В.Ц.И.К.» № 294 от 29 декабря 1921 года.)

ПРОШЬЯН * **Проша Перчевич**—родился в 1883 г., член Центр. Комитета партии левых соц.-революционеров, редактор-издатель газеты «Соц.-революционер» в Гельсингфорсе, член боевой организации партии, член В.Ц.И.К. 2-го созыва, в 1917 году — народный комиссар почт и телеграфа, кандидат в Учред. Собр. (П.С.-Р. интернац.) от Балтийского флота, умер 16 декабря 1918 года.

ПРЯМИКОВ ** **Николай Николаевич**—до 1917 года молотобоец в кузнице мастерских по выработке колючей проволоки в Сыромятниках. В силу милитаризации мастерских в них работало много такого элемента, как лавочники, подрядчики, владельцы мастерских и крестьяне из деревни, спасавшиеся от военной службы, и очень небольшая часть настоящих рабочих-пролетариев. Условия работы были самые отвратительные — невероятно суровая военная дисциплина. В такой обстановке Прямиков занялся обработкой рабочей массы. В конце 1915 года Прямиков энергично проводит стачку; в результате умелого руководства и энергичного участия Прямикова, стачка для рабочих оканчивается успешно. Во второй половине 1916 года, когда у нас была налажена связь с товарищами из других предприятий, например, с т. Ереминым от Гагенталя и т. Алексеевым — печатником типографии «Универсальная Библиотека», Бочановым и др., в указанной группе т. Прямиков играл крупную роль. Позднее, с поступлением к нам гвоздильщиком т. Кирсанова, нам удалось снова провести стачку, в успехе которой Прямиков был заранее уверен.

В начале февральской революции, т.-е. 28 февраля, Прямиков с группой рабочих бегает по разным концам Москвы, делая революционное дело. 1 марта легализовал партийную ячейку, которая насчитывала десять человек. Прямиков с частью членов ячейки начинает работать в Басманном подрайоне, т. Кирсанов и другие члены начинают работать в Рогожском районе, в котором было полное засилие эс-эров и объединенцев. Итак, наша ячейка под энергичным руководством Прямикова работала на два фронта. В июльские дни наша ячейка увлекает за собой всю рабочую массу мастерской, со знаменем выходит на улицы Москвы, во главе ее—т. Прямиков, Кирсанов и др., затем наша ячейка бросает все силы в Рогожский район, и Прямиков переходит из Басманного района в Рогожский. 28 августа в дни корниловщины пленум Совета Рогожско-Симоновского района утверждает список Исполкома, предложенный фракцией большевиков, и т. Прямиков становится председателем Райсовета. Всегда с неутомимой энергией и твердостью стоит на своем посту. В дальнейшем влияние т. Прямикова продолжало усиливаться, и он пользовался огромной популярностью и авторитетом у всех, сталки-

вавшихся с ним. В конце августа он, Салько и Муся приступили к организации Красной гвардии в районе и к ее обучению и вооружению. В Октябрьские дни т. Прямиков—председатель Военно-Революционного Комитета—ведет громадную организационную работу по борьбе с белыми, а по окончании борьбы переносит все свое внимание на организацию отделов Райсовета. Любимым коньком у т. Прямикова было уничтожение всех калибров бандитов, расплодившихся к тому времени в громадном количестве. В его распоряжении тогда находилась вся административная власть в районе, и он был во главе Административного Отдела. Не будучи красноречивым оратором, т. Прямиков в своих выступлениях твердо и веско, без болтовни, проводил партийную линию. В громадной организационной работе, свалившейся на его плечи после перехода власти в руки рабочих, он всегда пролетарским чутьем находил верный путь в смысле решения вопроса на пользу рабочего класса. В лице т. Прямикова район потерял практического, с громадной волей, вождя. На каждое новое дело, требовавшее быстрой организационной работы, обыкновенно назначался т. Прямиков. Перед своей смертью он был назначен председателем тройки по организации Красной армии (декрет 23/II—1918 г.), но ему не пришлось развернуть свою работу. 3 марта 1918 г. при облаве и аресте бандитов в Бутырках он был смертельно ранен в живот. Доставленный в больницу, был очень спокоен и шутливо относился к своему ранению. Скончался через несколько часов после ранения. В память т. Прямикова Андроньевская площадь в Москве переименована в площадь имени Прямикова. Затем его именем назван Летний Советский Районный Сад. (Сведения взяты из статьи С. Смирнова, помещенной в сб. «Братская могила», и из ст. тов. Ф. И. Мельникова.)

Н. Прямиков.

ПРЯХИН ** **Ефим** — 45-ти лет, рабочий, вступил в партию в 1917 году. Мобилизован партией в августе 1918 года. В одном из боев был взят в плен, из которого бежал; после плена назначен командиром 1—2-й роты I Московского полка, а затем начальником обоза. Налетевшими контр-революционными бандами убит. («Братская могила».)

ПУЗАНОВ Борис—был мобилизован Лодейнопольской организацией Р. К. П. для Южного фронта. Вместе с группой других товарищей с Мурманской ж. д. он остался для защиты Красного Петрограда и был назначен командиром взвода полка. Во время одной из атак, когда неприятельская шрапнель особенно мешала продвигаться вперед, т. Пузанов с возгласом «вперед!» ринулся первым, увлекая за собой остальных. Пуля белогвардейцев сразила его, он не дрогнул... Он погиб, как герой, в октябре 1919 г. («Петроградская Правда» № 246 за 1920 г.)

ПУПКОВ. ** —См. **Уткин.**

ПУПКОВ Георгий.—См. **Подтелков.**

ПУТРИС. ** — 5 апреля 1918 г. толпа крестьян с. Медведя, Новгородской губернии, доходившая до 6 тысяч человек, среди которых было много кулаков, собравшись со всей волости с оружием в руках и подстрекаемая провокаторами, захватила 15 товарищей-красноармейцев, которых буквально и растерзала, при чем многим из них отрубали головы неотточенными шашками.

Среди этих несчастных жертв были расстреляны: председатель полкового комитета т. Путрис, тов. председателя Васильев и военный руководитель Ефимов. (Сведения взяты из сборника «Великий Красный Новгород», стр. 32.)

ПУШКИН ** — 25-ти лет, военный руководитель Демянского уездного комиссариата; посланный для ликвидации восстания Велильской волости в деревню Горшок, был изрублен топором неизвестными бандитами. Беспартийный, энергичный, хороший товарищ.

В. Чистяков.

ПШЕНИЦЫН ** —рабочий Орехово-Зуева. Был откомандирован из отряда на Колчаковский фронт и там пропал без вести. («Братская могила».)

ПШЕНИЧНЫЙ—активный коммунист, принимал участие в отряде, находившемся в Скале в 1918 г., был арестован и, приговоренный к смертной казни, в мае 1919 г. расстрелян (в Крыму). («Изв. В.-Р. Комитета г. Евпатории» № 27 от 19 декабря 1920 г.)

ПЯТАКОВ * Леонид Леонидович—замучен гайдамаками Украинской Центральной Рады в темную ночь реакции в Киеве, в январе 1918 г.; погиб 27-ми лет.

В первый раз я встретилась с тов. Леонидом в начале 1914 г., когда нас, осужденных по делу Киевской с.-д. организации большевиков, высылали на поселение в Иркутскую губернию. Тов. Леонид только что вернулся с военной службы (отбывал воинскую повинность), был молодым инженером, еще не у дел, и поехал с нашим этапом—200 человек каторжан, 20 политических ссыльных—сопровождать осужденного брата. В то время он еще не был членом партии, но интересовался рабочим движением и явно сочувствовал нам. Весь месячный переезд из Киева в Иркутск, путем всевозможных ухищрений, выдерживая подчас крупные стычки с конвоем, он следовал вместе с нами в «арестантском» поезде, служил нам всем живой связью с «волей», передавал газеты, снабжал продовольствием и всем необходимым. Всегда, при выгрузке из вагонов для остановок в «пересылках», в темные холодные ночи, среди лязга кандалов и окриков «смирно!» мы слышали его ободряющее громкое приветствие.

Л. Пятаков.

В тот же год он уехал на службу в Донецкий бассейн, но с нами поддерживал самую деятельную связь путем переписки. Сообщал о положении рабочих в рудниках, задавал ряд вопросов о формах борьбы труда с капиталом, спрашивал указаний в области марксистской литературы и высказывался за необходимость улучшения положения рудничных рабочих. В конце лета вскользь сообщил, что, «напичкавшись» в достаточном количестве всякой литературой по вопросам рабочего движения, засел за изучение «Капитала». Пробыл он на рудниках недолго и во время экономической забастовки рудничных рабочих вылетел со службы за «попустительство» рабочим. В империалистическую войну его мобилизовали, и 2 года он просидел в окопах рядовым солдатом—в виду «неблагонадежности»—на Юго-Западном фронте.

Встретились мы снова в Киеве в 1917 году в первые месяцы после февральского переворота, когда он вернулся с фронта, получив чистую отставку по болезни, но уже как члены одной и той же партии с.-д. (б.) Сейчас же по приезде в Киев он вошел в киевскую организацию и приступил к работе среди войск и к организации Красной гвардии. В этой работе обнаружил большие организаторские способности и в киевской парторганизации считался одним из лучших организаторов. Всегда ровный в обращении с товарищами, внешне спокойный, не любивший много говорить и особенно спорить, он ни минуты не оставался без дела—большую часть своего времени проводил в казармах, где был агитатором, организатором и просто добрым товарищем, с которым каждому хотелось дружески побеседовать. Необычайная простота, искренность и доступность создали ему гро-

мадную популярность в киевском гарнизоне. Солдатские массы относились к нему не как к комитетчику, а как к своему брату, и в их среде он пользовался большим авторитетом и неограниченным доверием. В августе киевский гарнизон провел его в Совет Солдатских Депутатов, и здесь, несмотря на крайне реакционный состав Совета, он сумел сорганизовать группу сочувствующих, а в сентябре—и небольшую нашу фракцию. В октябре был избран в киевский комитет и назначен председателем Ревкома, выделенного партийным комитетом для военной работы. На Краевой Партконференции, 25 ноября, его провели в Краевой Комитет, а в декабре избрали членом Всеукраинского Ц. И. К. Советов Р. К. и С. Депутатов.

Но с ростом доверия и авторитета в рабочих и солдатских массах росла и ненависть к нему офицеров и всей контр-революционной своры. Еще в ноябре во время разоружения Ц. Радой советских войск и Красной гвардии его захватили в казармах гайдамаки [1]), тяжело избили и арестовали, но по требованию Совета Раб. Деп. через два дня освободили, с предупреждением «расправиться», если он не прекратит своей работы в войсках. С образованием в Харькове Всеукраинского Ц. И. К. Советов реакция в Киеве значительно усиливается, начинаются дикие расправы с рабочими—избиения, аресты, «случайные» расстрелы—и организованная ловля большевиков. За тов. Леонидом устраивают форменную облаву, и каждый день можно было ожидать расправы. Краевой партийный комитет неоднократно вызывал его в Харьков, но неизменно получал ответ с просьбой оставить в Киеве, в виду необходимости усилить работу в войсках, стянутых Ц. Радой. В конце декабря на решительное требование Краевого Комитета он сообщает, что работа идет очень успешно, полки Ц. Рады имени Шевченко, Сагайдачного и Дорошенко заявили, что против рабочих не пойдут и что продвигавшимся советским войскам возможно будет оказать значительную поддержку изнутри, поэтому он считает свой отъезд невозможным и убедительно просит оставить его в Киеве.

31 декабря ночью к нему в квартиру ворвались гайдамаки и, не давая одеться, избивая прикладами, увели. Все попытки Киев. Парт. Комит., Совета Раб. Депутатов и его близких друзей узнать, где он и что с ним, ни к чему не привели. Только после бегства Ц. Рады, когда в Киеве установилась Советская власть,—28 января 1918 года—труп тов. Леонида был найден зарытым под мостом. Прошло немало времени, но и сейчас без содрогания невозможно вспоминать, в каком виде мы нашли тов. Леонида. Со спины и до конца ног были вырезаны длинные полосы, руки изрезаны, как будто от хватания за острое оружие, глаза выколоты, в области сердца глубокое воронкообразное отверстие, точно от верчения чем-то тупым... Похоронили тов. Леонида в братской могиле вместе с товарищами рабочими и солдатами, погибшими в борьбе с Ц. Радой. *Е. Бош.*

ПЯТИГОРСКИЙ — рабочий гор. Пятигорска, комиссар 42-го конного полка, убит на Южном фронте.

Р.

РАБИНОВИЧ Владимир Николаевич — умер от тифа в г. Иваново-Вознесенске в начале февраля 1920 г. Исключительно светлая личность, человек глубоко-общественный, талантливый, снискавший не только глубокое уважение, но и любовь всех, имевших с ним какое-либо дело. Работал он в Р. С.-Д. Р. П. с начала 1900 г. на юге (в Киеве и Одессе), в Москве и в Петрограде до наступления глубокой реакции, до 1908 г. Кончил математический факультет, оставлен при университете, занялся педагогической деятельностью. Молодой педагог, благодаря исключительному дарованию, авторитету, организаторскому таланту и глубокой любви к делу, сумел создать в Лосиноостровской гимназии такую исключительную обстановку для работы, что гимназия эта являлась уже новой трудовой школой и в старое смутное время. Полный энергии и энтузиазма, он отдал свои

---

[1]) Особо доверенные войска Ц. Р., сколок с царских казаков.

силы высшему пролетарско-учительскому институту в Иваново-Вознесенске. Он и тут снискал любовь как слушателей, так и товарищей-профессоров. Увлекаясь работой, он забывал себя, семью.

Л. Хинчук.

РАБИНОВИЧ Михаил.—Февральская революция застала Рабиновича в Туруханском крае, куда он был выслан в административном порядке за организацию комитета Бунда. В ссылке он занялся основательным изучением нашей партийной литературы и вскоре примкнул к большевикам. Освобожденный революцией, он заехал в Томск, чтобы повидаться с товарищами, но, присмотревшись к той кипучей работе, которой были захвачены томичи, он решил остаться там. Его назначили секретарем Совета, но сухая секретарская работа его не удовлетворяла. Рабиновича тогда отправили на копи, где вместе с Суховерховым он занялся организацией горнорабочих и агитацией среди них. Под его же руководством издавался в Томске двухнедельный журнал «Сибирский горнорабочий», сыгравший крупную роль в деле развития классового самосознания шахтеров.

Когда при приближении чехо-словаков зашла речь об эвакуации, он решил остаться в Томске. Он горячо, со свойственным ему энтузиазмом, принялся за работу по восстановлению расшатавшихся и распавшихся организаций. Он был душой Совета профессиопальных союзов, организовавшегося в Томске после чехословацкого переворота. Он был главным организатором горнорабочего съезда, который был в августе 1918 г. Горнорабочие же выбрали Рабиновича своим представителем в Сибирскую областную думу. Когда власть в Сибири оказалась в руках черной реакции, Рабинович перешел на нелегальное положение и принял участие в подпольной работе нашей партии. Он делал всяческие попытки, чтобы спасти свого друга Суховерхова от гибели и глубоко страдал от того, что эти попытки не увенчались успехом.

Во время Колчаковского владычества Рабинович был членом первого Областного Комитета Р.К.П. и секретарем 2-го Областного Комитета; он же принимал участие в организации обоих восстаний в Омске. В марте 1919 г. Рабиновича арестовали в Омске, куда он прибыл, чтобы принять участие в работах партийной конференции. Его выдал провокатор. Рабиновича подвергли мучительной пытке: его тело жгли каленым железом. Он стоически перенес все страдания. Мучители ничего от него не добились: ни признания, ни сожаления. Он не дрогнул и тогда, когда его повели на казнь. Он ушел в могилу, как герой. (Из книги: «Три года борьбы».)

В. Вегман.

РАГЛИС — был член ревизионной комиссии союза работников искусств. Умер смертью героя в битве с белыми бандами в октябре 1919 г. («Петроградская Правда», 1919 г., № 249.)

РАЕВ ** — доктор, умер от сыпного тифа в Кисловодской городской больнице в феврале 1919 г.

РАЗЖИВИН — погиб в августе 1918 г. во время белогвардейского восстания в Тамбове.

РАЗОРЕНОВ * (**Никитин Георгий Никитич**) — родился в 1886 году, по профессии цинкограф. Еще в 1903 году тов. Разоренов принимал горячее участие в первой забастовке типографов г. Москвы, а также участвовал на баррикадах 1905 г.; в 1907 г. тов. Разоренов был избран на должность секретаря профессионального союза печатников г. Москвы, за что впоследствии был арестован и выслан вместе с другими товарищами из газеты «Правда» в числе 27 человек. По возвращении из ссылки тов. Разоренов опять принял горячее участие в подпольной работе, как член партии меньшевиков. В этой партии он состоял до Октябрьского переворота, но с момента переворота он вышел из предательской меньшевистской организации, увидя всю бесплодность работы в ней и лживость ее перед рабочим классом, и, как рабочий и защитник рабочих интересов, вступил в ряды Российской Коммунистической Партии (большевиков), в распоряжение которой и отдал все свои силы. С ноября 1917 года тов. Разоренов был помощником начальника наружной охраны в милиции Алексеевско-Ростокинского района, затем состоял

при Р. Ч. К., принимал горячее участие в борьбе с контр-революцией. В декабре 1918 г. тов. Разоренов был делегирован от района в Мопленбеж в агитационный отдел на должность заведующего. Много трудов положил тов. Разоренов на дело агитации среди военнопленных, принимал горячее участие в издании газеты «Военнопленный», редактором которой состоял до весны 1919 г. В марте 1919 г. был делегирован в Гомель и считался одним из видных организаторов и агитаторов в Белоруссии и Украине, в Киеве. По приезде в Москву тов. Разоренов остался при районном комитете Р. К. П. в агитационном отделе в качестве агитатора, главным образом, в подотделе женщин-работниц. Погиб при взрыве в Московском Комитете Р. К. П. 25 сент. 1919 г.

Всегда бодрый, веселый, тов. Разоренов, очень часто выступавший на районных митингах, пользовался большой симпатией всех знавших его товарищей рабочих и работниц.—См. **Загорский.**

РАЗУМОВА «Соня» — член Р. К. П., 21 г., член подпольного комитета Р. К. П. в Симферополе, интеллигентка. Руководительница Красного Креста. Судима военно-полевым судом, казнена в мае 1920 года.—См. **Грановский.**

РАЙБУШ. — См. **Балод.**

РАКОВ А. С. — по профессии официант, начал свою революционную деятельность с 1912 г., как профессиональный работник. Состоял председателем профсоюза служащих трактирного промысла, сотрудничал в старой «Правде» в 1912 г.; был представителем от союза во фракции большевиков Государственной Думы, и при выходе с заседания, которое было во фракции, был схвачен шпиками на улице, брошен в тюрьму и выслан на родину, в Смоленскую губ. В деревне он был мобилизован, но, как убежденный революционер, не мог сражаться против своих же братьев—немецких рабочих и крестьян. Окончил курс на фельдшера и стал работать в госпитале. Когда их часть была разбита и приведена для формирования в Финляндию, в г. Выборг, он, как и на фронте, начал вести самую энергичную агитацию против войны, за что был всегда в подозрении у своего начальства.

А. Раков.

Во время февральской революции он был избран председателем 42-го армейского корпуса и членом Петроградского Совета от выборгского крепостного гарнизона. В то же самое время он принимал участие в местных коммунистических органах и в партийной организации Выборга. Во время восстания финского пролетариата он также принимает самое активное участие, вооружая финских рабочих, организовывая санитарные отряды и сам сражаясь против финских белогвардейцев. Когда финский пролетариат был разгромлен и комитет 42-го армейского корпуса был весь уничтожен под Раута, тов. Раков каким-то чудом спасся от рук финских белогвардейцев. Они назначили крупную сумму за голову тов. Ракова и даже послали своих агентов в Петербург, чтобы убить его.

Вернувшись в Петроград, тов. Раков принимает самое активное участие в организации Красной армии, состоя военным комиссаром Спасского Совдепа и членом Исполкома, а потом был назначен комиссаром рабочей дивизии местной бригады и отправлен на фронт. Тов. Раков погиб 29 мая 1919 г. от руки предателей на Нарвском фронте («Петроградская Правда», 1919 г., № 126.) *В. Попов.*

О нем же см. в «Северной Бедноте», № 230, за 1919 г., ст. Шигаревского. 5 июня того же года в Петрограде состоялось экстренное собрание делегатского совета Союза рабочих народного питания, посвященное памяти тов. Ракова. На этом собрании, между прочим, для увековечения памяти его постановлено: 1) назвать библиотеку союза именем тов. Ракова, 2) заказать художественной работы

портрет тов. Ракова и повесить в правлении, библиотеке и клубе союза, 3) обратиться в Петроградский Исп. Комитет Совета Раб. и Красноарм. Деп. с предложением переименовать Загородный проспект в проспект имени тов. Ракова. Вместе с т. Раковым погибли: **Таврин, Купше, Калинин.**

Правда об N-м стрелковом полку N-й бригады.

В ночь с 28-го на 29 мая полк стоял квартиро-биваком в деревне В. Около 12 часов ночи командир полка тов. Таврин, комиссар бригады тов. Раков, комиссар полка тов. Купше и секретарь полкового коллектива поехали в автомобиле на разведку. Только они уехали, как лица командного состава, преимущественно бывшие гвардейские офицеры Семеновского полка, сели верхом на лошадей и отправились в лес, где предполагался неприятель. Свою поездку они объяснили, как разведку. Вскоре они возвратились, и командир 1-го батальона Сампсониевский сказал красноармейцам: «Ну, и зададим же мы белым. Их там немного».

Вслед за тем вернулся и командир полка с комиссарами. Около 6 час. утра командир полка приказал полку развернуться в боевой порядок и начать наступление.

Помощник командира полка Зайцев уговорил командира тов. Таврина повременить с наступлением, отложив его часа на три и дав людям отдохнуть, что и было исполнено.

Наконец, 1-й батальон перешел в наступление. Вскоре после его отправления несколько офицеров этого батальона возвратились, требуя выступления 2-го батальона, якобы на поддержку 1-го; 2-й батальон выступил, 3-й же батальон и штаб полка находились в деревне В., отдыхая по квартирам.

Вдруг спящие солдаты были разбужены стуком в окна. Оказалось, что деревня уже занята белыми. Среди неприятеля был весь командный состав полка, с надетыми погонами и белыми крестами. Командовал белыми помощник командира полка Зайцев, переодевшийся в кожаную тужурку с золотыми погонами.

Офицеры захваченного врасплох батальона выбегали на улицу и радостно, даже целуясь, приветствовали белых офицеров. Солдаты белых были вооружены ручными гранатами и, конечно, легко разоружили полусонных красноармейцев.

Затем, по предложению изменника Зайцева, белые стали искать коммунистов. В это время из помещения штаба полка выскочил командир полка тов. Таврин и успел только вскрикнуть: «Товарищи, что вы делаете?». Тут же в упор он был ранен навылет в живот выстрелом одного из белогвардейцев. Срывая с себя гимнастерку, падая, уже обливаясь кровью, тов. Таврин успел, однако, выхватить револьвер и застрелил ранившего его белогвардейца. Взбесившиеся офицеры набросились на Таврина, уже обессиленного, и один из них разрубил ему голову шашкой. Над бездыханным трупом началось издевательство. Сначала его раздели, поделив между собою обмундирование покойного, затем стали колоть его штыками, отрезали ухо и вырезали язык.

В это время кто-то из офицеров напомнил белым, что существует еще комиссар полка Купше, которого необходимо расстрелять. Стали искать последнего, при чем не столько усердствовали белые, сколько свои же офицеры. После почти двухчасовых поисков Купше был обнаружен скрывшимся в подвале, выведен на улицу, раздет догола и расстрелян. В это же самое время командир 1-го батальона Сампсониевский (коммунист с 1 апреля 1919 г., бывший гвардейский офицер) вынул из кармана партийный билет, разорвал его на глазах у всех и, надев золотые погоны, сказал: «Ну, наконец-то, мы разделались с этой сволочью».

Совершенно неожиданно кто-то вспомнил о комиссаре бригады тов. Ракове. Бросились в штаб, но были встречены оттуда пулеметным огнем. Тов. Раков, оставшись один в штабе, успел запереть дверь и, зарядив пулемет, решил умереть, но не сдаваться в руки белых. Несмотря на предложения белых сдаться, сопровождавшиеся угрозами, тов. Раков продолжал стрельбу из пулемета. И только после обстрела штаба белыми из двух пулеметов и целого дождя гранат тов. Раков

был убит на своем посту, пав смертью героя. После этого были приведены все батальонные комиссары и поочередно расстреляны.

Когда расправа окончилась, батальон был выстроен развернутым строем, на правом фланге поставлен был оркестр и под звуки царского семеновского марша полк стал проходить церемониальным маршем перед своим новым командиром Зайцевым.

Все эти картины так подействовали на красноармейцев, что в первую же ночь из белогвардейского плена бежало до 40 человек; в последующие дни они продолжали возвращаться из плена и просили направить их обратно в свою бригаду.

Такова картина предательства стрелкового полка бригады. Вернувшиеся красноармейцы в один голос заявляют, что наши солдаты были так поражены происшедшим, что в первый момент растерялись. И вряд ли есть основание предполагать, что полк в целом перешел бы по своей воле, если бы не имело место заранее, повидимому, обдуманное, организованное предательство со стороны командного состава, имевшего большое влияние на массу.

Старый солдат.

(«Петроградская Правда» № 128 от 12 июня 1919 г.)

РАППОПОРТ Федор Митрофанович — сотрудник Московской рабочей инспекции, работал в ней со дня ее организации в качестве управляющего делами. Идея рабочей инспекции была дорога для него. Он решил поехать на Украину и там популяризировать ее. По дороге заразился сыпным тифом и умер в Харькове 8 февраля 1920 г. («Изв. У. Р. К. и Хар. Рев. Сов.», № 49, 1920 г.)

РАТНЕР ** И. М.—См. **Билецкий.**

РАУДСЕПП ** Пауль.—См. **Линдер Леопольд.**

РАХЛИН ** Израил (Сота)—родился в 1895 году в Гомеле в семье мелкого кустаря-живописца. С детства отличался пытливым умом. С 11 лет работал в качестве ученика у своего отца. В 1912 году стал интересоваться революционной жизнью и некоторое время стоял на распутьи, не зная, к какому течению примкнуть: социал-националистическому (Бунд, Поалей-Цион и т. д.), ликвидаторскому или революционно-марксистскому. В 1914 г. Сота Рахлин сделал выбор и вступил в один из подпольных кружков Полесской организации Р. С.-Д. Р. П., где работал вместе с покойным Комиссаровым, Кагановичем, Гинзбургом, своими старшими братьями и др. Недолго продолжалась эта работа. В ночь на 15 июня (июля?—*Г. Л.*) он с группой товарищей был арестован. Как при аресте, так и при допросах Сота Рахлин держался прекрасно. Молодцом держался он также в тюрьме и на суде. Через 3 месяца после вынесения приговора его с товарищами отправляют в Сибирь, где ему приходится перенести не мало испытаний. Вернувшись в 1917 году в Гомель, Сота Рахлин на время уклонился от правильного пути и стал активным левым эс-эром. Во время немецкой оккупации его арестовывает немецкая жандармерия и полгода он проводит в концентрационном лагере в Германии. Освобожденный германской революцией, он вернулся в Гомель, вступил в ряды Р. К. П. и стал работать в Отделе Труда. Затем его направляют в Свердловский университет. Но недолго ему пришлось учиться. После поражения Деникина, Соту Рахлина в числе других свердловцев мобилизуют и направляют на Украину для восстановления Советской власти. В Кременчуге он заболевает сыпным тифом, тиф переходит в воспаление мозга, и он умирает (в 1919 г.). («Изв. Гомельского Губ. Ком. Р.К.П.», № 26, за 1922 г., из статьи Г. Лелевича.)

РАХЬЯ Иван—родился в Кронштадте в 1887 г. 13-летним мальчиком он поступил в ученье в мастерские, где из него вышел хороший металлист. Уже мальчиком он принялся распространять подпольную литературу, таким образом начав свою революционную деятельность, которою и занимался потом всю жизнь. Уже в бытность свою учеником, он был избран в делегацию рабочих Кронштадтского порта для предъявления требований властям. Позже он входил в состав подпольного комитета партии в Кронштадте.

После неудачного восстания 1905 г. Рахья бежал в Финляндию. Здесь ему удалось пройти курс промышленной школы, затем снова заняться своей профес-

сиональной работой. При этом Иван Рахья продолжал принимать горячее участие в рабочем движении. Он выступал, главным образом, в качестве оратора. С особенным интересом он принимал участие в движении молодежи. Он был избран в члены Совета союза молодежи и в то же время работал в союзе металлистов. В 1913 г. тов. Рахья вернулся в Петроград, где работал потом во многих мастерских. Как и прежде, он принимал участие в партийной подпольной работе, давно уже будучи убежденным большевиком. В 1917 г. он входил в состав Петроградского Комитета Партии большевиков. В том же году он принимал участие в боях и был при Керенском арестован вместе с другими большевиками. После Октябрьской революции Иван Рахья партией отправляется в Финляндию на пост помощника высшего комиссара по финляндским делам. Там он с жаром принялся за вооружение финской Красной армии.

Был тяжело ранен в сражении при ст. Кямяря.

Иван Рахья принадлежал к основателям Финской Коммунистической Партии в Москве в 1918 г. и был одним из самых сознательных и энергичных ее руководителей. Он был избран в Центральный Комитет партии. Как представитель Финской Коммунистической Партии, он принимал в 1919 г. участие в Учредительном Конгрессе III Интернационала и был членом второго Конгресса III Интернационала. Он оставил глубокий след в жизни Финляндской Коммунистической Партии. Он являл собою пример бесстрашного, всегда деятельного и энергичного, революционного, верного до смерти коммунизму, бойца. Пал жертвой нападения на клуб имени Куусинена в Петрограде 31 августа 1920 г. («Комм. Интернационал», 1920 г., № 14.)

И. Рахья.

Подробности убийства в клубе имени Куусинена.

31 августа, вечером, происходило еженедельное собрание Петроградского финского коллектива Российской Коммунистической Партии в клубе имени О. В. Куусинена, на улице Красных Зорь, д. 26—28. В это время туда ворвалась группа вооруженных револьверами людей. Уже в передней убийцы открыли сильную стрельбу. Первою их жертвою пал член Центрального Комитета Ф.К.П. товарищ Иван Рахья, для которого, как и для товарищей, нападение явилось полной неожиданностью.

Убийцы стреляли через дверь в зал собрания, прежде всего ранив председателя и секретаря коллектива; потом они проникли быстро в самый зал, где начали дикую стрельбу по членам коллектива. Установлено, что избивавшие были финны. Они искали членов Цетрального комитета Ф. К. П. и финского центрального бюро Р. К. П., чтобы убить их, бешено расстреливая более видных коммунистов.

Члены коллектива, которых было на этот раз на собрании меньше обычного, пришли туда, ничего дурного не ожидая, без оружия, так что напавшие, будучи хорошо вооружены, имели возможность устроить, не встречая сопротивления, ужасную кровавую баню. Они это и сделали со зверским хладнокровием, ведя облаву на свои жертвы, которые пытались укрыться в соседние комнаты.

Таким образом, шайка убийц, поставившая на лестнице двойную вооруженную стражу, убила 8 и ранила 11 членов коллектива. Все жертвы, не считая не-

чаянно раненого Армас Поккинена, были убиты и ранены по обдуманному убийцами выбору.

Кроме тов. Рахья, убиты: **Иокинен Вайне, Виттасари Юго Теодор, Кеттунен Фердинанд, Хюрскюмурто Туомас.**

РАЧИЦКИЙ Д. А.—бригадный командир 55-го зап. полка. Поставил на большую высоту просветительную работу полка. Любил всей душой темные массы и старался, сколько мог, просветить их, дать им посильные знания. Был расстрелян казаками в марте 1919 г. («Извест. Наркомвоен», № 62, 1919 г.)

РАЩЕНКОВ Василий-—военный комиссар 190-го стрелкового полка, член Р. К. П., принимал участие в боях вместе с полком с мая месяца 1919 г. по начало 1920 г. Дойдя до Кубанской области, заболел тифом и умер.

РЕБРОВ-ДЕНИСОВ ** —пользовался большою популярностью среди партизанских отрядов Северо-Восточного фронта Сибири, оперировавших в 1919 году по Ангаре и Лене, а после слившихся в Народно-Революционную Армию. Трудно найти партизана, который не знал бы тов. Реброва, не читал бы его стихи и не произносил бы с уважением и любовью его фамилию. Тов. Ребров был гордостью и славой партизан. Он погиб 26 июня 1920 г., в бою против польских хищников. Всегда веселый и самоотверженный, он воодушевлял партизан не только огненным словом своих стихов, как пролетарский поэт, но и своею преданностью и любовью к делу революции и своим примером. Где угрожала большая опасность, там он был первым. Вот что пишет про тов. Реброва бывший товарищ председателя Центросоюза тов. Протасов (Жизнев), вместе с ним сидевший в Тобольской, а потом в Александровской каторжной тюрьме.

«Тов. Ребров происходил из рабочей семьи и сам был петроградским рабочим. В 1907 г. совместно с другими товарищами он попал под первый военно-полевой суд за убийство директора одной из фабрик, но, по счастливой случайности, был оправдан. Я впервые с ними встретился в особом отделении Тобольской каторжной тюрьмы, куда 27 октября 1918 года мы, в количестве 33 человек, были переведены из различных корпусов для объявления нам приказа о предании нас Тобольскому военно-полевому прифронтовому суду по делу восстания в тюрьме 18 октября. И вот, в углу камеры, около печки, я вижу т. Реброва, который что-то пишет. Подумалось, что строчит он прощальные строки с жизнью, слезливые слова. Каково же было мое удивление, когда через несколько минут встает с сенника тов. Ребров и уверенно-бодрым голосом читает свои стихи. Я не помню их, я не помню всех стихов его,—он писал много,—но помню, сколько истинно-пролетарского духа было вложено в них, как легко впитывала эта душа творчество действительно пролетарского поэта! «Пусть расстреляют—мы не умрем!»

«1 ноября ждем приговора. Мы оправданы. Через неделю по всей тюрьме и по городу из рук в руки переходит описание в стихах нашей отчаянной попытки вырваться на волю. Автор—т. Ребров.

«Июль 1919 года. Красные штыки показались по эту сторону Урала, и нас увезли в Иркутск. На пароходе т. Ребров был одним из первых, призывавших к восстанию.

«Иркутск, этап в кандалах до Александровского централа; расстрел по дороге нашего юного т. Лихожанова, голод в тюрьме,—все это не убило живучести духа товарища, не убило его творческого таланта. Попрежнему он весел, и свободно льются из-под его пера строки призыва к борьбе, к вольной жизни Республики Советов. 12 сентября мы бежали. Разные дороги были у нас с тов. Ребровым, но к одному месту: на Красный Илим (правый приток р. Ангары), где по слухам были отряды красных партизан. Полуголодное бегство на расстоянии одной тысячи верст, холод, сплошная тайга, отсутствие одежды и прочие лишения не сломили сил т. Реброва, и он вместе с другими уже на лодке с красным флагом прибыл в глубокий тыл партизан—заштатный городишко Илимск».

С присоединением т. Реброва к нашим партизанским отрядам его жизнь проходит на наших глазах, и мы видим, что он, не передохнув от продолжительного и тяжелого пути, пройденного им от Александровского централа, едет в разведку, достает важные сведения, пишет стихи, пишет оперативные сводки в

стихах. Вскоре под напором красных партизан в упорном и кровопролитном бою было взято большое село Усть-Кут—узел телеграфных связей и трактовых дорог, и в этом бою отличается т. Ребров. После прихода регулярных советских войск он возвращается на родину—в Советскую Россию. Но революционный порыв не дает ему покоя. В то время, когда молодая республика истекает кровью, он не может быть безучастным наблюдателем. И как только борзый пес—наемная шляхта — кинулся на республику рабочих и крестьян, т. Ребров поехал в числе первых коммунаров на Западный фронт и там погиб.

(«Боец», № 98, 11 сентября 1920 года.) *Партизан В. Б.*

РЕВЕНКО ** **Яков**—рабочий, украинец, был членом Воронежского Горисполкома; член коллегии Горпродкома, начальник Губмилиции, председатель Чрезвычайной Комиссии в Кременчуге. В конце 1919 г. или в начале 1920 г., занятый партийной подпольной работой, был схвачен и расстрелян белогвардейцами в Екатеринославе. *Врачев.*

РЕЗЕПОВ * **Абдулла Арифулович**—24-ти лет, слушатель академии Генерального Штаба Раб. Кр. Кр. армии, после непродолжительной, но тяжкой болезни скончался в 5 час. утра 10 апреля 1921 года в Варшавском госпитале в Москве. Это был выдающийся по твердости коммунистических взглядов борец, отдававший все свои молодые силы революционной борьбе пролетариата, ярким представителем которого, от татарского пролетариата, он являлся.

Т. Резепов, во время февральского переворота, среди Петроградского восставшего гарнизона принимает горячее участие рядовым солдатом. После июльских неудачных выступлений, он, как участник восстания, был отправлен на фронт для «исправления». На фронте, работая летчиком, во время одного из полетов был сбит и, упав в болото, получил серьезное увечье. В ноябре 1917 г. он возвращается на родину, в Гурьевку, Симбирской губ., где в это время, на Акчуринских суконных фабриках, царило определенно меньшевистское настроение, и т. Резепову, еще больному, с немногочисленными партийными товарищами, пришлось приложить много труда, чтобы закрепить завоевания Октябрьской революции. Во время белогвардейского восстания в г. Корсуне, Симбирской губ., он организует рабочий отряд и во главе этого отряда подавляет Корсунское восстание, после чего работает членом Корсунского Уездного Совета. Затем он становится во главе формирования Красной армии в г. Сызрани, подавляет восстание в г. Кузнецке, Саратовской губ., и выбирается представителем Ревкома Кузнецкого уезда.

Во время движения чехо-словацких эшелонов из Пензы на Сибирь тов. Резепов в должности начальника гарнизона г. Сызрани разоружает чехо-словацкие отряды и, по образовании Восточного фронта, выезжает во главе отряда на Оренбургский участок и командует батальоном против Дутова. Когда первая армия, под давлением чехо-словаков и казаков, начала отступать в Туркестанском направлении, он, будучи начальником арьергарда, упорно удерживая самарский ж.-д. мост, спасает первую армию от окончательного разгрома, за что награждается золотым оружием. Далее, в Туркестане работает по организации Красной армии и назначается командиром Интернационального полка. Во время январского белогвардейского восстания в Ташкенте, будучи назначен высшим Военно-Политическим Советом Оренбургского фронта с командующим войсками со стороны Актюбинска, наносит окончательное поражение восставшим белогвардейцам во главе с Осиповым. После ликвидации Оренбургского фронта и соединения Туркестана с Р. С. Ф. С. Р., возвращается в Казань весной 1919 года и работает в должности комиссара Артиллерийского дивизиона 1-й Приволжской Татарской бригады. Осенью 1919 года Р.-В. С. Р. он назначается помощником военкома Туркестанского Округа. В начале 1920 г. ему поручается формирование 2-й Отдельной Приволжской Татарской бригады, в г. Белебее, где он, в тяжелых условиях, блестяще выполняет возложенную на него задачу. В бытность командиром этой бригады, принимает деятельное участие в подавлении февральского

контр-революционного восстания в пределах Казанской, Самарской и Уфимской губ. По переброске бригады в Саратов, на него возлагается задача подавления Сапожковского восстания на Урале, где он, командуя Новоузенской группой, окончательно ликвидирует таковое.

Революционная работа тов. Резепова, протекавшая в области военного и советского строительства, а также активной военно-революционной борьбы, характеризует его, как воина-коммуниста, обладавшего недюжинной энергией, приходившего на помощь пролетариату в его борьбе в трудные минуты, где его стойкость и кровная связь с пролетарскими массами давала пролетариату победу над его классовыми врагами. Чувство глубокого коммунистического товарищества, твердая решимость, уверенность в окончательной победе пролетариата, проявленные им, заставляют нас глубоко скорбеть об утрате дорогого товарища. Им двигала беззаветная преданность делу: недюжинный человек по своей энергии и способностями, он всегда был то впереди пролетариата, то на высших командных должностях, то в самой гуще масс рядовым борцом, вдохновлявшим личным примером.

Слушатели Академии.

РЕЗНИКОВ—член Центрального Комитета Всероссийского союза рабочих металлистов, пал смертью храбрых в бою с белыми под Славянском в июне 1919 года.

РЕЙЗАХЕР Антон—латыш по происхождению, рабочий, работал для революции в дни самодержавия. Он страстно отдался революционно-классовой работе после февральского переворота, работая в Окружном Бюро Советов Вост. Сибири. Его трудами была организована в августе 1917 г. в г. Иркутске «Военко», т.-е. военная организация большевиков, существовавшая там до перехода власти к Советам. Солдат 12-Сибирского стр. полка в жизни и солдат в революции—такова краткая характеристика тов. А. Рейзахера, смертельно раненого в декабре 1917 г. в Иркутске в бою с монархическими юнкерско-офицерскими бандами. Это случилось во время осады «Белого Дома». Горсточка безумно-храбрых революционеров, рабочих и солдат, добровольно обрекла себя на ужасы 7-дневной осады со стороны монархистов, засев в Белом Доме—бывшей резиденции Иркутского Совдепа. Штаб рабоче-солдатской армии сразу добровольно увел свои силы из Белого Дома, чтобы не тратить бойцов на защиту этого явно-безнадежного дела. Тогда сама рабочая и солдатская масса послала в Белый Дом свой «гарнизон смерти», а в его рядах и т. Рейзахера.

После семи долгих кровавых дней и ночей, не смыкая глаз, в страшном напряжении боя, после бесчисленных атак, после 7 суток голодовки, отсутствия воды и патронов, последовало падение этой величайшей крепости духа рабочего коммунизма Сибири. А через несколько дней в госпитале умер от раны, окруженный заботами и лаской товарищей, А. Рейзахер. (Свед. взяты из книги «Три года борьбы».)

РЕЙСБАУМ—вышел из бедной пролетарской семьи и всю свою жизнь посвятил делу пролетариата. Еще до революции 1917 года он принимал активное участие в профессиональной работе и состоял организатором нескольких пропагандистских групп. В июне 1918 г. он вступает в ряды Росс. Комм. партии. С первых дней своего вступления в партию он посвящает себя работе в Красной армии. В работе его всегда чувствовалась решимость, бодрая, свободная мысль и полное непризнание препятствий на пути поставленных пред ним задач. Когда же пред Советской Россией встает грозная опасность наступления на Питер, он был один из тех, кто горячо, с полной верой в нашу победу, отправился на фронт немедленно. Попав в полк рядовым красноармейцем, он постепенно выдвигается коллективами частей сначала батальонным комиссаром, затем полковым, а впоследствии уже заместителем бригадного комиссара. Его горячая революционная натура на фронте была особенно отмечена красноармейцами. Не один раз приходилось ему бросаться одному на врага, призывая этим дрогнувшие ряды смело и решительно итти вперед. Так, еще незадолго до своей смерти, ему пришлось одному, при помощи командира, занимать деревню и примером своим заста-

вить свой отряд последовать за ним. В краткие минуты отдыха он всегда старался то прочитывать общую лекцию по вопросам партии, программы, то вести краткие общие беседы в части на злободневные вопросы. Так, он на фронте, как и в тылу, не признавал препятствий на своем пути и неустанно продолжал свое дело.

Он погиб в октябре 1919 года. («П. Правда» № 244 от 26 октября 1919 года.)

Рейсбаум погиб при следующих обстоятельствах: все время противник наступал на две деревни, засыпая их своими снарядами. Было решено произвести обход в тыл противника, чтобы обезвредить батареи. Начальником был назначен командир батальона, но тов. Рейсбаум сам захотел командовать отрядом. Он боялся, что, если будет командовать командир батальона, красноармейцы могут в трудную минуту не послушаться его, тем паче, что это было вновь прибывшее пополнение. Комиссар бригады уговаривал его не итти, но Рейсбаум никогда не изменял своего решения и пошел. Прощаясь с некоторыми, он говорил: «Прощайте, я думаю, что больше не увидимся». И больше его никто не видал. Он со своими людьми отправился в тыл противника на 8 верст. Разобрали мост, перерезали провода и стали ждать телефонистов, которые должны были итти на проверку линии. Вскоре появились два телефониста. Рейсбаум выскочил вперед, желая их испугать неожиданностью и взять в плен. Но они побежали и отстреливались. Это было недалеко от заставы, охранявшей батарею. Тогда Рейсбаум закричал: «Ура!» и первый бросился вперед к заставе. Застава смутилась, и даже часть из них оставила один пулемет, но другой пулемет отстреливался. В 10 шагах от заставы тов. Рейсбаум был ранен в грудь, упал, приподнялся, встал, снова скомандовал: «Батальон, вперед!» и был убит пулей в голову. («Б. Правда» № 47 от 25 октября 1919 г.)

РЕККАН.** — См. **Мартынов.**

РЕМТЕР Эрнест Ансович — родился в 1900 г. в семье безземельного крестьянина Курляндской губ., Гольдингенского у., Шрунденской вол. Детство он провел на родине, летом помогая родителям, а зимою учась в 2-классном министерском уч., которое он окончил в 1914 г. Чуткий и наблюдательный, он скоро приобрел симпатию ко всем революционерам и с жадностью читал все попадавшиеся революционные издания, которые сохранились кое у кого еще от 1905 года; также с большим интересом он слушал рассказы о борьбе за освобождение рабочего класса. Уехав в 1911 г. в г. Двинск, я в письмах сообщал ему свои наблюдения над бытом и борьбой рабочих; он относился с большим доверием ко мне и разделял мои взгляды, уже в то время чисто большевистские, хотя и без достаточного теоретического обоснования.

Наступление в Курляндию немцев в 1915 г. заставило его и старшего брата, оставив престарелых родителей на произвол судьбы, покинуть пределы Курляндии. В поисках работы они попадают в г. Луганск на машиностроительный завод Гартмана. Там, в рабочей среде, заложенные в его душе революционные идеи получают основательное подтверждение на практике. Условия работы, тяжелая эксплоатация труда и низкий уровень развития рабочих заставляют его приняться за работу по пропаганде революционных идей и по борьбе за улучшение положения рабочих. Об этом он пишет мне почти в каждом своем письме. Так как латышским языком он лучше владел, чем русским, он сближается с группой латышских соц.-демократов и в средине лета 1917 г. становится активным членом этой группы, ведя в ней борьбу против меньшевизма и за сближение с русскими большевиками. Вскоре Луганская группа латышской С.-Д. Р. П. идет нога в ногу с большевиками.

В апреле 1918 г. к Луганску подступают немцы и гайдамаки. Рабочие не получили 3-месячного жалованья и настроены враждебно против большевиков. Меньшевики пользуются этим и подбивают рабочих не оборонять Луганск и не эвакуировать заводы, а с большевиками расправляться, как с врагами. Город занимается немцами, и брат с двумя своими товарищами, Погул и Эглит, уезжает с последним эшелоном. Остановившись один день у меня в Воронеже, они едут в Самару искать работы. Больше я с ним не встречался.

Побывав в нескольких приволжских и уральских городах, брат останавливается в Златоусте, где вместе с Погулом поступает на Златоустовский завод. 31 июня 1918 г. Златоуст занимается чехо-словаками; несмотря на ряд арестов, особенно среди латышей, брат, еще мало известный в городе, остается на свободе. Работая на заводе, он, т. Погул и ряд других товарищей составляют подпольную большевистскую организацию. В их среде оказывается провокатор, и 18 мая 1919 г. чехо-словацкая контр-разведка сразу арестовывает целую группу товарищей, в том числе в первый же день и брата. За этими арестами идет ряд новых арестов и в конце их насчитывается до 200. Во время тюремного заключения и допросов брат угрюмо печален, мало говорит; не принимает приносимую пищу, считая ее излишней. В прощальных словах просит передать мне его последний привет и его книги; путь, избранный им, считает единственно правильным.

После трехнедельного заключения однажды ночью брата и еще 14 товарищей выводят в лес за тюрьмой и расстреливают. На другой день это становится известным, так как пищу для них больше не принимают. За этим массовым расстрелом следуют единичные расстрелы. За каждым расстрелом следят товарищи, зная могилу каждого расстрелянного. Но власть этих палачей кончается, и они вынуждены оставить город. Уходя, они уводят с собой арестованных, еще оставшихся в живых товарищей, в том числе и т. Погул, который, дойдя до Читы, умирает от сыпного тифа. По приходе красных войск могилы убитых и замученных раскапывают, и трупы всех их торжественно переносятся и хоронятся в городском парке.

В этой братской могиле в городском парке города Златоуста похоронены следующие товарищи: 1. **Ремтер Эрнест Ансович.** 2. **Лепинлаук.** 3. **Стефаный Р. К.** 4. **Лездинь.** 5. **Маслов А.** 6. **Брусов С.** 7. **Позолотин И. В.** 8. **Ягуков М. П.** 9. **Гепп.** 10. **Гелоусов.** 11. **Кляпинин С.** 12. **Гусаров.** 13. **Ляговец.** 14. **Шаропов.** 15. **Петров П.** 16. **Мягков П.** 17. **Теплоухов И. В.** 18. **Иванцев Ф.** 19. **Горбунов.** 20. **Загороднов М. К.** 21. **Сморкалов.** 22. **Киселев.** 23. **Шатров.** 24. **Жуков.** 25. **Тарасов.** 26. **Сажин.** 27. **Иванцев.**

Ремтер.

РЕППО ** Михаил Адольфович—член Боровичевского уездкома, бывший председатель уисполкома, погиб смертью храбрых на подступах к Харькову в ноябре 1919 г. (Сб. «Велик. Красн. Новгород», ст. «Контр-рев. и наши жертвы»).

РЖАВИН Сергей Никитич — молодой коммунист (убит 19 лет), вступил в партию накануне Октябрьской революции. Октябрьская революция застала его на технической работе в конторе «Известий В. Ц. И. К.». В тревожные дни Петрограда в 1918 году, когда немцы заняли Нарву и Псков, т. Ржавин был в боевом отряде питерских рабочих, а потом короткое время работал у себя в деревне в Гдовском уезде. Вернувшись осенью 1918 г. в Петроград, он был мобилизован ячейкой на фронт; на фронте т. Ржавин был секретарем коллектива на одной из батарей шестой дивизии, с которой и проделал поход до Риги. Во время формирования IV Петроградских командных курсов, он был командирован на эти курсы. Во время майско-июньских (1919 г.) операций против Юденича тов. Ржавин в бою за обладание деревней Тяглицы был ранен в обе ноги, и, не желая попасть в плен при отходе наших частей, застрелился.

Искренний, хороший товарищ, вдумчивый и удивительно добросовестный, тов. Ржавин был ценным членом партии, одним из лучших среди партийной молодежи.

Б. Козловский.

РИД Джон — один из основателей коммунистического движения в Соединенных Штатах. Кто знает условия борьбы рабочего класса в Америке, кто знает американских рабочих, кто знает всю силу чудовищной машины буржуазного государства в этой жадной и хищной республике доллара,—тот поймет, какую величину мы потеряли в лице пионера коммунизма. Тов. Джон Рид приехал в Россию за тысячи верст, потому что лучи пролетарской революции добежали и до гигантских городов Желтого Дьявола. Тов. Рид получил боевое крещение

в великие октябрьские дни. Не раз можно было видеть его в Смольном, когда, как пчелы в улье, гудели по его коридорам рабочие, солдаты, матросы, красноармейцы, крестьяне и все содрогалось от гигантского биения пульса великой революции

Здесь тов. Рид написал свою книжку об Октябрьской революции («Десять дней, которые потрясли мир»). И когда он вернулся в Америку, и эта книжка, написанная острым пером, вся проникнутая глубокой любовью к русском пролетариату, появилась на свет,—американские рабочие впервые увидели настоящее лицо Красного Октября. Она была первой страницей коммунистического евангелия для американского пролетариата.

Тов. Рид не ограничивался ролью публициста. Он с головой бросился в борьбу. Его энергия, упорство, настойчивость и его опыт (несмотря на то, что он был еще молод) выдвинули его в первые ряды, и он быстро стал у самого руля коммунистического движения. Правильный коммунистический подход, основанный на русском опыте, сослужил громадную службу движению. Оно стало расти все быстрее и быстрее. И немалую роль в этом сыграл покойный товарищ.

Джон Рид.

Потом он снова пробрался в Россию, пристально изучая то, что происходило у нас. Он делал это не из простого журналистского любопытства. Он, как губка, всасывал в себя русский опыт, чтобы приложить его в Америке.

Уже всем известный, предмет охоты полицейских всех стран, Джон Рид все же решил при первой возможности ехать в Америку. Но его поймала финская полиция. Он изведал все прелести белогвардейского режима. Когда ему удалось выкарабкаться из полицейских когтей, он снова очутился у нас, работал, учился, учил других, вел работу американских товарищей на съезде Коминтерна.

Как член исполкома, он должен был нелегально снова ехать в Америку, несмотря на громадный риск. Но чего не могла сделать белая гвардия, то сделал брюшной тиф. Он свалил этого богатыря, этого здорового, жизнерадостного, полного сил человека. Он убил этого талантливого товарища, который только еще начинал развертываться в крупного и серьезного вождя. («Правда». Октябрь 1920 г.)

Н. Бухарин.

РИФАТОВ — секретарь Татсекции Крымского Областного Комитета Р. К. П. (подпольного), молодой литератор. В апреле 1920 г. при провале Татсекции при подпольном Крымобласткоме Р. К. П. по доносу провокатора-татарина судились военно-полевым судом и были расстреляны в Симферополе 6 человек. Известны имена только трех: **Рифатов, Урманер и Баличев Абдула.**

РОВНЕР П. (Аким) — погиб во время отступления от Одессы в 1919 г., рабочий-металлист гор. Николаева, в соц.-дем. движении участвовал с 1902 года. Арестован в 1903 г. в Николаеве со второй типографией газеты «Наше Дело». Сидел в Николаеве, Ломже, Херсоне, осужден в ссылку на поселение. После амнистии в 1905 г. работал в Николаеве, был арестован в декабре 1905 г., в мае 1906 г. освобожден, после чего работал в Вознесенске, в Херсонском губернском

комитете сельских организаций [1]). В конце 1906 года арестован и выслан в Олонецкую губ., откуда возвратился в апреле 1908 г. По возвращении принимал участие в борьбе с апатией и ликвидаторством, начавшимися в то время развиваться на юге. Был одним из организаторов и членов редакции газеты «Борьба» в Николаеве и членом Николаевского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (б.), в начале 1909 г. был выслан в Вологодскую губ. (Яренск), где был привлечен к ответственности по 124 ст. (за колонию ссыльных). В 1910 году бежал из ссылки в Петроград, где вскоре был арестован. В 1912 году за принадлежность к партии был осужден в ссылку на поселение в Енисейскую губернию, где и пробыл на Ангаре до революции. В мае 1917 года вернулся в Петроград, а после Октябрьской революции переехал в Николаев. В Николаеве Аким принимал живейшее участие в подготовке борьбы с «радовцами» за власть советов, а затем, во время оккупации Украины, работал в нелегальной партийной организации, ведя попутно с этим большую работу по агитации и пропаганде среди австрийских частей, стоявших в Николаеве. После падения Скоропадского и восстановления Советской власти на Украине, продолжал оставаться на партийной работе, был избран в Ц.К.К.П.(б.) Украины. После занятия Николаева и Одессы деникинцами, получив ответственное задание по спасению наших ценностей и выполнив его, пропал без вести в районе Бирзула-Балта, вероятнее всего убит петлюровскими бандами. Тов. Ровнер был одним из лучших коммунистов. Не терпевший позы и рисовки, не любивший высоких постов и громких званий, он всегда стремился на ответственную, но не бросающуюся ярко в глаза работу и выполнял ее с удивительной добросовестностью.

Ровнер был особым типом партийца-профессионала, подчинявшим все свои поступки и действия исключительно партийным интересам, отдававшим в партийную кассу остатки от своих заработков, как отдавал и всю свою жизнь. Еще в тюрьме в 1903 году Аким примкнул к большевикам и остался большевиком, без всяких шатаний, до конца.

Б. Козловский.

РОГАЛЕВ. ** — См. **Холмогоров.**

РОГАЧЕВ Дмитрий. — См. **Подтелков.**

РОДИОНОВ ** — начальник Штаба Казанского Военного Округа, расстрелян учредиловцами в августе 1918 г. («Пути Революции», изд. Татбюро Истпарта).

РОЖАН Семен — пал в боях с белыми в конце сентября 1919 года. («Б. Правда» № 35 от 17 октября 1919 г.).

РОЖАНСКИЙ ** — уполномоченный Дончека. Убит при налете белых на Ростов в феврале 1920 г. («Трудов. Дон.» № 420 от 17/XII 1920 г.).

РОЗЕНБЕРГ М. Л.—2 февраля 1920 г. в 12 час. дня скончался врач Моисей Лазаревич Розенберг. Погиб, как многие товарищи, заразившись в госпитале возвратным тифом. Надломленное беспрерывной военно-санитарной службой с 1914 г., подточенное в предыдущем году тяжелым сыпным тифом (тоже полученным в госпитале) сердце не выдержало и, спустя несколько часов после кризиса, остановилось. Погиб еще молодой (37 лет) честный труженик. («Изв. Укр. Рев. Ком. и Хар. Рев. Сов.» № 38 от 3 февраля 1920 г.)

РОЗЕНФЕЛЬД ** **Исаак** — энергичный партийный работник, во время октябрьского переворота в г. Воронеже работал в Ревкоме, выполняя различные поручения. Погиб на фронте под Киевом во время наступления Деникина.

Врачев.

РОЗЕНШТЕЙН ** **Миша** — один из деятельных руководителей общества для внешкольного образования рабочих «Маяк» в Саратове в 1916 г. Расстрелян белогвардейцами на Северном фронте. («Февраль», изд. Саратовск. Б. Ист., стр. 15.)

РОЗИН * **Фридрих Адамович (Азис)**—умер в начале мая 1919 года в Режицком уезде. Тов. Азис был одним из первых латышских марксистов и одним из

---

[1]) Комитет находился в Одессе и имел секции: Одесскую, Вознесенскую и Елисаветградскую.

основателей С.-Д. Рабочей Партии Латвии. Еще студентом, в начале 90-х годов, он вошел в организовавшийся тогда первый латышский социалистический кружок и примкнул к группе сотрудников первой латышской социалистической газеты под редакцией Рейниса и Стучки «Дегас Лапа». В конце 90-х годов тов. Азис должен был эмигрировать, и он уехал в Англию, а затем в Швейцарию, где прожил несколько лет в Берне. В Берне он редактировал латышский журнал «Социал-Демократ» и занимался научной работой, подготовляясь к своему двухтомному труду: «О латышском крестьянине»—чрезвычайно серьезный труд о весьма запутанных аграрных отношениях в Прибалтийском крае. Когда вспыхнула революция 1905 года, тов. Азис опять в Латвии, где занимает одно из руководящих мест как в литературной, так и в практической партийной работе. С наступлением реакции он попал в руки жандармов и после продолжительного тюремного заключения был сослан в Восточную Сибирь, откуда бежал в Америку. В Америке он возобновил прерванную в Швейцарии редакторскую работу, руководил выходящей в Америке латышской газетой с ярко большевистским направлением. Благодаря его прекрасному знанию иностранных языков, он часто знакомил латышских товарищей с лучшими произведениями иностранной партийной литературы. Между прочим, он, сидя в тюрьме, изучил голландский язык, с которого сделал на латышский несколько переводов: главным образом, он переводил произведения голландского партийного вождя Генриетты Роланд-Гольст.

После Октябрьской революции, когда латышский пролетариат захватил политическую власть в свои руки, тов. Розин—на посту, в Исколате, в роли руководящего внутренней и аграрной политикой Латвии. В феврале 1918 года при наступлении немцев тов. Розин покинул Латвию и переехал в Москву. В Москве он работал в качестве члена президиума В. Ц. И. К. и одновременно был членом коллегии Комиссариата по национальным делам, был действительным членом Социалистической академии.

В лице тов. Азиса пролетариат не только Латвии, но и всей России понес крупную утрату. Он был одним из самых верных, самых честных, самых достойных знаменосцев пролетарской революции.

П. Дауге.

(«Правда» № 100 от 11 мая 1919 г.).

РОЙФМАН Яков. — см. **Барк Поля.**

РОМАНЕНКО ** Вадим Павлович — красный командир. Тов. Романенко революция застала на гимназической скамье г. Саратова. Но в дни Октября он пришел в Исполком и принял активное участие в борьбе со всей сворой собравшихся свергнуть Совет. Видя разгоравшуюся борьбу за власть Советов, этот мальчик-революционер бросил мечту о своем образовании и пошел на курсы красных командиров, работая в то же время энергично в партии. С курсов тов. Романенко отправился на Южный фронт красным командиром, где командовал отрядом. Разбитый в бою и окруженный со всех сторон белыми, его отряд был прижат к реке, оставался один выход: или плен, или... что и сделал герой-мальчик! Не желая позорного плена, он застрелился на глазах у врагов, доказав врагам рабочего класса, как умеют умирать коммунисты.

Вадя Романенко погиб в 1919 году. («Пять лет пролетарской борьбы», г. Саратов.)

РОМАНОВ Иван Романович — родился в 1881 г. Сормовский рабочий (токарь по металлу), бывш. член 2-й Государств. Думы от сормовских рабочих, работал долго в подполье в Сормове и в Москве. После разгона 2-й Государств. Думы, в которой он был членом большевистской части соц.-дем. фракции, т. Романов эмигрировал за границу, где пробыл с 1908 по 1917 г.г. Во время революции возвратился в Россию и работал сперва в Н.-Новгороде, а перед смертью был членом президиума Московского Совета. Он умер, в результате сильного переутомления, от туберкулеза, осложненного воспалением легких, в мае или июне 1919 г., в возрасте, приблизительно, лет 36-ти. Это был истинный пролетарий, развившийся самообразованием, и преданный партийный работник.

Я. Давтян.

РОНЕ **—коммунист, в числе других был отправлен из Новгорода на Восточный фронт, где и пал славно в бою в последних числах августа 1918 г. Он был командующим отряда, действовавшего против г. Мензелинска. Тяжело раненый, попал в руки врагов и еще при жизни обезображен пытками. (Сб. «Великий Красный Новгород», ст. «Контр-рев. и наши жертвы».)

РОШАЛЬ ** **Семен Григорьевич**—родился в январе 1896 года в Петрограде в средней буржуазной семье, имевшей мало общего с революционным движением и по своему психологическому складу скорее являвшейся типично-мещанской. Ребенком он был живым и веселым, полным энергии, и своими хорошим характером и редкой жизненностью, унаследованной от матери, доставлял много радости семье, в которой был любимым сыном и братом. Его первенство в семье сохранилось и на дальнейшее время, и для нас, трех младших братьев, он остался авторитетом, сыгравшим крупную роль в нашей жизни. Десяти лет от роду Семен поступил в 10-ю петербургскую гимназию, в который пробыл шесть лет, до 1912 года. Учился он средне; терпеть не мог латинский язык; увлекался математикой и историей... Врожденное чувство юмора у брата проявилось уже и в ранние гимназические годы. Помню, он собирал нас, детей, во дворе, где мы жили, и с комичными ужимками копировал учителей, классных наставников, директора. Несомненно, ему это удавалось, ибо мы хохотали до упаду.

В 1910 году, когда брат был в четвертом классе, скончалась скоропостижно мать, очень хорошая и добрая женщина. Смерть матери брат перенес с большим горем, и к этому времени в характере его наметился перелом: он вышел из детского возраста, отошел от ребяческих игр, и у него появились новые интересы, новые запросы. На столе в его комнате стали появляться какие-то подозрительные книжки, большей частью в красных обложках, тщательно скрываемые от любопытных взоров не только посторонних, но и отца. Из гимназических товарищей брата постепенно образовался небольшой кружок, если и не совсем революционный, то во всяком случае близкий к революции.

В 1912 году, после ареста жандармами собрания учащейся молодежи в женской гимназии Витмера, Семен вместе с другими был исключен из гимназии, с этого времени он все больше и больше уходит в революционную работу.

Фактически активно брат начал работать в партии большевиков с середины 1914 года. До этого года он склонялся к меньшевизму, но вспыхнувшая война и соглашательская предательская политика меньшевиков заставила брата порвать с ними. Начал он работу в Нарвском районе — в больничной кассе Путиловского завода. Во время войны работал в доме графини Паниной на Обводном канале. В это же время ему удалось, наконец, с большим трудом попасть в Психо-Неврологический Институт, где он работал активно среди студентов. Эта работа опять обращает на него благосклонное внимание полиции: начинаются многочисленные обыски, аресты, которые обыкновенно оканчивались небольшой отсидкой, так как брату удавалось весьма счастливо «замазывать следы». Промежуток времени с середины 1914 года по конец 1915 года был наиболее активным в его подпольной работе: он с головой ушел в партийную жизнь и ей отдавал все свои силы и время... В сентябре 1915 года он был мобилизован и отправлен на Северный фронт. Перед этим ему предлагали скрыться от воинской повинности для продолжения работы в Питере, но брат отказался.

Отпущенный с фронта в отпуск, брат приезжает в Питер, где чуть ли не через неделю после приезда на улице его схватили сыщики и посадили в Кресты: оказывается, его работа на фронте не прошла незаметной. Перед арестом брат виделся с провокатором Черномазовым, который и предал его. Этот арест оказался серьезней всех предыдущих: в Крестах брат просидел с 15-го года до революции. Тюремный режим по отношению к нему был особенно суровым—за работу в войсках ему грозили смертной казнью... Молодой, почти еще не знавший жизни, брат в царском застенке держал себя удивительно бодро: живо интересовался революционным движением, товарищами, забастовками, говорил, что чувствует себя хорошо, что сидеть ему не плохо, много читал и работал... (Свед. взяты

из ст. Григор. Гр. Рошаля, помещ. в журн. «Красная Летопись» № 5 за 1923 г., стр. 313).

В июле 1917 года тов. Рошаль был арестован в Петрограде правительством Керенского вместе с товарищами Троцким, Раскольниковым и др. и заключен в «Кресты», откуда освобожден только октябрьским переворотом. Он тотчас же с головой ушел в кипучую боевую деятельность активного революционера, которая, к сожалению, вскоре трагически оборвалась расстрелом т. Рошаля на Румынском фронте. (Из ст. Раскольникова «Накануне Октябрьской революции», помещ. в журн. «Молодая Гвардия» № 6—7 за 1922 г.)

РОШИНСКИЙ Семен Константинович — член Р. К. П., старший политинспектор Политического Управления Реввоенсовета Республики. Скончался 31 мая 1921 года в Иркутске.

РУАНЕТ.—См. **Фролов.**

РУБИН **—народный комиссар финансов в Екатеринодаре, а затем, с переездом власти в Новороссийск—председатель Ц. И. К. бывшей Кубано-Черноморской республики.

В ноябре 1918 года, когда территория Советской власти сильно сузилась. Центральное Управление и Штаб вместе с командующим находились в Пятигорске. Командующий армией Сорокин, недовольный теми ограничениями власти, которые делались ему со стороны Ц. И. К., задумал сделаться полновластным правителем республики. По его приказу были арестованы председатель Ц. И. К. тов. Рубин и члены **Дунаевский и Крайний.** Через полтора часа после ареста их посадили в автомобиль и по дороге к Машуку расстреляли. Впоследствии Сорокин, бежавший в Ставрополь, был там захвачен и застрелен в камере Ставропольской тюрьмы (понес заслуженное наказание). (Сведения взяты из ст. Е. Лехно «Три эпизода», помещенной в кн. «Путь коммунизма», изд. Кубано-Черномор. Б. Истпарта.)

РУБИНШТЕЙН—пал смертью героя в боях на Коростеньском фронте в марте 1919 г. Тов. Рубинштейн был командиром Советского полка. В первые дни наступления петлюровских банд на Коростень, когда численный перевес был явно на стороне противника, тов. Рубинштейн до последнего момента не покидал своего поста. Дважды раненый, он на глазах наступавшего неприятеля пытался испортить орудие, застрявшее в снегу. Вывезти его не было никакой возможности, но зато оно досталось неприятелю в совершенно испорченном виде. За этот подвиг герой Рубинштейн поплатился жизнью. Когда он собирался сесть на коня, третья пуля в грудь сразила его наповал. Его уцелевший помощник передает, что герой-командир в последнюю минуту успел изорвать имевшиеся при нем казенные деньги и испортить свой револьвер. Тов. Рубинштейну было всего 23 года. Его заслуги перед полком очень велики. Молодой командир внес в среду товарищей-красноармейцев бодрый дух, дисциплину и революционную преданность завоеваниям пролетариата. («Красная Армия» № 6 от 1 апреля 1919 г.)

РУДНЕВ * Николай.—В 1917 г. стоял во главе 30-го (большевистского) полка в Харькове и принимал деятельное участие в октябрьские дни в захвате власти Советами и в организации Красной гвардии. Из Харькова он со своим отрядом выезжал в Белгород, где также помогал переходу власти к Советам. В декабре (13-го) в Харькове стало известно о приближении корниловцев. После отражения нападения под Харьковом и ликвидации восстания чугуевских юнкеров т. Руднев с отрядом красногвардейцев отправляется в Лозовую против гайдамаков. Во второй половине января 1918 г. т. Руднев принимал активное участие в организации Донецко-Криворожской республики и был выбран заместителем наркома по военным делам (т. Рухимовича). Вскоре, при наступлении на Украину немцев, в Донецко-Криворожской республике был выделен чрезвычайный штаб, в состав которого вошли т.т. Руднев, Рухимович и Артем. Криворожский Совнарком сыграл, как орган власти, громадную организующую роль при начавшемся стихийном отступлении с Украины под напором немецких войск. В ночь с 10 на 11 апреля 1918 г. был оставлен Харьков. Под давлением, с одной стороны, калединцев, с другой—немцев дальнейшее отступление советских войск от Харь-

кова на Царицын происходило в крайне неблагоприятной обстановке и сопровождалось почти непрерывным боем. В числе главных руководителей, несших на себе всю тяжесть этого периода отступления, был и т. Руднев. (Свед. взяты из сб. «Октябрьская Революция». Первое пятилетие». Харьковское изд.).

Тов. Руднев погиб в начале февраля 1919 г. во время наступления белых банд Краснова при следующих обстоятельствах. Им была организована Царицынская бригада из 11 полков. При наступлении Краснова эта бригада выступила на фронт и во время боя оказалась обойденной. Были захвачены все орудия. Тогда тов. Руднев, собрав вокруг себя наиболее стойкое ядро, кинулся выручать орудия. В это время он был смертельно ранен. Его доставили в госпиталь, где он через 2 часа скончался.

РУДОВИЧ.—Много, много товарищей погибло от рук польских жандармов во время их властвования в Белоруссии; сотнями расстреливались крестьяне, участвовавшие в партизанских отрядах в тылу польских войск. Фамилии этих крестьян-коммунистов вряд ли кому-либо известны. Я живо вспоминаю след. надпись, прочитанную мною во 2-й камере Минской губерн. тюрьмы в июне 1920 г.:

«Тов. Рудович и с ним 10 товарищей расстреляны приговором военно-полевого суда польских насильников и палачей 20 мая 1920 г. Клянемся отомстить за смерть наших товарищей. Вечная память павшим борцам за дело освобождения белорусских крестьян и рабочих от ига польских панов».

Эта надпись была сделана мозолистой рукой трудового крестьянина. Товарищи геройски приняли смерть с возгласами: «Мы умираем за рабоче-крестьянскую Белоруссию, за социализм, за окончательную победу трудящихся масс во всем мире».

Гр. Лулов.

РУСАКОВ Иван Васильевич. — Тов. Русаков был старым партийным работником. Во время революции 1905 года тов. Русаков, будучи земским врачом в селе Ростокине, принимает живейшее участие в партийной работе, подготовляя активное выступление ростокинских рабочих вместе с Москвой. После этого тов. Русаков попадает в ссылку в Тобольскую губернию. Три года, проведенные в ссылке, нисколько не изменили ни политических убеждений тов. Русакова, ни его личности. Он всегда оставался большевиком. По окончании ссылки тов. Русаков работает в журнале «Общественный Врач» при Пироговском обществе, где ведет линию левого поведения как в составе редакции, так и на Пироговских съездах. Перед октябрем тов. Русаков целиком отдается партийной работе, принимает активное участие в работах Сокольнической районной думы и в подготовке к октябрьскому перевороту. После переворота покойный И. В. работает по организации Советской власти и ведет партийную работу, будучи председателем Сокольнического Совета, членом исполнительной комиссии райкома, членом М. К., членом исполкома и затем членом президиума Московского Совета. Затем тов. Русаков переходит на работу по народному образованию, которой он отдается с любовью, твердя всюду, что без подготовки нового поколения не будут закреплены завоевания Октябрьской революции.

Во время Деникинского выступления тов. Русаков едет на фронт, где ведет борьбу с сыпняком, свирепствовавшим в рядах армии. По возвращении с фронта он снова работает в Моно. Когда вспыхнул Кронштадтский мятеж, тов. Русаков отправился под Кронштадт. Идя вместе с наступавшими в цепи, помогая раненым, тов. Русаков участвовал во взятии Кронштадта, и после взятия был назначен комиссаром Сводного морского госпиталя. По вступлении в должность, во время обхода корпусов, тов. Русаков был предательски убит каким-то белогвардейцем (в марте 1921 года).

РУТТУЛЬ Франц—коммунист Рождественского района г. Петрограда, убит в бою на Лужском участке в 1919 г. («Боевая Правда» № 14 от 23 сентября 1919 года).

РУТЫНЬ**—санитарка, принимала деятельное участие в оказании помощи раненым после боя с калединцами за ст. Зверево (в Донской обл.). Во время перевязки калединцев один раненый пулеметным огнем штабс-капитан, не переставая, ругал перевязывавших его санитарок. «Бросьте вы эту собаку перевязывать, добить его надо, а не перевязывать!» обращаются к санитаркам возмущенные товарищи из отряда, перед глазами которых еще стояли картины зверств этих белых героев. Но тов. Рутынь стала спокойно доказывать им, что пролетарии не могут издеваться над обезоруженными и ранеными, что это злобное и мстительное проявление бессилия рабочему чуждо. Послушали гвардейцы старую партийную работницу и оставили живым тяжело-раненого штабс-капитана.

Тов. Рутынь вскоре погибла в бою под ст. Гуково (в 1918 г.). («Октябрьская револ. Первое пятилетие». Харьков. изд., ст. Кирзняк Силина.)

РЫБАКОВ Николай — убит в бою у деревни Соколок на Петроградском фронте в 1919 г. («Боевая Правда» № 23 от 3 октября 1919 г.).

РЫБАЛКИН** — секретарь ячейки N-го стрелкового полка, погиб смертью храбрых на Ферганском фронте, в бою у хут. Красненького в декабре 1919 года. Еще с начала формирования красной армии тов. Рыбалкин был стойким и честным борцом за идеи коммунизма, ведя неустанную агитацию среди тов. красноармейцев. В бою под Красненьким тов. Рыбалкин, бросившись вперед цепи и подбадривая стрелков, был сражен злодейской пулей в грудь навылет. («Изв. В. Ц. И. К.» № 281 от 14/XII 1919 г.)

Н. И. Рыбацкий.

РЫБАЦКИЙ** **Николай Иванович** — рабочий-поэт. Род. в 1880 г., умер в 1920 г. на фронте от тифа. Сотрудник рабочих газет и журналов с 1904 г. Петроградским пролеткультом изданы книга стихов и посмертный сборник рассказов «На молотах».

РЫБИН** **Иван Степанович** — командир 2-го батальона N-го полка, погиб 6 апреля 1919 г. во время наступления противника на слободу Николаевку, только накануне занятую этим полком. В решительный момент наступления врага тов. Рыбин с криком: «Товарищи, вперед, умрем, но не сдадим позицию!» бросился вперед. В этот момент пуля противника сразила его. Красноармейцы, увидев смерть дорогого товарища, решили отомстить, и все, как один, бросились в штыковую атаку, противник дрогнул и обратился в бегство. Тов. Рыбин был одним из честных и стойких борцов за социализм, в среде красноармейцев он пользовался популярностью и доверием (Сообщено коммунистом N-го полка Буйносовым и Каваленко. «Правда» № 97 от 8 мая 1919 г.).

РЫБИН** **Михаил Егорович**—29 лет, рабочий (прядильщик) из Орехова; в Р. К. П. вступил в 1917 году. Мобилизован партией в 1918 году, служил в транспорте ст. Чугуево. Во время заседания банды Деникина захватили их врасплох; некоторым товарищам удалось скрыться, а товарища Рыбина расстреляли на месте. («Братская Могила».)

РЫБНИКОВ Савелий.—См. **Подтелков.**

РЫЖОВ Василий Иванович—крестьянин дер. Урывкино, Пановской вол. Лаишевского у., ротный командир в Красной армии, погиб в Вятских Полянах в 1918 г.

РЮМИН — поручик.—См. **Хворостин.**

РЮМИН** **С. А.** — комиссар полка 9-й армии, убит в бою под хут. Колодезным (Южн. фронт) 17 октября 1919 г. Последовательный, энергичный и любимый полком, т. Рюмин в минуты опасности всегда находился на самых серьезных местах боя и ободрял красных воинов. («Правда» № 287 от 21 дек. 1919 г.)

РЯБКИН Алексей Федорович—член Р. К. П. Скончался 25 мая 1919 года («Правда» № 114 за 1919 г.).

РЯЗАНОВ—сибиряк, бывший ротный 1-го Сибирского полка. Всегда молчаливый, исполнительный солдат революции. Усталый, измученный тяжелыми боями под Илимским, Шайтанским и Уткинским заводами, он сейчас же приступил к работам по восстановлению работоспособности разбитой своей роты. Он погиб командиром 7-й роты Лысьвенского полка во время наступления на д. Куропатку. Направившись на разведку и будучи окружен неприятелем, тов. Рязанов объявил себя командиром роты противника и поджидал помощи от отставших разведчиков, но последние не подоспели, и он был разоблачен. Ему удалось вырваться от противника. Он начал отстреливаться и бежать, но был ранен. После этого он выстрелом покончил с собою (в нач. декабря 1918 г.).

Алфавитный указатель фамилий, помещенных во втором издании

„Памятника борцам пролетарской революции".

Том II.

К.

	Стран.
Кабаков, И.	5
Кабанов, П.	—
Кабанов, С. А.	—
Каган, Е. С.	—
Каган, М.	—
Каганская, П.	—
Казанджан, Г.	—
Казачков	—
Казберюк	6
Кази, М	—
Какурин, А.	—
Калинин	—
Калинин	—
Калинин	—
Калинин В.	—
Калинин В. П.	7
Калинин, Ф. И.	—
Калинин, Х.	9
Калиновцев, М.	—
Калмыков	—
Калмыков. И.	—
Калнин, О. Ю. (Угис)	—
Калнин, О. Я.	11
Каменко	—
Каменский, В. М.	—
Каминский, Н.	—
Кангейзер, Г. А.	—
Кангун	—
Капельницкий	—
Каплун	—
Капралов	—
Капустас, И.	—
Кар	—
Караев	—
Каранский	12
Карасев, М. В.	—
Карасев, Т.	—
Каравашкин, В.	—
Кардашев, Н. Н.	—
Карпинский	14
Карпов	—
Карпов	—
Карпов, Л. Я.	—
Карпович, И.	16
Карпушин, Г.	16
Карташев	—
Карташева	—
Карчевская-Немчинова, С. Ф. (Зося)	—
Касаткин	—
Катайцев	—
Катовец, В.	—
Катунин, С.	—
Кац	—
Кацелап, Ф. Н.	17
Качуринер	—
Кваш	—
Квашнев, А. Я.	—
Квесис, Ю. К.	18
Кебабчьянц	—
Кениг	—
Кесаев	—
Кеттунен, Ф.	—
Киквидзе	—
Ким	19
Кин, Э.	—
Киппар братья.	—
Кирдиачинский, С. С.	—
Киреев, А. А.	—
Киров, П. А.	—
Кирсанов	—
Кирста, К. А.	—
Киселев.	20
Киселев.	—
Кисловский	—
Клааман	—
Кларк, Б. П.	—
Клейнершехет, И.	—
Клеппер, А.	—
Климанов (Афанасьев), Е. А.	21
Климец	23
Климов, Т. П.	—
Клинг, В. Г.	—
Клингоф	24
Клиоцман.	—
Клишевич, Н. П.	—
Клойзнер	—
Клочьо, В.	25
Клюгер, И. И.	26
Кляпинин, С.	—

	Стран.
Книпович, Л. М. («Дяденька»)	26
Князев	29
Князев, Н.	—
Князевский	—
Кобзенко	—
Кобылянский	—
Ковалев, В. С.	—
Ковальский	30
Ковшев, В. Д.	—
Коганов, М.	31
Когода	—
Козлов	—
Козлов	—
Козловский, В. (Славка)	—
Козловская, Е. Г.	—
Коковихин, М. Н.	—
Колбенов, М. М.	—
Колдин	32
Колейко, С. (Веткин, А.)	—
Колобов	—
Колодочкин, И.	—
Колокольников	33
Коломенцев	—
Колосов	—
Колычев, Т.	—
Кольгоф	—
Кольнер, А. (Азорский)	—
Коляденко	35
Комиссаров, С.	—
Комкин	—
Комлев, А. П.	—
Комраков, И. А.	37
Кондаков	—
Кондер	—
Кондратьев, А. А.	—
Коновалов, А.	—
Коновалов, А.	—
Коновалов, Д.	—
Коновалов, Н.	38
Коновалова	—
Константинов, Гр. И.	—
Константинов, Ив.	—
Константинов, П. К.	—
Копельницкий	39
Копылов, Ник. Ал.	—
Копылов, П. П.	—
Корганов, Гр. Н.	—
Корецков, Мих.	—
Кормилицын, Е. П.	40
Корнев	—
Корнеев, Ст.	—
Корниенко	—
Корнилов	—
Корифельд, И.	—
Коробов	—
Коробов, С.	—
Коровин	—
Королев	41
Королев, В. Я.	—
Коростелев, Н. Ив.	42
Коротков, Ив.	43
Корудин, Дм.	—
Корчной	—
Корытов, И. И. (Совкроденов, В.)	—
Коряков, П.	—
Космовский	—
Кособоков, С.	—
Косов, П.	44
Костенин	—
Костин	—
Костоглодова, Е.	44
Костандян	—
Котов, А. К.	—
Котов, А. Е.	—
Котов, Г. Г.	—
Котюшков	—
Коюдци, Я.	—
Кравцов, И.	—
Кравченко, А. К.	—
Крайний, В. (Шнейдерман, М.)	—
Крайнюков	—
Крап	45
Красильников	—
Красников	—
Краснов, А.	—
Краснощекина, Ида	—
Краснощеков, С.	—
Красный (Гальберштадт)	—
Краузе	—
Крахмалев	—
Крашинский	46
Крезько	—
Крейнес, И. В.	—
Крейсберг, Иосиф	48
Крейсберг, Исаак	—
Кренек, И.	50
Кржевин, И. И.	—
Кривошлыков, М.	—
Кромберг, А. Ф.	—
Кропоткин, П. А.	51
Кропотов, Н. Н.	53
Крузе, А.	54
Круссер, А.	—
Крыжановский, А. А.	—
Крылов	—
Крылов-Соболевский	—
Крюков	—
Крюков, М. В.	—
Крюков, С. И.	55
Кувшинникова, З.	—
Кудрявцев, А. И. (Титов, Г. В.)	—
Кудрявцев, В.	57
Кудрявцев, Н. Ф.	—
Кудрявцев, К.	58
Кудряшов, К.	—
Кузин	—
Кузнецов	—
Кузнецов	—
Кузнецов	—
Кузнецов	—
Кузнецов, А. Н.	—
Кузовкин	—
Кузьмин	—
Кузьмин, А. А.	—
Кузьмин, В. А.	60
Кузьмин, Г. Ф.	—
Кузьмин, М. В.	—
Кузьмин, П. П. (Виктор)	—
Кузьмин, Ф. А.	61
Куйв	—
Кукин	—
Кулаков	—
Кулаков	—
Кулешинский, С.	—
Куликов	—
Куликов, И. П.	—
Кулинченко, Н.	62
Куло	—
Кунда, Л.	—
Кунцов	63

Стран.

Куппар 63
Купще . . . . . —
Кураев . . . . . —
Курбацкий . . . . . —
Кург, Гуго . . . . . —
Куролесов, К. С. . . . . —
Курьев, Е. . . . . —
Кусто, К. А. . . . . —
Кустов, Н. П. . . . . —
Куусинен, Отто Вилли 65
Куценко . . . . . —
Кучин, А. И. (Сурнов) 66
Кыкс . . . . . —

Л.

Лабурб, Жанна 66
Лаврентьев 69
Лагутин . . . . . —
Лагуткин, Леня . . . . . —
Лазарев . . . . . —
Лазимир . . . . . —
Лазо, С. Г. . . . . —
Лайдбури 71
Лангаков, Ин. . . . . —
Ланге . . . . . —
Ланге, И. . . . . —
Ланской . . . . . —
Лапин, Ф. С. (Арцыбашев, В. И.) . . —
Ланицкий . . . . . —
Лаптев Г. . . . . —
Ларичев . . . . . —
Ласис, М. Я. 72
Лаумберг, М. Я. . . . . —
Лаурис, Вилли . . . . . —
Лебедев . . . . . —
Лебедев . . . . . —
Лебедев, И. К. . . . . —
Лебедев, И. П. 73
Лебедев, Н. Н. . . . . —
Лебедева, А. П. 76
Лебедева, З. В. 77
Левашов . . . . . —
Левенсон . . . . . —
Левенталь 78
Левин, В. П. . . . . —
Левицкая, С. Л. . . . . —
Левицкий, К. О. . . . . —
Лездинь 82
Леонидов, Л. И. (Григорьев) . . . —
Леоферов, В. М. . . . . —
Лепети, Ф. Б. . . . . —
Лепин . . . . . —
Лепин, К. (Оксис) . . . . . —
Лепиньлаук . . . . . —
Лескес, М. Г. . . . . —
Летников, И. Г. . . . . —
Летошко 83
Летунов, Ф М. . . . . —
Летягин, Е. . . . . —
Лефевр, Раймонд . . . . . —
Либонелли, А. А. 84
Либерсон, Н. Г. . . . . —
Либкнехт 85
Ливанский, С. П. . . . . —
Ливер . . . . . —
Ливоненко . . . . . —

Стран

Лидускраст 85
Липпер, Леопольд . . . . . —
Линдов 86
Линдхайн, Г. 87
Линквист, Конст. . . . . —
Линов, И. И. . . . . —
Лисинова, Люсик . . . . . —
Листопад, Е. 88
Лихвинцев . . . . . —
Лихтенштадт, В. (Мазин) . . . . . —
Лифатов, А. . . . . —
Лихожанов . . . . . —
Лицецкий . . . . . —
Лобанцев . . . . . —
Лобков, З. . . . . —
Лозинский 89
Лозовский, Л. И. . . . . —
Локтев, А. 90
Ломоносов . . . . . —
Лорберг-Шмидт, Л. И. . . . . —
Лосев . . . . . —
Лотов, Н. Н. . . . . —
Лубоцкий, В. М. (Загорский, Денис) 92
Лугин . . . . . —
Лукин, Ив. . . . . —
Лукин, М. . . . . —
Лукин, М. В. . . . . —
Лунев, М. М. . . . . —
Лунивок, Д. . . . . —
Лунц, М. Г. . . . . —
Лус, К. И. . . . . —
Лутков, А. . . . . —
Лутц, К. П. . . . . —
Лукьянов . . . . . —
Луханин 93
Луцкий, А. Н. . . . . —
Лысаков, П. 94
Лысенко, В. . . . . —
Лыткин, Ф. 95
Львов, В. 96
Львов, Л. Л. . . . . —
Любарская, Д. 97
Любич, М. . . . . —
Любухин, П. . . . . —
Лютвеев, Н. Ф. . . . . —
Ляговец 98
Ляпустин . . . . . —
Лях . . . . . —
Ляятс (Вильман, И.) . . . . . —

М.

Мазин (Лихтенштадт) 98
Мазур . . . . . —
Майзель, Л. (Ирмин) . . . . . —
Майзит, П. . . . . —
Майоров . . . . . —
Макаров . . . . . —
Макаров, Ив. Мих. 99
Макаров, К. 100
Макаровский, М. А. . . . . —
Маков . . . . . —
Максимов, А. . . . . —
Максимовский 101
Макшеев, А. . . . . —
Маленков, Е. . . . . —
Малинецкий, Н. И. . . . . —

	Стран.
Малкоф	101
Малыгин	—
Малых, А. В.	102
Малых, П. П.	—
Малышев (Уткин)	—
Малышев, А.	—
Малышев, И. И.	—
Малышев, И. М.	—
Малышев, И. П. («Сергей»)	104
Малышевы, Г. и Я.	—
Малыщенко	—
Малькевич	—
Мальков	—
Мальков, М.	—
Манкевич, Г. Л.	105
Маркевич	—
Маркелов, П. И.	—
Маркин, Н. Г.	—
Марков	108
Марковский	—
Маркус	—
Марлинский, Б.	—
Мартинсон, А.	—
Мартинсон, П. Т.	—
Мартыненко, К. М.	—
Мартынов	—
Мартынов	—
Мартынов, А.	—
Марховский	—
Масленников, А. А.	—
Маслов, А.	110
Маслов, И.	—
Матвеев	—
Матвеев	—
Матвеев	—
Матвеева, С. Г.	—
Матусевич	111
Матушевский, В. Ф.	—
Матюшин, А.	—
Машанин	112
Машенькин, В. Ф.	—
Медведкин, А. З.	—
Медников	—
Меев, Д. Ф.	—
Межлаук, М. И.	—
Межрауп, М. Б.	113
Мелованов	—
Мельников, В.	—
Мельников, Г.	—
Мельников, Д.	—
Мельников, К.	114
Мельников, Н. С.	—
Мень, М. Я.	—
Меньщиков, М. К.	—
Меокас	115
Мерзлов, А. М.	—
Метакса	116
Мизикевич, П. П.	—
Микеладзе, В. Н.	—
Миллер, А.	117
Миллер, Л. А.	—
Мильк, Б.	—
Минеев, М.	118
Минкевич, Я.	—
Миринтоф, И.	—
Мирошников, В.	—
Митковицер	—
Митрофанов	119
Митрофанов	—
Митрофанов, Н. Г.	—
Митюнов, Е. Д.	119
Михайличенко	120
Михайлов	—
Михайлов	—
Михайлов	—
Михайлов	—
Михайлов, В. М.	—
Михайлов, В. М.	—
Михайлов, Л. Ф.	—
Михайлович, Б.	—
Михайловская, М. (Базарева, В.)	—
Михалев	—
Михальский	—
Мицкевич	—
Мишка	—
Мишне	—
Модестов, С. В.	121
Модин	122
Моисеев	—
Моисеев, А. И.	—
Моисеев, А. С.	—
Мокиевская	124
Мокряк	—
Молитвинов, Т.	—
Молитвослов	—
Молчанов, Н. А.	—
Монн, Ю. Л.	125
Мордовцев	—
Мордовцев, И. И.	—
Мордовцев, К. И.	—
Морев, А.	—
Морозов	—
Морозов	—
Морозов	—
Морозов	—
Морозова, С.	—
Мотовилов	—
Моторин, В.	—
Мотте, А. К.	—
Мочалов	—
Мочалов, Е. В.	—
Мрыхин, К.	126
Музиль, И. И.	—
Мумичев	127
Мунщак	—
Муравьев, Х. Т.	—
Муралов, Р. И.	129
Муранов, А. Н.	—
Муратов, А.	—
Мурзин	—
Мурыгин	—
Мусатов, А. П.	—
Мусатов, С. Ф.	—
Муслимов, С. А.	—
Мухин	130
Мухин	—
Мухин, Ф.	—
Мухортов	132
Мяги	—
Мягков	—
Мясников	—

Н.

Назаров, В. М.	132
Назаров, М. В.	133
Назукин («дядя Ваня»)	—
Найденов	—

Стран.

Нарбут, П. В. 133
Нарчук, В. Н. . . . . —
Натансон, М. А. . . . . —
Наточиев, И. П. 135
Нахамкин, Я. Б. (Никитин) . . . —
Наханович, И. Л. 136
Нахимсон, С. М. 137
Неверов 138
Нейбут, А. . . . . —
Некрасов 139
Немирич . . . . . —
Немич, А. 140
Немич, В. (Гребенюк) . . . . . —
Немич, С. . . . . —
Немич, Т. . . . . —
Непомнящий, И. . . . . —
Неронович . . . . . —
Неррис, В. . . . . —
Несвижский, М. Б. 142
Нефедов 143
Нефедов, А. . . . . —
Нечаев . . . . . —
Нечай-Гайковская, В. А. . . . . —
Нидов 144
Никитин . . . . . —
Никитин, В. . . . . —
Никитич . . . . . —
Никифоров, В. К. . . . . —
Никифорова, М. Е. . . . . —
Никотов («Ваня») . . . . . —
Николаев . . . . . —
Николаева, А. . . . . —
Николаенко, Ф. И. . . . . —
Николашвили 145
Николькевич . . . . . —
Никулин . . . . . —
Новосельский . . . . . —
Нодерман . . . . . —
Ныркин . . . . . —
Нырненко, Ф. . . . . —

О.

Оболенский, В. Е. 145
Оборин . . . . . —
Обух, Н. В. . . . . —
Обыденов, П. П. 146
Овсейчик . . . . . —
Овчинников, М. . . . . —
Огурцов . . . . . —
Одинцов, В. . . . . —
Озол, брат и сестра . . . . . —
Озоль, Артур . . . . . —
Окминский . . . . . —
Оленников, В. С. . . . . —
Олимпиев, Д. . . . . —
Олькеницкий, Г. Ш. . . . . —
Орлов 148
Орлов, А. И. . . . . —
Орлов, И. Г. 149
Орлов, П. М. . . . . —
Осен, А. . . . . —
Осепьян, Сурен . . . . . —
Осокин, И. П. . . . . —
Осташев, В. 150
Островидов, В. А. 151
Островидов, Я. 152

Стран.

Остяков 152
Оуппу . . . . . —
Ошкалис, Эрнст . . . . . —
Ошко, И. 153

П.

Павлов 153
Павлов, Б. . . . . —
Павлов, Д. А. 154
Павлов, М. П. 155
Павлуновский, Н. С. . . . . —
Павлухин . . . . . —
Палей . . . . . —
Пальянов, Е. П. . . . . —
Панасюк, А. 156
Пантелеймонов, В. . . . . —
Паншин . . . . . —
Паньков, Л. Г. . . . . —
Папкевич, Я. Я. 158
Парадовский 161
Паращенко, П. . . . . —
Паргонен . . . . . —
Парм, А. . . . . —
Парский, Д. П. . . . . —
Пархоменко, А. Я. . . . . —
Паршин . . . . . —
Пасторов, В. 162
Пашуканис, С. . . . . —
Пелихов, С. . . . . —
Пенко . . . . . —
Переверзев . . . . . —
Перельмутер . . . . . —
Перельсон, И. Л. . . . . —
Перимов, В. А. 163
Перримонд, И. К. . . . . —
Першин . . . . . —
Песин, Зоя . . . . . —
Петеркоп, М. . . . . —
Петерсон . . . . . —
Петерсон, А. . . . . —
Петляев, М. . . . . —
Петренко, В. . . . . —
Петриченко, А. Г. . . . . —
Петров 164
Петров . . . . . —
Петров, В. В. . . . . —
Петров, В. В. . . . . —
Петров, П. . . . . —
Петров, Я. . . . . —
Петровский, Н. М. 165
Петропавловский, В. . . . . —
Петухов . . . . . —
Печерский . . . . . —
Пещеров . . . . . —
Пик, Г. Н. . . . . —
Пикалов, И. . . . . —
Пильцман, М. . . . . —
Пиник, В. . . . . —
Пионтковский, А. А. 166
Писаревская, С. И. . . . . —
Писаревский, Е. Л. . . . . —
Пищик . . . . . —
Платонов, А. . . . . —
Плетнев, М. О. . . . . —
Плеханов, Г. В. 167
Плехов, С. Г. 169
Плотников . . . . . —
Плумитьян, Я. . . . . —

	Стран.
Плющев	169
Плясунков	—
Побежимов, П. А.	170
Погул	—
Подбельский, В. Н.	—
Подглазов, И. Я.	173
Поддубный	174
Подземельный	—
Подсоломко-Ермолаев	—
Подтелков, Ф.	—
Поздняков	177
Поздняков, А.	—
Поздцов, М.	—
Позин, Р.	—
Познанский	—
Позняков, П.	—
Позолотин, И. В.	—
Покальнис, И. И.	—
Полезный	178
Полетаев, М. М.	179
Поливин, В.	—
Половов, И. Н.	—
Полонский	180
Полторацкий, П. Г.	—
Полукаров	181
Поляк	—
Поляков, А. Л.	—
Поляков, М.	—
Поляков, П.	—
Полякова, Т.	—
Пономарев, Н. И.	—
Попандопуло	182
Попов, А.	—
Попов, А. А.	—
Попов, А. М.	—
Попов, В. И.	—
Попов, Т. И.	183
Попова, А. И.	—
Попруга	—
Посаженникова	—
Поспелов, Н. И.	—
Потехин, Л.	—
Принцев, И. А.	—
Присягин, И.	—
Прищенчик, А. А.	184
Прокопов	—
Прокофьев, М. С.	185
Прокофьев, П. М.	—
Проскуровский, Х.	—
Просмушкин («Исаак Спер»)	—
Просмушкин, М.	—
Протопопов («Демьян»)	186
Протопопов	—
Прошьян, П. П.	—
Прямиков, Н. Н.	—
Пряхин, Е.	187
Пузанов, Б.	—
Пупков	—
Пупков, Г.	—
Путрис	—
Пушкин	188
Пшеницын	—
Пшеничный	—
Пятаков, Л. Л.	—
Пятигорский	189

Р.

	Стран.
Рабинович, В. Н.	189
Рабинович, М.	190
Раглис	—
Раев	—
Разживин	—
Разоренов (Никитин, Г. Н.)	—
Разумова, С.	191
Райбуш	—
Раков, А. С.	—
Раппопорт, Ф. М.	193
Ратнер, И. М.	—
Раудсепп, П.	—
Рахлин, И.	—
Рахья, Ив.	—
Рачицкий, Д. А.	195
Ращенков, В.	—
Ребров-Денисов	—
Ревенко, Я.	196
Резепов, А. А.	—
Резников	197
Рейзахер, А.	—
Рейсбаум	—
Реккан	198
Ремтер, Э. А.	—
Реппо, М. А.	199
Ржавин, С. Н.	—
Рид Джон	—
Рифатов	200
Ровнер, П. (Аким)	—
Рогалев	201
Рогачев, Д.	—
Родионов	—
Рожан, С.	—
Рожанский	—
Розенберг, М. Л.	—
Розенфельд, И.	—
Розенштейн, М.	—
Розин, Ф. А. (Азис)	—
Ройфман, Я.	202
Романенко, В. П.	—
Романов, И. Р.	—
Роне	203
Рошаль, С.	—
Рошинский, С. К.	204
Руанет	—
Рубин	—
Рубинштейн	—
Руднев, Н.	—
Рудович	205
Русаков, И. В.	—
Руттуль, Ф.	—
Рутынь	206
Рыбаков, Н.	—
Рыбалкин	—
Рыбацкий, Н. И.	—
Рыбин, И. С.	—
Рыбин, М. Е.	—
Рыбников, С.	—
Рыжов В. И.	—
Рюмин	—
Рюмин, С. А.	—
Рябкин, А. Ф.	207
Рязанов	—

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)